

РАБИН ДРАНАТ ТАГОР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

**В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ**

*Под редакцией Евг. Быковой,
А. Гнатюка-Данильчука, В. Новиковой*

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1962**

РАБИНДРАНАТ ТАГОР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

СТИХИ

ДРАМЫ

Перевод с бенгальского

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Москва 1962

Редактор переводов
С. Шервинский

Послесловие
В. Новиковой

Примечания
М. Кафитиной

Оформление художника
Н. Крылова

СТИХИ

1881—1896

Из книги
«ВЕЧЕРНИЕ ПЕСНИ»
(«Шонддха шонгит»)

1881

НОЧЬ

О ночь, одинокая ночь!
Под необъятным небом
Сидишь ты и что-то шепчешь.
Глядя в лицо вселенной,
Волосы расплела,
Ласкова и смугла...
Что ты поешь, о ночь?
Снова слышу твой клич.
Но песен твоих доньше
Я не могу постичь.
Дух мой тобой вознесен.
Взоры туманит сон.
И кто-то в глуши души моей
Песню твою поет, о любимая.
Голосом легким твоим
Вместе с тобой поет —

Словно родной твой брат
Заблудился в душе, одиноко,
И тревожно ищет дорог.
Он гимны отчизны твоей поет
И ждет ответа.
И, дождавшись, навстречу идет...
Будто беглые звуки эти
Будят память о ком-то былом,
Будто смеялся он здесь, и плакал,
И звал кого-то в звездный свой дом.
Снова он хочет сюда прийти —
И не может найти пути...

Сколько ласковых полуслов и стыдливых
полуулыбок,

Старых песен и вздохов души,
Сколько нежных надежд и бесед любви,
Сколько звезд, сколько слез в тени,
О ночь, он тебе дарил —
И во тьме твоей схоронил!..
И плывут эти звуки и звезды,
Как миры, обращенные в прах,
В бесконечных твоих морях.
И когда на твоём берегу я сижу одиноко,
Окружают песни и звезды меня,
Жизнь меня обнимает,
И, усмешкой маня,
Уплывает вперед,
И цветет, и блекнет вдали, и зовет...

Ночь, я нынче пришел опять,
Чтобы в очи твои глядеть,
Я хочу для тебя молчать
И хочу для тебя петь.
Там, где прежние песни мои, и мой
потерянный смех,
И мечтаний забытых рой,
Сохрани мои песни, ночь,
И гробницу для них построй.
Ночь, я вновь для тебя пою,
Знаю, ночь, я любовь твою.

Песнь укрой от пристальной злобы,
Схорони в заветном краю...
Будет медленно падать роса,
Будут мерно вздыхать леса.
Тишина, подпершись рукою,
Осторожно придет туда...
Лишь порою, скользнув слезою,
Упадет на гробницу звезда.

ПЕСНЬ БИТВЫ

Со своим строптивым сердцем
Нынче буду я сражаться.
Изнемог я от безделья —
Слишком долгим отдых был.
Со своим безумным сердцем
Буду я бороться ныне.

Сердце дремать устало.
Сердце восстало,
Сердце луну похищает, сердце мир поглощает.
Словно Ра́ху, огромным стало
Сердце — сумрака пасть... Жаждет оно
на солнце напасть...

Смотрит рассвет обескровленный вяло.

Сердце, улыбку утра гоня,
Ночью кромешной полдень объяло.

Сердце замглило облик дня...
Сиянье Аруны поблекло в душе,

Птицы души умолкли уже.

Мои упования, мои мечты

Низвергнуты с высоты.

Все гуще слепая мгла.

Все шире стелются тьмы крыла.

Не слышу я, как птицы поют,

Не вижу я, как цветут цветы.

Умер день. Сумрак лют.

Кругом — крыла темноты...

Не буду я ныне, не буду и впредь,
Мир свой теряя, спокойно сидеть.
Могу ль, как раджа, я, владений лишенный,
Бродить по земле, обращенной в пустыню?
Мир от меня не услышит ни стона —
В сраженье вступаю отныне!

Буду я сражаться с сердцем,
Подступаю я к нему.
За селением селенье
У пустыни отниму.
Снова завоюю
Звезды, солнце и луну я,
Снова миру верну я
Юность его золотую,
Вновь покров садов цветущих
Миру возвращу я.

Отыщу я песни,
Потерянные когда-то,
Мертвым — жизнь подарю я,
Смою сумрак с чела земли,
Сердце — в сердце я поражу,
Мир от страха освобожу.
Сердце в цепи я закую —
Пусть оплатит участь свою.
Израненное мукой, измаянное разлукой,
Станет узником вечным оно,
Мною побеждено,
Волей моей пленено.

Мир затрубит о славе моей, и на свете
станет светлей.
И радость наполнит просторы вселенной,
И солнце будет петь и луна,
И ветер пенье подхватит мгновенно,
И звездная песня будет слышна.
Звуки наполнят вселенную.
И ливень цветов на меня прольется.
Венцом победы украсится лоб —
Мой спокойный лоб полководца.

ПОТЕРЯВШИЙ СЕБЯ

Горе, горе!
Отгорели весенние зори...
Кем была она в сердце моем,
Та, ушедшая вскоре?
На ее челе улыбка цвела,
И улыбка в очах проплывала,
И на ложе девических губ
Улыбка тихо дремала...
И когда погружалась она в забытье,
Девы неба венки плели для нее,
И когда пробуждалась она,
Оживали туманные грезы в глазах,
И надежда, нежна и светла,
В поднебесье парила, раскинув крыла,
Припадала к ногам Луны,
Чтобы вымолить жизни амриту...
Собирала она цветы,
И пила лишь росу,
И, как птица,
Пела в лесу...
Кто она? Где теперь ее дом?
Жила она раньше в сердце моем,
На заре моей пела она,
Пела в сердце, согрета его огнем.
Словно солнечный луч,
Сердце она пронзила,

Мною стала она,
Стала кровью моей и силой.

Но росла темнота вокруг.
И покрылась прахом тропа.
В рошу дикую сердца вошли мы.
Ночь была глуха и слепа...
Песок засыпал глаза ей,
И ветки хлестали тело,
И резко она дышала,
И кожа от пыли темнела.
И ужас взор ее застил.
Глядела она сквозь слезы,
И сердце мое, рыдая,
Разрывалось на части.
И горько сказала она:
— О, как пасмурно тут!
Куда ты привел меня?
Ветви лоб мой секут.
Здесь никогда не жила красота.
Мгла и холод кругом.
Где цветы, рососою омытые?
Где солнце, блещущее огнем?

Зарыдала она
И снова спросила:
— Где цветы, рососою омытые?
Где солнце, блещущее огнем?

А темнота росла,
И тропа от грязи чернела...
И умолкла она.
И ослабело девичье тело...

И вот однажды — не помню когда —
Я окунулся в небытие.
Я потерял ее.

О мой бог — защити и укрой,
Сжался ты надо мной!

Тьмою я окружен — гибель со всех сторон!
Душу мятущуюся успокой!
Как темно. Не видать ни зги... Боже,
сжался и помоги!
Долго ль маяться мне на земле?
Тело мое, насквозь пропылясь, погружается
в непролазную грязь.
Я влачусь в безысходной мгле.
Я потерял самого себя,
Бреду во мраке, плача, скорбя...
Но иногда подруга моя
В сердце мое приходит вдруг
И печально глядит вокруг...

Как на могиле милого — милая,
Тоскую я на могиле своей,
Распростершись во прахе,
Но горе — горше, но тьма — темней...
Словно благоуханье цветка
Витает вокруг цветка неживого,
Как улетевшего счастья улыбка,
Что на губах заплакать готова,
Так входит в сердце мое она,
Плачет — и удаляется снова,
И шепчет:
— Ведь все это было, было.
Где оно, где? Ушло. Забыло...

Я очень долго ее не видал.
Но я ее ждал.
Вновь ищу ее, озираясь, облик ее
воскресить стараясь, —
И не могу, и не могу...
Портрет, который я в сердце берег,
От пыли и темноты поблек,
И милый облик далек...
Не помню, что говорила она,
Какие игры любила она,
И песни забыл — лишь мелодию помню,
А слова исчезли куда-то...

Мечты, с которыми прежде смело
она в поднебесье, ликуя, летела,
Умчались из памяти без возврата.

Но гляну лишь в сердце, ища ее след —
И разом вспомню, что было когда-то —
и чего уже нет.

Из книги

«УТРЕННИЕ ПЕСНИ»

(«Пробхат шонгит»)

1882

ПРОБУЖДЕНИЕ ПОТОКА

Сегодня солнце, встав над облаками,
Проникло в душу жаркими лучами
(Так в склеп порой проникнет птичье пенье),
И после многих дней настало пробужденье.
Настало сердца пробужденье.
Глаза мне слез туманит пелена,
И сердце ширится, и грудь тесна.
И камни рушатся
От содроганья скал,
Вздымается, рыча,
За валом вал,
И волны мечутся, как пойманные звери,
И вырваться хотят, и ищут двери.
Но почему же, словно камень, бог?
И почему со всех сторон
Нагромоздил преграды он?

Препятствия, о сердце, сокруши,
И приоткрой лазейку для души!
Вслед за ударом наноси удары,
Пускай, догнав, волна к волне прильнет...
Когда взволнованное сердце пьяно,
Разгонит ветер пелену тумана.
Когда взметнется пламенем желанье,
Мир сбросит с плеч тяжелый гнет,
Любовь и жалость переполнят душу,
И каменную стену я разрушу
И песней — беспокойною, безумной,
Залью и океан и сушу.
На радугу похожи крылья,
В руках цветов роскошных изобилье.
Бегу, бегу, как будто от погони,
Легко скачу я по вершинам гор,
Звенит от смеха синий кругозор
И хлопают восторженно ладони!
Во мне так много жизни, песен, слов, —
Я переполнен ими до краев.
Сегодня сердце вострепнулось рано,
Почудились напевы океана...
Увы, вокруг меня
Тюрьма, как западня...
Бей в стену, бей, ударами звеня.
Какую песней пробудила птица
Сиянье дня!

ПРАЗДНИЧНОЕ УТРО

Открылось утром сердце ненароком,
И влился мир в него живым потоком.
Недоуменно я следил глазами
За золотыми стрелами-лучами.

Аруны показала колесница,
И утренняя пробудилась птица,
Приветствуя зарю, защебетала,
И все вокруг еще прекрасней стало.

Как брат, мне небо крикнуло: «Приди!»
И я припал, прильнул к его груди.
Я по лучу поднялся к небу, ввысь,
Шедроты солнца в душу пролились.

Возьми меня, о солнечный поток!
Направь ладью Аруны на восток
И в океан безбрежный, голубой
Возьми меня, возьми меня с собой!

БЕСКОНЕЧНАЯ СМЕРТЬ

Миллионы ничтожных смертей
Землю ведут к небесам.
Смерть играет и здесь и там.
Эта земля — смерти пир,
Этот мир — смерти мир.

Все, что мы видим, возможно ли жизнью назвать?
Миг пронесется — и ничего не осталось.
Прошлого мертвое бремя лежит на земле...
Где же конец и начало?
Годы живу я и столько же лет умираю...
Смерть не отпустит меня ни на пядь,
Мы — смерть живая, и в мертвом живем мы доме —
Но не знаем, что смертью назвать!

Жизнь на ладони у смерти — что горстка песка:
Мгновенье существованья, — из-за названья
Стоит ли спорить века!
Смерти и жизни цена равна,
Миг — и, оставив земные печали,
Ринусь в звездные дали.

Чем смерть сильнее, тем и жизнь сильнее,
Крылья расправим шире!
Сколько планет, сколько разных звезд
Двигается в этом мире!

Я поднимусь, и душа будет жить, заслонив
Солнце и месяц от взглядов,
Будут сменяться века, государства и возникать
Новые звезд плеяды.
В день, когда поднимусь, на небесные выйду пути,
В день тот благословенный
Крепкой нитью смерти своей
Соединюсь со вселенной.
Сети набросим на мир,
Сети своих смертей.
Небо запутаем мы
В петлях сетей.
Смерть мы прославим: «Да здравствует смерть!»
Смерти привет.
Смерти у смерти нет!
Дети столетий, мы просим у смерти:
«Смерть, спаси нас от бед!
Ближе придвинься, возьми нас в объятия,
Пусть нас поддержит твоя рука,
Дай материнского нам молока».
Смерть торжествует. В сердце хмельное
Радости луч заглянул.
Кто нас привел в это место святое,
Что означает праздничный гул?
Ты, как ребенок, боишься того,
Кто манит тебя, любя.
Жизнь — это смерть, но не будет и смерти
После тебя!
Так подойди же и обними,
За руку смерть возьми.

ЭХО

О эхо-невидимка!
Люблю тебя.
И никого сильнее не люблю.
Меня ты и волнуешь и смущаешь,
И плачет вина,
Из уст твоих услышав пенье птиц,
Таинственные шорохи лесов,
Шум водопада
И отзвук юных голосов.
Из уст твоих услышав песнь вселенной,
Тебя я полюбил;
Но тщетно я искал тебя по свету
И выбился из сил.

Любовь моя, ты вечно где-то там,
Я слышу лишь,
Как ты, незримая, мелодию стиха
Вполголоса твердишь.
Не хочешь показаться мне? Как знаешь...
Но я прошу тебя смиренно:
«Позволь хоть раз не издали, вблизи
Услышать голос вдохновенный!
Услышать песню гор, лесов, морей,
И грозной бури грохотанье,
Напевы утра, вечера и дня
И шепот спящего сознания!

Услышать голос смерти, жизни гимн,
Шаги весны, и осени, и лета,
И песню солнца, миллионов звезд,
И поступь тьмы и света!»
В какой-то точке во вселенной —
Не знаю только, где, в какой, —
Сольются воедино эти песни,
Чтоб стать одной.
Туда хоть раз позволь прийти мне, эхо:
Хочу, чтоб мир затих,
Хочу, закрыв глаза, внимать напевам
Из уст твоих.

Сижу один и плачу в цветнике,
И плачет вина.
Скажи: «Слезам моим
Не ты ль причина?»
Тихонько напевает ветер —
Он отдыхает в этот вечер.
И вместе с ним поет душа, скорбя
Из-за тебя.
Мигают звезды, притаилось небо,
Молчат деревья, замерла трава...
И все слова, что проникают в душу, —
Твои слова.
Расстались запахи с цветами и плывут,
Куда? Не знают сами...
Подхвачены ветрами,
То тут появятся, то возникают там,
Но не вернуться им к своим цветам.
Так и надежды-призраки в душе,
Блуждая там и тут,
Тебя зовут.
Нет счета дням. Бессонные глаза
Застыли в напряженье:
Порой твое на чьем-нибудь лице
Мелькает отраженье.
Приблизится — и обаянья нет,
Исчезнет, как улыбки горькой след.
Чья это майя? Призрак красоты?
Иль это тень отбрасываешь ты?

Издадека, со всей вселенной песни
Летят в твой сад.
Так мотыльки, обманутые светом,
В огонь спешат.
Напевы мертвые вблизи тебя наполнит
Живая кровь,
И в бестелесных, легких душах песни
Проснутся вновь.
Те песни новые, как утренние грезы,
Прозрачней снов...
Сливается их легкое дыханье
Со вздохами цветов.
Блуждающие песни эти
Где и когда тебя найдут?
Не в том ли облачном саду,
Где призраки воспоминаний бродят?
В пещере ли воздвигнут трон,
Иль там, где спорят свет и тени,
Мелькнет твой образ, тающий, как сон?
На чьем лице искать твои черты,
Среди какой холодной пустоты?..
За морем солнце, мирно догорая,
К востоку обращает взор:
Быть может, отблеск утра сохранился
Там до сих пор.
И эхо ждет... Откуда песнь примчится,
Не все ль равно!
И звезды внемлют, разметав по небу
Волос руно...
В чертогах эхо все, как дым, растает:
И аромат, и звук, и красота.
Великолепный мир и все, что в мире,
Исчезнет, как мечта.
Здесь край твой, эхо, здесь твоя обитель,
Здесь красоты невиданной приют.
Слова мятежные, как тонкой пряжи нити,
Оковы рвут.
К тебе стремясь всю жизнь, до самой смерти,
Найду ли верный путь?
Иль только издали дано мне слушать песни
Урывками и как-нибудь...

Незримая для нас, стоишь среди вселенной,
И флейта у тебя в руках, —
А я ищу тебя, и для меня на свете
Все тлен и прах.
Как вертится земля вокруг солнечного диска,
Вокруг тебя кружусь,
И, очарованный, пленительные песни
Я пропустить боюсь.
Мне красоту твою рисует вдохновенно
Волшебный карандаш.
О, не обманывай, скажи мне правду —
Ты не мираж?
«О где ты, где?» — молил я безнадежно,
Волнуясь и любя.
«Кто знает, где...» — ответ один и тот же
Я слышал от тебя..
Надежда светлая, ужели ты не знаешь
Самой себя?..

Из книги
«КАРТИНЫ И ПЕСНИ»
(«Чхоби о ган»)

1883

О Д Н А

Девушка тихонько идет одна.
Сумерки вокруг, вокруг тишина,
Золото пшеницы густой.
Девушке лицо закат золотит,
Искрами горит в волосах.
Девушка идет, не глядя кругом,
Думает она о чем-то другом,
А в глазах — смятенье и страх.
Запад весь в огне, во мгле золотой,
В пышном угасании дня.
Кто еще видал так много огня, —
Золота в борьбе с багрецом?
Ярко озаряет закат
Девушку с печальным лицом.
У нее встревоженный взгляд.

Видно, заплутала в пути
И бредет в полях наугад,
Не поймет — куда ей идти,
А спросить не смеет она...
Девушка бледна и грустна.
Если кто окликнет вослед, —
Обернется молча в ответ.
На ее большие глаза
За слезою набегае слеза...
Вечером в полях ни души,
И туман в закатной тиши
Зыблется, течет, как река,
Превращая лес в облака...
Ты устала, дорогая, присядь.
Прислонись к плечу моему,
Расскажи мне, — кто твоя мать,
Где твой дом? Скажи, — почему
Ты дрожишь? По чьей же вине
Ты не видишь друга во мне?..

В ДЕРЕВНЕ

В лучах золотых розовеет рассвет.
Дохнул ветерок, и свеж и душист,
Коснулся деревьев едва-едва,
И вот за листом пробуждается лист.
А небо сквозь ветви кокосовых пальм
Синеет все гуще, и солнечный свет
Над крышами хижин, над гладью пруда
Лучится все ярче, и воздух сияньем согрет.
Мальчишки, собравшись возле дверей,
Шумят, затевают возню...
Мне все это сказкой сдается теперь,
Чудесною сказкой, что бережно в сердце храню.
Я в прошлое вглядываюсь по утрам.
В далекую даль, и оттуда ко мне
Видения детства слетаются вдруг,
Меня окружают в сквозной тишине.
В той дали далекой, в глубокой мечте,
Я вижу родную деревню мою,
Там солнце отрадно, хорош ветерок,
А домики те же, — я их узнаю.
Мальчишки толпой окружили качель.
Ушли пастушата в прохладную тень, —
Играют на флейте, танцуют, поют, —
Так и проходит день.
Как будто работа не ждет никого,
Как будто на свете лишь солнце и смех,

Как будто достаточно лишь пожелать,
И тут же сбывается все для всех,
Как будто под ласковым ветерком,
Под утренним солнцем беспечно живут,
Живут безмятежно поля и луга,
Деревня, и роща, и пруд.
Игрушечным царством прекрасных богинь
Я все это явственно вижу вдали.
Блуждаю по берегу милой мечты,
За гранью земли.

Й О Г

Величав и одинок, руки простирает йог,
Глядя на восток.
На закате — лунный рог, море плещется у ног,
Небосвод глубок.

Перед йогом — меркнет мгла, свет исходит от чела,
На лице — покой.
Чуть решается дохнуть на его нагую грудь
Ветерок морской.

Широко простор открыт. Посреди миров стоит
Одинокий йог.
Он огромен и космат, волны робкие дрожат,
Лишь коснутся ног.

Нерушима тишина, мир объят пучиной сна,
Но незаглушим
Голос моря, — он поет, славя солнечный восход
Гулом громовым.

Йог один на берегу. Волны тают на бегу...
И в душе его
Необъятный океан, даль, ушедшая в туман,
За предел всего.

Йог, молчание храня, стережет рождение дня,
Далью окружен.
За его спиною ночь тихо уплывает прочь,
Погружаясь в сон.

Там — небесная река — Ганга мчит сквозь облака
Звездный свой поток.
Там — темнеющий закат, здесь — сиянием объят
Неподвижный йог.

Словно светом божества, озарилась голова
Солнечным огнем.
А на западе, вдали, угасает ночь земли
Пред возникшим днем.

Над бескрайностью зыбей яркой россыпью лучей
Запылал восход.
Тайны величавей нет, чем сияющий рассвет
Над лазурью вод.

Вся морская глубина света теплого полна,
Смотрит на восток, —
Разогнав туман густой, рдеет лотос золотой,
Огненный цветок.

И светлы и горячи, обоймут его лучи
Весь земной предел.
Поднял руку йог-всевед и стихи священных вед
Медленно запел.

ЛЮБОВЬ РАХУ

Говорят, ты не можешь меня полюбить...
Руки и ноги тебе закую,
Цепью железной тебя обовью, —
Не разорвать эту цепь, не разбить.
Сердце твое обрело в сердце моем тюрьму.
Сердце мое из железа, его не сломать никому.
Где б ни была, куда бы ни шла — все равно, —
Ночь или день, зима иль весна, —
Сердце твое в сердце моем заключено,
Ноги — в оковах, душа — не вольна.
Стоит мне только взглянуть, и ты не уйдешь.
Хочешь или не хочешь, зовешь иль не зовешь, —
Мысли мои замкнули тебя в кольцо.
Близко ты или далеко, — я воздух твой, я — вокруг.
Темное горе мое и темное лицо.
Чувствуешь ты, как лютни разбитой звук.
Счастлива ты или жизнь тяжела, как беда, —
Я — твоя тень, второе твое бытие.
То впереди, то позади, но всегда, всегда
Верною тенью твоей — черное тело мое.
Ночью глубокой, с печалью наедине,
Вздрогнешь ты вдруг, увидев меня пред собой,
И, отвернувшись, ты повернешься ко мне,
Встретишь лицом к лицу в стороне любой.
Утром не солнце увидишь — меня, меня, —
Черный высокий призрак застит сиянье дня.

Я — твое наважденье, и я уже столько раз
Видел свое отраженье в слезах испуганных глаз.
Но пред тобой, как нищий, волю даю слезам, —
Милостыни домогаюсь, и плачу я, плачу сам.
Не отступлю, плачу, молю, — слушай меня, молчи.
В уши тебе имя мое нашептываю в ночи.
Тернием под ноги брошусь тебе, шипами вопьюсь в
ступни.
Горечью прошлого отравлю твои грядущие дни.

В бурных волнах тонет ладья.
В этой ладье — лишь ты и я.
Руку твою крепко я сжал. Берег уходит в туман.
Разве тебя я отпущу на волю в океан?
Тело твое все слабей и слабей.
Тонет ладья среди глубоких зыбей.
В вечность, где сумрак нежен и тих,
Канешь в объятьях моих.

Жажды моей не утолить. Ты заболеешь моей тоской.
Мне от тебя мыслей моих не оторвать, не отвлечь.
Темный огонь страсти моей будет тебя мучить и жечь.
Тщетно ты молишь и рвешься прочь, утратившая
покой.

Вижу тебя, только тебя, одну, среди ночи и дня.
Ты поневоле в мыслях своих видишь только меня.
Ты в одиночестве ночном чувствуешь дальний зов.
А на ногах — тягостный гнет невидимых оков.

И на дороге в полночный час ты содрогнешься вдруг,
Слыша мой плач, слыша мой смех, — голос моих мук.
Ночью плутает моя душа, не находя путей.
Плачет, стенает моя душа, — сумрак тесней, тесней.
Вновь я тебя не могу достичь, душит меня тоска.
Разве уймется жажда моя в будущие века?

Я от тебя, как болезнь, как беда,
Не отступлю никогда.
Буду говсюду с тобою тайком.
Я затуманю слезами твой взгляд,
В мысли твои впитаюсь, как яд,

В сердце вопьюсь клинком.
Следом за жизнью — смерть, за надеждой — страх.
Этот закон правит во всех мирах.
Черною ведьмой за днем крадется ночь.
Этот закон — не превозмочь.
Свет нельзя отлучить от темноты.
Вот отчего жаждой горю возле твоей красоты.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Заброшенный, одичавший, старый дом.
На крыше каркает ворон в ночной тиши.
В пробоины стен заглядывает тьма,
И ни души.
В листе священной смоковницы дремлет мрак.
К стене прижался надломленный деодар, —
Безлистый призрак, — он помнит гром грозы
И молнии удар.
Неясным светом озарился дом —
То свет луны, идущей на ущерб.
Шакалы воют посреди двора
На лунный серп.

Да знал ли когда-нибудь одинокий дом
Отраду и покой безмятежных дней?
Видал ли свадебное торжество
В сиянье праздничных огней?
Шумел ли среди этих стен когда-нибудь
Танцующих и поющих шумный круг?
Ребенок, задремавший у окна,
Тянулся ли к луне с материнских рук?
Иль юноши из распахнутых дверей
Не выходили толпою ввечеру,
А братья меньшие и сестры во дворе
Не затевали веселую игру?
Иль радостью здесь не был вседневный труд?

Кто в нижних комнатах жил? Кто — наверху?
Когда сердечно беседовали здесь?
Где улыбнулась несмело невеста жениху?
Где, у какого окна в глухую ночь
Покинутая поникла головой?..

Смоковница под свежим ветерком
Колышется тяжелою листвою,
И в окна медленно плывет напев
Далеких волн Джанхави... В этот час
Ты, старый дом, быть может, вспомнил всех,
Что жили здесь, гостили здесь хоть раз, —
Всех юношей, невест и матерей, —
Их скорбь, их смех, — их всех, до одного.
Где песни, где улыбки, — люди где?..
Все было — и не стало ничего.

И з к н и г и
«ДИЕЗЫ И БЕМОЛИ»
(«Кори о комол»)

1886

ЖИЗНЬ

В этом солнечном мире я не хочу умирать,
Вечно жить бы хотел в этом цветущем лесу,
Там, где люди уходят, чтобы вернуться опять,
Там, где бьются сердца и цветы собирают росу.
Жизнь идет по земле вереницами дней и ночей,
Сменой встреч и разлук, чередою надежд и утрат, —
Если радость и боль вы услышите в песне моей,
Значит, зори бессмертия сад мой в ночи озарят.
Если песня умрет, то, как все, я по жизни пройду —
Безымянною каплей в потоке великой реки;
Буду, словно цветы, я выращивать песни в саду:
Пусть усталые люди заходят в мои цветники,
Пусть срывают цветы, пусть склоняются к ним на ходу,
Чтобы бросить их прочь, когда в пыль опадут лепестки.

К О Н Е Ц В Е С Н Ы

Ушла весна, ушла весна — и песнь не родилась.
Прошла цветения пора. Цветов опавших веера
Вокруг деревьев лежат, светясь.
Ушла весна, ушла весна — и песнь не родилась.

Но разве этою весной не рокотал шмелиный рой,
Жасмин не расцветал в свой час?
Но разве резвый ветерок внезапно изнемог
И, рош не взволновав, угас?
Ушла весна, ушла весна — и песнь не родилась.

Звенело столько птиц вокруг! Но все они умолкли вдруг,
И лес не кончил свой рассказ.
Грустят усталые уста, и ярмарка садов пуста,
И вечер настагает нас.
Ушла весна — и песнь не родилась.

Последний вечер у весны, — и вот глаза мои темны,
Иду к тебе, тоской томясь,
Я без венка на этот раз... Слезами флейта залилась.
И ты не поднимаешь глаз.
Ушла весна — и песнь моя не родилась, не родилась.

ДЫХАНИЕ ПЕСНИ

То ли снова безмолвная флейта заиграла вдали,
То ли шепот бессонного ветра из весенней земли
Мне привет от далекой любимой на мгновенье принес, —
Но сегодня забытые песни зазвучали во мне,
Но сегодня вдоль берега Ганги, наклоняясь к волне,
Распустились бутоны улыбок в обрамлении рос.
Но сегодня забытые мысли разбудила весна,
И забытые чувства, как ветви, зашумели листвою,
Но сегодня в долину забвенья после долгого сна
Восседающая на лотосе возвратилась домой.
Нет тебя... Только шаг твой неслышный голос ночи таит,
Нет тебя... Только теплomu ветру песни любви твои...
Только взгляд твой я всюду встречаю, — где же очи твои?
Только ласку твою ощущаю, — где же губы твои?

ГРУДЬ

Женской души любовь сладостна и нежна,
Ветер расцветшей юности холит ее бессонно.
Словно цветок под солнцем ясного небосклона,
Благоуханьем пленяя, к нам приходит она.
И берега души рушит любви волна,
Плещущей лавой ласки опрокидывая препоны.
Робкое сердце ропщет, услышав влекущий зов —
Клич любви вездесущей манит флейтой певучей.
Сердце выходит на свет, пугаясь своих шагов,
И не смеет идти, ослепленный потупя взгляд...
Песня любви расцветает лепестками сладких созвучий,
Вздымаясь и опускаясь с ликующим сердцем в лад.
На лотос матери Лакшми взор восхищенный кинь,
На женское сердце взгляни — святейшую из святынь.

Истинно: женщины грудь — это полюс святой,
Это холм золотой, добрых богов страна.
Это обитель рая, дарящая свет неземной.
Жизнь человека этим светом озарена.
Новорожденное солнце здесь поутру встает.
Здесь оно ввечеру вкушает тихий покой.
Ночью, когда темнеет неба высокий свод,
Звезды — бога глаза на двух вершинах горят.
Вечной любви родник, щедрого счастья клад —
Бескрайной земли уста к нему неустанно льнут.

Две горы золотые сон вселенной хранят...
Грудь — опора младенца, беззащитного мира приют,
Маленького божка — человека отчизна святая,
Грудь, святыня земная, целует высоты рая.

ПОЦЕЛУЙ

Чутко внемлют уста устам любимым.
Два одержимых сердца друг друга пьют.
Две любви, два желанья, подобны двум пилигримам,
Безоглядно покинули пустынный дом,
К слиянию губ идут они неторным путем.
Две волны, два желанья друг к другу льнут,
Две взметенные страсти жаждут и ждут.
Встреча двух существ — в устах, на границе тела —
Песнь свою любовь начертала тут,
Письмена поцелуя тут напечатлела.
Дом влюбленных сердец теперь не пуст.
Губы сияющие на гирлянды цветов похожи.
О, свиданье светлое алчных уст,
Две улыбки, горящие на брачном ложе!

РУКИ

Кого мечтают обвить эти руки-лианы?
Кому, рыдая, твердят: «Не уходи... постой...»?
Рук рокоchущий зов полон такой тоской!
Как безумен их трепет, безмолвный и безымянный!
Слова и тайны сердец они приносят неожиданно,
Чтоб гибкими письменами телу сказать о них.
Они умящают душу нежностью несказанной,
Шепот их прикосаний так чарующе тих!
Юности светлый венок с себя безропотно скинув,
На тебя надевают руки благоуханный венок,
Руки несут тебе влюбленного сердца корзину
И ставят корзину наземь у твоих запыленных ног.
Пусть оплетут навек тебя лианы любви.
Не прерывай объятья, рук заплетенных не рви.

ПЛЕННЫЙ

Подруга, освободи! Объятыя свои расплети,
Вином своих поцелуев не пой страстотерпца!
Я ветер, в тюрьме цветов рыдающий взаперти, —
Сердце раскрепости, выпусти пленное сердце!
Где небо? Где свет рассвета? Как бесконечна ночь!
Ты распустила волосы — меня ты задушишь ими.
Я погружен в тебя — мне ничем не помочь,
Я вижу только тебя, твое лишь я слышу имя.
Касаются рук моих беспокойные пальцы твои,
Взлетают пальцы твои, сеть для меня сплетая.
На небо вновь и вновь я гляжу в забыты,
Мне улыбкою вечной отвечает луна седая.
Подруга, освободи, внемли смиренным мольбам —
И сердце мое свободное сам я тебе отдам.

ЗАЧЕМ

Зачем влекущая флейта сладостно так поет
И радостно плачет сердце при виде милого облика?
Зачем влюбленная юность трепетно так цветет,
Поймав на губах улыбку, легкую, словно облако?
Зачем сплетению рук жаждет предаться плоть,
К черным глазам душа зачем так светло стремится,
Если язык не в силах немоты побороть,
Если столько усталости в каждой твоей реснице?
Манят светом зачем, коль бездна темна, как ночь?
Ранят душу зачем, день одевая тенью?
Нынче в руки возьмут, а завтра выкинут прочь.
Ради какой награды насылается наважденье?
Зачем так жестока майя, зачем судьба так хитра?
Если это игра — зачем убивает игра?

И Л Л Ю З И Я

Обаяние это приходит на краткий срок,
Узы радостных рук разрывая, уходит оно.
Обаяние это никто б удержать не смог.
Опьянит, ослепит — и покинет. И сердцу темно,
И друг друга узнать в темноте никому не дано.
И в ненастной ночи ты беспомощен и одинок.
Где же губы смеющиеся, красные, словно цветы,
Губы, ищущие поцелуя ликующих уст?
Где расцветшее тело, горящее кровью мечты,
Где же страсть, без которой мир и безмолвен и пуст?
Помнишь ли нетерпенье? Заждавшейся юности взлет?
Эту неутоленность, влекущую вечно вперед?
Это время, обугленное неукротимым огнем?
Ты смеешься над ним? Или плачешь украдкой о нем?

М И Р А Ж

О невеста, очнись после долгого сна,
Пусть земля зазвенит под твоими шагами,
Ведь не вечно ты будешь томиться одна
И в цветах завораживать душу мечтами.
Слышишь, буря грозит из ночной темноты,
Бог огня посылает разящее пламя,
Чтобы пеплом опали пустые мечты
И придуманный мир захлебнулся слезами.
Дай мне руку, и вместе мы к людям уйдем,
В мир, где строят дома для печали и счастья,
Ночь сомнений и боли мы встретим вдвоем
И без страха пройдем сквозь грозу и ненастье.
Исчезает мираж в шуме жизни земной,
Только сердце тоскует: «Останься со мной!»

ЗЕМЛЕ БЕНГАЛЬСКОЙ

Зачем ты смотришь им в глаза, зачем, о мать!
Им не понять тебя, зачем их звать!
Им дела нет до матери родной.
Что дать они тебе хотят? Что могут дать?
Чем, кроме лжи, поделятся с тобой?
Ты им даришь плоды из сада твоего,
Ты хлеб, и золото, и свет им отдаешь,
Даришь легенды, мудрость и богов,
Прохладу рек и зелень берегов,
А что тебе они дают? О, ничего! .
Одну лишь ложь, предательскую ложь!
О мать! Ты боль души на дне души зарой.
О мать! Ты влагу глаз в колодцы глаз укрой,
Ты в пыль склонись полночною порой,
Чтоб сыновей своих не вспоминать.
Смотри во тьму, часы считай в тиши,
Рассвета жди и боль в груди глуши:
У камня нет ни сердца, ни души, —
Зачем же с камнем говорить, о мать?

БЕНГАЛЬЦУ

Петь меня не просите — мне замолчать пора.
Разве песня — забава или фокус лукавый,
Песнь — улыбок базар? Песнь — фигляров игра?
Петь меня не просите — мне замолчать пора.
Песнь — отчаявшегося тоска,
Песнь — упование бедняка,
Боль, кромсающая сердца,
Глубочайшей надежды сестра.
Разве песня — забава или фокус лукавый?
Песнь — улыбок базар? Песнь — фигляров игра?
Мне ль кумиром толпы называться,
Мне ль нанизывать звуки, искать оваций,
Лгать — и гнаться за ложной славой?
Нет — не по нраву мне мишура!
Кто же будет ночами не спать, и работать,
и громко роптать?
Кто от срама избавит мать?
Кто к стопам материнским сложит
Жажду света, счастья, добра?
Разве песня — забава? Фокус лукавый?
Разве песня — ничтожных фигляров игра?

Р. Тагор
(1877)

*Портрет, выполненный братом Р. Тагора
Джотириन्द्रонатхом Тагором*

Из книги
«ОБРАЗ ЛЮБИМОЙ»
(«Маноши»)

1890

ЗАБРЕЛ НЕНАРОКОМ

Кажется, кто-то окликнул меня, —
А я забрел ненароком.
Не прячь лица, на меня погляди
С нежностью или упреком.
Я хочу отыскать в глазах твоих
Тень, отражение дней былых,
Слезы увидеть... Не был же я
Обманут изменчивым роком.
Не разрушай иллюзий моих, —
Забрел я сюда ненароком.

Губы твои, как бутоны, дрожат,
Губы краснее коралла.
Мне вспоминается ночь, когда
Ты цветы собирала.

Медлила утренняя звезда,
Которую ветер ищет всегда,
И безуспешно спорила ночь
С порозовевшим востоком.
Я и забыл, что та ночь прошла, —
Забрел я сюда ненароком.

Я позабыл, как пронзило меня
Твое жестокое слово.
Только увидел тебя вдалеке,
Все позабыл я снова.
Помню одно: улыбку твою,
Робкую нежность в сердце таю,
Биение сердца читаю в глазах,
Быть не могу одиноким.
Все позабыл, что забыла и ты, —
Забрел я сюда ненароком.

Но забывать только нам дано,
Цветы не знают забвенья,
Они распускаются в чаще лесной
Теплой порой цветенья.
Душистый чампак и во мраке ночей
Хранит сиянье лучей,
И бокул в чьих-то густых волосах
Жаждет увясть до срока.
Одни забывают, другие — нет, —
И я забрел ненароком.

Как в одиночестве ночь проведу?
Буду один на рассвете?
Если со мною нет никого,
Кого приласкает ветер?
Флейты поют, и счастливицы поют,
Звонкие песни находят уют
В благоуханье, пьянящем сердца,
Льющемся буйным потоком.
Так неужели, в слезах, никто
Сюда не придет ненароком?

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Конец пришел неизбежный ночной мечте моей.
Цветы в гирляндах увяли, остался лишь груз цепей.
Без робости, холодно, не любя,
Мой взор устремляется на тебя.
Глаза мои равнодушны. Не радуя, не маня,
Нежные лотосы-руки, как путы, вяжут меня.

Улыбка покинула губы, — ее не вернуть опять.
Ты даже и не пытаешься что-то еще скрывать.
И не встревожит сердца вдруг
Знакомого голоса милый звук.
Очей не застелют слезы, — только, оторопев,
Смутимся мы, услышав любимый когда-то напев.

Умчалась весна, которой был мир однажды согрет,
Поэтому помертвели и звезды и лунный свет.
Быть может, цвести не будет сад
И звуки вины не прозвучат?
Придет ли кто-нибудь снова цветов набрать в подол,
Чтоб кто-то потом, напевая, из них гирлянды плел?

Умолкла флейта внезапно, как все, к чему прикоснусь...
И должен теперь влачить я цепей постылый груз.
Те звезды погасли, но горит
Воспоминаний тяжелый стыд.

Окончилось счастье наше, — ты видишь пустой мираж.
Любовь умерла, — когда же забвенью ее предашь?

Ты столько ночей бессонных терзалась в тоске немой.
Ты всматривалась так долго в мрак непроглядный мой.
Нет, скорби не выдержу я твоей!
Пусть лотосов белых ты нежней...
Я прочь ухожу, мертвея. Я в сердце задул огни.
Глаза твои сон смежает. Ну что же, — усни, усни...

НАДЕЖДА ОПУСТОШЕННОГО СЕРДЦА

Душа моя взаперти... Ужели с ума свести
Никто не в силах?
Как камень, сердце мертво. Не радует ничего.
Сумрак холодный в жилах...
Любовь лишь может опять к неведомому умчать,
Весенней реки бурливей.
Ей камня не страшен груз, — я с нею сразу сольюсь
В одном порыве.
Забыв и тоску и страх, запутаюсь, как в сетях, —
В чьих взорах милых?
Душа моя взаперти... Ужели с ума свести
Никто не в силах?

Когда же, скорбь исцеля, помолодеет земля,
Как девушка расцветая?
И чья влюбленность с высот заоблачных снизойдет,
Чья нежность святая?
Услышу в небе когда ж те звуки, что не передашь, —
Таинственное пенье?
Когда же, глаза раскрыв, увижу, как мир красив
В своем обновленьи?
Когда ж невеста-заря, влюбленностью одаря,
Явится золотая?
Когда же, скорбь исцеля, помолодеет земля,
Как девушка, расцветая?

Возможно ли уяснить, где завязалась нить
Существований?

И где распутиться мог мятежной любви цветок —
Во мраке, в глухом бурьяне?

И где возрастать стеблю желаний, что не утолю
И не открою?

Кто звуки песни моей, кто радость минувших дней
Унес с собою?

В туче какой сейчас скрылась луна, таясь,
В каком тумане?

Возможно ли уяснить, где завязалась нить
Существований?

Земля застыла давно, ей, может быть, все равно...
Она в пустоте туманной

Окутана чернотой, — и кажется не землей,
А клеткой огромной, странной.

Пусто, мертво на ней, — нет крыльев, и нет огней,
Ни солнца, ни растений.

Где ветви и где листья? Ни правды, ни красоты,
Ни песнопений.

И жизнь, навек уходя, во тьме плывет, как ладья
В безбрежности океана...

Земля застыла давно, ей, может быть, все равно, —
Она в пустоте туманной.

Весь мир окутал покров тяжелых, дремучих снов
В темнице майи.

Ни сердца, ни ног, ни рук. Молчу, ничего вокруг
Не понимая.

Наглухо вход закрыт. Не демон ли сторожит?
О, я уверен,

Что ключ от этих дверей, который всего нужней, —
Давно потерян.

Но звуки развеют сон, — я музыкой буду спасен,
Лишь ей внимая.

Весь мир окутал покров тяжелых, дремучих снов
В темнице майи.

Движенье женской руки сорвет завесу тоски
И пыли брэнной.

От блеска ее очей сразу станет светлей
Во всей вселенной.
Ее лучезарный смех сверкнет на устах у всех, —
Одна улыбка такая
Воздвигнет чертог, дворец, разбудит жизнь, наконец,
Любовь в сердцах зажигая.
Природа, словно весной, в наряд облачится свой —
Свадебный, несравненный...
Движенье женской руки сорвет завесу тоски
И пыли бренной.

Очей ее полутьма сведет наконец с ума —
Свершится чудо.
Проникнет в сердце она, как музыка и весна,
Неведомо как, откуда...
Польются слезы из глаз, улыбкой счастья искрясь,
Сверкая огнями радуг.
В крови моей оживет весенний водоворот,
Ликующий беспорядок...
Голос ее везде — в шорохе трав, в дожде
И в ветре я слышать буду.
Очей ее полутьма сведет наконец с ума —
Свершится чудо!

ТЩЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Напрасен крик,
Желанье пламенное тленно.

Садится солнце,
Темнеет лес, и слабый свет струится.
Глаза смежив,
Ночь медленно идет за днем ушедшим.
Чуть дует ветерок,
Разлукой утомленный...

В моих руках твоя рука,
В твои глаза гляжу голодным взглядом.
Пытаюсь я тебя найти —
О, где ты?
Где ты?
Где тот божественный нектар,
Что скрыт в тебе?
Как безгранична тайна неба,
Дрожащая в далеких звездах,
В вечернем мраке —
Так в темноте густой твоих очей
Таинственный трепещет свет души.

И потому смотрю я на тебя,
И потому и сердцем и душой я погружаюсь
В бездонные глубины ожиданий.

В твоих глазах,
В улыбке мимолетной,
В речах твоих,
В спокойствии печального лица —
Где мне искать тебя?
Где ты?
Кричит душа.

Напрасен крик!
О ты, мечтатель неумный,
Не для тебя и эта тайна, и радость эта.
С тебя довольно долг той, что получил:
Слова скупые и осколки смеха,
Скользкий взгляд,
И знаки чуть заметные любви...
Ты хочешь больше, хочешь все!
Какая дерзость!
Что ты дашь взамен?
Любовь?
Но разве вечною любовь бывает?

Ты можешь ли заполнить
Пробелы жизни?
Сквозь беспредельный мир
Живых существ,
Сквозь свет и сумрак,
Сквозь Млечные Пути,
Туманности без счета,
Сквозь недоступные восходы
И закаты
Пройдешь ли ты совсем один
Днем вечным, вечной ночью,
Беспомощный и жалкий?
Что может человек придавленный, бессильный,
Голодный, жаждущий, растерянный, ослепший,
Напуганный и угнетенный болью?
Кого он может взять с собой?

Как утолит свой голод человек?
Никто и никому принадлежать не может.
Взлелеянный тайком
В печали, в радости, и днем и ночью,

В богатстве, в бедности,
И в жизни, и в смерти,
Тысячи раз встречая смену года,
Для бога, для земли
Раскрылся многолиственный лотос жизни...
Неужто срежешь ты цветок
Ножом желанья?
Вдыхай сладчайший аромат,
Любуйся красотой, пей нектар,
Люби его — любовь удвоит силы, —
Но не стремись им овладеть.
Нельзя душою человека овладеть.

Умолкли звуки, вечер тих.
Страсть погаси в слезах
И, не спеша, ступай спокойно в дом свой.

РАЗЛУКА ПРИНОСИТ ПОКОЙ...

Что ж, уходи... уходи, — так лучше...

Но почему же смотришь ты
С грустью и с жалобой жгучей?

Я опечален, я омрачен, только и это — призрачный сон.
Слезы струятся, взор туманя...

Ночь молчалива, тени длинные. Тусклые звезды, серп луны.
Горькими были слова прощанья!

Утро скорее бы занялось: реки пролитых во мраке слез
Утром бесследно всегда высыхали...

Сердце смирится и оживет, а суета повседневных забот
Сразу излечит от всех печалей.

Что же мешало тебе обрубить эту последнюю, слабую нить?
Робость, привычка, быть может, жалость?

Немелодично звучал напев... Рядом была ты, уже отлетев,
Но почему-то уйти не решалась.

Медлил и я — не уходил. И у меня не хватало сил:
Сердце страшилось разлуки заране.

Но, оставаясь рядом, вдвоем, ясно я видел везде, во всем,
Что наступило любви умиранье.

Чаша полна, пролилась через край: первая ты
говоришь «прощай».

Что ж, уходи... уходи, — так лучше...

'Любовь разрываешь ты на куски. Сколько в ней было
тревоги, тоски,

Красок, созвучий...

Ты на берег другой уйди, и между нами пускай посреди
Вечно струятся воды забвенья.

Прошлого не призывай опять. Лучше совсем от любви
убежать,

Чтоб не видеть ее разрушенья...

Кто говорит, что забыть нельзя? Смерти для всех
открыта стезя,

И для всего неизбежна граница:

Пламя любое вода зальет, но высыхают и бездны вод,
Буря неистовая прекратится.

Только останется вечный покой смерти всеильной
и всеблагой

И бытия родник животворный.

Все сокрушая — песню и стон, — мчится вперед колесо
времен,

Щедро бросая в грядущее зерна.

Каждый упорно стремится ввысь, чтоб с миллионами
жизней сплестись,

Слиться навек в едином начале.

Что-то исчезнет, а что-то — нет, где-то останется
тайный след

Радости светлой, смутной печали...

Вот мы к разлуке уже подошли, но неизменно вращенье
земли:

Так же наступит весна и осень,

Солнце взойдет и луна заблестит, счастье останется,
боль и стыд.

Будет по-прежнему мир плодоносен.

Рви же скорей паутину сна! Сразу проснешься,
уязвлена, —

Это познания терновник колючий.

Вряд ли меня где-нибудь ждут новые дали, новый приют.
Что ж, уходи... уходи, — так лучше...

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Распустила черные косы-тучи
Непогода, мглой застилая день.
И не в силах солнце рассеять тень,
Даже в полдень сумрачен лес дремучий.

Словно в небе уже никогда не зажжется радуга...
Вспоминается мне сказанье былых времен,
Как однажды в далекий тот Бриндабон
На свиданье пришла потерявшая разум Радхика.

Так же ветер тогда весь день, не смолкая, выл.
Как зарницы, сверкали сквозь струи ливня
Мимолетные взгляды, и так же пугливо
Билось женское сердце под сенью листвы.

Все сильнее сжималось при каждом раскате грома
Безутешное сердце. В разлуке томясь,
Подруга изгнанника, не закрывая глаз,
Следила за тучей, в ней образ ища знакомый.

Лежала дорога безлюдная впереди,
Потоки дождя в ручьи собирались, пенясь,
Доносилось из чаши чье-то протяжное пенье,
Отдаваясь тоской в оцепеневшей груди.

Избранница якши, к себе прижимая вину,
Упала на землю, — сердце от слез зашлось,
Разметалась одежда, сбились пряди жестких волос.
Тот день был таким же темным, таким же длинным...

Таким же был ствол кадамбы, и мерный павлиний пляс,
И берег Джамуны, — в дожди она многоводней, —
Такие же тучи, как те, что нависли сегодня,
Бросали тени разлуки, над рощей клубясь.

И поныне живет в одиноких сердцах Бриндабон.
В полнолуние, в дождливую пору срабона,
Когда сотрясает ветер мокрые ветви с разгона,
В рощах песнь расставаний возникает, как стон.

Голос флейты в ту пору — сметенной души отрада,
И поныне в ненастье мольбы ее слышатся мне.
У излучин Джамуны — в тихой роще любви, в тишине —
В хижине сердца безутешная плачет Радха.

ЖЕЛАНЬЕ

Ветра резкого внезапно налетел порыв,
Тучей сизой на востоке небосвод закрыв.
Не скользят по Ганге лодки. Пыль столбом взвилась.
Те, которые далеко, — где они сейчас?

Листья падают сухие на безлюдный путь.
Лес шуршит, как будто хочет забытье стряхнуть.
Если птица улетела — холодно гнезду...
Где же след ее прозрачный я теперь найду?

Сколько вместе проводили незабвенных дней,
Но молчал я почему-то о любви моей.
Было много слов, улыбок и колючих стрел,
И во всем неуловимо сердца голос пел.

Если б мы сегодня с нею встретились опять —
Я бы все, что скрыто в сердце, смог пересказать.
Окропило бы признание благостным дождем,
Зазвенел бы ветер влажный в голосе моем.

Вдруг слились бы и смешались в миг предгрозовой —
Берег, тучи, лес и воздух, пахнувший травой.
На лицо бы ей упала пелена волос,
А в глазах зажглись бы звезды непролитых слез.

Лишь слова о самом главном — лучшие из слов,
Трепет сердца, что подобен шелесту лесов;
Дух, вместивший мирозданье, — землю, ад и рай,
Песнопенья, где желанья льются через край;

Тень огромная печалей, и разлук, и бед;
Страсти темные, которым утоленья нет;
Все, чего не слышит ухо и не видит взор, —
Словно ветер, ворвалось бы в душный мой затвор.

Как вселенная порою в чей-то мрачный дом
Всеми звездами заглянет в блеске золотом —
Так она могла бы в душу заглянуть мою:
Всех миров тысячелетья я в себе таю.

Там, внизу, забавы, шутки, смех и суета,
Но лазурь души бездонной девственно чиста.
Лишь при свете созерцаешь тайны всех глубин, —
Я теперь во тьме кромешной, я совсем один.

Да, ушла... Я был, казалось, камня холодней, —
Как бездушно, как бесстрастно я простился с ней!
Утаил мечтаний царство, песен волшебство,
Не провел в священный сумрак сердца своего.

Если ж вдруг в безлюдье темном, в холоде, в глуши,
В мраке вечном воцарятся наши две души —
Это будет без улыбок, вздохов и речей,
Но созвездье засверкает четырех очей.

Вдруг усталости не станет, робости, преград —
И от мира к миру души наши полетят, —
Словно две струны живые, будут петь сердца
Гимн победный у престола своего творца.

ВСТРЕЧА СО СМЕРТЬЮ

Вечер. Месяц на переломе, — лунною будет ночь...
В уголке небосвода — бледного диска свеченье.
В этот час, не радуясь и не печалюсь,
На маленькой лодке плыву, качаясь.
Ленивые мысли с собою уносит прочь
Времени вечно живое течение.

Справа рухнувший берег бросает на воду тень,
Слева белый песчаный откос, как полоска тумана,
Едва различимый издали, точно
Растворился он в лунной дымке молочной.
Чуть плещет весенняя Ганга; мелеющей лень
Разогнаться по руслу, в берегах извиваясь лианой.

Веет ветер с востока, с родимой моей стороны,
Словно кто-то мне близкий вздыхает в тоске расставанья,
То ли это луна занялась надо мной,
То ли чье-то лицо, чей-то облик родной.
Полусон, полуявь, мысли реют в тиши, неясны,
Сердце то равнодушно, то вдруг застучит в ликование.

Тени манговой рощи на северный берег легли...
Рощи, пашни, луга, южный берег отвесный, —
Нарисовано будто все это
На холсте из лунного света,
Будто видятся мне очертанья далекой земли
В отраженье на призрачной глади небесной.

Закрываю глаза, и мне видится — лебедь летит,
Направляясь к луне по небесному бездорожью.
Распростер белоснежные крылья широко,
Не спешит он, ему не назначено срока.
Я — на гладкой лебяжьей спине, я лечу, и в пути
Сон меня настигает, со смертью схожий.

День ли, год это длится? Потерян времени счет.
Свету больше нет места, — ночь выставила заслоны.
Покой вокруг меня и молчанье.
Лишь воли замедленных вздох случайный.
Вздывается мерно уснувших вод
Беспокойное темное лоно.

Как светильник без масла, еле мерцает высь,
Вокруг пустота немая. Не дожидаться зари.
Огромная тень поглотила небо,
Дня будто и вовсе не было,
Сникла ночь под тяжестью мрака, что над нею навис,
Отсчитать последние надо часы: один, два, три...

Лунный диск утончается в той глубине глубин,
Вот-вот растворится в ней бесследно.
Как пустые глаза привидений,
На меня смотрят звезды. Волненье
Вод ночных утихает. Из живых я остался один
В этой вымершей, опустошенной вселенной.

Гаснут звезды одна за другой, заблудившись в чаше
Вечной ночи. Уж весь небосвод погас.
Я вглядываюсь напрасно:
Ни проблеска света во тьме безгласной,
Не может в кромешный мрак леденящий —
Владенья смерти — проникнуть глаз.

Обмерзшие крылья лебедя сникли. Без сил,
Вытянув длинную шею, падает камнем птица.
Звук паденья ее, хоть он и шелеста тише,
Биллионы лет во вселенной все будет слышен,
Все будет резать слух. Час наступил
В куски этой ночи ужасной разбиться.

И вдруг предо мною вихрь прожитых жизнью возник:
Вереницы видений и образов, сердцу милых,
Память мне возвращает. Мгновенье,
И опять пустота, забвенье.
Я пытаюсь вернуть этот быстроистекший миг,
Но нагнать его, как ни стараюсь, не в силах.

Я устал, мои члены ноют, оцепенев.
Я придавлен к земле своим собственным каменным весом.
Закричать бы от боли и горя,
Но мрак наступает на горло.
Не хватает дыхания. Бездны разверзнут зев.
Все рушится, скрытое тьмы завесой.

Вытягиваюсь, тонким, как тень, становлюсь
В стремительном беге, подхвачен грозовым шквалом.
Молний быстрые стрелы
Пронзают грудь вечности. Тело
Мое, онемевшее от неодолимых уз,
Сливается с разумом. Нет в этом мраке причала.

Вечность и миг постепенно срослись в одно,
Стерлись времени отчетливые границы.
В каплю жидкости черной
Погружаюсь покорно;
Затянуть она хочет меня на дно,
Эта капля, неба частица.

Мрак сменяется светом вдруг.
Здесь я? Нет меня? Сознание поймано в сеть,
Томится оно в темнице,
Как помочь ему освободиться?
Как будто, свершая свой вечный круг,
Жизнь обрела бесконечность, пройдя сквозь горнило смерти.

Открываю глаза. Та же Ганга течет, ясна,
Свет мерцает в домах над трепещущей рекою.
Та же лодка плывет на запад,
Тот же манговых зарослей запах.
Как лицо дорогое, теплится в небе луна,
И вселенная спящих на теплых коленях покоит.

Беспамятство. Ветер. Тучи. Нет ритма и нет созвучий —
Лишь пляска мертвеца.

Смерть ищет опять чего-то, — она забирает без счета
И без конца.

Сегодня во мгле свинцовой ей надо добычи новой.
И что же? Наугад,

Не чувствуя расстояний, какие-то люди в тумане
К смерти своей летят.

Путь их бесповоротен. Вместились несколько сотен
Людей в ладью.

Цепляется каждый за жизнь свою!

Уже отбиваться трудно. И буря бросает судно:
«Давай! Давай!»

А вспенившееся море гремит, урагану вторя:
«Давай! Давай!»

Со всех сторон обступая, смерть кружится голубая,
От злобы побледнев.

Теперь не сдержатъ напора — и судно рухнет скоро:
Моря ужасен гнев.

Для бури и это шалость! Все спуталось, перемешалось —
И небо и земля...

Но рулевой — у руля.

И люди сквозь мрак и тревогу, сквозь грохот взывают к
к богу:

«О Всеблагой!»

«Смилуйся, о великий!» Несутся мольбы и крики:

«Спаси! Укрой!»

Но звать и молиться поздно! Где ж солнце? Где купол
звездный?

Где счастья благодать?

И лет невозвратных были? И те, кого так любили?

Здесь мачеха, а не мать!

Пучина. Удары грома. Все дико и незнакомо,

Безумье, мгла...

А призракам нет числа.

Не выдержал борт железный, проломано дно, и бездны
Раскрыта пасть.

Здесь царствует не Всевышний! Здесь мертвой природы
хищной

Слепая власть!

Во тьме непроглядной звонко разносится крик ребенка.

Смятенье, дрожь...

А море, словно могила: что не было, или было —

Не разберешь.

Как будто ветер сердитый задул светильники чьи-то...

И в тот же час

Свет радости где-то погас.

Как в хаосе мог безглазом возникнуть свободный разум?

Ведь мертвое вещество,

Бессмысленное начало — не поняло, не осознало

Себя самого.

Откуда ж сердце единство, бестрепетность материнства?

Вот братья обнялись,

Прощаясь, тоскуя, плача... О солнечный луч горячий,

О прошлое, вернись!

Беспомощно и несмело сквозь слезы их заблестела

Надежда вновь:

Светильник зажгла любовь.

Зачем же всегда покорно мы смерти сдаемся черной?

Палач, мертвец,

Чудовище ждет слепое, чтоб все поглотить святое —

Тогда конец.

Но даже и перед смертью, дитя прижимая к сердцу,

Не отступает мать.

Ужели же все напрасно? Нет, злобная смерть не властна

Дитя у нее отнять!

Здесь — бездна и волн лавина, там — мать, защищая сына,

Стоит одна.

Кому же отнять его власть дана?

Ее бесконечна сила: ребенка загородила,

Прикрыв собой.

Но в царстве смерти — откуда любви подобное чудо

И свет такой?

В ней жизни бессмертной зерна, источник чудотворный

Неисчислимых щедрот.

К кому прикоснется эта волна тепла и света,
Тот матерь обретет.
О, что ей весь ад восставший, любовью смерть поправшей,
И грозный шквал!
Но кто ей такую любовь даровал?

Любовь и жестокость мести всегда существуют вместе, —
Сплелись, борясь.
Надежды, страхи, тревоги в одном обитают чертоге:
Повсюду связь.
И все, веселясь и плача, решают одну задачу:
Где истина, где ложь?
Природа разит с размаху, но в сердце не будет страха,
Когда к любви придешь.
А если чередованье расцвета и увяданья,
Побед, оков —
Лишь спор бесконечный двух богов?

С Л О В О Ж Е Н Ш И Н Ы

Споры напрасны, оставим их;
Причину слез ты постичь не смог,
Где мне слова для нее найти?

Я больше не плачу, любимый, прости.
Слезы — это ведь не упрек.

Скажи, разве, ноги твои обняв,
Я умоляла смотреть на меня,
Нежно касаться моих волос,
приходить, уходить, тосковать до слез
И вновь возвращаться день изо дня?

Для чего глаза твои страстью зажглись
В первую, лунную ночь весны,
Если позже, срок спустя небольшой,
с печальной улыбкой, с усталой душой,
Мы предлог для разлуки искать должны?

Как быть? Я стала ручным зверьком,
Надежны цепей золотые звенья...
О, если бы я объяснить смогла,
что, после того как любовь умерла,
Шутливые ласки твои — оскорбленье.

Помнишь ли день начала любви,
Тот самый первый, самый отрадней, —
Осень еще прозрачной была,
 сеть облаков над землей плыла,
Солнце ласково грело, ветер веял прохладно,

В лесах еще шефали цвели,
Но начали падать с ветвей лепестки,
Ганга плескалась священной водой,
 и бережно кутал туман густой
Роши на том берегу реки.

О, ты не просто смотрел на меня,
Душа трепетала, любви не тая,
Струился в глубинах твоих очей
 печали и радости чистый ручей, —
Ты не помнишь, но помню я.

Еще недавно в любой толпе
Меня легко находил твой взор,
Ты мир забывал для встречи одной
 и, словно привязанный, шел за мной
Подчас рассудку наперекор.

Тогда мы знавали волненье встреч
Даже после коротких, невольных разлук,
Тогда ты мог в середине дня,
 все оставив, прийти смотреть на меня
И во взоре улавливать сердца стук.

Тогда, если нечего было сказать,
Ты подходил и стоял без слов,
А порой о чем-нибудь спрашивал ты,
 а порой приносил, смущаясь, цветы,
И всегда был слушать меня готов...

Теперь ты глядишь и не видишь меня,
Не слышишь слов, обращенных к тебе.
Я днем для того лишь в мечтах живу,
 чтоб вечером ты подошел наяву,
Но ты мимо идешь по случайной тропе.

Светильник бросает длинные тени,
Сходятся все на закате дня...
А ты прикоснешься рукой к руке
или сядешь где-нибудь вдалеке, —
Как знать? Все зависит не от меня.

Теперь ты находишь тысячу дел,
Ты в мыслях давно от меня далек, —
Была вселенная мне тесна,
а ныне я занимать должна
В душе твоей маленький уголок.

Душу и тело мои приняв,
Ты сердце мне отдал. По чьей вине
Нет его? Руки мои пусты,
а ласки, которые даришь ты, —
Тоску и сомненья будят во мне.

Той, кому обещал любовь,
Когда расцветала вокруг весна,
Теперь лишь изредка ты готов
как милость бросить несколько слов.
Теперь я всегда одна.

Нечисто прикосновение рук,
Если душа не горит в огне,
А ты, когда трепет сердца утих,
решил, что улыбок сладких твоих
И без любви достаточно мне.

Это не так, — ты меня посвятил
В то, чего многим познать не дано,
Помнить я буду, пока жива,
взгляды, улыбки твои и слова, —
Все, чем сердце полно, если любит оно.

Былая любовь показала мне,
Что стоит нынешняя любовь.
Улыбки не те и слова не те,
ты уже не дивишься моей красоте,
Мы не так расстаемся и встречаемся вновь.

Я потому и плачу теперь,
Что причину слез ты постичь не смог,
Как мне слова для нее найти?
Я больше не плачу, любимый, прости.
Слезы — это ведь не упрек...

С Л О В О М У Ж Ч И Н Ы

Когда я впервые увидел мир,
Было время юности и улыбок,
Пошел я по первой же из дорог,
я глаз оторвать от любимой не мог.
И себя не умел беречь от ошибок.

Ласкала утренняя заря
Лица пришедших к ней на свиданье.
Все было просто — ни ты, ни я
еще не успели познать ни себя,
Ни многогранности мирозданья.

Ни слез, ни сомненья, ни пресыщенья,
Ни усталости той, что всему конец.
Мы не знали, что тьмой сменяется день,
Что прелесть юной любви — лишь тень
И бесчисленны козни сердец.

Те, с кем глазами встречался я,
В миг становились прекрасней вдвойне.
Твердо решив, что влюбленность — любовь,
сердцем тянулся я вновь и вновь
Ко всем, кто тянулся ко мне.

Это было похоже на брачную ночь
Природы, всегда молодой и страстной.
Как цветы, что всегда ярки и свежи,
 как песня птицы в лесной глуши,
Вселенная притворялась прекрасной.

Утро юности трелями певчих птиц
И дыханьем цветов встречало рассвет,
Мне подумалось: сердце не смолкнет вечно,
 оно всеобъемлюще бесконечно,
А любовь — это жизнь, ей предела нет.

Я был потрясен открытием своим,
И в душу твою заронил тревогу,
Когда с чашею, полной амриты чистой,
 мерцая короной своей лучистой,
Явился, подобный юному богу.

Полное листьев, цветов и звезд,
Небо ласкало землю тогда,
Памятен сердцу лик красоты, —
 в центре вселенной стояла ты,
Глаза опустив и сомкнув уста.

Полон загадочных звуков мир,
Бесчисленны тайны, хранимые им.
Казалось, ты будешь цвести в веках,
 как лотос волшебный о ста лепестках;
Я был опьянен ароматом твоим.

В ночь полнолуния, словно чакора,
Летающая ввысь с мечтой об одном —
Долететь до небес и, не зная запрета,
 проклевать покрывало лунного света,
Овеянное молчаньем и сном, —

Душа рвалась, одолев смущенье,
Туда, где могла появиться ты;
Она не могла не видеть тебя,
 стремясь познать и принять, любя,
Сладость таинственной красоты.

Это и было началом любви.
Еще не имевшей именованья.
Сердце замкнул неизбежный круг —
первые взгляды, касанья рук
И осторожное душ узнаванье.

Все было ново и неизведанно,
Путь отыскав иной, чем у всех,
А может быть, и совсем без дороги,
меня несли непослушные ноги
Туда, где слезы, туда, где смех.

Но ненасытным желаньем палимый
В царстве любви, не знающей пут,
Я всем овладеть хотел без разбора,
беря и бросая, забыл я скоро
Что сохранить, что оставить тут.

Но исподволь мной овладела лень, —
Там, где тени листвы на траву легли,
Я остался срывать лепестки цветов,
разбивать зеркальный покой прудов
И даже играть в пыли.

Тогда-то ко мне и подкралась ночь, —
Сердце сковал усталости яд.
Что же случилось? Откуда беда?
Темень и ветер, ропщет вода,
Печально чаши шумят.

Неужели минувшее лишь мираж,
Неужели не было ничего?
Или с надеждою и тревогой
я помышлял получить так много,
Что наказан потерей всего?

Близ рощи счастья лежу один,
Страдаю, значит душа жива.
Правда открылась в урочный срок, —
и ныне валяется возле ног
Осколок разбитого божества.

Я быстро от игр с ним устаю,
Порою, чтоб встать, не хватает сил...
Давно онемела флейта моя,
 давно разучился смеяться я,
Давно недуг мой взор погасил.

Зачем воплотилась ты в плоть и кровь,
Зачем не осталась в мире мечты?
Давно пересохли морские глубины,
 от леса волшебного нет и помина,
Ни тени нет теперь, ни воды.

Я считал твое сердце царством мечты
И вошел в него, тайну раскрыть спеша, —
Но все здесь обычно: и день, и ночь,
 и голод, и жажда, и даже прочь
Желаньем гонимая птица-душа.

Мы прямо смотреть друг на друга могли,
Я верил, что наша близость — залог
Слиянья с миром и полноты;
 о том же, знаю, мечтала ты,
Опускаясь впервые на мой порог.

Кто знал, что среди богатств красоты
Желанье должно умирать без пищи? —
Голодные просят о хлебе всюду,
 но где ж я просить подаянья буду,
Если богини на лотосах нищи?

Все, что внутри меня и вокруг,
Отдать тебе ныне не властен я, —
Тот мир, который был создан мной,
 вчера был полон тобой одной, —
Теперь он прекрасен и без тебя.

Но я жив, и порой от ласк ветерка,
А порой от прохладного света луны,
Из недоступного, из темноты
 сердцу является лик красоты,
Полный радости и тишины.

С прежней улыбкой, с юной душой,
Я навстречу тебе иду,
Но ты холодна, но ты не моя,
 упреки и слезы встречаю я,
Печаль омрачает твою красоту.

Того поклоненья, что грезилось встарь,
Не жди, не проси, — его нет наяву...
Не плачь, мы в углу своем проживем,
 горе и радость примем вдвоем, —
Но свежих гирлянд не сошьем божеству.

Рабиндранат Тагор
со своим другом Локендронатхом Палитом
(1880)

В ПУСТОМ ДОМЕ

Кто ты, даровавший человеку нежность
И влюбленность в чьи-то милые черты?
Кто ты, захотевший,
Чтоб в разлуке я рыдал, осиротевший?
Почему же с плачущими сам не плачешь ты?

Можешь дать просящему и все же не даешь...
Или у тебя иссякла жалость?
Вот ребенок молит мать
Что-то невозможное достать, —
Неужели сердце матери от слез его не сжалось?

Там, где разрывается душа,
Там, где гложет червь тоски неутомонный,
Где беспомощен, нетверд,
Человек во прахе распростерт —
О зачем и там твои железные законы?

Почему и там твой мир всегда молчит?
О безрадостность сомнений, колебаний...
Не прорвав таинственных завес,
Почему опять исчез
Лик любви в густом тумане?

Почему не вымолвит Земля:
«Я — не прях! Во всех тысячелетях
Вечная душа моя живет.

Материнских полная забот,
Я, как мать, всегда скорблю о детях.

Ты не пасынок, не сирота,
Не подкидыш в мире этом.
Во вселенной всюду связь —
Боль твоя уже передалась
Всем мирам далеким и планетам».

На земле — любимой больше нет...
Разве мало этого, владыка?
Мир многообразен твой,
Но еще когда-нибудь такой
Ты увидишь ли отчаянья и горя шквал великий?

Солнце светит, — где ж ее улыбка?
Видим, как луна плывет, скользя, —
Где же сребролунная? Не знаем...
Дом безлюден, пуст, необитаем.
Жизнь осталась, — только жить нельзя.

Если бы не видел я очей и смуглых рук
И ее улыбки несравненной —
Жизнь была бы горькой, как полынь,
А земля — бесплодней всех пустынь...
Разве это ничего не значит во вселенной?

Или вечного молчанья не прервут
Наши человеческие стоны?
Мы совсем изнемогли, скорбя...
Неужели это не смутит тебя
И твои железные законы?

УСТАЛОСТЬ

Почь. Полнолуние. Ветра нежная легкокрылость.
Неба светлы края.
Если б, как сонные очи, медленно вдруг закрылась
Усталая жизнь моя!

Яркой луне навстречу в сумраке розоватом
Два раскрыты окна.
Стрелки часов не дремлют... Ганга течет куда-то
В темных объятьях сна.

Лодочник о Бриндабоне поет, погруженный в мысли,—
Сердце его зажглось,
Вспомнив о жизни вечной, и на ресницах повисли
Капли внезапных слез...

Сон увлекает душу в бездну, где ночь слепая
Черной зальет волной, —
Так же от ветра гаснут светильники, утопая
В Ганге, во тьме ночной...

РАССТАВАНИЕ

Печаль в очах моих. Заката рдеет алость.
Сплетенья облаков спокойны и чисты...
Она, задумавшись, куда-то удалялась, —
И стали зримыми прекрасные черты.

Земля стопам ее была опорой верной,
А ветер каждый вздох подхватывал, кружась.
Она смотрела ввысь, и неба свет вечерний
Стремился завладеть вниманьем нежных глаз.

Она вмещала все: и синевы бездонность,
И тени облаков, и золото лучей,
И даже путника внезапная влюбленность,
Витая в воздухе, передавалась ей.

Оцепеневшие вокруг простерлись нивы,
Теснились вдалеке зубчатые леса,
У белых отмелей блестели вод извивы,
И огненной зари зардела полоса.

День угасающий тогда развеял тени.
Как будто в золоте бесчисленных зеркал,
В нем ярко вспыхнуло Прекрасной отраженьё —
И дня прощальный взор победно засверкал.

**Но солнце кануло, и медленно спускалась
Завеса плотная на реки и поля.
Нет больше никого... Сгустился черный хаос.
В слепом беспомоществе и небо и земля.**

МОЛОДАЯ ЖЕНА

Завечерело уже... «Ступай за водой скорее!»
Кто-то, рукой маня, строго окликнул меня.
Но где, скажите, вода и дерева тень над нею?
Как плотину и гхат в потемках найти сумею?
Мыслями я сейчас так далеко унеслась...
Но кто-то позвал меня: «Ступай за водой скорее!»

С кувшином, бывало, спускалась с кручи:
Слева — колосья нив дремали, во мгле застыв,
Справа — рощи баньяновой сучья.
В темной глади пруда поблескивала звезда...
Во тьме берега и лес дремучий.
Вода светла и тепла, — и я по реке плыла,
Кукушки слушая зов певучий.
Когда возвращалась домой, я видела над собой
Луну, выплывающую из тучи.

А утром надо взглянуть непременно
На ветви, проросшие сквозь стену.
Осенью травы все поблескивают в росе
И олеандры, белы, как пена,
Цветут у самой стены, зеленью окружены.
Вьются лианы. На мир несравненный
Смотрела я, притаясь. Помнится, как-то раз
Цветок упал ко мне на колена...

Сёла, поля в просторе окрестном
Сливались с лазурным сводом небесным.
Рядом лесок распростер ветвей зеленый шатер,
Деревья стояли строем тесным.
Воды блестели вдали. Вот пастухи пришли,
Сели на берегу отвесном.
Тропа убегала — куда? Мне не узнать никогда:
К далям невиданным, неизвестным.

Ах, эта каменная столица!
Холодны и крепки пальцев ее тиски.
Здесь в мечтах уже не забыться...
Где родные поля и ласковая земля?
Прохлады лесов, поляны, птицы?
Люди, в чем-то вина, обступают меня,
И хмурятся злобно лица...
Стоны от стен и оград обратно ко мне летят,
И скорби моей в слезах не излиться.

Я безутешно грущу, рыдаю,
Но все удивляются, не понимая:
«Если скучает она — это ее вина.
Что ж, деревенская, не городская...
Столько друзей, родных, но она и не смотрит на них,
Сядет в углу или где-то с краю...»

Видят лицо, волосы, плечи, —
Судят, друг другу противореча.
А я одна стою: «Купите гирлянду мою!»
Взглянут, если идут навстречу...
Тропой одинокой своей брожу я среди людей.
Даже не знаю сама — как скоротать мне вечер?
Без радости, без любви, люди, как муравьи,
Ползают между своих кирпичных жилищ человеческих.

Я к тебе обращаюсь, к маме, —
Сколькими нас разделило стенами!
Когда же луны полукруг все озарит вокруг —
Сказку, словно нет ничего между нами,
Мне расскажи опять, чтобы ночь скоротать.

Ты, я знаю, не спишь ночами...
А утром, собрав цветы, за дочь несчастную ты
Пойдешь помолиться в храме.

Здесь тоже луна всплывает все выше.
Призрачный лунный свет ищет везде мой след, —
К двери подходит, шарит в нише,
Словно мои стенанья слыша.
Мне все равно теперь — и я раскрываю дверь!
Дома ночного нарушив затишье,
Нарушила я закон, — укоры со всех сторон
Домятся в окна, стучат по крыше!

Никто не даст любви. Сорван цветок в расцвете.
Запомнились навсегда темные воды пруда...
Я знаю — легко разрываются сети.
Броситься в мрак и в муть и там наконец уснуть...
И пусть тогда кричат слова постылые эти:
«Завечерело. Эй! Ступай за водой скорей!»
Когда же кончится день, суeta и все на свете?
И ледяная вода погасит огонь навсегда?
Люди, я спрашиваю, — ответьте!

О Ж И Д А Н Ь Е

День ми́нул, но ве́чер е́ще в пу́ти...
Возду́х ти́х и прохладен,
Солнце́ устало́ за де́нь,
Но о́ка не мо́жет от зе́мли отве́сти.

Обла́ка о́кружи́ли де́нь, вда́ль его́, за по́ля влеку́т,
Заде́ржива́ясь на де́ревьях вы́соких,
На прибре́жных ашо́ках;
Их де́льные те́ни на́д гхато́м, на́д реко́ю плыву́т.

Сто́нет го́рленка́ в о́ди́ночестве́ на су́ку,
Тяне́т пе́сню уны́ло,
Жде́т, не приде́т ли ми́лый,
За́ывает, по́ет, что́бы се́рдца́ изле́ить то́ску.

Схо́дят же́нщины́ к ре́чке, — все́ е́ще ме́длит но́чь, —
Опу́скаю́т ку́вшины́ с гхата́,
Разби́вая отблеск за́ката,
Взду́ваются ма́лые во́лны и отбе́гают про́чь.

Во́дную гла́дь це́луе́т ве́тер но́чной,
Вы́йде́т ли она́ из до́му,
К по́чному со́йде́т водо́ему,
В са́д, о́круже́нный те́нями, сло́внo стено́й?

Пришла, и вот, под ударами нежных рук
Расступилась вода, несмело
Сжимает легкое тело,
Танцует у смуглой шеи, за кругом смыкает круг.

Румяня ей щеки, лучи к ней, ласкаясь, льнут...
Ищет, в зеркало водное глядя,
Отраженье свое на глади,
Разметавшись, концы ее сари ей вдогонку плывут.

Воде свою прелесть открыла. Вечер медлит вдали.
Лицо ее счастьем согрето,
Улыбка, как вспышка света...
Тень леса прикрыла глаза земли.

На гхате брошено сари небесной голубизны...
Тень ли упала от тела,
Иль тело в воде заблестело?
Волшебные их очертанья дрожат, сплетены.

Берег в запахе манго к воде прилег.
Кричит одинокая птица, —
С тоскою не примириться.
Обломился, падает в воду засохший цветок.

День сник понемногу, живой его блеск угас.
Поблек небосвод, догорая,
Лес — темной каемкой по краю,
Словно брови сомкнулись над сонною глубиью глаз.

Если б вышла она на берег в пору вечернюю ту,
Домой из речных объятий
Поспешила бы в мокром платье,
Что скрыло, прилипнув к телу, ее красоту.

Если б стан умастив, край сари закинула за плечо,
Совершивши таинство это,
Нанизала б на руки браслеты,
Свернула бы в узел косу, не высохшую еще,

Если б, шею обвив гирляндой, сошла бы в уснувший сад,
В темноту не спеша вступила,
Пошла б вдоль реки остылой,
Оставляя в ночной прохладе тонкий свой аромат.

Отдавался бы в сердце моем шагов ее мелких звук,
Казалось бы, не приближаясь,
Ко мне она робко прижалась,
Так южный ветер в полете ласкает луг.

Что мог бы сказать я, встретив ее у реки?
Слов было бы слишком мало.
Замирая, она б увидела
Глубь бездонную счастья, в мои заглянув зрачки.

Преграда из света меж нами тогда б раздалась,
Во тьме сокровенной
Погасли б огни вселенной,
Закрылись бы сонмы широко открытых глаз.

Свет приносит разлуку, влюбленный весь день в тоске.
Приходит, сердца сближая,
Глухая пора ночная,
Только вспыхнет багрянцем заря — вновь сердца на замке.

Нас лишь двое сейчас во мраке без начала и без конца.
Пусть все, что сердце захочет,
Этой свершится ночью!
Рухнет мир, останутся только наши сердца.

Дух и тело слились воедино в непроглядной пучине тьмы.
Смерть до срока пришла как будто,
Разорвав все земные пути,
В мир иной отлетаем мы.

Нетерпением горя, мы из этого края разлук
Непрестанно друг к другу стремились
И, отдавшись страсти на милость,
В море ночи канули вдруг.

Беспокойный поток прекратил свой извечный пляс.
Звуки, кажется мне, тишина поглотила.
Разрушается мир, угасают светила,
И мы растворимся друг в друге сейчас.

БЕЗУМНЫЕ НАДЕЖДЫ

Когда, зашипев, как змея,
Мечтание дерзкое вновь овладеет тобою,
Если ты вновь не в ладах
Со своею закованной в цепи судьбою,
Табаком свою старую трубку набей,
Карты старые перетасуй поскорей,
Отрекись от безумных надежд и скорбей,
Развлекаясь азартной игрою.
Рисом питаемся мы. Грудью вскормила нас мать.
На деревянную сядем кровать,
Будем часами сидеть и болтать
Вечернею тихой порою.

Мы мирный и трезвый народ.
Мы весьма добродетельны, это бесспорно.
Робкие наши сердца
Под одеждою чистою бьются упорно.
Всею душою мы любим свой край и свой дом.
Мы прекрасного мненья о ближнем своем.
Мы приветливы. Не торопясь, мы бредем
Нашей дорожкой торной.
Клонит нас вечно ко сну. Маслом натерты тела.
Пусть голова у бенгальцев мала,
Можем свершить мы большие дела,
Но судьбе мы, бенгальцы, покорны.

Уж лучше родиться бы мне
Скитальцем степным, бедуином,
Скакать на коне без конца
По выжженным солнцем безводным равнинам.
Неизвестно куда мчаться ночью и днем.
Упование вечное в сердце моем.
В дымке тускло-багровой исчез оком.
Нет предела просторам пустынным.
Конь мой, пустыня да я. Мы во вселенной одни.
Бурям песчаным наездник сродни.
Мчусь я, не зная преград, как они,
И земным не служу властелинам.

Кровь закипает моя
Всякий раз, как в беде я бываю,
При свете дневном и впотьмах
Реку бурную смерти я переплываю.
Сердце бьется мое. Вновь пускаюсь я в путь.
И с пути моего не хочу я свернуть.
И неистовый смех разрывает мне грудь,
И о трезвости я забываю.
Жажду я вечных тревог. Бурям великим я рад.
Грозы ночные меня не страшат.
Ветру я брат, океану я брат.
К ним я во мраке взываю.

Безумный, пьянящий восторг
Испытать бы мне на мгновенье.
Окунуться б в водоворот
Жизни, радости и вдохновенья.
Небо ясное пить я хочу, как вино.
Утонуло бы сердце в лазури давно,
Если б только вкусить ему было дано
Желанного освобожденья.
В манговой рощице дом, тихих утех уголок.
Там бы не знал я забот и тревог,
Но скоротать бы свой век я не мог
В сладостном уединеньи.

Раздается в вечерней тиши
Скрипки тихое пенье.

Мотивом заворожены,
Положили вы табу себе на колени.
Завели разговор о политике вы,
О традициях и о причудах молвы,
А в открытом окне слышен лепет листвы,
Ветра ласковое дуновение.
Бетель, гирлянды цветов. Шелест газетных листов.
Музыка. Хитросплетения слов.
Право же, хватит с нас умных голов,
Хватит пустых словопрений!

Высокомерие нам не к лицу.
Лучше молчать, без сомненья,
Лучше смиренно и кротко сносить
Бедствия и притесненья.
Сколько в жизни своей проглотил ты обид?
Если кто-нибудь снова тебя оскорбит,
Неужели же кровь твоя не закипит
И ты не придешь в исступленье?
Злая насмешка тебе молнией грудь не пронзит?
Ты ведь по горло насмешками сыт.
Ты, столь отважный и гордый на вид,
Молча снесешь оскорбленье.

Перед хозяином ты лебезишь,
Кланяешься торопливо.
Словно червь, извиваешься ты,
Ждешь подачи нетерпеливо.
Издаются походя пусть над тобой,
Пусть пинают раба, как собаку, ногой.
Возвратишься ты с горсточкой риса домой,
Спокойный и даже счастливый.
Хвастаться будешь ты вновь, речью своей упоен,
Вспомнишь героев минувших времен,
Древнюю доблесть арийских племен
Превознесешь горделиво.

Все это — не для меня.
Жить не в силах я жизнью такою.
Благопристойность не воспою,
Болтовней не утешусь пустою.

Ни к чему мне теперь ваш разумный совет.
Мысли тоже стремятся на свет.
Погибают они, если выхода нет,
И хоронит поэт их с тоскою.
Будь аккуратен и трезв. Кланяйся мило врагу,
Ложь и притворство на каждом шагу.
В добропорядочном вашем кругу
Никогда не найти мне покоя.

ПОДЪЕМ СТРАНЫ

Красива была ваша речь.
Отзвук ее раздается в ушах неуклонно.
А между тем не смолкают впотьмах
Матери Индии стоны,
Взяться пора бы за дело,
Надо бы действовать смело.
Но нерешительность нас одолела,
Ни Бхишмы нет с нами, ни Дроны.
Если страдает родная страна,
Вся вселенная слышать об этом должна.
Под петицией длинной свои имена
Мы подпишем, объятые скорбью законной.
Братья, вставайте! Братья, смелей!
Мир изумите отвагой свсей,
Или погибнет в пучинах скорбей
Род наш арийский исконный!

Разбудим отчизну под грохот оваций
Патриотическим кличем!
Проклятие тем, кто не скажет: «Великие мы!»
Арийской души не постичь им!
Вооружись-ка пером!
В газетах греми, словно гром!
Лей слезы публично о крае родном,
Аплодируя пламенным спичам.

В себе будь уверен,
В еде будь умерен,
Обычаям верен
В строгом согласье с приличием.
Утром на службу иди напрямиком.
Кричи на собраниях громко потом.
Шути со свояченицей вечерком,
Арийским упившись величием.

Хватит насмешек и униженья!
Долго мы жили во власти раздора.
Пусть общая мука нас объединит,
Пусть нас не смущает ни распря, ни ссора.
Верить хочу я в успех.
Может быть, горький мой смех
Скоро усовестит всех.
Не затевайте же нового спора!
Дебри теорий как девственный лес.
Братья, довольно словес!
Не омрачайте небес
Тучами книжного сора!
Дома и на людях впредь
Учитесь собою владеть,
А гордости ложной пора умереть
В безмолвном сознанье позора.

В пышном храме ничтожества сидя,
Возомнили себя вы богами.
Хватит себе воскурять фимиам,
Взор услаждая земными дарами.
Перед теми, кто вправду велик, мы, не зная
сомнения,

Преклоняемся, полные благоговения.
Пусть осенит нас их благословение,
Да пребудет их мудрость высокая с нами.
Пусть сгорит со стыда
Тот, кто празден везде и всегда,
Кто избегает труда,
Туманными тешась речами:
«Нет, мол, не надо нам маленьких дел.
Великое — наш идеал и удел».

Неужто величия дух оскудел?
Мысль о величии подлинном пусть овладеет умами.

Не следует думать: «Мы выше других».
Лучше молчать неизменно,
Ревниво лелея в глубинах души
Помысел свой сокровенный.
Не убаюкивай нас, тишина.
Нечего в небо смотреть допоздна,
Сладостному обаянию сна
Разум вверяя смиренно.
Много работы, братья, кругом.
Пора нам подумать о крае родном.
К цели далекой мы дружно пойдем,
Работая самозабвенно.
Будем идти мы вперед,
А когда смертный час наш пробьет,
Мы принесем в свой черед
Наши жизни на берег вселенной.

Если великими станем мы сами,
Станет великой отчизна, бесспорно.
Истина восторжествует,
Труд завершится упорный.
Путь правды, друзья, перед вами!
С гордо поднятыми головами
Мы пойдем по нему и растопчем ногами
Страх смерти позорный,
Или снова, как было не раз,
Мы запутались в хитросплетениях фраз,
Или снова преследует нас
Дух раздора тлетворный?
Только скажешь: «Приносит отраду нам труд», —
И мои земляки тут как тут,
Похвал в упоении ждут,
Павлиньи хвосты распускают заодно.

Браво, поэт! Говоришь ты красиво!
Твое красноречие всем нам знакомо.
Продолжай в том же духе, приятель,
И ты, несомненно, добьешься подъема.

Пой, проповедуй, пророчь!
Тебе помогать мы не прочь.
Мы будем кричать день и ночь,
Пробуждая отчизну раскатами грома.
Героев-бенгальцев как будто бы нет,
Но чуть ли не каждый бенгалец — поэт.
Вот мы и бедствуем сотнями лет.
Нищему сладостна дрема.
Что ж! Пускай будет каждый поэтом,
Пускай помогает отчизне советом,
А мы будем плакать, как прежде, при этом
В гостях у соседей и дома.
Слава богу, нам петь не впервой.
Пробуждай вдохновение, пой!
И в каждом бенгальце проснется герой.
Сонная сгинет истома.

Нет! Пощадите меня!
Не о таком я мечтал вдохновенье.
Когда вы на собраниях кричите,
Я невольно смолкаю в смущенье.
Я не из тех, кто кричит о великом
В ослеплении диком,
Сотрясая вселенную криком
И речами об освобожденье.
Покуда часы напролет
Вы проклинаете гнет,
Оплакиваете наш народ
И толкуете о пробужденье,
Я на кровати, быть может, лежу,
За тучками в небе слежу
И любовные строчки твержу,
Упоенный усладами лени.
Пусть обруган я буду юнцом,
Возмнившим себя храбрецом,
Патриотом и славным бойцом.
Мне смешны ваши вечные пени.

Устал я от пеней и от похвал,
От болтовни беспрестанной,
Вы за последние дни
Власть натешились речью туманной.

Зачем притворяться?
Зачем повторяться?
Я тоже немного хочу прогуляться.
Братья! Не надо обмана.
Всем нам пора на покой.
Идите-ка лучше домой
Да развлекайтесь азартной игрой,
Мир забывая на долгие годы.
Сплетничайте день за днем,
Судачьте о ближнем своем,
Скотам уподобясь во всем,
От людской отрекаясь природы.
Смакуйте то лозунг, то стих.
Но, порицая других,
Себя не забудьте самих
Лозунгам громким в угоду.

Я с вами, но угол займу я другой.
В согласье с людьми и с собою,
Расстелю я на крыше циновку свою,
Табакom свою хукку набью
И бурную деятельность разовью,
Родимую призван строною.
Голову мудро склонив, от восторга пьянея,
Докажу я, что мы всех на свете умнее,
Прекрасней, добрее, сильнее.
Земляков я хвалы удостою.
Откройте глаза поскорей!
В слабости убедитесь своей!
А не то до скончания дней
Будете вы услаждаться мечтою пустою:
Бенгалец, мол, очень умен,
И в стремительном беге времен
Без всяких усилий возвысится он,
Избранный мудрой судьбою.

Посмотрите вокруг! Всюду жизнь, всюду труд.
Люди грудью за землю родную встают,
За человечество жизнь отдают.
Мир великой охвачен борьбою.

А у нас, что ни час, извержения фраз:
«Мы, армия ариев, выше всех вас!»
Открыть ни на миг не хотите вы глаз,
Опьяненные славой былою.

ГЕРОЙ БЕНГАЛИИ

За стенкою Бхулубабу, худея от изнеможения,
Читает громко таблицу умножения.
Здесь, в этом доме, обитель друзей просвещения.
Юный разум познанию рад.
Мы, В. А. and М. А., я и старший мой брат,
Три главы прочитали подряд.
Жажда знания в бенгальцах воскресла.

Мы читаем. Горит керосин.
Возникает в сознании много картин.
Вот Кромвель, воитель, герой, исполин,
Обезглавил владыку Британии.
Голова короля покатилась, как манговый плод,
Когда его палкою с дерева мальчик собьет.
Любопытство растет... Мы читаем часы напролет
Все настойчивей, все неустаннее.

За родину жертвуют люди собой,
Вступают они за религию в бой,
Расстаться готовы они с головой
Во имя возвышенного идеала.
Откинувшись в кресле, читаю я жадно.
Уютно под крышей у нас и прохладно.
Написаны книги разумно и складно.
Да, читая, узнаешь немало.

Помню я имена тех, кто в поисках знания
Во власти дерзания
Пустился в скитания...
Рожденье... Кончина... За датую дата...
Понапрасну минуты не трать!
Это все записал я в тетрадь.
Знаю: многим пришлось пострадать
За правду святую когда-то.

Ученые книги листали мы,
Своим красноречьем блистали мы,
Кажется, взрослыми стали мы...
Долой унижение! Долой подчинение!
Зубря день и ночь, за свои мы воюем права.
Большие падежды, большие слова...
Поневоле тут кругом пойдет голова,
Поневоле придешь в иступление!

Мы не глупей англичан. Страх перед ними забудь!
Мы от них отличаемся с виду чуть-чуть,
Так ведь не в этом же суть!
Мы — дети Бенгалии славной,
Мы британцам уступим едва ли.
Мы книги английские все прочитали.
Пишем к ним комментарии мы на бенгали.
Перья нам служат исправно.

«Арийцы», — Макс Мюллер изрек.
И вот мы, не зная тревог,
Решили, что каждый бенгалец герой и пророк
И что не грех нам теперь отоспаться.
Мы не допустим обману!
Мы поднапустим туману!
Позор не признавшим величия Ману!
Священный мы трогаем шнур и клянем святотатца.

Что? Мы не великие? Ну-ка,
Пускай клевету опровергнет наука.
Наши предки стреляли из лука.
Или об этом не сказано в ведах?

Мы громко кричим. Разве это не дело?
Доблесть арийская не оскудела.
Мы будем кричать на собраниях смело
О наших былых и грядущих победах.

В размышление святой пребывал неустанным,
Рис на пальмовых листьях мешал он с бананом,
Мы святых уважаем, но тянет нас больше к гурмапам.
Мы приспособились к веку поспешно.
Мы едим за столом, ходим мы по отелям,
Не являемся в классы по целым неделям.
Мы чистоту сохранили, к возвышенным шествуя целям,
Ибо Ману прочли (в переводе, конечно).

Сердце при чтенье Самхиты восторгом объято.
Однако мы знаем: съедобны цыплята.
Мы, три знаменитые брата,
Нимай, Непал и Бхуто,
Соотечественников просветить захотели.
Мы волшебною палочкой знания у каждого уха вертели.
Газеты... Собрания по тысяче раз на неделе.
Мы всему научились как будто.

Стоит услышать нам о Фермопилах,
И кровь, словно лампы фитиль, загорается в жилах.
Спокойными мы оставаться не в силах,
Марафон вспоминая и славу бессмертного Рима.
Разве неграмотный это поймет?
Разинет он от изумления рот,
А сердце мое разорвется вот-вот,
Жаждою славы томимо.

Им бы хоть о Гарибальди прочесть!
В кресло бы тоже могли они сесть,
Могли бы бороться за национальную честь
И за успехи прогресса.
Говорили бы мы на различные темы,
Сочиняли бы дружно поэмы,
В газетах писали бы все мы,
И процветала бы пресса.

Но об этом пока и мечтать неуместно.
Литература им неинтересна.
Дата рождения Вашингтона им неизвестна,
Не слышали они о великом Мадзини.
А ведь Мадзини — герой!
За край он боролся родной.
Отчизна! Лицо от стыда ты закрой!
Невежественна ты поныне.

Обложился я грудями книг
И к источнику знания жадно приник.
Я с книгами не расстаюсь ни на миг.
Неразлучны со мною перо и бумага.
Опахало бы мне! Кровь горит. Вдохновеньем
охвачен я властным.
Насладиться хочу я прекрасным.
Стать стилистом хочу первоклассным.
Во имя всеобщего блага.

Битва при Нешби... Читайте о ней!
Кромвель бессмертный титанов сильней.
Не забуду о нем до кончины своей!
Книги, книги... За грудую груди...
Ну, хватит читать! Поясница болит у меня.
Эй, служанка, скорей принеси ячменя!
А-а, Нони-бабу! Здравствуй! Третьего дня
В карты я проиграл! Отыграться бы нынче не худо.

К ПОЭТУ

Ужели, поэт, тебе не странно
Какой-то куклой стоять деревянной?
Зеваки пестрой гурьбой
Теснятся перед тобой,
И солнце восходит из мглы туманной.

Где же обитель уединенья?
Где твои грезы и сновиденья?
Сегодня тебя не влечет
В сказочный свой полет
Вихрь необузданный воображенья.

Радость покоя все ощутимей
Сердца врачует, витая над ними.
Но слух безразличен твой
К музыке мировой:
Только свое ты слышишь имя.

Ты в небе витал свободной птицей,
Зачем же надумал сюда спуститься?
Ты много потратил сил —
И черни сполна угодил:
Теперь получаешь награду сторицей!

Нечего ждать, как сказочной манны,
Что с неба, где зори утром румяны,
С недостижимых высот
Поэзия к нам снизойдет
Гостьей таинственной, обетованной.

Слышится зов тысячегласный, —
Песен люди требуют властно.
Нужен певцу покой, —
Нет, непрестанно пой!
В мире покоя ждать напрасно...

Но ты остановишься, — и тогда-то
Все бросят тебя — и придет расплата:
Куклой останешься ты
Без песни, души, мечты —
Время уйдет и не будет возврата.

Испуганный, скрыть захочешь усталость.
Ведь люди любили тебя, казалось,
Но все отойти спешат,
Что-то сказав невпопад,
И вот — никого с тобой не осталось.

Ты станешь менять личины, улыбки,
Будешь как стебель — безвольный, гибкий.
Смешаются ложь и страх
И в смехе твоём и в слезах...
Тебе не простят ни единой ошибки!

Скажут: «Плохо!», «Пустяк, небылица!» —
И будут хмуриться злые лица.
Ты в споры вступишь, осатанев, —
Сердце охватит жгучий гнев,
Но злобе твоей не дадут утолиться.

Кто-то, развязный, глупый, падменный,
Тебя похлопает по колену.
А другой, может быть,
Тебе захочет польстить,
Кто-то солжет: «Хорошо! Несравненно!»

Увы, оглянись: невозвратимо
Все, что оставил, промчавшись мимо.
Ты в пустыне, поэт:
Ни дерева чахлого нет, —
Сгораешь, славой своей палимый!

Видишь, там реки и горы где-то —
Там Бесконечное в плоть одето.
Мудрой Природы путь —
Космоса синюю грудь —
Звезды усыпали и планеты.

Трудными люди идут путями,
Только вперед — все тверже, упрямей!
Там лишь расцвет красоты,
Улыбки, как небо, чисты.
И каждый в себе пребывает, как в храме.

Смотри, ты один, простирающий руки.
Звезды считаешь, быть может, от скуки...
Среди безлюдных ночей, —
Кто ты, откуда, чей?
К тебе не доходят ни зовы, ни звуки.

Смотри, там мир возникает новый,
Там люди жизни отдать готовы.
Им славы не нужен яд,
Они ни на что не глядят,
Грядущих веков создавая основы.

Смотри, там смерть поглотила кого-то:
Погибли надежды, мечты, заботы.
Исчезла жизнь без следа,
Как павшая в ночь звезда, —
Еще и еще, без конца, без счета...

Там те, что подобны светлым вершинам.
Там каждый замкнулся в себе едином.
Но сердце ломает плен
Своих одиноких степ
И вдаль улетает в полете орлином.

Там те, что хранят в своем отдаленье
Царство грядущего воплощенья.
Заря запылала, и вот
Наполняется небосвод
Звуками нового песнопенья.

Там новое солнце, лесов изумруды
И облаков белоснежных груды.
Любовь безгранична там
И вечен покоя храм.
Грядущего ветер веет оттуда.

И только там человек
С Предвечным сольется навек, —
Свершатся надежды, исполнится чудо!
Поэт, о поэт, для чего же ты
Стоишь среди грязи и суеты?

ПОКИНУТЫЙ

Друзья мои,
Помните прошлое —
Годы надежд и труда?
В речь бенгальскую
Новую жизнь вы вдохнули тогда.
Мы надеялись, верили,
Было нам в мире светло,
И сердце Бенгалии
Лотосом красным цвело.

Я ждал, как во мраке
Аруну великого ждут,
Что тьму вековую
Осилит упорный ваш труд,
Что пламень восхода
Пером вы зажжете своим,
И мир обновленный
Откроется взорам людским.

Однажды открыл я глаза
С первым проблеском юного дня
И почувствовал вдруг:
Сердце бьется в груди у меня.
Постиг я, что жизнь
Человеку недаром дана
И благословенно
Рожденье во все времена.

Сердце пело мое.
Счастлив был я в то утро вполне.
Значит, в мире свершения
Дело найдется и мне.
Как в молитве, ладони сложив,
Обратился к стране я родной:
«Мать! Возьми мою жизнь!
И душою и телом я твой».

Друзья! Внял я вашему зову,
Последовал вашим словам.
И ненависть шла неотступно
За мною с тех пор по пятам,
Оскорбления на каждом шагу,
Измышления злобы тупой...
Близкие стали чужими...
Шел один я тернистой тропой,
Шел я, судьбу мою
Вверив Полярной звезде.
И правде своей
Был я верен всегда и везде.

Где мои упования теперь?
Смогла песнь торжества.
Друзья, очень странные
Слышу от вас слова:
«Не волнуйся, мой друг!
Уваженья достойно вчера.
Завтра настанет само,
А сегодня на отдых пора».

Перья вытерли вы
И решили, что лучше не петь.
Осторожность премудрая будет
Советчицей вашею впредь.
Но домам вы сидите, согнувшись
Под бременем прошлых годов,
И смеетесь над тем,
Кто с неправдой бороться готов.
Вы разбудили меня,
И бесстрашно пустился я в путь.

P. Tarop
(1891)

А теперь вы твердите с усмешкой:
«Вернись, отрекись, позабудь...»
Вы всколыхнули Бенгалию,
Вы не боялись преград.
А теперь полноводный поток
Вы зовете назад.
Как же можете вы
Насмеяться над теми сейчас,
Кто жертвовал жизнью своею,
Послушавшись вас?

Что ж, давайте тогда
По углам разойдемся опять.
Раз уж нет вдохновенья,
Нам нечего больше терять.
На восьмилетней женюсь,
И под звуки санайи войдет она в дом.
Юности нежный бутон разорвав,
Сладким соком упыюсь я потом.
Душу юную с прахом смешаю,
Под шастрами похороню.
Обсыпанный пылью веков,
Засыхает цветок на корню.

Друзья, тщетны ваши усилия.
Путь мой далек.
Разве к истокам своим
Возвращается бурный поток?
Я познал вдохновенье,
Изведал я радость труда.
К мертвому прошлому
Я не вернусь никогда.
Пусть моих упований
Никто мне теперь не вернет,
Я своею дорогой
Пойду неустанно вперед.
Знаю: благословения
Мне не дожждаться от вас.
Светлый пламень любви
В вашем сердце навеки погас.

Всеми покинутый,
Сам проложу себе путь.
Пусть весь мир прокликает меня —
Я не в силах с дороги свернуть!

Я смотрю в небеса.
Где заря золотистая та?
Ваши брови нахмурены,
В ваших глазах — темнота.
Я устал, но иду я
Все той же тернистой тропой.
Смех и слово жестокое
Ранят мне сердце порой.
Но не вернусь я назад.
Пусть мой жребий суров.
Учение ваше
Спасает от ваших же слов.

БОРЦЫ ЗА РЕЛИГИЮ

(Из газет)

ДОМ В КАЛЬКУТТЕ

Брат Бишу! Вставай! Плохи наши дела!
Они там кричат: «Иисусу хвала!»
Мы ариев дети, и мы не потерпим,
Чтоб древняя вера в упадок пришла!

Неужто молчать будем кротко в ответ?
Над Курмой и Скондой сидеть нам не след.
Если сюда призовут Иисуса,
Навек народ отречется от вед.

Это ли не оскорбление?
Это ли не преступление?
Нарада, Харит и Джагабалик
Плачут, наверное, от возмущения.

Брат, неужели впадешь ты в обман?
Ведь не напрасно же разум нам дан?
Где наша карма? Где вечная дхарма?
Где откровения вед и пуран?

Братья! Пора приниматься за дело,
Злобой святою душа закипела.
Мы защитим наши древние шастры.
Мы за религию вступимся смело.

Дхоти затынем, палки возьмем,
В бой за пураны пойдём.
Искореним христианство
Мы в Хиндустане родном.

Эх, жалко, что Бходжа сюда не зайдёт.
Уж Бходжа бы взял христиан в оборот,
Силён, словно буйвол, наш праведный Бходжа.
Он — индуизма надёжный оплот.

Обуемся, братья, и Кришну восславим.
Христианина молчать мы заставим,
И, если удобный представится случай,
Свинье-проповеднику поги отдадим.

Мы святотатцу оплатим с лихвой,
Будем ругать его наперебой,
А если окажется этого мало,
Навалимся дружно мы всею гурьбой.

Ты первым пойдешь. Не плошай же, сынок!
Сорвем с него шляпу! Собьем его с ног!
Устроим хорошую свалку,
Чтоб встать он подольше не смог.

Я ножницы, братья, возьму,
Волос поубавим ему.
Все пуговицы оторвем,
Раздумывать тут ни к чему.

Дружной гурьбой
Ринемся в бой.
Палки возьмите,
Братья, с собой.

Предводитель толпы насвистывает песню.

«Эх, любовь моя!
Жжет мне нутро!»

Завязав у пояса чадор, взяв в руки палки, все бросаются на
улицу. Входит босой проповедник Армии спасения, закутанный
в балахон шафранного цвета.

Да будет любовь твоя благословенна!
Да святится господне пречистое имя!
Горний свет воссияет над грешной вселенной,
И мы встретимся в новом Иерусалиме.

Жестокость и ненависть сгинут вовеки.
О братья любимые! Верьте мне, верьте!
Смиренно взывают к творцу человеки:
«Избави, избави нас, боже, от смерти!»

О господи! Жаждущим сладостна влага.
Долго брели мы стезею унылой.
Веди же нас, господи, к вечному благу.
Грешных рабов, Иисусе, помилуй!

Бицу, скажи мне: кто он такой?
Есть ведь ботинки, а ходит босой.
Он белый как будто, но желтая шкура
Дух пробудила во мне боевой.

Чего ты, приятель, бормочешь?
Зачем ты прохожих морочишь?
Не дать ли бананов тебе?
Есть ты, наверное, хочешь.

Господи боже! Даруй избавленье
Грешной, заблудшей страждущей твари.
Я слаб, но тебе возношу я моления.
«Слава великому Хари! Слава великому Хари!»

Вовсеки тебя не услышит Всевышний.
Пойми, проповедник, ты в Индии лишний.
А ну-ка, кричи вместе с нами:
«Слава великому Кришне! Слава великому
Кришне!»

Ты тоже страдал, Иисусе!
Господу слава! Господу слава!
Крест мой тяжелый снесу я покорно.
«Браво, друг, браво!»

Пошли мне страданье, боже,
Я хочу пострадать за людей.
Ради спасения грешника
С жизнью расстанусь моей.
Ради тебя, Иисусе,
Я простился с землею родной,
Я расстался с друзьями,
От любви я отрекся земной.
Всем пожертвовал я
Ради правды великой твоей:
Отчий дом я оставил,
Покинул родных и друзей.
Я с невольной тоской
Вспоминаю о прошлом порой.
Жажда счастья земного
Влечет меня снова домой.
Но смотрю я с надеждой и верой
На твой окровавленный лик.
Я любовь твою вечную
Сердцем смиренным постиг.
Что друзья мне, что родина,
Если со мною — ты сам.
Грешник с ядом придет,
А уносит целебный бальзам.
Сих заблудших овечек
Ты в царство свое призови.
Пусть на хмуром лице
Засияет улыбка любви.

Нет, это уж слишком. Братья, смелей!
Кровь предков в груди разгорелась моей.
Эй, Хару! Эй Мадху!
Бей его! Бей!

Может, поладим добром?!
Славь Кришну, не то изобьем.
«О Иисусе Христе!
Славу тебе мы поем!»

Так бейте его кулаками!
Топчите его каблуками!

Долой христианство! Да здравствуют веды!
Боги великие с нами.

Голова проповедника проломлена. Течет кровь.
Вытирая ее, он говорит:

Господь осенит вас своей благодатью.
Я — его верный слуга.
Господь просветит вас, заблудшие братья.
Друга велит он любить и врага.

Эй, Шибу, эй, Хару,
Эй, Нони, эй, Чару!
Неужто боитесь вы, братья?
Он заслужил свою кару!

Полиция близко. Дубинками машут.
Братья! Спасаться пора нам.
Благословенно величье Гаура!
Верен бенгалец пуранам!

Тяжело дыша, они убегают. Вернувшись домой,
предводитель отряда говорит:

Братья! Убили мы белого!
Свершилась священная месть.
Смыли позор мы с Бенгалии.
Жена моя! Дай мне поесть!
В крови разгорелся неистовый пламень.
В сердце бушует гнев небывалый.
Сам я не знаю, что может случиться,
Если сейчас не поесть до отвала.
Муж возвращается с битвы домой,
А пища еще не готова!
Женщина! Пращуров ты недостойна.
Тебя накажу я сурово.
Эй, Джагабалик, эй, Атри, эй, Хари!
Смирение не доведет до добра.
Силою мы защитим индуизм!
Все собирайтесь! Пора!
Где наша добрая, старая пища?
Это вам, женщины, так не пройдет.
Нет ни на грош уважения к мужу!
Только рожают ребят, что ни год.

НОВОБРАЧНЫЕ

БРАЧНОЕ ЛОЖЕ

Муж

Жизнь моя, на исходе вечер,
Подойди! Счастье первой встречи,
Несравнимо ни с чем оно.
Глаза, что ресницами скрыты,
Подыми, — друг на друга открыто
Нам смотреть отныне дано.
Не робей, мне себя вверяя.
Наши сердца, замирая,
Слиться должны в одно.
В забытьи мы, одни на свете,
Тянем мед из одних соцветий,
Этот мед — как вино.
От рожденья пламя разлуки
Обрекало сердце на муки,
С той поры оно спалено.
Одинокий, я жил в пустыне.
Жажду мне утолять отныне
В море юной любви суждено.
Ты, редчайшая из жемчужин,
Скажи: «Только ты мне нужен,
Лишь тобою сердце полно!»
Я в объятьях голубку спрячу...
Стой! Куда ж ты уходишь, плача?

Ж е н а

Няня ждет. Спать пора давно!

ч е р е з д в а д н я

М у ж

Любимая, что с тобою?
Что лишило тебя покоя?
Чем, скажи, ты огорчена?
Не росинки ли слезы эти,
Что роняет в траву на рассвете,
Потеряв звезду, вышина?
Иль, укрывшись зеленой завесой,
Это плачут богини леса,
Оттого что прошла весна?
Или память, сложив ладони,
Над могилой надежды стонет,
Слезы льет над ней, смятена?
Не звезда ль это, падая в бездну,
На бездушный холод небесный
Ночи жалуется, грустна?
Бледность эта откуда, истома?

Ж е н а

Я забыла котенка дома,
Как я буду играть одна?

в о в н у т р е н н е м д в о р е

М у ж

Чарам юной красоты покорны
Даже травы. На ложе из дерна
Что ты делаешь, жизнь моя?
К пальме ты прислонилась устало,
На горячий висок упала
Непокорных волос струя.
Возле ног твоих в петерпенье
Бьется ключ. Неумолчно пенье
Переливчатого ручья.

Солнце в мареве зноя слепнет.
Сладко дремлешь под плеск и лепет
Ты в объятиях забытья.
Вижу: в блеске твоём увяли
Сорванные цветы шефали,
Ароматом тебя поя.
Доплести гирлянду не можешь,
Все о чём-то грустя, тревожась,
Чей-то образ в душе тая.
Грусть о ком навевает, — ответь мне. —
Качая подвески, ветер?
Кем согрета мечта твоя?
О ком это шепчутся пчелы?
Перед ульем их пляс веселый,
Непрестанная толчея.
В тишине прохладного сада
Что, скажи, ты припомнить рада?
Речь тебе вспоминается чья?
Сад безмолствует. Пали росы,
Что ты делаешь здесь, откройся!

Ж е н а

Ем зеленые сливы я.

М у ж

Недомолвки мне нестерпимы,
Поделиться хочу с любимой,
В сердце радость и боль накопив.
Не по силам мне бремя это,
Дорогая, я жду ответа
На мучительный свой призыв!
Утро всходит, росу роняя.
И в душе, почему, не знаю,
Чувств весенних высок прилив.
Ветер молит бутон малоти,
Льнет к атласной упругой плоти,
Лепестки прохладой обвив.
Не молчи, не ввергай в унынье,
Пусть надежду сулит отныне
Взор твой ясный, что так пуглив.
Полуробко, полусмушенно

Сердце другу открой, спаленный
Дух мой ласкою оживив.
Безутешно, всегда несито,
Для тебя мое сердце открыто,
Дорогая, пока я жив;
Твоему повинуюсь слову,
Сделать все для тебя готово.
Окрыляет любви порыв.
Жизнь отдам, чтобы клад бесценный
Отыскать тебе во вселенной,
Все препятствия сокрушив.
Пусть же воля твоя свершится,
Что ты мне повелишь, царица?

Ж е н а

Дай еще мне немного слив!

М у ж

Твоего участия лишенный,
Ухожу я опустошенный,
Любви покидаю храм.
Пусть сердце твое, как льдинка —
Быть может, хотя б слезинка
К твоим упадет ногам?
Постигнешь ли боль разлуки?
Протянешь ли вслед мне руки,
Дав волю любви словам?
Проснется ли чувств томленье?
Узнаешь ли сожаленье,
Что пришлось разлучиться нам?
Найдешь ли себе отраду
В тишине безлюдного сада,
Где место одним лишь снам,
Где век тоске не уняться?..
Чем сможешь ты там заняться?

Ж е н а

Замуж куклу свою отдам.

В ДАВНИЕ ВРЕМЕНА

О, сколько было их в веках,
Что сердцем и душой любили!
Хвалу любви поэты возносили.
Но если б образ твой не вдохновлял святой,
Не перелолнил сердца моего —
То разве мог бы я владеть сердцами?
Я не пойму, возможно ли кого
Любить, кроме тебя, о божество!

Проходят любящие, плача и смеясь...
Но почему один я, без людей,
Считаюсь столько долгих дней?
Быть может, у дороги сидел в тревоге
И вдаль глядел неутомимо.
И с первой в мире вспыхнувшей зари
Я встречи ждал с любимой.
Но только путники брели куда-то мимо...

Преодолев разлуки вечной боль,
Любовь, как лотос, расцветает,
Твое лицо в глазах моих мелькает.
Боль без границ и счастье без границ —
Свет солнца, мгла ненастья, —
Вот почему при встрече я в слезах.
Любовь такая не приносит мне
Ни счастья, ни несчастья.

В Е Ч Н А Я Л Ю Б О В Ъ

Я в веках бесконечных в бесчисленных формах любил
Твой образ, единый на свете.
Я чувство к тебе прошу через тысячелетья.
А сердца влюбленного пыл
Гирлянды сплетал из моих славословий,
Желаний и грез...
Ты в обликах разных моей украшалась любовью,
Которую я через тысячелетья пронес.

Когда я внимаю легендам, где душно от слез,
Где страсти, разлуки и встречи,
Когда я смотрю в глубины старины отошедшей
И вижу столетий безжизненный сон, —
Оттуда является мне, сквозь века проступая,
Улыбка твоя золотая, —
И словно Полярной звездой через бездну времен
Я светом твоим озарен.

Теперь нас обоих в простор без конца и без края
Уносит потоком любви,
Которая в сердце предвечном и в нашей крови.
Куда-то с тобою вдвоем
Среди миллионов таких же влюбленных плывем.
Печаль — ликований предтеча,
И горечь разлуки сменяет сладчайшая встреча...
Любовь беспредельна в богатстве своем.

Сегодня любви этой вечной бессчетные звенья —
В последнем своем завершеньи.
Слагаю к ногам твоим страсти таинственный клад.
Все счастье людей, все желанья, надежды, печали.
Влюбленность, которую смертные не утолят,
И все, что еще не сбылось, но о чем тосковали
Поэты, пророки в веках, бесконечно давно,
Сегодня в любви нашей воплощено.

СОМНЕНИЕ

Не пойму, хорошо ли это?
Было небо, полное света,
Были звезды, зори, закаты,
Было солнце — теперь одна ты
Свет очей...
Хорошо ли это?

Столько счастья, любви таится
Лишь в одной тебе, нежнолицей...
У моих дверей, что ни день,
Розы новые расцветали,
Новой радости брезжила тень,
Увлекали земные дали
И не знало небо предела.
Все промчалось. Все улетело.
Без тебя ни тепла, ни света.
Не пойму, хорошо ли это?

При одном твоём приближеньи
Не унять мне сердца биенье.
Так тобою душа полна,
Что ночами лежу без сна.
Песен жар и сердечный жар
Приношу тебе в дар.
Мне не надо мирской суеты,
Целый мир заменила ты!

Отдал все тебе, если ж мало,
И любить ты меня перестала,
И уйдешь, и меня покинешь,
Из груди моей сердце вынешь,
Опустеет земля — твой престол —
И погаснет последний свет,
Все согреется, останется след, —
Черен он, точно смерти примета...
Не пойму, хорошо ли это?

«М Е Г Х Д У Т»
(«Облако-вестник»)

Поэт поэтов, Расскажи, в какой забытый год,
В какой ашар созрел «Мегхдут», пера заветный плод?
Громоподобных строф размах, сметающий покой,
Как туч тяжелая гряда, набухшая тоской,
Вобравшая в себя печаль и скорбь извечной муки
Всех, всех влюбленных, обреченных на горести разлуки.

В тот день над крышею дворца глухая темь была,
Зловеще молнии цвели, деревья ветер гнул,
И сталкивались облака, раскатывался гул.
Тот поединок облаков, разгул стихийных сил,
Разлуки вечную печаль внезапно разбудил,
Тысячелетнюю тоску избавил от оков,
Столетий звенья разорвал — распалась цепь веков.
И день тот пролился дождем невыплаканных слез,
Все горе, жегшее людей, потоком прорвалось,
На строфы щедрые твои все горе излилось.

И разве те, кому пришлось скитаться на чужбине,
Не подняли глаза свои, и не сложили руки,
И не запели в скорбный час об ужасе разлуки?
Не вспомнили родных садов, не захотелось им
На это облако, прозрачное, как дым,
Поднять тоску любви, отчаяния стон
И песнь послать туда, где у глухих окон
Простерты на полу возлюбленные их
В лохмотьях, с пеплом в волосах густых.

Все песни разлученных слышал ты
И все их слил в одну предельной красоты,
Ту песню ты послал тоскующим влюбленным
Туда, откуда Ганга струит волну по склонам,
Вбирая по пути все воды Хиндустана,
Чтоб раствориться в волнах седого океана.

Туда, где узник Хималай уже века веков
Стремится в небеса уйти из каменных оков,
С надеждой смотрит в синеву и исторгает он
Из тысяч уст-пещер своих отчаяния стон.
Надежды смутные и вздохи исполина
Несутся в небеса, сливаясь воедино,
Клубятся облаком, и облако растет
И застилает синий небосвод.

А сколько пролилось дождей с той ночи на поля,
Смягчая засуху, когда растрескалась земля!
Побеги новые дожди роняли каждый раз
В твою поэму — не тускнел ритмический рассказ,
Ложились тени все длинней разлуки и отчаяния
И придавали всякий раз ей новое звучание!
Раскаты ритма твоего, с течением долгих дней,
Похожи стали на разлив
В периоды дождей.

Столетия протекли, промчались лет потоки,
И сколько ни было влюбленных, одиноких,
Все, все они в безмесячный ашар,
При свете ночника, смягчая сердца жар,
Твои стихи, поэт, медлительно читали
И в них топили гнет своей печали.
Твоя поэма принесла ко мне их голоса,
Как ропот волн морских несет прибойя полоса.

Я на востоке Индии, в Бенгалии зеленой,
Сижу за книгою, печалью утомленный,
Там, где поэт Джайдева, в один из свежих дней,
В тамалах подглядел игру сквозных теней
И небо увидал сквозь облаков покровы.
Сегодня дождь шумит. Нахмурен день суровый,

И ветер, буйствуя, свирепо хлещет лес,
Деревья тщетно ждут пощады от небес,
Лишь рассекает тучи блеск молний над листовою
И ослепляет небо улыбкою кривою.

В закрытой комнате читаю я «Мегхдут»,
И мысли медленно за строфами плывут
На облаке свободном, что гонит ветер свежий,
В края желанные все дальше, дальше... Где же
Ты, Амракут-гора? Внизу, от Виндхьи слева,
Бегущая в камнях извилистая Рева
И берег Ветравати с зелеными садами?
В тени деревьев джамбу, усыпанных плодами,
Деревня Дасарна скрывается от зноя,
Окружена кетак цветущею стеною.
Далеко в зелени укрылись птичьи гнезда,
И свист и гомон наполняют воздух
В зеленых зарослях баньянов на рассвете.
В каком лесу гуляют девушки? Ответьте!
Их ушек розовых, как лотос, тайный жар
Остудит облако в ликующий ашар.
Те жены, что не знают еще бровей игры,
Глядят на облако у Амракут-горы,
И набегают тень на непорочный взор.
Хоть жены сиддхов любят свежесть гор,
Но, видя облако в бессолнечной лазури,
Они испуганно ждут приближенья бури.
Одежды подхватив, в смятении великом
Бросаются к пещере с громким криком:
— О мать! Уносит ветер Амракут!

Где город Аванти? Где Нирвиндхья-река
И тень Уджайни? Она так велика,
Едва колеблют волны отраженье.
Уснули голуби, от ласк в изнеможенье,
И только женщины уснуть никак не могут,
Глядят с надеждою на темную дорогу
И, в предвкушении любовного свиданья,
Считают молний ясные сверканья.
Где Курукшетра, что дивно прославляла
И Брахмаварту встарь и Канакхала?

Где трепетная Ганга, которая смеялась
И взглядов Гаури ревнивой не боялась,
Свет лунный теребила волос Дхурджати-Шивы,
А волны уносили далеко переливы.

Так долго я скитался от края и до края,
Покуда не достиг блаженнейшего рая
Там, в царстве Алаки, возлюбленной желанной,
Которая цветет красою первозданной,
Тоскуя о любимом. Кто ж еще другой
Дверь распахнет в тот мир, где счастье и покой?
В обитель Лакшми, на гору забав,
Где вечная весна сверкает в волнах трав,
И вечный лунный свет у голубой горы,
И берег озера и лотоса шары.
В дворце роскошнейшем нет счастья, как в пустыне.
Лишь раздается стон тоскующей богини.
Ее увидишь у раскрытого окна.
Как хрупкая луна, покоится она,
Луна, бледнеющая на востоке.
Поэт, твои размеренные строки
Утешили меня. На облаке достиг
Я той обители, где в этот миг
Средь вечной красоты влюбленная томится, —
Разлука вечная, как вечная темница.

Мираж исчез. Я вновь увидел дождь,
Ночь приближалась, тихо окуная
Во мрак всю землю, но лежал без сна я.
Метался вихрь, он с поля мчался прочь
И неся в бесконечность. Думал я в ту ночь:
Кто предал нас проклятию разлуки?
Зачем должны мы в беспредельной муке
Молить о счастье, полные тревоги,
И почему любовь к нам не найдет дороги?
Ходил ли кто-нибудь на берег Сарасвати
И Манаса, к любви, грустящей без объятий,
К земле, где вместо солнца — блеск лала и агата,
К началу рек и гор — стране заката!

Б А Х А Л Ь Е

Что за сны и мечты устремились в твое забытье
С той минуты, когда стало каменным тело твое,
А суровые старцы из рощи священной ушли,
Оглянуться страшась на костер, догоравший вдали?
И в уродливый камень застыв перед этим костром,
Ты с землею срослась, ты уснула томительным сном.
Но скажи, неужели душа не хранила твоя
В этом сне хоть частицы утраченного бытия?
Разве так непробудно в объятых земли ты спала,
Что ее материнской любви ощутить не могла,
Не могла хоть на миг вечной боли ее осознать,
Не могла услышать, как скорбит терпеливая мать?

День за днем, день за днем миллионами разных путей
Неустанно по жизни идут миллионы людей,
Их дороги встречаются и разлучаются вновь,
Боль и счастье рождаются, с ними — вражда и любовь.
Неужели, скажи, ты не слышала, оцепенев
В этом сне, что навлек на тебя непрощающий гнев,
Всех молений, рыданий, проклятий, несчетных шагов
И бесчисленных слов, прозвучавших за столько веков?
Неужели — безглазая, глухонемая скала —
Ты душой хоть на миг отозваться на них не могла,
Не могла хоть на миг ощутить сквозь томительный сон
Стол великой груди — нашей матери горестный стол?

А когда над тобою, широкие крылья раскрыв,
Веял ветер весенний, и жизни могучий порыв
По земле пронеслся и все по пути пробуждал —
Всюду смерть побеждал, всюду новые всходы рождал
И взволнованно бился в твою безответную грудь,
Чтоб разрушить проклятье и каменный сон разомкнуть, —
Неужели под мощным прибоем его хоть на миг
Трепет жизни ответный ни разу в тебе не возник?

А когда приходила в людские селения ночь
И великая мать, чтоб измученным детям помочь,
Сонмы сонных и скорбных себе привлекала на грудь
И отрадой забвенья давала их душам вздохнуть,
В эти звездные ночи, когда их живое тепло
Прямо в сердце земли благодарной рекою текло,
Как могла ты не чувствовать в тихой полуночной мгле
Счастья тех, что устало прильнули к родимой земле?

Необъятно велик нашей матери сумрачный дом,
Из листвы и цветов расписная завеса на нем,
И оттуда она, из бездонных своих кладовых,
Вечной жизнью и юностью тайно питает живых.
Там, в жилище забвенья, припав к материнской груди,
Долго-долго спала ты, не зная, что ждет впереди,
В темных недрах земли, где ночная прохлада царит,
Где всемогущая вечность в беспечном беспмятстве спит:
Спит на ложе огромном, что устлано пылью веков,
Ветхой гнилью когда-то увядших в жару лепестков,
Пеплом звезд отпылавших, лоскутьями славы былой,
Старой ржавчиной горя и счастья остывшей золой...

Там великая мать, терпелива, нежна и тиха,
Стерла с дочери падшей последние струпья греха,
И сегодня явилась ты, облик сменив вековой,
Незнакомою девой — прекрасной, безмолвной, живой.
Удивленно глядишь на зари золотой окоем,
А ночная роса, что осела на камне твоём,
Словно слезы восторга, дрожит в переливах огней
На распущенных косах, упавших до самых ступней.
А разросшийся мох, что тебя столько лет одевал
И мохнатым, густым под осенними ливнями стал,

Словно плащ бархатистый, еще обвивает твой стан, —
Он тебе на прощанье заботливой матерью дан.

Мир улыбкой знакомой тебе улыбается вновь,
Сквозь ожившие члены струится ожившая кровь,
В твой очнувшийся разум, как влага — в открытый сосуд,
Отовсюду стремительно прежние знания текут.
Далеко твое сердце ушло по дороге веков,
И остались в пыли лишь следы одиноких шагов...
Собираются люди вокруг любопытной толпой,
Но, едва подойдя, содрогаются перед тобой
И глядят, не дыша, это чудо стремясь разгадать,
Словно сами готовы камнями безгласными стать.

Новым детством омыта, лучами зари залита,
Величаво и нежно сияет твоя нагота.
Так чиста эта юность, как лотоса чистый бутон,
Что из чаши зеленой навстречу весне устремлен.
Из пучины проклятья, из тьмы нескончаемых лет
Ты над морем забвения встала, как первый рассвет.
Друг на друга вы смотрите, новой любовью любя:
Ты — на солнечный мир, а восторженный мир — на тебя.
С берегов бесконечного путь ты обратный нашла,
В небе знания извечного новой звездой возшла.

МОЕ СЧАСТЬЕ

В своей полутьме ты вся во власти любви, уюта,
весенней страсти,

Но знаю, все равно,

На ароматном покоясь ложе, ты не почувствуешь того же,
Что почувствовать мне дано.

Бывают минуты: видишь где-то только игру воды и света
И призрачных облаков,

И вдруг проступают смутно, зыбко твой взор горячий,
твоя улыбка,

И слышится нежный зов.

Ко мне доносится постоянно твой мягкий голос, как из
тумана,

Натягивается нить,

Но не тревожит голос милый. Того, что сердце мое
вместило,

Ты не смогла вместить.

Если б могла ты, развеяв смуту, хоть на вечер,
хоть на минуту

Подумать о нас,

Подумать лишь обо мне единем, так же как я, в углу
пустынном

Уединясь.

Если бы флейты далекой пенье твое прервало оцепененье,
И вдруг из очей

Хлынули б слезы скорби безмерной, и в них засиял бы
свет вечерний

Души моей!

И сердце твое, в лучах блистая, скользило бы, как
ладья золотая,
Колеблемая волной!

Тогда слились бы целого части, тогда узнала бы таинство
счастья

И ты со мной!

Но разве ты разгадать сумела те чувства, которым нет
предела,

Вихри холода и огня?

Или меня до конца с начала ты, словно книгу, прочитала
И потому бросаешь меня?

Страстный порыв не сдержать преградам, — чтоб душу
увидеть, надо быть рядом.

Я беспределен, и только мной

Сможешь заполнить свод небесный, все высоты, глубины,
бездны,

Весь необъятный мир земной.

Здесь я, — не будь несмелой и слабой. Только во мне
вместить смогла бы

Ты упования свои.

Или тебе непосильно это? Сколько во мне тепла и света,
Сколько любви!

В сердце моем могла бы мгновенно ты приобщиться
ко всей вселенной,

Это — святая святых.

Но ты, не приняв моих сокровищ, жизнь обесценишь и
обескровишь

И слов не поймешь моих.

О, богохульство и святотатство! Прочь уношу мои
богатства.

В памяти твой исчезает след...

Ждет меня только уединенье в царстве иллюзий и
сновидений.

Больше не будет ни благ, ни бед.

Все мои краски и песнопенья, все познания и откровенья,
Молитвы, страсти, мечты,

Всю вселенную, все начала, которые сердце мое
вмещало, —

Их не вместила ты.

Из книги
«ЗОЛОТАЯ ЛАДЬЯ»
(«Шонар тори»)

1893

ЗОЛОТАЯ ЛАДЬЯ

Хлещет ливень, и мрак небеса заволок.
Я стою у реки. О, как я одинок!
Мой урожай был к сроку сжат,
У ног моих снопы лежат.
Река размыла перекат,
Блещет стремнины клинок.
Хлещет ливень. Я жду. Я до нитки промок.

Я один на пустынном прибрежном лугу.
Что на том берегу — разглядеть не могу.
Чуть вырисовывает мгла
Штрихи деревьев у села,
А хижины заволокла.
Здесь, на этом пустом берегу,
Ни души. Я один на прибрежном лугу.

Чу! Над бездной реки чья-то песня слышна!
Я узнал эту песню! Все ближе она.
Над лодкой парус распростерт,
Он реет, он полетом горд.
Бессильно бьется в твердый борт
Речная волна.
Эта песнь мне знакома! Все ближе она!

Друг мой, в какой направляешься край?
Погоди! Прошу тебя — не уплывай!
Хотя б на миг причаль! Пстой!
Возьми мой урожай с собой!
Потом отчалишь в край любой.
Только мой золотой урожай
Ты в ладью забери. Хочешь — людям отдай!

Все возьми. Все тебе до зерна отдаю.
Погляди, нагрузили мы лодку твою.
Я здесь трудился столько дней!
На ниве я стою своей,
Ни колоска теперь на ней.
Я один у причала стою.
Ты возьми и меня в золотую ладью!

Места нет, места нет, слишком лодка мала,
Много места поклажа моя заняла.
Наш край безмолвен, а над ним
Клубятся тучи, словно дым.
Над полем я стою пустым,
Все я отдал дотла.
Далеко золотая ладья уплыла.

ВЕЧЕРАМИ В ДЕТСТВЕ...

Тихо-тихо, неслышно, над рощами и над рекой
Разливается мгла, и печальный вечерний покой,
Словно краем одежд материнских, окутал холмы,
Где один я стою — на границе заката и тьмы.
Широко предо мной разостлались луга и пески,
Облака на закате, темнеющий берег реки,
И безмолвно, как будто душой уходя в глубину,
Я вбираю в себя этот мир, отходящий ко сну.
Вот опять вдалеке, из-за медленно меркнущих туч,
Словно взор истомленный, блеснул догорающий луч,
А кругом — тишина, все темней изнуренная даль,
На земле, на воде — всюду сумрак, усталость, печаль...

Вдруг откуда-то песня... Как был он певуч и высок,
Этот детский, беспечный, звеневший вдали голосок!
Это мальчик-пастух возвращался в селенье домой,
В полумраке один шел бесстрашно тропинкой лесной.
А ребяческий голос взвивался и креп на лету,
И казалось, вот-вот разорвет пополам темноту.
Я не видел певца: все темней становилось вокруг,
Стоя в поле пустом, я лицом повернулся на юг.
Там, у края земли, где с холмами слились облака,
Где кончаются заросли сахарного тростника,
Где арек и бананы широкие листья сплели,
Средь бамбуковых рощ отдыхало селенье вдали.

И представилось мне, как идет этот мальчик домой:
Он не смотрит ни в небо, ни в поле, покрытое тьмой,
Беззаботный, доверчивый, весело глядя вперед,
Неприметной тропинкой в селенье идет — и поет.

И припомнил я детства таинственные вечера,
Вспомнил сказки — так ясно, как будто их слышал вчера,
Наши игры и нашу постель, где мы спали втроем...
О счастливые дни — их уже никогда не вернем!
Неужели весь мир вместе с нами с тех пор постарел,
Позабыл эти игры под бременем будничных дел,
И туман равнодушный затмил ему взор навсегда?
Неужели от детских забав не осталось следа —
Только твердые знания царят?.. Так стоял я один,
В полутьме озирая простор молчаливых равнин,
Слушал голос ребенка, теряющийся в тишине,
И внезапная дума рождалась и зрела во мне.

Сколько в мире таких же селений, пасущихся стад,
И святилищ, и храмов, где гонги у входа гремят,
Сколько манговых рощ, и садов, и уснувших прудов,
И жилищ, где семья собирается после трудов,
Где все новая радость течет, наполняя сердца,
Где до позднего вечера сказки звучат без конца...
Эти сказки... О, сколько фантазии в них огневой,
Сколько тщетных надежд, сколько дум, сколько веры
живой,
Негасимой мечты!.. И, раскинувшись без покрывал,
В блеске звезд предо мною по-новому мир предстал:
Полный мальчиков, девочек, ласковых глаз и речей,
Полный лиц матерей, тихих сказок, мерцанья свечей.

СЫН РАДЖИ И ДОЧЬ РАДЖИ

(Сказка)

У Т Р О М

Сын раджи и дочь раджи ходили
К одному наставнику учиться,
С детских лет друг друга полюбили —
Так уж было суждено случиться.
Жили, то надеясь, то печалась,
А когда на полпути встречались,
Друг на друга глянуть не решались
От волнения или от стыда...
Девушка всегда вперед спешила,
Шел за нею юноша всегда.
Лес тонул в цветах и песнях птичьих,
В листьях ветер утренний играл,
Падали цветы из кос девичьих,
Юноша их молча подбирал.

В П О Л Д Е Н Ь

Дочь раджи сидит на возвышенье,
Сын раджи — поодаль, на песке.
У задачи трудное решение —
Чертят молча мелом по доске.
После принимаются за чтение,
Девушка забылась на мгновение,

Уронила книгу с возвышенья,
Юноша спешит ее поднять,
Снова продолжается ученье,
Вскоре книга падает опять...
Тихо крона бокула вздохнула,
И кукушка о любви твердит.
Девушка на юношу взглянула,
Юноша на девушку глядит.

НА ЗАКАТЕ

Дочь раджи идет домой с ученья,
Сын раджи идет за нею вслед,
Все вокруг полно для них значенья —
Непонятных знаков и примет.
Ожерелье девушка снимает,
Им в руке задумчиво играет,
Незаметно в пыль его роняет,
Юноша торопится вперед,
Но в полузабвеньи от смущенья
Ожерелье ей свое дает...
Солнце медлит на пороге ночи,
Над рекою разостлалась мгла.
Юноша вернулся в дом свой отчий,
В отчий дом и девушка вошла.

НОЧЬЮ

Дочь раджи на златотканом ложе
Грезит о суровой красоте.
Сын раджи на сребротканом ложе
Грезит о девичьей чистоте.
Счастье и несчастье где-то рядом
Ходят вместе за дворцовым садом,
Ночь дрожит под беспокойным взглядом,
Бьется сердце, катится слеза...
Юноша во тьме улыбку видит,
Девушка — горячие глаза...
Хлещет дождь, грозы гремят раскаты,
Дикий ветер стонет за окном...
Оба спят, их изголовья смяты,
Оба спят одним тревожным сном.

Сын раджи великого, прошел я
 Через семь морей, тринадцать рек,
 Столько ослепительных красавиц
 Повидал не каждый человек.
 Помню, как одни мне песни пели,
 А другие плакали у ног,
 У одних был смех похож на слезы,
 У других — на яростный клинок.
 Эти шли домой высокомерно,
 Те в тоске глядели мне вслед,
 Но звезду, что мне во сне сияла,
 Отыскать не мог я много лет.
 Но однажды, далеко отсюда,
 В царстве сна со мной случилось чудо:
 Дочь раджи я спящую узрел,
 Ожерелье ей свое надел...

Как-то ночью я, дрожа, проснулся,
 Вспоминая, что приснилось мне.
 Встав неслышно, я из дома вышел
 В чуткой, предрассветной тишине.
 На востоке ночь уже редела,
 Мерк светильник утренней звезды,
 День рождался, но еще дремали
 На земле селенья и сады.
 Предо мной тянулась вдаль дорога,
 Вдоль нее — деревья без конца.
 Вон он, путь, — подумал я внезапно, —
 Что ведет к вратам ее дворца.
 Там, вдали, в такой же мгле рассветной,
 Дремлет край мечты моей заветной,
 И казалось, лик ее всплывал
 В легкой пене белых покрывал.

На коня вскочил я... В диком беге
 Пронеслась за страной страна...
 И однажды в сумерках глубоких
 Наконец достиг я царства сна.
 Неподвижным было все живое,
 Ни души на темном берегу...

Я вздохнуть не смел: казалось, тотчас
Всю страну я разбудить могу.
Спал дворец, внизу река шумела,
А внутри — ни звука, ни огня.
Чуть дыша, я шел по темным залам,
Страх мой крался впереди меня.
Спал раджа, спала его супруга,
Спали все: и стража и прислуга,
Лишь из дальней спальни расписной
Свет струился золотой волной.

Там горел светильник драгоценный,
А на ложе дочь раджи спала.
Вздрагнул я, узнав ее мгновенно,
Грудь от сладкой боли замерла.
Темные, как тучи грозовые,
Разметались волосы ее,
Юной чистотой светилось тело —
Лотос, погруженный в забытье.
Видел я, как ткань приподнимая,
Тихим сном волнуемы слегка,
Сквозь одежды проступали нежно
Два ее нетронутых цветка...
Что сказать? Для этого виденья
На земле не отыскать сравненья...
В царстве сна, в бездонной тишине
Это было словно сон во сне!

Я стоял, сдавив руками сердце —
Грудь оно хотело разорвать,
На ковер я сел у изголовья,
Чтоб глаза ее поцеловать.
Сквозь полузакрытые ресницы
Две звезды светились предо мной,
Словно в щель дверную, заглянул я
В светлый дом, объятый тишиной.
«... Я тебя, о Спящая, увидел
И рабом твоим отныне стал...» —
Копотью светильника ночного
Я на листьях пальмы написал

И на нить дрожащими руками
Нанизал их вместе с жемчугами...
Тайный знак оставить я хотел:
Ожерелье ей свое надел.

П Р О Б У Ж Д Е Н И Е

В царство сна проникло пробужденье,
Трепет по земле прошел,
На ветвях проснулся щебет птичий,
На цветах — жужжанье пчел.
Заворочались слоны в загонах,
В тесных стойлах — жеребцы.
В гулких залах снова к состязаньям
Приготовились борцы.
У дверей глаза протерли слуги,
Стражи — у дворцовых врат,
На небо взглянули с удивленьем:
То рассвет или закат?
Во дворце раджа раджей проснулся
С нежноликою женой,
И чуть слышно дочь его вздохнула
В тихой спальне расписной.
В полутьме еще горел светильник,
Благовонный дым редел...
Поднялась — и вздрогнула внезапно:
«Кто здесь был? Кто мне в лицо глядел,
Ожерелье на меня надел?»

На груди поправила одежду,
Волосы приподняла,
На чужие жемчуга взглянула
И в смятенье замерла.
Оглянулась жадно и пугливо:
Тишина кругом царит,
Лишь у ног светильник драгоценный
Ровным пламенем горит.
Сбросила в испуге ожерелье,
Странной мыслью смущена,
Увидала пальмовые листья,
А на листьях — письма.

С нити золотой сняла посланье,
Не сводя тревожных глаз,
На коленях листья разложила,
Прочитала сотни раз.
«Значит, ночью тайно приходил он
И покинул наш предел...»
Бьется, бьется, спрашивает сердце:
«Что за знак он мне подать хотел —
Ожерелье на меня надел?»

А сквозь окна из цветущей рощи
Зов кукушки долетал,
Вешний ветер в комнату ворвался
И коснулся покрывал.
Свежий запах с цветников донесся,
И в объятьях тишины
Мир застыл, омыт и очарован
Поцелуями весны.
Начал вновь слагать свой гимн победный
Пробудившийся певец,
У ворот запела нежно флейта
О разлуке двух сердец.
По тенистой, узенькой тропинке
Сходят женщины к реке,
Звон кувшинов, звяканье браслетов
Слышатся невдалеке.
Бьют копыта, и бранятся слуги,
Жизнь полна забот и дел..
Дочь раджи, закрыв глаза, мечтает:
«Он вернется! Он мне ждать велел —
Ожерелье на меня надел!»

И она то снимет ожерелье,
То опять спешит надеть,
То в руках перед собою держит,
Чтоб получше разглядеть,
На постель кладет и долго смотрит,
Не насмотрится никак, —
Словно ждет, что станет вдруг понятным
Этот непонятный знак.

Сколько звуков раздаётся в мире —
Все звенит, зовет, поет,
Но вот этой — самой главной — тайны
Ей ничто не выдает!
Только шепчет, шепчет вешний ветер
Возле самого лица,
Да вдали кукушка зов печальный
Повторяет без конца.
Ропщет память — нечем ей заполнить
Этот горестный пробел...
Дочь раджи дрожит, склонясь на ложе:
«Кто же тот, что ночью здесь сидел,
Ожерелье на меня надел?»

Кто? Откуда? И каков он с виду?
Как он во дворец проник?..
Ярких глаз огонь неутолимый
Ей почудился на миг.
Словно он явился ей — и тотчас
Растворился без следа,
И осталось только удивленье
Да томление стыда.
Рядом с нею он сидел и трогал
Руки, волосы, плечо...
Это от его прикосновений
До сих пор ей горячо!
Дрогнула, лицо в ладонях пряча,
Слезы брызнули из глаз...
Почему предательский светильник
В ту минуту не погас?
Снова с шеи жемчуга рванула, —
Жгут они большее стрел! —
На подушки, зарыдав, упала:
«Как он оскорбить меня посмел —
Ожерелье на меня надел!»

Дни и ночи медленно уходят,
Облетел жасмин весны,
Льют дожди, густыми облаками
Небеса омрачены.

В старой роще зацвели кадамбы,
И с улыбкой у ворот,
Грудь луной серебряной украсив,
Осень поздняя встает.
Лес осыпан белыми цветами —
То шефали расцвела,
Холода настали: все печальней
По ночам сырая мгла.
Мир как будто плачет и смеется
И росой кропит листву,
И опять фальгун цветы рассыпал
Из корзины на траву...
Кто узнает, ждет его счастливый
Или горестный удел?..
Дочь раджи глядит в окно тоскливо:
«Где же тот, кто был так добр и смел —
Ожерелье на меня надел?»

«ХИНГ, ТИНГ, ЧХОТ!»

(Сновиденье)

Раджа Хобучондро в раздумья свои погружен:
Приснился радже среди ночи таинственный сон.
Увидел он трех обезьянок... Да, именно трех!
Усердно они выбирали и щелкали блох.
Когтями своими — едва шевельнется раджа —
Царапали больно лицо его, тонко визжа.
Но вот в изголовье внезапно сменил обезьян
Неведомо как очутившийся рядом цыган.
К радже наклонившись, он вымолвил: «Птица летит!»
Над самым лицом его громко заплакал навзрыд
И вдруг, подавив Хобучондро безвольный протест,
Раджу посадил на высокий и гнушийся шест...
И старая, старая женщина, жутко смеясь,
Ступни Хобучондро внизу щекотать принялась.
Брыкая ногами, от страха всем телом дрожа,
Кричал: «Помогите!» — и бился, как птица, раджа.
Никто не являлся спасти Хобучондро, и вот
Цыган прошептал ему в ухо слова: «Хинг, тинг, чхот!»

Воистину так!
Сновиденье подобно амрите.
Рассказу поэта —
Певца из Гаура — внимлите.

Шесть дней не смыкали сыны добродетели глаз,
Все царство сидело и думало, не шевелясь.
Мужья молодые с почтенными старцами в ряд
Молчали, вперив в беспредельность задумчивый взгляд.
Забросил занятия ученые местный пандит,
Вся кровь отлила от его побледневших ланит.
Он мыслил, в персты шевелюру густую забрав.
Не бегали дети, отстали от шумных забав.
Все женщины даже, — и это, видать, неспроста, —
Казалось, всерьез и надолго сомкнули уста.
И жены, и дети, и мысли могучей мужи
Пытались проникнуть во смысл сновиденья раджи.
Тяжелая дума на каждом из ищущих лиц.
Затылки и шеи, понуро склоненные ниц,
Как будто бы там, под землю, скрывался ответ,
Как будто за трапезу сели, а трапезы нет.
Лишь изредка слышались вздохи, да чей-нибудь рот
Исторгнет задумчивым возгласом вдруг: «Хинг, тинг, чхот!»

Воистину так!
Сновиденье подобно амрите.
Рассказу поэта —
Певца из Гаура — внемлите.

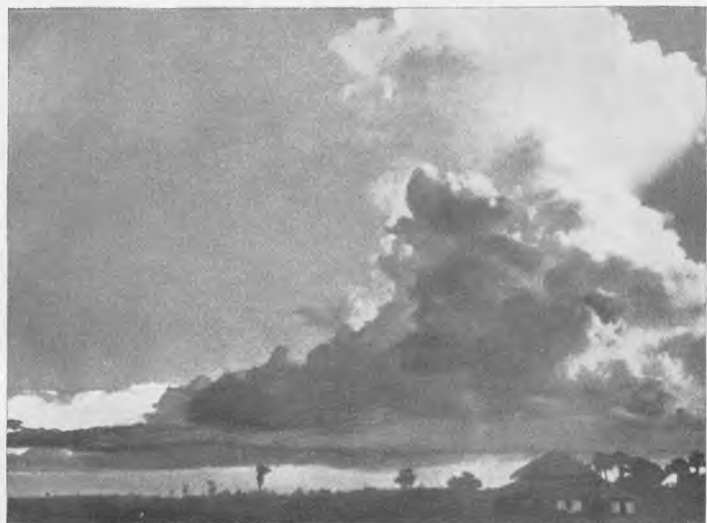
Шло время. И вешего сна Хобучоцдро лучи
Достигли пределов Магадхи, Кошалы, Канчи.
Отсюду стекались сюда мировые умы,
Чтоб тайну виденья великого вырвать из тьмы.
Прославленный отпрыск певца Калидасы — и тот
Покинул Уджайни по манию слов: «Хинг, тинг, чхот!»
Пандиты потели, барахтаясь в книжной пыли,
Чихали, сопели и враз головами трясли.
И шрути и шмрити они извлекали на свет
И даже в пуранах желанный искали ответ.
Один порывался полезть за разгадкой в словарь,
А этот пытался осмыслить украдкой букварь.
Рябили здесь знак анусвара и висарга знак —
Все тщетно: ответ мудрецам не давался никак.
В унынье, со лбов вытирая струящийся пот,
Мыслители хрипло шептали слова: «Хинг, тинг, чхот!»

Воистину так!
Сновиденье подобно амрите.
Рассказу поэта —
Певца из Гаура — внемлите.

А время бесплодно тянулось. И день наступил,
Когда Хобучондро, теряя терпенье, спросил:
«Найдется ли в царстве неверных разумный пандит,
Что мне сновидения смысл до конца прояснит?»
Вот греки явились, и грянула музыка вдруг,
Заполнили звуки большое пространство вокруг.
Глаза голубые и золото рыжих волос,
Одежда и лица — все было курьезным до слез.
Без всяких вступлений они заявили: «Мы тут
Вам выделить можем всего лишь семнадцать минут.
Быстрее задавайте вопросы — и дело пойдет».
И все, кто их слышал, вскричали одно: «Хинг, тинг, чхот!»

Воистину так!
Сновиденье подобно амрите.
Рассказу поэта —
Певца из Гаура — внемлите.

Пришельцам рассказано было о чуде ночном,
И лица язычников вспыхнули гневным огнем.
По левой ладони ударил их правый кулак,
И молвили греки: «Здесь шутят над нами никак?»
Потом оказался какой-то француз впереди;
Слегка поклонившись и руки сложив на груди,
С учтивой улыбкой, как будто прощенья моля,
Сказал: «Сновиденье достойно и впрямь короля!
Не скрою: не каждому видеть такое дано,
Но кажется мне, что... значенья оно лишено.
Хоть я понимаю, что сон этот видел король,
Но в смысле какого-то смысла мне мыслится ноль.
Пускай «Хинг, тинг, чхот» пронеслось в голове короля —
В нем тайны не больше, чем в самом простом «тра-ля-ля».
Но пусть меня правильно общество ваше поймет:
Мне было приятно услышать от вас: «Хинг, тинг, чхот!»

Шангиникетон

Воистину так!
Сновиденье подобно амрите.
Рассказу поэта —
Певца из Гаура — внемлите.

Француз замолчал, и поднялся неистовый крик:
«Прочь, рыжий бездельник, глупец, негодяй, еретик!
Сон — форма мышленья — и только, доказывал ты.
Да это грабеж! Мы не стерпим такой клеветы.
Глубокою верой известен наш мудрый народ.
Неверный, ты хочешь принизить слова: «Хинг, тинг, чхот».
Нет, набожность наша не внемлет бессовестной лжи!»
Дрожащий от гнева послышался голос раджи:
«Сажай, Гобучондро, безбожников между шипов,
Свяжи их веревками крепче да выпусти псов!»
Приказ был исполнен. Был суд над неверными крут.
Безумцев не стало. Прошло лишь семнадцать минут.
Покой воцарился, промчалась лихая гроза,
Умильные слезы застлали ученым глаза.
Их взоры витали за гранью небесных высот,
И, руки воздев, возопили они: «Хинг, тинг, чхот!»

Воистину так!
Сновиденье подобно амрите.
Рассказу поэта —
Певца из Гаура — внемлите.

Но вот из Гаура явился отшельник-пандит.
Шептали вокруг, что на родине он знаменит,
Что знает он многое. Бритой была голова,
Одежды его наготу прикрывали едва.
Был худ он настолько, что мог бы сойти и за труп,
Но голос его оказался как тысяча труб.
Манерам его изумился ученый синклит:
Ни слова привета не вымолвил гордый пандит.
Его попросили назвать свое имя и дом —
Тогда и раздался в ответ оглушительный гром.
Спросил он: «Чему разъяснение должен я дать?»
Ученые, все как один, закричали опять:
Мол, пусть объяснение гость из Гаура найдет
И сну Хобучондро, и тайным словам: «Хинг, тинг, чхот».

Воистину так!
Сновиденье подобно амрите.
Рассказу поэта —
Певца из Гаура — внемлите.

Когда потонул в тишине перезвон голосов,
Гортанная речь зазвучала на много часов:
«Доступны рассудку идея и фабула сна,
Привычная форма виденья предельно ясна:
Три глаза у Шивы, три века, субстанции три,
Противоречья природы и личности скрыты внутри,
А именно: здесь разделенье, движение, связь
С явлением Шивы последняя оборвалась.
Отталкиванье, тяготенье, пуруша, пракрити,
Распад, единение атомов, если хотите,
Причина и следствие... Если же дальше пойдём,
То мысль, совершенство, энергию тут же найдём.
По трем направленьям развитие триады идет,
А это, иными словами, и есть «Хинг, тинг, чхот».

Воистину так!
Сновиденье подобно амрите.
Рассказу поэта —
Певца из Гаура — внемлите.

Отшельник умолк, и послышались крики: «Прекрасно!
Все просто и мудро, и каждое слово так ясно!»
Как тучи на небе, пред истинной силой ума
Рассеялась тайны виденья угрюмая тьма.
Раджа Хобучондро, вздохнув облегченно, привстал
И тощего гостя короной своей увенчал.
Придавленный ею, бенгалец держался едва,
То влево, то вправо клонилась его голова...
Волненья забылись. Настал долгожданный покой.
И вновь забавляются дети веселой игрой,
И ожило царство — за трубки взялись старики,
Все женщины вмиг развязали свой языки,
И тайной не мучился больше счастливый народ,
Постигший разгадку таинственных слов: «Хинг, тинг, чхот».

Воистину так!
Сновиденье подобно амрите.
Рассказу поэта —
Певца из Гаура — внемлите.

Вы слышали, братья, как мудро толкуются сны?
От тьмы заблуждений теперь мы отречься должны.
Молвой о реальности мира того не проймешь,
Кто верит, что в правде самой заключается ложь;
Кто знает: все сущее — только иллюзия, бред;
Ничто — вот реальность, а прочего попросту нет!
И если секрет сновидения слишком уж прост,
Разумный к нему, не стесняясь, приделает хвост,
Сумеет понятное тонко туманом облечь...
Не лучше ли, братья, и нам позевать да прилечь,
Поскольку, надеюсь, понятно теперь и для вас,
Что мир наш — иллюзия, если смотреть без прикрас,
И лишь сновидения правдою можно назвать,
А правде другой не приказано существовать.

Воистину так!
Сновиденье подобно амрите.
Рассказу поэта —
Певца из Гаура — внемлите.

П Р О Б Н Ы Й К А М Е Н Ь

Пропыленный, косматый безумец идет,
Он жаждет в пути камень пробный найти.
Губы сжав, шагает вперед и вперед,
Он бесплотен, как дух, безмолвен и глух.
Лишь глаза не погасли. Горят в ночи,
Словно два светляка, словно два уголька,
Каждый камень ошупывают их лучи.
К тем, кто бедно одет, в людях жалости нет,
Не накормят, не пустят тебя на порог.
Ты в пыли, в грязи — ни о чем не проси,
Кто к тебе снизойдет? — ты нищ и убог!
Сколько бед и невзгод! Но скиталец бредет,
Гордится свободою и нищетой.
Он всегда презирал благородный металл,
Пробный камень дороже казны золотой.

Море вздыбилось, море скитальцу грозит,
На пути, как стена, вырастает волна,
Глядит не мигая, бездонный зенит,
Хохочут ветра, и с утра до утра
Море злобно смеется оскалом волны.
Над сверканьем вод утром солнце встает,
Вечерами всплывает светильник луны.
Стихнет шторм — и тогда что-то шепчет вода;
Океану поручено тайну беречь,
Но поведать он рад, где скрывается клад.

О! Когда б могли мы понять его речь!
Не томясь, не скорбя, он поет для себя,
Увлеченный пеньем, забыл обо всем.
Люди шли — кто куда, прошли — ни следа.
Странник ищет камень и ночью и днем.

По преданью, возник в незапамятный год
Первой звездочки свет (так золота след
На поверхности пробного камня сверкнет).
И один за другим к побережьям седым
Любопытные боги и духи пришли,
Поглядели на дно — в пучине черно;
Стояли в молчанье, склонясь до земли;
Тих был моря напев. Тогда, осмелев,
В пучину они погрузились — и вмиг
Устремились ко дну, возмутив глубину,
Взбаламутили вечный подводный тайник,
А из пены густой, блистая красой,
Лакшми вышла — богиня с ясным челом.
Здесь, у пенистых вод, нынче путник бредет,
Пробный камень ищет и ночью и днем.

Он устал, но встает и шагает опять.
Сколько минуло лет! — камня пробного нет,
Нет надежды — осталась привычка искать.
Так всю ночь напролет птица друга зовет,
Но навеки покинута, вечно одна,
Не умолкнет и днем, тоскует по нем,
Нет надежды — и все же поет она.
Океаном века правят боль и тоска,
Он кого-то зовет — не зная, кого.
В пустынный простор он объятья простер,
Вечный поиск — предназначенье его.
Мир в движенье всегда — звезд кочуют стада,
Вечно ищет кого-то в скитанье своем,
Так над пеной морской, забыв про покой,
Странник ищет камень и ночью и днем.

Как-то встречный мальчишка кричит: «Постой!
Где ты цепь эту взял? Сверкает металл!
Опоясан ты цепью, видать, золотой!»
И тот — потрясен: явь или сон?

Золото?.. Цепь ведь железной была!
Он ошупал ее — золотое литье!
Странное дело! Как цепь тяжела!
Мутным стал взор, руки путник простер
И, рыдая, упал на дорогу, во прах.
Труден был путь. Тот миг не вернуть,
Когда камень заветный держал он в руках!
Брел ночь он и день, трогал каждый кремь,
Не глядя, прикладывал к цепи своей.
Как тут горю помочь? Отбросил он прочь
Пробный камень — один меж сотен камней!

Солнце сонно садится над ясной водой,
Позолочен простор, весь в огне кругозор.
Снится тихому вечеру сон золотой.
Человек изнемог, но бредет на восток,
Снова ищет он то, что, найдя, не нашел.
Изможден, изнурен, сутулится он,
Сердце высохло, словно поверженный ствол.
Тропы тянутся вспять, ни души не видать,
Тропы тянутся из ничего в никуда.
Пути далеки, бескрайни пески,
Ночь окутала мир, ни пути, ни следа.
Быть полжизни в пути, мысля: «Только б найти!»
На миг прикоснуться, не зная о том!
И полжизни опять тому же отдать, —
Пробный камень разыскивать ночью и днем.

ДВЕ ПТИЦЫ

Пленница в клетке жила золоченой,
Вольная птица — в глуши лесной,
Не знали друг друга, судьбой разлученные,
И вот повстречались они весной.

«Умчимся, — лесная птица вскричала, —
Будем вдвоем в небесах кружить!»

«Останься, — ей пленница отвечала, —
Будем вдвоем в этой клетке жить!»

Лесная птица сказала: «Нет!

Я в клетке и дня прожить не могу!»

Ответила пленница ей: «Увы!

А я в небесах кружить не могу!»

Тысячи песен чудесных знала

Та, что в лесах провела весну,

Песней заученной отвечала

Та, что с рожденья жила в плену.

«Спой, — попросила лесная птица, —
Как на зеленой ветке поют!»

«Спой, — возразила ручная птица, —
Как в золоченой клетке поют!»

Лесная птица сказала: «Нет!

Чужих я песен не признаю!»

Ответила пленница ей: «Увы!

А как я лесную песню спою?»

«Смотри, как небо лучисто, ясно,
Зарей залито со всех сторон!»
«А в клетке так чисто и безопасно,
Она закрыта со всех сторон!»
«Мы будем резвиться в небе огромном,
Мы в облака улетим вдвоем!»
«Останься! Здесь, в уголке укромном,
Мы счастье безоблачное найдем!»
Лесная птица сказала: «Нет!
В клетке нельзя ни летать, ни петь!»
Ответила пленница ей: «Увы!
А можно ли на облаках сидеть?»

Родными друг другу они казались,
Лишь прутьями клетки разделены,
Клювами нежно они касались,
Сердцем к сердцу устремлены,
Горестно крыльями трепетали,
Но не могли друг друга обнять,
Жалобно звали и щебетали,
Но не могли друг друга понять...
Лесная птица сказала: «Нет!
Страшно в неволе остаться мне!»
Ответила пленница ей: «Увы!
Нет сил у меня летать в вышине!..»

НЕ ОТПУЩУ ТЕБЯ

Ждет повозка меня. Полдень за окнами жгуч.
Все горячее солнца осеннего луч.
На безлюдном проселке шальной суховой
Гошит желтую пыль. А под сенью ветвей
Старая нищенка, пыльное сбросив трянье,
Дремлет в тени — жара разморила ее.
Тихо, как в полночь. Слышу — звенит тишина.
Лишь в доме моем суета. И мне не до сна.

Праздник Пуджи прошел. Покидаю семью,
Возвращаюсь я в город, на службу свою.
Мечутся слуги, снуют домочадцы вокруг,
Багаж мой пакуют руки проворные слуг.
Слуги спешат, их крики повсюду слышны.
Вижу, как слезы блестят в глазах у жены.
Камень тяжелый разлуки давит ей грудь,
Искогда плакать ей, некогда и вздохнуть,
Даже на миг не присела с утра.
Сколько вещей уложить! Не багаж — а гора!
Сколько вещей! И тут я сказал: «Не пойму,
К чему мне все эти горшки и кувшины? К чему?
Эти тюки, чемоданы? Не стоит их брать!
Не по душе мне вся эта царская кладь!
Много ли надо мне?»

Но непреклонна жена:

«Все пригодится — вещь любая нужна.
Едешь один. Когда приедешь опять?
Разве в городе все это можно достать?
Что за горох! Что за рис! И бетель хорош!
Вот орехи, а тут, в мешочке, найдешь
Твердую патоку. Тут — бутылка молока;
Вот — с маслом горчичным кувшин; два горшка
Сладостей разных — совсем небольшие горшки;
Вот немного лекарств — пузырьки, порошки;
Вот кокос, погляди, как он спел, как он свеж!
Поклянись, дорогой, что ты все это съешь!»
Я гляжу, как растет чемоданов гора.
Понял — спор бесполезен. В дорогу пора!
Гляжу на часы и, помедлив чуть-чуть,
Говорю: «Будь здорова, пора мне в путь!»
И, слезы не сдержав, отвернулась жена,
В покрывало лицо свое прячет она,
Крепится она, чтоб не плакать навзрыд.

У порога — вижу — в молчанье сидит
Четырехлетняя дочка моя. В этот час
Умывают и кормят ее всякий раз,
Раздевают, укладывают в кровать.
Но сегодня забыла о девочке мать,
Сегодня пелегкий у матери день.
Дочка с утра ходила за мною, как тень,
Жалобно жалась ко мне, молчанье храня,
Глядя, как собирают в дорогу меня.
Видно, устала, сидит на пороге, грустя.
О чем она думает — это дитя?
Я говорю: «Уезжаю, родная. Прощай!»
Вдруг побледнела. И слышу: «Не уезжай!
Не отпущу тебя!» Эти слова как приказ.
С места не сдвинулась, не вскинула глаз,
Не закричала. Сидит ни жива ни мертва.
Только сказала, свои утверждая права:
«Не отпущу!» Боль в моем сердце остра.
Что тут поделаешь! Мне отправляться пора
В путь.

Дитя несмышленое! Знаешь ли ты,
Сколько силы в тебе, сколько в тебе прямоты?
Молвила: «Не отпущу!» — и моею душой
Вмиг завладела. В этой вселенной большой
Как ты мала! Как эта ручонка слаба!
Разве тебе, родная, под силу борьба?
Маленькая, печально сидишь у дверей,
Вооруженная только любовью своей.
В этом мире, где нет расставаньям конца,
Раненные разлукой — бессильны сердца,
Стонут они, взывают к любимым с мольбой:
«Не уезжай! Не хочю расставаться с тобой!»
«Не отпущу!» Кто это вправе сказать?
Как ты смела! Гляжу — улыбается мать.
И уводит меня. Мы выходим во двор;
Обернулся я, встретил твой горестный взор,
Изваянием печали сидишь у дверей,
Сам я плакать готов. Ухожу поскорей.
Долог путь мой. К дороге с боков подступив,
Тихо шепчут колосья желтеющих нив.
И деревья застывшие, выстроясь в ряд,
На свои неподвижные тени глядят,
Вздунлась паводком Ганга, — рокочет река.
Мутны воды. В лазури плывут облака,
Словно ягнята, белеют они в вышине,
Молока насосались — бредут в полусне.
Вздыхаю, гнетет мою душу печаль.
Преодо мной развернулась полудневная даль,
Залил землю осеннюю солнечный свет.
Вижу мир. Устал он от прожитых лет!
Мир печален. Небо в тоске и земля.
Далеко я уехал, кругом — поля,
Но слышу все те же, те же слова:
«Не отпущу!» И далеких небес синева,
И колосья, и корни каждый час, каждый миг
Кого-то зовут, разрывает душу их крик:
«Не отпущу тебя! Не отпущу!» И опять
Слышу я: «Не отпущу!» То земля, словно мать,
Крохотный стебель к своей прижимает груди.
«Не отпущу тебя! — слышу. — Не уходи!»
Гаснет огонь, вот-вот поглотит его тьма,

Но раздувает его природа сама,
«Не отпущу!» — говорит. И колеблется он.
В мире небес и земли с самых давних времен
Этот возглас живет среди звезд и травы:
«Не отпущу тебя! Не отпущу!» Но, увы,
Кто-то должен уйти и не оставить следа.
Изначально так было, так будет всегда.
В океане творенья поток крушенья течет,
Все куда-то плывет, всех куда-то влечет,
Простертые руки у всех, пылающий взор:
«Не отпущу!» И уплывают в простор.
На берег вселенной выносятся зов, и навзрыд
Рокочет волна, передней волне говорит:
«Не отпущу!» Слышен зов, но отзыва нет.
Мир оглох.

Как сотни и тысячи лет,
В этот миг рождается жалобный крик,
Видно, в самое сердце мирозданья проник
Голос дочки моей. Мир младенцу под стать,
Крик его неосознан. Миру тяжело терять
То, что есть, но что уйдет навсегда,
Что из рук ускользает навек, и тогда
Силой любви он стремится беду превозмочь
И твердит, как моя малолетняя дочь:
«Не отпущу!» Лик бледнеет, слезы текут,
В сердце сломлена гордость, но даже и тут
Не признает своего пораженья любовь,
Голос душат рыданья, но слышится вновь:
«Не отпущу!» Каждый раз утверждает она:
«Будет только со мною во все времена
Тот, кто накрепко связан с судьбою моей!
О, желанье мое! — Что в мире сильней?!
Страсть моя! — Что безмерней, тревожней ее?!»
Высокомерно любовь утверждает свое:
«Не отпущу!» Но любимых нельзя удержать,
Кто навеки ушел — не вернется опять.
Пыль взметена. Нет возврата — зови не зови!
Мутные слезы взор застилают любви.
Ей остается, как срубленной, наземь упасть,
Но и тогда она не смирит свою страсть:

«Право мое нерушимо и воля тверда,
Что мое, то пребудет моим навсегда!»
Так перед смертью всеильной бесстрашно стоит
Хрупкая эта фигурка, бессильна на вид,
Раненая, она восклицает, скорбя:
«Ты придумана, смерть! Нет на свете тебя!»
Любовь! И сраженная насмерть, жива ты вовек!
Покрываешь ты землю, как наводки рек.
Вечно в тревоге печальные эти глаза,
Вечно сверкает горячая эта слеза.
Безысходной надежды туманный покров
Землю окутал тревогой. Мне чудится зов,
Чудится: окаменевшую вижу печаль.
Две неразумных ручонки тянутся вдаль.
Тщетно пытаются все мирозданье обнять.
Вижу: на зыбкую воду, на светлую гладь
Темные тени легли — отражает река
Слезами наполненные облака.

Вот почему в немолкнушем шуме ветвей
Слышу тревогу. Бесчувственный суховой
Чахлые листья тревожит. Кончается день,
Медленно удлиняется каждая тень.
Где-то в глубинах вселенной звучит мотив,
Флейта вечности тихо поет, загрустив.
Безучастная, песне внимает земля,
Косы свои распустив, окутав поля,
Воды Джанхави, каждый бугор и между
Тонкою тканью лучей золотистых. Гляжу
На ее побледневший и горестный лик.
Смотрит она: простор безмерно велик.
Земля грустит у порога, точь-в-точь
Как моя малолетняя несмышленная дочь.

К МОРЮ

(На побережье, неподалеку от Пури)

Море! Ты наша праматерь, тобою земля рождена.
Дочь свою к сердцу прижав, не знаешь покоя и сна.
Вечно в тревоге твой дух, надеждой согрет,
Чудится — вслух читаешь страницы священные вед,
Голос твой, звучный, как хор, уплывает в зенит,
К храму Махендры с мольбою летит и, как песня, звенит.
Ты вечно баюкаешь землю, целуешь ее берега,
В пенных объятьях сжимаешь. Тебе дорога
Каждая отмель, и ты лазурным покровом волны
Стараешься землю укрыть. О, как ваши игры нежны!
Ты притворяешься, что сердито. Уходишь прочь.
Кажется — ты покидаешь любимую дочь,
Но возвращаешься вновь, чтоб вновь объятья сомкнуть,
Радостно ты бросаешься суше на грудь
Россыпью белого смеха, и слезы твои
Ей чело увлажняют — знак материнской любви.
Твое сердце любовью полно,
Под стать ему эта любовь — безмерно оно.
Где же здесь берега? Где прячется дно?
Кто поймет беспокойство твое и безбрежный покой?
Что же значат безмолвье твое и вопль неистовый твой?
Что смех твой и слезы таят? Пучина, подчас ты сама
Бурным чувствам своим уступаешь, сходишь с ума,
И на землю бросаешься грудью, давишь ее.
Содрогается суша — страшит ее буйство твое.

Ты душишь ее, ей впору кричать и рыдать.
От любви обезумев, чудовище — ты, а не мать.
Сокрушает землю твоя непомерная страсть,
Вот-вот бросишь ее мраку в бездонную пасть,
В небытие. Но, остыв, ты никнешь в тоске,
Виновато вздыхая на желтом прибрежном песке.
Утро встает над тобой, спокойно глядит на тебя,
Вечер — возлюбленный твой — тебя утешает, любя,
Волны целуя твои, уходит в храм темноты.
Слушает поздняя ночь, как в отчаянье каешься ты.
Глухи рыданья твои, их сдерживаешь с трудом.

Сын земли — сижу на побережье морском.
Кажется, я понимаю твой бессловесный язык, —
Родичам глухонемого звук его речи не дик.
Кажется мне: в этом сердце, в крови моих жил
Только этот язык еще до рождения жил.
Видно, запал он мне в сердце с тех незапамятных дней,
Когда формы еще не обрел я в утробе твоей,
Когда питал мои корни бесформенной почвы послед.
Этот мотив западал сотни и тысячи лет
В душу мою. Эта память еще до рожденья жила,
Это биение жизни, это течение тепла
Взял я из недр материнских и ощущаю, как ток;
Здесь, на пустынном побережье, где стою одинок,
В даль бесконечную глядя из-под опущенных век,
Слышу я древний мотив. Ты было и будешь вовек.
Были еще одиноки пустынные воды твои,
Первое в мире зачатие снилось тебе в забытьи.
В материнской утробе лишь зачинается плод,
Любовь к ребенку в сердце еще не живет,
Но пустоту заполняет, не осознанная пока,
Беспредметная нежность. Рассвет занимался века,
Каждый раз вычисляя рожденья великого час.
Звездные ночи смотрели, не смыкая мерцающих глаз,
На одинокое ложе твое. О первая мать!
Все неясные чувства твои во мне оживают опять,
Непонятная нежность, неосмысленная любовь...
Полон я ожиданья, тревогу чувствую вновь.
День грядущий! Когда же он вступит в права?
Эта вечная память во мне изначально жива.

И меня наполняют затаенная боль и тоска,
Как и ты, я грядущее чувствую издалека,
И тревожится сердце, как будто его глубина
Зачала материк — вот-вот он восстанет со дна.
Сердце, об этом не зная, смутных предчувствий полно,
Волнуется сердце, ищет исхода оно,
Зыбкая в нем надежда и вековечная грусть.
Все это недоказуемо, необъяснимо. И пусть
Разум над этим смеется — не в силах понять,
Сердце предчувствиям верит, сердце — как мать,
Уловившая трепет зародыша в чреве своем,
Сердце ее наполняется нежностью, грудь — молоком.
С неизъяснимой надеждой гляжу в простор голубой.
Море, я кровными узами связан с тобой,
Звонко смеешься и за незримую нить
Хочешь в бездну сердце мое утащить,
Как ребенка.

О море, внемли!

Мой язык — он понятен тебе? Я — потомок твой,
отпрыск земли.

Мается вечно она, места себе не найдет.
Слезы в глазах, жадно дышит запекшийся рот.
Желаний своих не постигнув, блуждает она
В туманном сознание своем без цели, без сна.
О море, в глубинах своих, в своей необъятной груди
Прохладные, как облака, слова утешенья найди,
Нежные руки свои земле на чело положи,
Тяжкие думы рассеи, пылающий лоб освежи
Поцелуями, и прохладой своей осени,
И скажи: «Успокойся, родная! Усни!»

Х Р А М

Я построил свой сумрачный каменный храм,
Недоступный лучам, недоступный ветрам.
Ни дверей, ни окон не оставил я в нем, —
Мрачно в храме моем,
Глухо в храме моем.
Я тяжелые глыбы носил по горам.
Я построил свой сумрачный каменный храм.

В тишине, в глубине поселив божество,
День и ночь я глядел на него.
В созерцанье глубоко минуты текли
В стороне от людей, от тревоги вдали
И от шумов земли.
Я глядел в глубину существа моего,
В тишине, в глубине поселив божество.

Бесконечная ночь. Тихо свечи горят,
Разливая в мерцающей мгле аромат.
Из серебряной чаши с узором резным
Льется сизый, пахучий сандаловый дым.
И плывет, извиваясь в потемках за ним,
Длинных теней причудливый ряд.
Бесконечная ночь. Тихо свечи горят.

Средь бессонных огней я один.
Мне рисуются тысячи тысяч картин,
Непонятных, похожих на сны:

Краски их неясны, формы их неясны...
Только звон, только зов из далекой страны,
Только отзвук зовущих глубин.
Средь бессонных огней я один.

Изогнулись столбы, подаваясь вперед,
Тихо дева-змея среди мрака встает...
То ли пряди волос, то ли кольца змеи,
То ль чудовище подняло лапы свои,
То ль блестит серебро чешуи...
Глыбой давит на плечи мне каменный свод.
Изогнулись столбы, подаваясь вперед.

Сотни странных видений рождает туман:
Кони с крыльями птиц, на коне великан;
Как цветок, среди зарослей диких возник
Тонкий женственный лик,
И любовь, засияв, осветила на миг
Мрак расплывчатый, дебри лиан.
Сотни странных видений рождает туман.

На звенящей земле лишь закрытый мой дом
Нем и ночью и днем.
Шкуру горной козы разостлав на полу,
В полутемном углу
Наполняю молитвою мглу.
Замурован во мраке немом
На звенящей земле лишь закрытый мой дом.

Сколько времени так протекло в полусне!
Погрузившись в себя, жил я в смутной стране;
Озаряясь, душа возносилась на миг,
Точно огненный, взвившийся к небу язык,
Но потом цепенела и гасла. Я сник
Без лучей в духоте. Кровь застыла во мне.
Сколько времени так протекло в полусне!

Но однажды мой храм пробудила гроза, —
Ослепительный блеск опалил мне глаза.
Гром и вихрь грозовой,
Ветра свист, ветра вой
Оглушили мне сердце. Змеей огневой

Боль впилась, и прожгла мою щеку слеза,
Спящий храм пробудила гроза.

Разом рухнули глыбы, стены уже нет.
Сквозь развалины хлынул безудержный свет.
Всеми красками камни вокруг расцвели,
И все звоны земли
В растворенное сердце втекли.
Я проснулся, растаял причудливый бред.
Разом рухнули глыбы, стены уже нет.

И тогда я взглянул на мое божество, —
Луч упал на него —
Отблеск дальних, сверкнувших высот,
И увидел я вдруг: изваянье живет!
Засветились глаза, улыбается рот.
Добрым взглядом касаясь лица моего,
Пробуждается к жизни мое божество.

Свечи меркнут. Колеблется пламя свечи,
Хочет скрыться в ночи.
Неподвижна толпа сновидений немых,
Синих теней ночных.
Точно что-то сковало, опутало их,
Точно их устыдили лучи.
Свечи меркнут. Колеблется пламя свечи.

Песнь, которую долго сложить я не мог,
Вдруг сложилась сама, огласила чертог.
Солнце сотни огней золотистых зажгло,
И раскинуло небо крыло —
В душном храме теперь высоко и светло.
И нашлись сотни рифм, родились сотни строк
Новой песни, которую спеть я не мог.

Пастежь храм растворен! Звон наполнил мой храм —
Он открыт всем лучам, он открыт всем ветрам,
Грому, зовам дорог, —
И дремавший в нем бог
Влился в мощный поток, во вселенский поток!
Грудь открыл я мирам.
Мир — мой храм.

ПЕНОСТИ ЖИМОЕ

Ты понять меня хочешь... Печально глядишь
Мне в глаза, точно в темную гладь.
Ты стремишься понять...
Так глядится звезда в затаенную тишь,
Так глядится в глубины морские луна,
Чтобы в тайну проникнуть до дна.

Но ведь я от тебя ничего не таю.
Я хочу развернуть, распахнуть
Все, чем полнится грудь.
Я хочу, чтоб ты видела душу мою.
Все раскрыл я, туманные тени гоня,
Не поэтому ль ты и не видишь меня?

Если б то, что вмещается в сердце моем,
Было камнем, имеющим форму и цвет,
Только камнем, — тогда б дорогой самоцвет
Я разбил, чтоб куски засветились огнем,
Отгранил, нанизал бы на тонкую нить,
Чтобы шею твою ожерельем обвить.

Если б сердце мое было только цветком,
Нежным, бледным цветком,
Что глядит в водоем,
Чуть качаясь на тоненьком стебле своем, —
Я сумел бы его осторожно сорвать
И украсить волос твоих прядь.

Но оно не алмаз и не бледный цветок, —
У него нет ни стебля, ни граней, —
Это царство твое, моя рани,
Твой бескрайний чертог.
Хоть владеньям своим ты не знаешь предела,
Все твое в нем, ты всем овладела.

Я хочу, чтобы ты поняла...
Что? — Не знаю. Плеск тихих мелодий,
Зов беззвучный, разлитый в природе,
Все, что сердце, как синяя мгла,
Как безмолвное небо ночное,
Сохраняет в глубинах покоя.

Если б грудь переполнилась счастьем одним,
Расцвело бы оно, просияло
Яркой вспышкой алой,
Легким смехом моим, —
И движение губ, трепет глаз, сердца зов
Все б открыли без слов.

Если б боль мою грудь затопила,
Затуманились бы, замерцали глаза
И повисла б слеза,
Скорбь, страданье с упрямою силой
Борозду прочертили б у рта моего,
И молчанье не скрыло б тогда ничего.

Но любовь точно небо, царица моя, —
Все слилось в этом небе бескрайном:
И великая ясность, и тайна,
И богатство, и вся нищета бытия.
Боль и счастье, и темная буря, и гладь...
Что такое любовь? Как тебе рассказать?

И не все ли равно — понимаешь ли ты?
В свете звезд, в свете дня
Можешь вечно листать, углубляясь в меня,
Вечной книги листы.
Ты прочти только часть нескончаемых строк.
Кто прочел до конца? Кто постигнуть их смог?

НА КАЧЕЛЯХ

Буду играть со своею душой. Без усталости лет
Ливень всю ночь напролет.
Плачет небо. Тревожна ночная пора.
Мы будем сегодня играть до утра.
Утлый мой плот в этом празднестве диком плывет.
На жизнь и на смерть игра идет
Всю ночь напролет.

Взвихрены воздух и воды. Стихия, грозна ты сейчас!
Раскачивай нас!
И ветры качают во весь размах,
Как тысячи якшей, хохочут впотьмах,
Ветры безумствуют, ветры ревут, разъярясь.
Буря, разгул твой и небо и землю потряс.
Раскачивай нас!

Душа замирает, сегодня душе не до сна,
В смятенье она,
Робко прижалась ко мне, чуть дыша.
Чувствую я, как трепещет душа.
Сердце дрожит — как близко душа, как нежна!
В страхе сегодня она, восторгом полна,
Трепещет она.

Я убаюкивал душу, я усыпить ее смог
И чутко стерег.
В цветах, на супружеском ложе моем,

Была душа со мною вдвоем.
Я от печалей упрятал ее и тревог,
Я заточил ее в тайный, укромный чертог
И нежно берег.

Губы, глаза целовал я душе моей, милой моей
Все нежней и нежней.
На грудь мне склонилась ее голова,
Шептал я ей лучшие в мире слова.
Лучшее все я дарил ей: бери и владей!
В лунные ночи я песни наигрывал ей
И пел все нежней.

Ласки пресытили душу, усталую сон охватил,
Лишил ее сил,
Гроза бы ее разбудить не могла,
Ей стала гирлянда цветов тяжела,
Спутались ночи и дни, полумрак наступил,
Стала душа безразличной, остыл ее пыл,
Проснуться нет сил.

Я заласкал мою душу, увяла она взаперти.
Как ей жизнь обрести?
Светильники свадебной ночи чадят,
Стою, озираясь, тревожен мой взгляд,
Вянут в гирляндах цветы, больше им не цвести.
Все, что отверг я — мечтатель! — в начале пути,
Хочу обрести.

Пусть же сегодня игра на жизнь и на смерть идет
Всю ночь напролет.
На гибельных этих качелях вдвоем,
Держась за канаты, в полете замрем.
Пусть ураган нас толкает вперед,
Пусть продолжается этот безумный полет
Ночь напролет.

Раскачивай нас!
Раскачивай нас!
Буйствуй, стихия! Качни еще раз!
Вновь подруга со мной, не свожу с нее глаз.

Разбудил ее бури неистовый глас.
Бьется кровь моя, пламень ее не погас.
Буря в сердце моем с непогодой слилась.
А у подруги коса расплелась,
Гирлянда цветов развилась, ткань покрывала взвилась,
Браслеты звенящие сотрясает неистовый пляс.
Раскачивай нас!

Налетай, ураган, сокруши, оглуши.
Все одежды сорви, все покровы с души!
Пусть она обнаженной стоит, не стыдясь!
Раскачивай нас!

Я душу обрел, мы сегодня вдвоем.
Без боязни друг друга опять познаем.
В безумных объятьях сплелись мы сейчас.
Раскачивай нас!
Пусть безумцам откроется мир без прикрас!
Раскачивай нас!

Д Ж А М У Н А С Е Р Д Ц А

Если хочешь наполнить кувшин, о, приди, дорогая, приди
К этой тихой реке,
И, плескаясь у ног, будет плакать глубокий поток,
Ведь источник его — это сердце в огне и тоске.
Ветер свежесть донес... Будто пряди тяжелых волос,
Облака дождевые сгущаются невдалеке.
Как я жажду опять звон браслетов твоих услышать, —
Кто же ты, чьи следы остаются на влажном песке?..
Если хочешь наполнить кувшин, о, приди, дорогая, приди
К этой тихой реке.

Если хочешь, наполнив кувшин, отдохнуть, позабыв обо
всем,
Сядь над зеркалом вод.
Здесь прохладна трава, высока и свежа синева,
Словно в пламя одета, весенняя роща цветет,
И заблудится взор, унесет твою душу в простор,
А узорное сари украдкой с плеча соскользнет.
Спят ашоки в цвету... Кто узнает, в какую мечту
Здесь, под сенью деревьев, тебя тишина унесет?..
Если хочешь, наполнив кувшин, отдохнуть, позабыв обо
всем,
Сядь над зеркалом вод.

Если хочешь омыться в реке, о, спустись, и шагни, и разбей
Эту ясную гладь!
О, расстанься скорей с голубою одеждой своей,
Дай твою наготу голубому потоку обнять,
Задрожав от любви, волны плечи охватят твои,
Будут шею и грудь, трепеща от восторга, ласкать,
Пусть играют, резвясь, тихо плача и тихо смеясь,
Торопясь и журча, набегая опять и опять...
Если хочешь омыться в реке, о, спустись, и шагни, и разбей
Эту ясную гладь!

Если хочешь забвенья найти, погрузись в этот светлый
поток,

Погрузись навсегда...

Безмятежна, ясна и безбрежна его глубина,
Молчаливо, как смерть, над тобою сомкнется вода:
Там — ни дней, ни ночей, там не слышно ни струн, ни
речей,

Ни конца, ни начала, ни мук, ни людского суда...
Все забудь, приходи, грудь от бремени освободи,
В этих волнах исчезнут заботы твои без следа...
Если хочешь забвенья найти, погрузись в этот светлый
поток,

Погрузись навсегда...

НИЩАЯ

О земля моя, нищей зову я тебя,
Но когда ты, грустя, улыбаешься мне,
Тихий взгляд твой ловлю, бесконечно любя,
И страданье и нежность растут в глубине.

Эта нежность печальная... Нищая мать,
Ты ласкаешь ребенка с глубокой тоской, —
Как ни билась весь век, не смогла ему дать
Мир без теней и слез, без тревоги покой.

Зажигала звезду, раскрывала цветы,
Создавала мелодии, сказки и свет,
И сегодня в молчании трудишься ты,
Только рай все далек, только рая все нет.

Потому на лице твоём грусть разлита
И с прозрачной печалью сплелась красота.

ПУТЕШЕСТВИЕ В НИКУДА

О, куда, о, куда ты уводишь меня?
Уплывает, светясь,
Уплывает твоя
Золотая ладья.
О, куда, незнакомка, куда?
Улыбаешься ты и молчишь...
Я тебя разгадать не могу.
О, скажи, на каком берегу
Ждет нас гавань? Куда мы пристанем?
...В мире тишь.
Мне в ответ
Только свет
И молчанье.

Ты рукой указала на запад, туда,
Где волнуется море, рокочет вода,
Где спускается солнце к вершинам немым.
Ты скажи мне, что там? Для чего мы спешим
Туда?
О, ответь, — в этой дали твой дом?
Догорает там день погребальным костром
На краю нависающей ночи
И, роняя слезинки, за тучей крылатой
Исчезает богиня Заката...
Мы туда уплываем? В вечерний простор,
Где спаленное море дымится у гор,

У излуки багровой? В это царство огня?
Но... ты только с улыбкой глядишь на меня
И — ни звука, ни слова.

Шумно ветер вздохнул, глубоко, тяжело,
И взревшее море до туч донесло
Пену.

Дышит, грозно вздымается темная грудь.
Берега потонули, — куда ни взглянуть, —
Всюду черно-лиловые стены.

Тьма и гул.

В бесконечном рыдании мир потонул

Но... спокойно твоя

Золотая ладья

Разрезает сиянием тьму.

Почему улыбаешься ты? Почему?

Не могу я понять, почему ты светла,

Что в пустынном безмолвье пашла...

В день, когда ты явилась впервые вдали,

Ясный мир был залит тишиною.

«Кто отправится в море со мною?» —

Ты спросила.

Глаза у тебя зацвели,

Чуть дрожал

На волнах золотой перелив,

И ступил в твою лодку я, тихо спросив:

«Что нас ждет?

Принесут ли мечты золотящийся плод

В жизни новой?

Уничтожится ль боль в той далекой стране?»

Поглядев мне в глаза, улыбнулась ты мне,

Не промолвив ни слова.

И потом на волнах пронеслось много дней

Среди солнца и туч, среди лучей и теней.

Ставовилась вода то прозрачней стекла,

То чернее, чем ночь.

А ладья все плыла,

Все плыла и плыла на закат.

И опять я спросил тебя с тихой тоской:

«Есть ли смерть и свобода,
О, есть ли покой
В том краю, где смыкается мгла?»
И ты снова,
Улыбаясь, глаза на меня подняла
И в ответ не сказала ни слова.

Скоро темные крылья раскинет свои
Ночь.
И не будет в волнах золотистой струи, —
Отпыляет закат.
Лишь останется в воздухе твой аромат,
Запах тела...
Пряди кос твоих ветер растреплет ночной,
Бормотанье воды... вздохи ветра, покой, и ни
проблеска света.

И усталое сердце затихнет в груди,
И тогда я взмолюсь: «Покажись, подойди!
Где ты?!»
За границею дня, там, за огненной гранью,
Ты улыбкой своею коснешься меня
И обнимешь молчаньем.

Из книги
«ИЕСТРОЕ»
(«Читра»)

1895

СЧАСТЬЕ

Сегодня безоблачно. Чист небосклон и глубок,
Нежнее улыбки дружеской ласкающий ветерок,
Обвевает грудь и лицо, тихонько проносится мимо —
Словно одежды витают незримо
Спящей богини Заката. Лодка плывет
Вдоль Падмы спокойной, по лону недвижных вод.
Полузатопленный, тянется берег песчаный
Длинной косой, словно выполз из океана
Сказочный зверь погреться на солнце. Тень,
В деревьях таясь, погрузила дома деревень
В сумрак. Виясь, полоска дороги,
Где оставили след прохожих бесчисленных ноги,
Мимо поля бежит окунуться в реку,
Подобна томимому жаждой, иссохшему языку.
Крестьянки, по шею в воде, продолжают свои разговоры,
Неснятых одежд концы поток увлекает нескорый.

Милый слушаю смех, в привязанной сидя ладье,
Под легкий шорох волны, в блаженном своем забытьи.
Старый рыбак сети плетет, — веселый
Скачет в брызгах, с хохотом громким, сынишка голый.
Падма, как мать, терпелива и с ним не строга.
А я со своей ладьи люблюсь на берега.
Какая голубизна прозрачнейшая сегодня!
Какими цветами горят в сиянии полдня
Воды, земля и леса! Из роши прибрежной
Ветер доносит нежный
Цветущих манго дыханье, порой
И усталое пение птицы...

Покой

В душе у меня. В мгновения эти
Кажется: счастье так просто на свете!
Так аромат изливают деревья, цветы,
Так улыбается дитя,
Когда с доверьем своим беспечным
Ручонками тянется к первым встречным,
И щедрость младенческих влажных губок —
Словно амриты небесной кубок.
Флейты вселенной льются звучания
И погружаются в небо, в его голубое молчание.
Как передам эти звуки? В ритме каком,
Чтобы, слышные мне, откликнулись в сердце другом?
Обычным словом земным
Как передам этот дар тому, кто мною любим?
С какою улыбкой в глазах, с какой теплотою участия
Их в жизнь претворю?.. Легкое счастье
В радости светлой внеси под кров своего
Тихого дома. Если же стиснешь его,
Легкое счастье поникнет, без сил.
Миг — и исчезнет: счастье ты упустил!
В поисках долгих земные исходишь пути, —
Но где же его найти?
С сердцем, полным до края и просветленным,
Я взором смотрел влюбленным
На тихие-тихие воды, на небо в лазоревом свете
И думал: счастья нетрудно достичь на свете.

ВЕНЧАНИЕ ЛЮБОВЬЮ

Ты меня в короли возвела. Меня облачила ты славой,
Увенчала плечи мои гирляндой цветов величавой.

Ночью и днем пылает огнем

Знак твой державный на лбу моем.

Королевским плащом ты одела мою наготу,

Смушенье прикрыла и нищету.

В прохладе души, не томя, не тревожа,

Ты усадила меня у ложа

Белоснежнее молока.

Мир — далеко, жизнь — далека.

Здесь, в отрешенье, поэты вселенной

Славят меня, звеня на лютне самозабвенной,

И едва долетают ко мне

Звуки извне —

Дней и ночей, земли и веков неустанное пенье,

Песня соединенья

И неуголимая песня разлуки, —

Тающие, изнывающие, неумолчные звуки.

Обитель любви!

Здесь на закате дня Дамаянти верная с Налем

Бродит по лесу вздыхающему, предавшемуся печалям.

Уже цветущее дерево вечерняя мгла окутала,

Сидит под цветущим деревом задумчивая Шакуптала,

Склонив лицо бледно-лунное в дрожащие лотосы-руки.

Изнемогая от муки, от жгучих страданий разлуки,
Себе падрывая сердце, покоя не зная ни часа,
Разносит по миру песню истерзанный Пурураваса.
Здесь, страдалицу-душу в раздумье звуками теша,
На вине своей Сарасвати играет у храма Махеша, —
Орошено утешеньем уныние струнной игры.
Здесь притворщик Фальгуни, таясь у подножья горы,
Перед смущенной Субхадрой любовных речей потоки
Изливает, целуя нежные щеки.
Здесь и Парвати неутоленная, в страстном порыве,
Обнимает колена нищему Шиве.
То в радости, то в унынье
С песней молящей струится здесь Мандакини,
И бледен цветущий лес, поникший от сострадания.
Печальная флейта звучит и напрасно жаждет свидания,
Друга зовет — когда же придет?
Твоя рука меж деревьев по роше меня ведет
В обитель Прекрасного, к небожителям в храм,
В их вечный рай. Просияю всем трем мирам,
Божественно юными станут душа и тело.
Там желаньям моим не узнаю предела.
Там всеобщий кумир всю роскошь даров благотворных
Мне принесет. Там сонмы моих придворных —
Солнце, луна и звезды — оденутся в новые платья,
Новые песни мне запоют, и буду внимать я,
Смыслом новым их наполняя. И мир вокруг
Меня приветит, как добрый друг.

А здесь я — никто. Ничем не горжусь.
Как тысячи тысяч, несу незаметный груз
Бытия. Все здесь страдаем —
И я несчастен и презираем.
Из людского потока без лика и без числа,
Слугу вседневных забот, меня ты ввысь вознесла, —
Зачем — не знаю! Королева моя, королева!
Те, что толкают меня в толпе то справа, то слева,
Даже в лицо не взглянув, мимо проходят беспечно, —
Знают они или нет, что стала плоть моя вечной
С тех пор, как денно и ночью я пил любви твоей мед?

О, кто поймет,
Что душа моя неизменно
В покрывале любви, что оно навеки нетленно?
Храню я любовь твою, ее золотые мгновенья,
Поцелуй, голос, прикосновенья
И взгляд — душою и телом его впитал я до дна,
Как лупа, чья белая чаша полна
Амритой таинственной; как солнце вселенной,
Ревниво хранящее огонь священный
Всевышнего; как небосвод,
Что в сияющем лоне своем бережет
Лучи, струящиеся от стоп богини.
Меня в короли возвела ты, волшебница, ныне!

ВЕРНИ МЕНЯ

Всем на свете достаточно дела, но ты,
Поверяя флейте мечты,
На опушке лежишь, погруженный в истому,
Беззаботный, как мальчик, сбежавший из дому,
Пьяный от запаха теплых ветров.
А ведь рядом пожар! Слышишь раковин рев,
Призывающий всех? Эхом плача звучит небес пустота,
А где-то, в темнице слепой, связанная сирота
Тщетно молит о помощи; чванство пустое
Обездоленных давит тяжелой пятою,
Чтобы пить из них кровь сотней тысяч ртов;
А суд — он всегда издеваться над слабым готов.

Разные маски носят запуганные рабы,
Молчат, опускают головы, — но постигни лицо толпы,
Прочти на нем страшную повесть о том,
Что сотни веков назад люди стали вьючным скотом
И тащат на спинах все тот же груз из поколения в поколение,
Пока не падут, без жалоб, без пеней,
Ни бога ни в чем не вина, ни раджи,
Утоляя объедками голод души,
До тех пор пока кто-нибудь гордый и очень жестокий
Не отнимет всего, пресекая их жизнью сроки.
Толпе до сих пор не сказал никто, правосудье искать
у какого порога.

Тяжко вздыхая, люди глядят на нищелюбивого бога
И умирают. Ты слышишь, молчащему скорбному рту
Нужно дать слова, а засохшей душе мечту
И надежду. Крикнуть обязан ты:
«Эй, поднимите головы! Эй, собирайтесь в ряды!
Те, кого вы боитесь, слабей и трусливей вас,
Лишь разогните спины — тотчас
Они, как бродячие псы с дороги,
Убегут, надеясь только на поги.
Бог отвернулся от них. Им не станет никто помогать,
Эти люди умеют хвастливо лгать,
Но признают ничтожность свою!»

О поэт!

Восстань! И душу отдай тому, кому нужен свет,
Горю и боли в глаза посмотри, — океан страданий
огромен,
А мир человеческий ограничен, связан, ничтожен, темен.
Пища нужна ему, и душа, и воздух, и солнечный свет,
И сила, и гордость, и жажда прожить тысячи радостных
лет,
И большое смелое сердце. Иди же, поэт, и, зная,
Как нищ этот мир, сиянье надежды нам принеси из рая.

Верни меня, воображенье, довольно сказок! Вели
Лодке моей причалить к берегам голодной земли.
Не качай на волнах и ветрах, в даль видениями не мани
И не томи напрасно одного в печальной тени
Беседки сердца. Угас, золою землю осыпав, минувший
день,
А вместе с ночью на мир ложится безнадежности
и безразличия тень.

Плачет лес обо мне, но уйду я отсюда
В дорожную пыль, под открытое небо, туда, где рядом со
всеми буду.

«Путник, куда ты направил путь?
Я странным кажусь — так спроси что-нибудь,
А после имя свое назови, стань другом, откройся мне».

Я долго пытался творчеством жить в недоступной другим
стране,
Я любил одиночество днем и ночью, потому я так странно
одет,
Потому говорю не как все; я прячу в глазах мечтательный
свет,
А в груди голодный огонь... Видишь эту флейту, она
Некой матерью вместе с жизнью мне когда-то была дана,
Дабы сотни ночей и дней я учился играть на ней.
Я хотел подчинить себе звуки, но они оказались сильнее
И меня увели за пределы земли
Надолго. О, если бы песни, возвращенные мною, смогли
Прорваться за круг, который им тесен,
И хоть немного порадовать мир, усталый, большой, не
знающий песен.
О, если надежда осилит смерть, заговорит онемевшее
горе,
И жажда, способная выпить море,
Амритой будет утолена.
Если выход страданию даст моя песня, благословенной
станет она.

Но не о чем петь, если ложь и счастье и горе.
Человек, погруженный в корыстных расчетов море,
Позабывший других — никогда не научится жить,
Нужно мчаться по волнам вселенной и душу свою
положить
За правду, держа на нее, как на северную звезду
Моряки. По горло в слезах я пройду
Через годы страданий на свиданье к тому, кому отдаю
Из рожденья в рожденье жизнь и душу свою.
Каков он, не знаю, мы не виделись никогда,
Но имя его повторяют идущие через года
И века, чтоб сердца не гасли в пути
От ветра и ливней. О, нет нигде впереди
Преграды такой, чтоб ее опрокинуть не смог
Тот, в чьи уши ворвался песен зовущих поток,
Он становится выше всего земного, вопли смерти
голодной ему
Песней кажутся. Вверясь себе самому,

В огонь он идет и под занесенный топор,
 Смерти в глаза посмотреть он умеет в упор,
 Он может в жертву источнику силы
 Отдать все, что дорого, всех, кто милы,
 И, сердца кровавый лотос вырвав рукой из груди,
 Вместе с последней молитвой богу его поднести,
 Чтобы смертью жизнь оправдать. Некий принц, я слышал
 об этом сам,
 Для него облачился в лохмотья и, чуждый мирским делам,
 Стал подавняя просить возле проезжей дороги,
 Шипы повседневности ранили голые ноги.
 Ученые умники и ханжи
 Утопить Великую Душу думали в море лжи.
 Но она, все простив и презрев, прошла молчаливо мимо,
 В бескрайнем сердце храня светлый, неповторимый
 Лик красоты. К ногам ее славу приносит герой,
 Богатства — богач, а если порой
 Удастся поэту ее подсмотреть невзначай,
 Он слагает тысячи песен и несет их из края в край.
 Я слышал голос ее в морях, в лесах и среди пустынь,
 Я ощущал касанье одежд, задевавших небесную синь,
 И законченный образ Любви нетленной, той, что больше
 вселенной,
 Видел не раз на родном лице в миг самый высший и
 вожделенный.
 И познал, что, мир полюбив, должен в жертву Любви
 принести
 Все ничтожное, все недостойное, все, с чем Величию
 не по пути.
 Я должен выйти вперед с гордо поднятой головой,
 Чтобы страх начертать не смог на лбу иероглиф свой,
 Чтобы рабства пыль не смогла
 Залечь в морщинах чела,
 Чтобы тернистой тропею жизнь меня повела
 И слезы высохли в сердце, раскалившемся добела.
 Я должен счастьем одаривать всех, кто встретится
 на пути,
 И в одежде окровавленной на разбитых ногах добрести
 До конца дорог, до конца усталости, до места, где
 доброта в чести.

Лишь там ясноликая Лакшми сможет цветочной
гирляндю оплести
Меня, жениха. Ласка лотосов-рук сделает даже страданье
прекрасным.

И, прикинув к стопам, окрашенным красным,
Я орошу их слезами, копившимися года,
Сложу возле них надежды, что лелеял в сердце всегда.
И, может быть, солнце счастья взойдет, а бывшее бессилье
простится мне.
Если жажду познать многоликость Любви, эта Любовь
насытит вполне.

СТАРЫЙ СЛУГА

Глуп, невоспитан, нескладен на вид он
и рожей на черта похож,
Если в доме пропажа, вещь не ищется даже, —
Кешта взял, следа не найдешь.
Я проклял отца и деда его, а он ничего —
словно сердца нет.
За службу старик получать привык
ударов более, чем монет.
Вовек Кешта сам не явится к вам,
ори до зари, коли в чем нужда,
А он, чтоб не слушать, заткнет себе уши
или уйдет неизвестно куда.
Из хрупкой вещицы, если рядом случится
хоть миг простоять, он сделает три.
А из трех, что вы дали, и одну-то едва ли
сохранит у себя от зари до зари.
Почей ему мало, уснуть где попало
способен он среди дня,
Давно его рады избить без пощады
друзья мои и родня.
«Казнить тебя мало! — кричу я бывало, —
Бездельник страшней врага!»
И все же, признаться, мне жаль с ним расстаться —
как-никак, а старый слуга.

Жена заявила: «Нет силы, мой милый,
дом наш разграблен им,
Постели нет в доме, хоть спи на соломе
вместе с Кештой твоим.
Одежду, посуду, циновки, что всюду
висели, девал он бог весть куда.
Где он верховодит, там деньги уходят,
словно в песок вода.
С подобным слугою не знаешь покоя, —
он в отлучке целые дни,
Терпеть я готова любого другого,
а Кешту гони, не тяни!»
Как спорить мне с нею? От злости краснею,
с базара его волочу,
Гремя громче грома: «Исчезни из дома,
больше видеть тебя не хочу!»
Он уходит прочь, где-то бродит ночь,
поутру же, когда встаю,
Он рядом опять: «Как изволили спать?» —
и трубку набьет мою.
Не хранит обид тот, кто часто бит,
дал огня — и вся недолга,
Хоть до смерти бей, не уйдет, злодей, —
как-никак, а старый слуга.

По в один из дней пал на долю мне
в крупной сделке изрядный куш,
И подумал я, если вся семья
бога чтит, пусть хотя бы муж
Съездит в Бриндабон, помолиться он
сможет Кришне и за жену.
Грех жены — мой грех, денег нет на всех,
и не слать же ее одну!
Браслетами топко звеня, вещи в узлы для меня
собрала, как должно, жена
И, заплакав, сказала: «Горя видел ты мало,
но с Кештой хлебнешь до дна!»
Я вскипел тогда: «Если в нем беда,
пусть поедет хоть Ниборон!»

Собран весь багаж, подан поезд наш,
и уже позади перрон.
Стоянка в Бурдване, и там лишь, не ране
с Кештой столкнулся я,
Хитер старикашка — он понял: мне тяжело
и трубка пуста моя.
Кричал я полдня: «Когда от меня
ты уйдешь хоть на два шага!
Уезжай назад!», а в душе был рад, —
как-никак, а старый слуга.

Вот и цель — Шридхам, всех приезжих там
грабят панды, крича о том,
Что приют дадут и к святым сведут.
Мы, отбившись от них с трудом,
Славный дом нашли, дни за днями шли,
я уже обжился вполне
И друзей завел, заявив, что, мол,
жить приятно хочется мне.
Но к девушкам Баджа я холоден стал, и Кришна меня
волновать перестал,
и стали цветы не нужны,
Исчезла граница ночи и дня, — оспа стрелой
поразила меня
и сказала: «Дни сочтены!»
Чуть свалился я, как мои друзья
поразъехались кто куда,
И за брата брат умирать не рад,
Кешта лишь не сбежал тогда.
В неродном краю кончить жизнь свою
человеку трудней вдвойне.
Как отец родной, он ходил за мной, —
умирать не давал он мне.
На Кешту гляжу, подойти прошу,
мысль о нем и та дорога,
Он ни день ни ночь не отходит прочь, —
как-никак, а старый слуга.

«Ну, хозяин, как?» — говорит чужак
и лекарство вливает в рот;

Мой лоб, что огонь; на лоб мой ладонь
кладет он — не ест, не пьет.
«Будешь вновь здоров, под родимый кров
к старой матери и жене,
Избежав беды, возвратишься ты», —
он твердит неустанно мне.
Что ж конец скрывать, я уж стал вставать,
когда с Кештой стряслась беда.
Я вот ем и пью, а болезнь мою
взял старик на себя тогда.
Он стонал три дня, звал в бреду меня, —
так и принял последний час.
Есть грустить с чего; гнали мы его, —
а теперь он ушел от нас.
Я в тоске, друзья, безутешен я, —
чересчур уж судьба строга.
С чем идти домой? — Умер спутник мой, —
как-никак, а старый слуга.

ДВА БИГХА ЗЕМЛИ

Я имел два бигха, — их нет, землю забрал сосед,
не дав ничего взамен.
Раз он мне сказал: «Твой участок мал,
продай-ка его, Упен».
Я ж ему в ответ: «Конца-края нет
земле твоей, господин,
Что продам я? Бог сохранить помог
мне всего лишь клочок один».
Но уперся он: «Если ты умен,
то уступишь участок мне,
Я решил свой сад обратить в квадрат,
ширину приравнять к длине,
Не мешай, дружок!» Душу страх обжег,
и, молитвенно руки сложив
на груди,
Пересохшим ртом я шепнул: «Мой дом,
мой посев, раджа, пощади.
Тут отец и дед семь десятков лет
лили пот, земля — наша мать.
Не избыть беды тем, кто в миг нужды
может старую мать продать».
Захрипел бабú, закусил губу,
почернел лицом, словно ночь:
«Спорь, коль хватит сил, я тебя просил,
а теперь проучить не прочь!»

Пять недель прошли, и насчет земли
был составлен ложный указ:
Взял мой дом судья за долги, хоть я
не был должен на этот раз.
Жизнь голодных гнет, ненасытен тот,
у кого завелась денюга.
Что считать гроши? Ведь рука раджи
грабит нищего, как врага.
Я молил, чтоб бог мне помог, чем мог,
и мольбы мои впрок пошли, —
Появись во сне, подарил он мне
мир огромный вместо клочка
земли.

И вот, я — аскет, как саньяси одет,
пил воду из рек, где вода свята,
Тешил свой взор громадами гор,
посещал святые места.
Но ни на море синем, ни в желтой пустыне,
нигде — ни вблизи, ни вдали,
Даже во сне не случилось мне
позабить о двух бигхах родной
земли.

На рынках кричащих, в молельнях и чащах промчались
пятнадцать — шестнадцать лет,
И открылось уму, что бежать ни к чему,
ведь спасенья от памяти нет.

Привет, привет тебе, мать! Как не узнать
бенгальской земли!
Рокот Ганги и воздух родной, полный ласковой тишиной,
счастье мне возратить смогли.
Вот поле... Вот лес... Голова небес
склонилась к твоим стопам,
А в манговых рощах птицы поют, надежен там
прохладный приют,
приготовленный пастухам.
Деревни, как птичьи гнезда, хранят из теней сплетенный
наряд и покой,
А водоемы, что с детства знакомы,
зовут зачерпнуть прохладу рукой.

Бенгалка с кувшином идет не спеша, трепещет душа
и глаза мокры...
Как сладко сказать земле моей: «Мать»,
встретив ласковый взор сестры.
Промчались два дня — и вокруг меня
места родные, — мой сон давнишний.
Тут все как вчера, и дом гончара,
и колесница Вишну.
Вот рынок, вот храм, вот склады, а там
тропа, что давно знакома,
Я еле дышал, когда добежал
бегом до родного дома.

Земля, о стыд, о позор! — Ты изменила мне, тщетно
блуждает взор,
от прошлого нет следа.

Так, значит, вот какова ты, мать, может любой тебя
пожелать,
и отдашься ты без стыда.

Все уважали тебя, пока была ты матерью бедняка
и жила от его трудов.

Кто смел бы дурное сказать о земле, скромно несущей
в своем подоле
груз овощей и плодов?

А ныне порочною стала ты, тебя украшают листва и
цветы,
твой новый наряд богат.

О горе! Постигнуть не в силах я, как ты смогла изменить
себя
от головы до пят.

Я, нищим ушедший в чужие края, сюда вернулся ради тебя.
Взгляни:

Я оборван... Чудовище! Ты, пока я страдал, облачалась
в цветы,
улыбалась ночи и дни.

Гордишься ты милостями богача, а я так надеялся,
миг улуча,
увидеть прежней тебя,

Но от минувшего нет и следа, душу мне ранит твоя
красота,
я плачу, бывшее любя,

В те дни для хозяина-бедняка ты, как амрита, была
сладка,
 а ныне цветут цветы,
 Ты ими украшена, ты весела... Но слушай, богинею
ты была,
 рабынею стала ты...

Словно чужой, с пустою душой
 на все я смотрел в упор.
 И взор мой набрел на манговый ствол,
 памятный с давних пор.
 Я сел у корней, а горе во мне
 притихло и замерло начеку, —
 Детство и мать я стал вспоминать,
 чтоб разогнать тоску.
 Вспомнилось, как в грозовую ночь сны прочь
 отлетали от глаз;
 Как спелые манговые плоды, лишь ветер, бывало,
 встряхнет сады,
 собирал я в рассветный час.
 Вокруг оглядевшись, я вспомнил пруд; из школы сбежав,
 мы прятались тут
 когда-то очень давно,
 И стало ясно до боли мне, что землю, грезившуюся во сне,
 вновь увидеть не суждено.
 Но ветерок промолчать не смог,
 он, прилетев с пруда,
 Прошумел и стих, чтоб у ног своих
 я нашел два спелых плода.
 Тут я понял — мать не могла не узнать
 того, кто вернулся к ней,
 И гнев мой поник: чем горестней миг,
 тем ласковый дар ценней.

Но вдруг из кустов, не в меру суров,
 садовник вылез и прямо
 Пошел на меня, браня и кляня
 (таких посылает Яма).
 Я молвил ему: «Шуметь ни к чему,
 я землю отдал без спору,

А ты готов из-за двух плодов
со мною затеять ссору!»
Но крикун меня не узнал и палкой погнал
туда,
Где ласкала прохлада хозяина сада,
где он рыбу ловил у пруда.
С ним были друзья. Увидев, кто я,
закричал он: «Пробил твой час!
Околей, злодей!» Он бранился зло, а друзья еще злей
в сто раз.
Я взмолился тогда: «Два упавших плода
мне, как милостью, подай».
Суд бабú был скор: «Ты, по сути, вор,
хоть на вид и свят, негодяй!»
И, себя губя, рассмеялся я:
«Справедлив судьбы приговор:
Раз земля моя чтит святым тебя,
то я, разумеется, — вор».

ПЕСНЯ О ГОРОДЕ

Где ты, прекрасная, подвластная лишь покою,
Счастливая, ясная, не тронутая тоскою,
Одетая в сари лазурное с нежно-зеленой каймою,
Земля моя? Где доброта твоя,
Твоей сплетенья и пятна света,
И лес, прохладный в любое лето,
И шмель, что над полем гудит с рассвета?..
Куда уплывает моя ладья?

Много дорог в человеческой чаще:
Лавки, товары, базар кричащий,
Толпы все гуще, дома все чаще...
Смешались небыль и быть, —
В избытке богатство, в избытке горе, —
Город с землею и небом в ссоре,
И ветры над ним, застилая зори,
Кружат горячую пыль.

Все здесь разорванно, все мгновенно,
Следа на песке не оставит пена,
А реки разлук и встреч неизменно
Море смерти вбирает в себя.
Горечь рыданий и смех жестокий,
И преданность рабская, и упреки,
И гордость, как камни в горном потоке,
Перемешаны бешенством бытия.

Никто здесь не смеет терять мгновенья,
Бессмысленны вечные переселенья,
Ночью и днем, задушив сомненья,
Толпа валит наугад.
Ведь призрак-олень в отдаленье где-то
Пляшет в мерцающих волнах света,
А следом — охотникам нет запрета —
Торопятся стар и млад.

Город, ты жертвенник; жертва громадна,
Огненный хобот взвивается жадно,
Пламя гудит и ревет; беспощадна
Гримаса голодного рта.
Рвутся мужчины и женщины к яме,
И, в иступленье, в неистовстве, сами
Кувшины душ крушат кулаками;
Удар — и жизнь пролита.

Их толпы, смотрите, и тот и эта
Влюбились в смерть золотого цвета,
Возрата нет им, их песня спета,
Сгорят тела и мечты.
Солнце померкло, луна незрима,
Лицо вселенной черно от дыма,
И разгорается неудержимо
Костер невиданной высоты...

Лишь воздух в ярости откровенной
В пламя бросается самозабвенно,
Чтоб, раскалившись, бежать по вселенной
К берегам прохладных морей;
И, узрев, как огонь пожирает пищу,
Проклятья шлют своему жилищу,
На крыльях спешащие к пепелищу
Стаи птиц-матерей.

Брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры,
Самый ничтожный и самый мудрый,
Старуха и юноша буйнокудрый
Жизнь огню отдают во власть.

В угаре гигантского самосожженья
Жилы рвутся от напряженья,
И сердце, мошкой без движенья,
Готово в огонь упасть.

О город, вино твое пить я буду,
Покуда в чаду себя не забуду,
Чаши наполнены, пена всюду
Хлещет через края.
О повивальщик рождений трудных,
Я стану паломником улиц людных,
В хмеле ночей твоих безрассудных
Бодрствовать буду я.

Скрипит колесо бытия мирского, —
Никто здесь не друг и не враг другого,
Тысячи топчутся бестолково,
Но я, я иного хочу.
Мечтать устал я, дайте поэту
Падать во тьму или мчаться к свету...
О, я за хвост удержу комету,
Руками солнце схвачу!

Судьба продолжить игру готова;
Порою нежна, а порой сурова,
Хочет она, чтоб звучали снова
Радость и боль моя.
Она исторгнет и вытрет слезы,
В небо поэзии легче грезы
Взлетая и падая в бездну прозы,
Полечу на качелях я.

Став неумным, неосторожным,
Победу напевом пленив тревожным,
То совершу я, что невозможным
Люди считали всегда.
Непререкаемо и сурово
Всему себя положу в основу,
Чтобы за горло схватить любого,
Вырвать хлеб из чужого рта.

Всю землю я обращаю в поместье,
Чтоб вольно ходить или стоять на месте, —
Равно недостойны любви и мести
Раджа и бапдит по мне.
Я хлеб отберу у толпы смиренной,
Шутя уничтожу все то, что ценно,
И пронесусь по дрожащей вселенной
На жертвенном белом коне.

Поспешно книгу судьбы листая,
Не пропускаю в ней ни листа я.
Я голода жажду, жажды желаю
И тороплюсь не зря.
Трудна дорога моя на диво,
То вверх по склону, то вниз с обрыва
Она влечет меня торопливо
Через горы и через моря.

Вперед, как слепая ночная птица,
Я мчусь; и Лакшми со мною мчится.
О Лакшми — быстрая, как зарница,
Щедрот твоих не хочу...
Как свет среди мрака, твоя улыбка,
Твое обещанье, как море, зыбко,
Но этот бой для тебя ошибка, —
Я быстро тебя скручу.

За день никто не рождался дважды,
Богатством и славой не может каждый
Насытить той неуемной жажды,
Что бьется у нас в крови.
Время стремительней водопада,
Но мне ведь, по сути, так мало надо —
Лишь дни и ночи, полные яда
Хмельной человеческой любви.

ПОЛНОЛУНИЕ

Я сидел и читал. Пуст был дом.
Одиночество ночи безмолвным полня трудом,
Я в страницы вникал, изучал сочиненье пандита!
Слав критических глав... В них тайна любая открыта:
В чем предмет красоты, в чем поэзии смысл и зерно,
И в какой, мол, разряд отнести решено
Шелли, Колриджа, Гете... Я изнемог.
Раскалывалась голова, рассудок поблек, —
И вдруг показалось, что все это — ложь,
Изобретения мысли, ценою в ломаный грош,
Торговцев пера, — а их немало на свете!
Ведь книжные черви слетают словесные сети
Изо дня в день и из года в год,
Призрачной хмарью завешивают небосвод, —
Над нами все те же, то гуще, то реже,
Реют и мреют ленивые mreжи.

Устал я, веки слипались. Одолевала дрема.
Захлопнул я глыбу мудреного тома,
Взглянул на часы — работать сил уже нет, —
Вздрыгнул, вскочил и выключил свет.
И лишь свет отошел, в безмолвии ночи глубоком,
Хлынув в открытую дверь и в окна, волшебным потоком
В комнату, в сердце мое, в мои бессонные ночи,
Весь мир затопляя, влилось обаяние ночи!
Возлюбленная! Красавица! В сиянии полном луна!

Сердца земного таинственная тишина!
Беспредельно твоё волшебство. Мгновенье —
И в волнах Прекрасного ты потопила сомненья
Иссохшей души. Взошла ты и тихо глядишь из угла, —
Ты — женщина, ты на свиданье с возлюбленным шла.
От звезд, от вечности их нетленной
Безмолвие ты принесла для вселенной!..
А я в этом доме сетями опутан словес;
Сомнения встали, обстали, как девственный лес;
Всю ночь по листьям сухим бессмысленных букв и
строк
Я колесницу сознания — пустую! — с усердием влек...
Но ищу я — тебя. Нежданно любовь мою
Ты наградила сегодня, твоё присутствие пью.
Как ты вошла? Где спряталась в этой ночи?
Как затмить тебя мог огонь догоравшей свечи?
Все объявляя Лакшми! Я сам не постиг,
Как за сплетеньями слов, за строками книг
Мой слух не расслышал пленный
Молчанье твоё, полноту Красоты во вселенной.

УРВАШИ

Не мать, не жена, всех родивших и всех родившихся
краше!

Отрада небесного сада, Урваши!
Вечер накинёт на землю усталую свою золотую полу,
Но ты не затеплишь светильник в углу;
Когда почь совершит полкруга,
Не подойдешь, с опущенным взором подруга,
Шагом стыдливым к постели супруга, —
Заря нагая и нежная!
Ты — безмятежная!

Саморожденный, без завязи, цвет неземного растенья,
Урваши!

Скоро ль твое цветенье, Урваши?
Ты в утро вселенной возникла из моря, из пены
курчавой, —

Чаша амриты в правой, а в левой — чаша с отравой.
У влажных ног небесами дарованной
Океан разволнованный
Змеей притих зачарованной.
Жасмина цветок белоснежный, богов любимица вечная!
Ты — безупречная!

Молодость мира! Чьей уродилась ты дочкой, Урваши?
Где проросла непорочной цветочной почкой, Урваши?
В чьем доме, в каком обиталище темного дна
Самоцветами и жемчугами играла одна?

Лился ли свет драгоценных камней над люлькой твоей из
коралла,
Убаюкана морем, ты веки свои закрывала, —
Но во вселенной явилась в красе небывалой,
Очнувшаяся, прозревшая,
Дивно-созревшая!

От века возлюбленная вселенной, Урваши!
С красотой несравненной, Урваши!
Мысли отшельников — коврики для твоих лучезарных ног,
Перед очами твоими все три мира томимы тоской
сладчайших тревог.
Ароматами веет пьянящими ветер, тобой упоенный.
Как шмель, насосавшийся меду, бродит поэт
опьяненный, —
В очарованном сердце с песнью неугомонной.
Но тебя уже нет, — в звоне браслетов исчезла в легкой
одежде своей
Ты, что молний быстрей!

Когда перед взором богов самозабвенно ты пляшешь
Волной разыгравшеюся, Урваши,
Море вторит тебе, и оно свою гладь взволновало,
Колышатся, зыблясь, хлеба — золотое земли покрывало.
С твоего ожерелья сыплются звезды, и нет им конца, —
Смертные смотрят — замирают сердца,
Отливает кровь от лица.
У окоема рвется твой пояс, повязь потайная,
Необычайная!

В небесах, позлащенных восходом, ты сияешь, Заря-
Урваши!
Сверкаешь, улыбкой весь мир одаря, Урваши!
Омыто слезами вселенной тело твое искони,
Кровью сердец три мира обагрили твои ступни.
В лотос, таящий все сладострастные мира тревоги,
Ты погрузила подобные лотосам ноги.
В струях влажных волос, ты блещешь в земном чертоге,
Ты, для кого не бывало на свете весов,
О спутница снов!

О, не знающая сострадания! Ты рыдания слышишь наши?
Без тебя, страдая, рыдая, мы томимся, глухая Урваши!
Из сонных, бездонных глубин, как на рассвете века,
В покрове из мокрых волос вернешься ль в мир человека?
В первых лучах заревых, на виду у вселенной целой,
Будет ли каплями слез струиться тело?
Возникнешь ли вновь, чтобы море запело,
Славя тебя полнозвучною песней,
Всех песен чудесней?

Месяц восторга угас, не вернется держащая чаши.
О закатившаяся Урваши!
Ныне, увы, и дыханье весны, ее нежные звуки
Слиты со вздохом вечной разлуки.
В ночь полнолуния, когда лишь улыбки кругом,
Память играет на флейте в унынье немом;
Слезы мы льем, —
Но вдруг мелькнет среди слез надежда, едва
постижимая, —
О ты, неудержимая!

ПРОЩАНИЕ С НЕБОМ

Индра великий! Вянет из райских цветов плетеница
У меня на плечах. Священная метка тускнеет на лбу, и
криница

Святости сякнет. Боги небес и богини!

Я ухожу, с небесами и с вами расстанусь я ныне.

Богом я жил в доме богов тысячи тысяч лет.

Но прощальных слез неприметен след

На ланитах у неба. Со мной неземные селенья

Равнодушно простятся, без грусти, без сожаленья.

Года — вереницы их верениц —

Для небожителей — взмах ресниц.

Если и сонмом мы, мимолетные посетители,

Вдруг упадем из горней обители,

Как отпылавшие звезды бездомные,

В вечный поток жизни и смерти, в земные пристанища
темные,

Небо не боле вздрогнет от боли,

Чем смоковница нашей юдоли,

Обронившая сохлый листок.

Когда б опечалилось небо, свет бы поблек,

В печальный миг расставанья

Померкло б его золотое сиянье,

Упала бы тень на блистающий день надмирных высот;

Как земля, затуманясь, вздохнул бы лазоревый свод

Великого Индры. В печали

Мандакини бы струи журчали;

Вдоль пустынных полей, к черте окоема
Вечер ушел бы, как странник, не знающий дома;
В звездном молчанье
Смычками сверчков прозвенела бы песнь прощанья;
Мерно бряцали б браслетами ноги
Менаки, танцующей в горнем чертоге;
Вина золотая у девы Урваши на лоне
Вдруг замерла бы, умолкла бы в стоне,
Словно кто-то, дернув струну,
Жестокой рукой оборвал тишину.
Увлажнились бы очи богов, не знававших о плаче,
И, сидя близ мужа, на Индру взглянула бы Сачи
В неутоленной печали; были б тоскливы
Вздохи земли, разносили б их ветра порывы;
Индры поникли бы цветники,
Обронили бы цветы лепестки.

Улыбайся же, Небо! Упивайтесь амритом, боги!
Небо — для счастья богов, для нас — земные дороги.
Нам мать — Земля. Родная она лишь одна.
Мы в Небе чужие, а мать — как рыдает она,
Когда прерываем свое
Земное недолгое бытие!
Земля на груди приютит всех нежности жаждущих,
Всех малых, усталых, безродных, голодных и
страждущих.

Сладостно ей прикосание ног,
Запорошенных пылью дорог.
Амриту пусть пьют небеса, — их веси далёки
А здесь, на земле, пусть горя и счастья потоки
Животворящей омоют слезой
Радость, рождаемую землей.
Не дозволяй же, апсара,
Очам потускнеть от любовного жара!
Я сегодня уйду. Тоски ни о ком не лелей,
Ни о чем не проси, ничего не жалеи!
Если родится на этой земле,
В хижине крайней, в приречном селе,
В тени под смоковницей,
Та, что мне станет сестрой и любовницей, —
В сердце накопит она, до края налитый,

Сосуд с благовонной амритой.
Будет девочка в детстве
Шиву из глины лепить с рекою в соседстве,
Шиву молить, чтоб стал я ее женихом. На закате
Будет светильник пускать по течению и, стоя на гхате,
С трепетным сердцем следить за судьбой. Потом
В час благодатный невестой войдет в мой дом, —
Стан в шелку золотистом и алом,
Потуплены очи и лоб отмечен сандалом.
Будут флейты звенеть, от бед нас будет хранить
Вокруг запястья «на счастье» нить.
Разделит волосы красный пробор.
Станет она богиней мсей с тех пор,
В час упоенья и в час гореванья
Луной над морем существованья.
Боги! Память о небе порой лишь возникнет туманно,
Словно сквозь сон, когда пробужусь неожиданно
В полночь: лунные блики к белой постели слетели;
Руки раскинув, любимая спит на постели
В одежде дивно-небрежной.
Разбудит ее поцелуй мой жаркий и нежный,
И, словно лиана, мой стан обовьет подруга;
Ветер, веющий с юга,
Привеет вздох цветов благовонный,
И в чаще послышится голос кукушки бессонной.

О мать, ты страдаешь за нас,
В скорби, в слезах, в печали — твой каждый час.
Сегодня после столетий и тысячелетий разлуки
Рвусь к тебе, стираю руки.
А небо — лишь тень, мираж! В малом кристалле слезы
Твое лучезарное небо, вся синь твоей бирюзы,
Твой мир многолюдный, песчаных твоих берегов
Длинные косы, вершинные выси снегов,
Молчаливые солнца восходы
Над деревьями, вечер, сходящий в воды
Безлюдной реки. О мать! Об утраченном сыне
Плакала ты, разлучаясь, — пусть высохли ныне
Слезы прощанья. Сегодня, любовью ведом,
Возвращаюсь, земля, в твой дом, —
Знаю, обнимешь меня горячим объятьем участия,

И раковины затрубят, благовестницы счастья!
Дети земные примут меня в свой круг,
Я буду как давний друг
В мире твоей любви, где радость, и горе, и страх.
С тревогой в очах
Будешь лелеять мой сон под трепет сердца бессонного,
Страшась утратить вновь обретенного.

О К О Н Ч Е Н Д Е Н Ъ

Окончен день, река течет во тьму,
И дальше плыть сегодня ни к чему.
«О незнакомка, молви не тая,
 в какой стране ладья причалила моя?»
Увы, не внемля зову моему,
Глаз не подняв, легка и молода,
 она уходит; плещется вода
В кувшине; якорь брошен за корму,
И дальше плыть сегодня ни к чему.

Молчаньем лес одела темнота, —
Мне по сердцу подобные места.
Здесь птицы спят, погаснет день едва,
 не шелестит во тьме ночной листва,
Молчит река, безмолвствует мечта,
И лишь браслетов еле слышный звон
 рождает мысль — не всех осилил сон...
Дорога вдаль закатом залита,
Мне по сердцу подобные места.

Закат задет трезубцем облаков,
Зажглись лампы в храме, далеко,
Опали с бокул белые цветы,
 дорога в лепестках, молчат сады,
Мигают в окнах сотни огоньков,

Белеет мрамор древнего дворца,
и кажется, покою нет конца,
И на сердце становится легко...
Зажглись лампы в храме, далеко.

Но из дворца раджи на ширь дорог
Умчал ночную песню ветерок,
Она пришла неожиданно, как беда,
и унеслась неведомо куда,
Тревожная, как ласковый намек,
А следом ясность в душу снизошла, —
таким, как я, не место в мире зла,
Среди надежд ненужных и тревог...
Умчал ночную песню ветерок.

Окончен день, дворец одет во тьму,
Мне дальше плыть сегодня ни к чему,
И если вдруг найдется где-нибудь
поблизости местечко, чтоб уснуть,
Любое приглашенье я приму —
Тропинкою, ведущей за сады,
с кувшином, полным всплесками воды,
Прошла она... Мне ясно по всему,
Что дальше плыть сегодня ни к чему.

Д Ж И Б О Н Д Е Б О Т А

(«Божество жизни»)

О ты, для кого отворилась души ограда!
Надежда моя и отрада!
Все ли желанья твои воплотились во мне?
Чашу жизни наполнил я по края
Печалью и радостью ради тебя,
Теперь мое сердце — подобие
Выжатого винограда.
Из благоуханий, тонов,
Оттенков, ритмов и снов
Соткал я ткань покрывала
Для брачного ложа,
Во имя твоей мимолетной причуды
Я желаний золото плавить буду,
Становясь каждый день
Иным, непохожим.

Я не знаю сам, почему
Твой выбор пал на меня,
Жизни моей властитель мудрый,
Любишь ты ночь мою или утро,
Работу или досуг,
Текущие в доме твоём день ото дня.
На своем одиноком троне, в тиши,
Слышал ли ты песнопенья моей души?

ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

В грядущем, через сто лет от наставшего ныне дня,
Кем ты будешь,
Читатель стихов, оставшихся от меня?

В грядущее, через сто лет от наставшего ныне дня,
Удастся ли им донести частицу моих рассветов,
Кипение крови моей,
И пенье птиц, и радость весны,
И свежесть цветов, подаренных мне,
И странные сны,
И реки любви?

Сохранят ли песни меня
В грядущем, через сто лет от наставшего ныне дня?

Не знаю, и, все же, друг, ту дверь, что выходит на юг,
Распахни; присядь у окна, а потом,
Дали окутав дымкой мечты,
Вспомни о том,
Что в былом, до тебя, ровно за сто лет,
Беспокойный ликующий трепет, оставив бездну небес,
К сердцу земли причалил — приветом ее согрет.
И тогда же, освобожденный приходом весны из пут,
Охмелевший, безумный, самый нетерпеливый на свете
Ветер, несущий на крыльях пыльцу и запах цветов,
Южный ветер
Налетел и заставил землю цвести.

В былом, до тебя ровно за сто лет,
День был солнечен и чудесен. С душою, полною песен,
В мир тогда явился поэт,
Он хотел, чтоб слова, как цветы, цвели,
А любовь согревала, как солнечный свет,
В былом, до тебя ровно за сто лет.

В грядущем, через сто лет от наставшего ныне дня,
Поющий новые песни поэт
Принесет в твой дом привет от меня
И сегодняшней юной весны,
Чтобы песни моей весенний ручей слился, звеня,
С биением крови твоей, с жужжаньем твоих шмелей
И с шелестом листьев, что манит меня
В грядущее, через сто лет от наставшего ныне дня.

НА БЕРЕГУ МОРЯ

Ночь ледящего поуша, полная звоном цикад,
Спящий город, пустынная комната, светильника
меркнувший взгляд...

Я спал, а постель безмерной делала сладость сна,
Ласково, как возлюбленная, меня обняла она.
Но вдруг на улице кто-то имя назвал мое,
Я вздрогнул, в одно мгновение развеялось забытье,
Голос мне в грудь вонзился, как зазубренная стрела,
Тело оделось потом, дрожь по душе прошла.
И я, соскочив с постели, закутавшись кое-как,
С трепещущим сердцем вышел за двери в холодный мрак.

Средь потухших костров погребальных у реки завывал
шакал,
С горьким воплем ночная птица надо мной пронеслась,
как шквал,

И тут я увидел женщину. В покрывале, на черном коне,
Загадочным изваянием она показалась мне,
Рядом стоял еще один конь, еще один брат ветров,
Серый, как будто рожденный из дыма угасших костров.
Конь неподвижно стоял, но скосил на меня свой огненный
глаз,

И страх перед неведомою судьбой я почувствовал
в первый раз.

Был изморозью подернут серп ущербной луны,
Ветви смоковниц под ветром дрожали, обнажены,
Когда неизвестная женщина перстом поманила меня,
И я, опутанный чарами, не противясь, сел на коня.

Скакун торопливей молнии метнулся куда-то прочь,
И нереальными стали дали, мой дом и ночь.
Из горла рвался рыданий и стонов водоворот,
Но кто-то сильной рукою надежно зажал мне рот.
Слева и справа мелькали дома — ворота, окно, стена...
В теплых постелях лежали люди, вкушая блаженство сна.
Размытым рисунком казался пейзаж, скакали кони

в тиши,

Стоя уснул нерадивый страж возле дворца раджи, —
Ни звука. Разве что вдалеке на поле залают псы,
Или под гулкой кровлей дворца глухо пробьют часы.

Бесконечный путь, бесконечная ночь, неведомая страна, —
Все смутно было, как странный сон, чья суть еще не ясна.
Виденья неслись без концов, без начал, — их с трудом
различал мой взгляд,

Но помню я, мчался конь, как стрела, летящая наугад;
Копыта не цокали по камням, пыль не вилась за мной,
Словно внизу не земля плыла, а стлался туман сплошной.
Порой удавалось глазам схватить знакомое что-нибудь,
Но тщетно я жаждал понять, куда бежит, извиваясь, путь.
Птицы, растения, облака встречались и мчались вслед,
Но я на скаку разобрать не мог, есть они или нет,
Что вдоль дороги — дома, поля, деревья, пруды, камыши,
Или бездонный небесный свод заблуждений моей души.
Порою в тревоге я взор бросал на спутницу, но она
Молчала безжалостно. Грудь моя тревогой была полна,
Имя бога я позабыл, ужас замкнул мне рот,
А ветер встречный свистел в ушах, а кони неслись вперед.

Но когда луна с высоты ушла по дороге планет,
А в ленивых глазах небес затеплился кровью рассвет,
Конь на безлюдном берегу морском встал, словно камень
серый,

И я разглядел под пятой горы распахнутый зев пещеры.
Море молчало, молчали птицы,
Ветры не смели пошевелиться,
Когда незнакомка сошла с коня
И по каменным переходам за собой повела меня.
В сердце горы гранитной был высечен храм огромный,
Светильники на золотых цепях покой озаряли темный.

На стенах сплетались рельефы неслыханной красоты —
Странные звери, птицы, женщины и цветы.
На пологе в центре зала жемчужные зерна блестели,
Ложе под ним манило белизной драгоценной постели,
Рядом два изваянья, две Дурги на львах косматых,
Плыли дымки благовоний, сладок был аромат их,
Но все в покоях молчало, нигде ни служанок, ни слуг,
Только раз откуда-то снизу докатился неясный звук.

Не открывая лица, на ложе женщина села,
Я опустился рядом, тело похолодело
От страха, душа содрогнулась. Молчал я, но почему-то
Мелодия ужаса в жилах билась, как птица в путах.
Но вдруг зазвучали флейты и вины со всех сторон,
Осыпан пылью цветочной, уловил я браслетов звон,
Душистое масло ярче в светильниках запылало,
И засмеялась женщина, не снявшая покрывала.
Смех ее нежно-звонкий переполнил собой покой,
И, сложив молитвенно руки, я спросил у нее с тоскою:
«О молчащая, о безжалостная, я твой гость, молчать не

могу,

Дай ответ, для чего и куда ты привела своего слугу?»
Вместо ответа она к стене прикоснулась жезлом золотым,
И тотчас покой, затмевая свет, ароматный наполнил дым;
Приветствия женщин и раковин рев, под сводами
прозвучав,

Затихли; и брахман к нам подошел с пучками риса и трав.
А следом жены из рода кират вошли, стройны и легки,
Неся опахала, цветов плетеницы и воду священной реки.
Все ждали чего-то, а брахман седой, ковер постелив
в углу,

Присел и какие-то знаки стал мелом чертить на полу,
А через миг, сопоставив ряд линий, кругов и пятен,
Тихо промолвил: «Время пришло, час вам
благоприятен».

Тогда, головой поникнув, женщина встала с ложа,
Покорный ее примеру, я с ложа поднялся тоже,
Вокруг пришедшие женщины тесным венком сплелись
И стали нам сыпать на головы травы, цветы и рис.
Жрец прочитал молитву, простирая дрожащие руки,
Я ничего не понял, но меня чаровали звуки,

Из книги
«СБОР УРОЖАЯ»

(«Чойтал»))

1896

ОТРЕЧЕНИЕ

В поздний час пожелавший отрешиться от мира сказал:
«Нынче к богу уйду я, мне дом мой обузою стал.

Кто меня колдовством у порога держал моего?»

Бог сказал ему: «Я». Человек не услышал его.

Перед ним на постели, во сне безмятежно дыша,

Молодая жена прижимала к груди малыша.

«Кто они — порождения майи?» — спросил человек.

Бог сказал ему: «Я». Ничего не слышал человек.

Пожелавший от мира уйти встал и крикнул: «Где ты,
божество?»

Бог сказал ему: «Здесь». Человек не услышал его.

Завозился ребенок, заплакал во сне, завздыхал.

Бог сказал: «Возвратись». Но никто его не услышал.

Бог вздохнул и воскликнул: «Увы! Будь по-твоему, пусть.

Только где ты найдешь меня, если я здесь остаюсь».

ПОЛДЕНЬ

Полдень. Солнце и тишина.
На иссохшей речонке — ряски жирная пелена.
На корме затонувшей лодки дремлет баклан. Бредут
По берегу две коровы. Рис убран. Все скошено тут.
Добродушный ленивый вол
Входит в воду. Привязана рядом за кол
Чья-то лодка пустая. На гхате — ни единой живой души.
Только слышно: полощутся шумно в тиши
И кричат разморенные солнцем вороны.
Голубые стрекозы по воздуху плавают сонно,
То и дело на ряску садясь отдохнуть.
Возле гхата ныряют, вздымая зеленую муть,
Белокрылые лебеди. Капает с клювов вода.
Ветерок, прилетев издали иногда,
Вдруг повеет полями, сухою травой.
Деревенские псы лай подымут порой,
Охрипшими голосами заведут бесконечный спор.
То напев донесется. То птиц разговор.
То послышится шелест, зашепчут смоковниц листы.
Иногда из небесной голубой пустоты
Слышен коршуна крик. То веревка унылой струной
Вдруг заноеет, расстонется, лодку держа на причале.
Сколько в этой симфонии невыразимой печали.
Леса мягкая, нежная тень,
Мирный отдых деревни, спокойный безоблачный день.

Окруженный всем этим — пришелец — я здесь не грущу
О покинутом мире. С окружающим слиться хочу.
Будто после отсутствия долгого сна
Я вернулся на место рождения прежнего. словно
Вместе с этими птицами, травами, с этим зверьем
Возвратился я в странствии долгом своем
К утру жизни тогдашней. С первой вспышкой света
Я тянусь, как ребенок, и к небу, и к ветру,
И к земле, и к воде. На груди материнской, родной
Я впервые вкушаю радость жизни земной.

В ДЕРЕВНЕ

Здесь я к Ней прикасаюсь везде,
Каждый раз, как случается мне прикоснуться к земле,
К листьям, к ветру, к воде.
Как рожденье луча, как живое журчанье ручья,
Как лесную прохладу, спящих рош забытье,
Как румяные небеса, как несчетных птиц голоса,
Так я люблю Ее.
Сколько чистой красы в округлившихся каплях росы,
В синем блеске Венеры—рассветной звезды,
В озаренной луной туберозе с ее белизной,
Сколько вижу я в Ней красоты.
Сколько в реках воды, в голубых небесах широты,
Снов счастливых у ночи, тепла у огня,
Сколько струй у дождей, сколько в роше баньянов ветвей,
Столько Ее у меня.
Как из радостных глаз слезы льются, легко струясь.
Так же льются песен моих слова.
До конца моих дней неразлучна с душой моей
Будет эта любовь жива.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

На закате, с палкой под мышкой, с ношей на голове,
Шагает домой крестьянин вдоль берега, по траве.
Если спустя столетья, чудом, каким ни есть,
Вернувшись из царства смерти, он явится снова здесь,
В облике том же самом, с тем же самым мешком,
Растерянный, в изумленье осматриваясь кругом, —
Какие толпы народа сбегутся к нему тотчас,
Как все окружают пришельца, с него не спуская глаз,
Как жадно каждое слово будут они ловить
О жизни его, о счастье, о горестях и любви,
О доме и о соседях, о поле и о волах,
О думах его крестьянских, житейских его делах.
И повесть о нем, который не знаменит ничем,
Тогда покажется людям поэмою из поэм.

ЖИЗНЬ ДРАГОЦЕННА

Знаю — виденью этому однажды конец придет.
На веки мои тяжелые последний сон упадет.
А ночь, как всегда, наступит, и в ярких лучах сиять
В проснувшуюся вселенную утро придет опять.
Жизни игра продолжится, шумная, как всегда,
Под каждую крышу явится радость или беда.
Сегодня с такими мыслями гляжу я на мир земной,
Жадное любопытство сегодня владеет мной.
Нигде, ничего ничтожного не видят глаза мои,
Кажется мне бесценною каждая пядь земли.
Сердцу любые малости дороги и нужны,
Душе — бесполезной самой — нет все равно цены!
Мне нужно все, что имел я, и все, чего не имел,
И что отвергал когда-то, что видеть я не умел.

ПЕРЕПРАВА

Через реку людей перевозит паром.
Кто — из дома, а кто возвращается в дом.
Две знакомых деревни по двум берегам.
От зари до зари все в движении там.
Сколько в мире крушений, столкновений и бед,
Сколько помнит история с незапамятных лет,
Сколько золота, крови, сколько поправленных прав,
Сколько новых корон порассыпалось в прах!
Бесконечные смены стремлений сулят
То амриту сладчайшую, то убийственный яд.
Ну а здесь — их названья известны навряд —
Только две деревушки друг на друга глядят.
Ходит изо дня в день через реку паром.
Кто — из дома, а кто возвращается в дом.

КАРМА

Я утром звал слугу и не дозволялся.
Взглянул — дверь отперта. Вода не налита.
Бродяга ночевать не возвращался.
Я без него, как на беду, одежды чистой не найду,
Готова ли еда моя — не знаю.
А время шло и шло... Ах, так! Ну хорошо,
Пускай придет — я проучу лентяя.
Когда он в середине дня пришел, приветствуя меня,
Сложив почтительно ладони,
Я зло сказал: «Тотчас прочь убирайся с глаз,
Мне лодырей не нужно в доме».
В меня уставя тупо взор, он молча выслушал укор,
Затем, помедливши с ответом,
С трудом слова произнося, сказал мне: «Девочка моя
Сегодня умерла перед рассветом».
Сказал и поспешил скорей к работе приступить своей.
Вооружившись полотенцем белым,
Он, как всегда до этих пор, прилежно чистил, скреб и тер,
Пока с последним не покончил делом.

К ЦИВИЛИЗАЦИИ

Лес верни нам. Возьми свой город, полный шума и
дымной мглы.
Забери свой камень, железо, поваленные стволы.
Современная цивилизация! Пожирательница души!
Возврати нам тень и прохладу в священной лесной тиши.
Эти купанья вечерние, над рекою закатный свет,
Коров пасущихся стадо, тихие песни вед,
Пригоршни зерен, травы, из коры одежды верни,
Разговор о великих истинах, что всегда мы в душе вели,
Эти дни, что мы проводили, в размышленья погружены.
Даже царские наслаждения мне в тюрьме твоей не нужны.
Я свободы хочу. Хочу я снова чувствовать, что лечу,
Чтобы снова вернулись силы в сердце мое, хочу.
Знать хочу, что разбиты оковы, цепи хочу развязать.
Вечный трепет сердца вселенной хочу ощутить опять.

СТАРШАЯ СЕСТРА

Рабочий с запада весь день, пока не ляжет ночь,
Копает глину у реки. А маленькая дочь
Бесь день снует туда-сюда, раз по сто, может быть,
Посуду медную она к реке таскает мыть.
И на ребяческих руках, движеньям мерным в лад,
Браслеты тонкие — динь-динь — касаясь блюд, звенят.
И так весь день. А рядом — брат, совсем еще малыш.
Он с непокрытой головой, измазанный голыш.
За нею ходит по пятам, как ласковый щенок.
Сестра прикрикнет — он идет к реке на бугорок,
Сидит. Несет на голове она кувшин с водой
И держит блюдо на плече, а правую рукой
В браслетах — тянет малыша, под ношей склонена.
Ребенок — старшая сестра, — в семье за мать она.

П Р И Я Т Е Л Ь

Помню — видел однажды: в густеющей мгле,
У межи, на заросшей травой земле,
В одиночестве сидя, тонка и смугла,
Молодая цыганочка косу плела.
Подбежал к ней щенок и решил поиграть,
Раздразнила его ускользавшая прядь.
Громко тьякал и прыгал высоко, как мог,
И кусал ее за косу глупый щенок.
А цыганка трепала его по спине,
И корила, и тем раздразнила вдвойне.
Пальцем шелкнула по носу бедного пса,
Так что визгом в неистовстве он залился.
А потом его к сердцу прижала она
И ласкала с улыбкой, виновата, нежна.

ПАДМА

О моя Падма! Как много раз
Я встречался с тобой. Помню — вечер осенний гас,
Когда в час прилива, на пустынном твоём берегу,
Я тебе подарил своё сердце. В закатную мглу
Уходящее солнце свидетелем было у нас.
Молчаливая, не подымая потупленных глаз,
Ты была, как невеста, застенчива и смущена.
Засияла на небе звезда, и глядела она
С любопытством и нежностью, и любовалась тобой,
На счастливом лице оставляя свой блеск голубой.
С той поры, моя Падма, о, сколько раз
Выпал нам свидания тайного час.

Люди в дом мой приходят по разным делам, без конца.
И не знают о том, что связали мы наши сердца.
И не знают — зачем прихожу вечерами сюда,
На песчаный пустынный твой берег, когда
Стаи уток крикливых смолкают и спят на воде
И дома на восточной твоей стороне чуть видны в темноте.
Спят деревни в безмолвии, двери закрыты в домах.
И не знает никто на обоих твоих берегах,
Что тебе говорю я, и что отвечаешь ты мне,
И какие мы песни друг другу поем в тишине.
Сколько раз я встречался с тобою, любимой моей,
И зимою, и летом, и в пору весенних дождей.

На твоём берегу часто думаю: если потом
Вновь приду в этот мир я, в свой новый, неведомый дом,
И однажды, из края родного в другой стороне,
Снова лодка моя поплывет по твоей быстрине,
Мимо рощ, деревень, берегов, что размыла вода,
Мимо отмелей, мимо полей, и причалит сюда, —
Неужели в глубинах сознания ничто в этот миг
Не блеснет? Неужели мне твой не припомнится лик?
Сколько раз я когда-то на берег к тебе приходил,
Сколько раз тебе снова и снова я сердце дарил.
Суждена ли нам в будущем встреча с тобой,
У воды твоей, в сумрака час голубой?

ЦЕПИ ЛЮБВИ

Освободи меня от уз слепой любви твоей,
Бессонных стражников не ставь на стражу у дверей.
Не ставь, о мать! — чтобы детей, рождающихся вновь,
Держать, как пленников, в плену могла твоя любовь.
Ты их живые соки пьешь, с них не спуская глаз,
Обезоруживаешь их теплом любовных ласк,
Ты возвышаешь волю их, в объятиях душа,
Когда ж насытится твоя голодная душа?
Того, кого носила ты во чреве столько дней,
Желаешь ты упрятать вновь в тюрьму любви своей.
Чтоб ни на час и ни на миг не потерять его.
Он что? Частица лишь твоя? И больше ничего?
Ни у небес, ни у земли нельзя его отнять.
Он только сын твой, но не раб. Не раб! Ты слышишь, мать?

МАТЬ БЕНГАЛИЯ

В добродетелях и пороках, в смене взлетов, падений,
страстей,
О моя Бенгалия! Взрослыми сделай своих детей.
У колен своих материнских не держи в домах взаперти,
Пусть на все на четыре стороны разбегаются их пути.
Пусть по всей стране разбредутся, поскитаются там и тут,
Место в жизни пускай поищут и пускай его обретут.
Их, как мальчиков, не опутывай, из запретов сплетая сеть,
Пусть в страданиях учатся мужеству, пусть достойно
встречают смерть.
Пусть сражаются за хорошее, против зла подымая меч.
Если любишь сынов, Бенгалия, если хочешь ты их сберечь,
Худосочных, добропорядочных, с тишиной всегдашней
в крови,
Оторви от привычной жизни, от порогов прочь оторви.
Дети, — семьдесят миллионов! Мать, ослепшая от любви,
Ты их вырастила бенгальцами, но не сделала их людьми.

МЕТАФОРА

Когда одолеть преграды у реки не хватает сил,
Затягивает пеленою стоячую воду ил.
Когда предрассудков ветхих повсюду встает стена,
Застывшей и равнодушной делается страна.
Тропа, по которой ходят, остается торной тропой,
Не пропадет она, сорной не зарастет травой.
Кодексы мантр закрыли, преградили стране пути.
Течение остановилось. Некуда ей идти.

Лодка Р. Тагора на реке Падме
Здесь были написаны стихи, вошедшие в книгу
«Сбор урожая» («Чойгали»).

ЧУЖАЯ ОДЕЖДА

Ты кто, скажи? И почему чужой одежде рад?
Тебе не стыдно ли терпеть весь этот маскарад?
Добро хозяйское тебе не давит разве плеч?
Как оскорблением таким ты можешь пренебречь?
«Эй, нищий! Береги меня, — твердит тебе пиджак, —
Я шкуры собственной твоей дороже как-никак!»
Когда достоинства в душе у человека нет,
Его легко изобличит одежды черный цвет.
А шляпа жалкая твоя не исказит твой вид?
Народной гордости она в тебе не оскорбит,
Твердя: «Ничтожность головы твоей, что я топчу,
Великодушием своим свести на нет хочу»?
Ты в унижение одет с хозяйского плеча.
Перед одеждою такой и рубище — парча!

ОБРАЗ ЛЮБИМОЙ

Ты — создание воображенья, оттого я в моем мозгу
Светлый образ твой так мгновенно, так легко воссоздать
могу.

Когда я тебя увидел на далеком краю земли,
Мне подумалось, что явилась ты откуда-то издали.
Когда же я созерцаю в молчанье твои черты,
Представляется мне, что в сердце у меня зародилась ты.
Ты — мечты моей воплощенье, слитое с красотой
Мира. В луне мне видится женственный облик твой.
А в твоём лице узнается луны восходящий свет.
Вы едины — ты и вселенная. Границ между вами нет.
Душа бесконечно жаждет тебя, по земле бродя,
Все лучшее, что находит, стремясь воплотить в тебя.
И ты божеством становишься, мечты твореньем живым,
И все миры восхищенно склоняются перед ним.

Ж Е Н Щ И Н А

Ты не только творение бога, не земли порожденье ты, —
Созидает тебя мужчина из душевной своей красоты.
Для тебя поэты, о женщина, дорогой соткали наряд,
Золотые нити метафор на одежде твоей горят.
Живописцы твой облик женский обессмертили на холсте
В небывалом еще величье, в удивительной чистоте.
Сколько всяческих благовоний, красок в дар тебе принесли,
Сколько жемчуга из пучины, сколько золота из земли.
Сколько нежных цветов оборвано для тебя в весенние дни,
Сколько истреблено букашек, чтоб окрасить твои ступни.
В этих сари и покрывалах, свой застенчивый пряча взгляд,
Сразу ты недоступней стала и таинственнее стократ.
По-иному в огне желаний засияли твои черты.
Существо ты — наполовину, полувоображение ты.

НЕ В О В Р Е М Я

Оставь попытки напрасные, плотно сомкни уста.
Пусть будет речью твоею полная немота.
Сегодня сердце в раздумье глубокое погружено,
Как святостью лес священный — тишиной дорожит оно.
Напрасно ко мне, любимая, явилась ты в час такой,
В гирляндах весны, край сари придерживая рукой,
Край сари, цветами полный, памятью ранних лет.
Песен в безлюдных рощах не слышно сегодня, нет.
Только твоих браслетов доносится перезвон
На тихих лесных тропинках, в глуши, погруженной в сон.
Любимая, почему ты не вовремя так пришла.
Когда онемели песни, когда в тишине душа?
Звезды покой теряют, когда ты проходишь здесь,
Взглянув на тебя, торопятся до срока цветы расцвести.

ПЕСНЯ

Ты смеюшейся волною
возникаешь надо мною,
проникаешь в сердце мне.
В пору юности бурливым
подымаешься приливом
при сияющей луне!
Нескончаемую сменой
волн, кипящих белой пеной,
берег сердца постепенно
заливаешь, серебрясь.
Теша музыкой и танцем,
ты приходишь, чтоб расстаться
расстаешься, чтоб являться
вновь и вновь, в несчетный раз.
Ты смеюшейся волною
возникаешь надо мною,
проникаешь в сердце мне.
Ты — мгновенье пробужденья,
я твое прикосновенье
сразу чувствую во сне.
Ты в последний час дремоты
входишь в блеске позолоты,
тихой поступью своей.
Входишь, нежностью сияя,
шелком прядей осеняя,
появляешься, пленяя
алой краскою ступней.

Даже небо голубое
переполнено тобою,
даже дерево любое
молодеет и цветет.
Ты — мгновенье пробужденья,
ты одним прикосновеньем
тронешь лоб — и сон уйдет.
Все ты к жизни пробуждаешь,
ты мне к сердцу припадаешь
дуновением цветка.
Ты прохладою незримой,
свежестью невыразимой,
как роса, душе сладка.
За мгновением мгновенье
наполняет душу ленью,
счастье видит в сновиденьях
одинокая душа.
Сладкий запах твой ловлю я,
глубоко, спокойно сплю я,
и на теле поцелуи
чувствую, легко дыша.
Ты несешь покой желанный,
как цветок благоуханный,
ты в груди моей свежа.

К О Н Е Ц Г О Д А

В это чистое утро, все птицы, сколько ни есть,
В каждой роще, на каждом дереве, пели и там и здесь.
Радостно и восторженно их гомон беспечный рос,
Пели без умолку папья и черный веселый дрозд,
Кукушка неугомонная куковала в лесной глуши,
Весь мир наполняя грустной мольбою своей души.
Летают как сумасшедшие, порхают, поют, парят,
Как будто бы мир потерянный вернули они назад.
Птицы не понимают, что сегодня кончается год,
Они советов не слушают, что мудрый журавль дает.
Год для них беспределен, длится он без конца,
Длится, пока трепещут в воздухе их сердца.
Лишь человек на свете в унынье своем таков,
Что жизнь свою не жалеет делить на сотни кусков.

ЗАСУХА

Рассказывают, что когда-то, ради женской любви,
Спустились боги на землю, оставив дела свои.
Миновало то время. Сегодня, в бойшакха лютый зной,
В дни рек пересохших и поля, опаленного засухой злой,
Молит крестьянка жалобно, с неба глаз не сводя,
Исступленно молит, отчаянно: «Пошли хоть каплю дождя!»
С надеждою и волнением, напрасной веры полна,
В дали тоскливым взглядом всматривается она.
Но дождь не приходит. Ветра безжалостная рука
Разгоняет нетерпеливо последние облака.
Языком своим солнце вылизывает последний след синевы.
В Калиюга, в наш век железный, постарели боги, увы!
Былые очарованья уже не волнуют их.
Доходят женские просьбы теперь до мужчин одних.

НЕПОЗНАННЫЙ МИР

Был в тебе я рожден, свет по воле твоей увидал.
О природа бескрайняя, как я тебе доверял!
Называл своей матерью, домом своим называл,
А сегодня познал я и когти твои и оскал.
Ты, как демон огромный, взревела и ринулась в ночь,
Облик свой материнский, как маску, откинув прочь.
Бурей бойшакха все разметала, развеяла в прах,
Пыль неся на крылах, мир повергла в смятенье и страх.
С корнем вырвать готова ты жизнь, как сухую траву.
Я тебя вопрошаю, о Ужас Великий, зачем я живу?
Кто ты, мне заслонивший дорогу в небесную твердь?
Кто ты, горло мне тысячью пальцев сдавивший? Ответь!
Кто ты, давший мне жизнь мимолетную? Слышишь, я жду!
Почему я живу? Для чего я? Куда я иду?

Я ПЛЫВУ ПО РЕКЕ...

Управляет лодкой моей легчайший из ветерков.
Впереди горизонт белеет пеной утренних облаков.
Река от влажных муссонов полноводна и широка.
Словно сытый ребенок, безмятежная спит река.
По берегам безмолвие зеленых рисовых нив,
Мир, подобно беременной женщине, медлителен и ленив.
Почему так спокойно сегодня на земле и воде?
Лодок нет, берега пустынно, почему ни души нигде?
Одинокая в этом мире, пряча печальный взгляд,
Смерть — знакомая старая — облачилась в прекрасный
наряд:

В волосах ее спрятались белоснежные облака,
На высоком челе сияет бледный отсвет издалека.
Что-то грустное напевает, еле слышное в тишине,
Обольщает меня, смущает беспокойное сердце мне.

КАЛИДАСЕ

Ты дошел до потомков своих — ты поэт.
Ни двора, ни дворца величавого нет.
Где Уджайни твой? Где он, славы твоей
Господин, Калидаса — раджа всех раджей?
Нет следа. Но представить могу и сейчас
Блеск твоих переполненных радостью глаз,
Житель Алаки. В час, когда вечер стих,
Умапотти, очнувшись от раздумий своих
Пляшет самозабвенно под громов пережат,
Под сверканье молний, отмечающих такт.
Гимн поешь ты в то время. А смолкнешь когда,
Несравненная Гаури — благосклонна, горда,
Из ушей вынимает, улыбаясь светло,
Свой убор и венчает поэта чело.

П Р О Щ А Й

О природа, нет в городе звуков, похожих на плеск волны.
Нет свободного щедрого неба несравненной голубизны.
Неба, которое, словно голубая книга без слов,
Раскрыто от края до края, — не бывает у городов.
Здесь земли — спокойной и ласковой, как зеленая ящерка,
— нет.

В чистых взглядах не отражается истины вечный свет.
Здесь, в городе, только сердце, сердце мое одно,
Затерявшееся в безбрежности, как ребенок, страха полно.
Оно не хочет прощаться с миром звуков твоих,
Не хочет, чтобы твой голос навсегда для него затих.
Сжимая в объятьях сильных, душу мне полоня,
Лакшми уединения — природа влечет меня.
Позволь твои песни счастья и покоя в сердце сплести,
Позволь, прощаясь с тобою, на устах моих унести.

Д Р А М Ы
1883—1892

ВОЗМЕЗДИЕ ПРИРОДЫ

ПОСВЯЩАЮ ТЕБЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Первые годы моей жизни прошли замкнуто, одиноко, без друзей. «Вечерние песни» и «Утренние песни» во многом являются плодом этих лет. Мое воображение, наталкиваясь на границы собственного мышления, теряло спокойное течение.

Наконец моей души коснулся человек. Он распахнул окно наружу, и моему жадному взору предстали картины мира, мелькавшие, словно в калейдоскопе. Дотоле стиснутый в пещере ум теперь обратился к земной жизни. И хотя внешний мир еще не был полностью освобожден от тумана эмоционального возбуждения, юноша собственными силами пытался сбросить с себя путы, подобные дурлому сну. В это время я написал «Картины и песни».

Новый поворот творчества в сторону реальной жизни не мог ограничиться лишь областью туманных размышлений. Уставшее от попыток выражения мыслей с помощью внутренних переживаний, мое перо склонилось к творчеству, идущему путем реальных представлений. Первая дверь на этом пути открылась «Гением Вальмики». И хотя вся пьеса состоит из песен, она все же является драмой, а не лирической поэмой.

Несколько лет спустя, когда мне было, кажется, года двадцать три или двадцать четыре, я плыл на пароходе из Карвара; внезапно над морем в лучах восходящего солнца родилась песня, в ней было что-то сценическое, то есть она была порождением не чувств, а воображения.

Песня: «О Нондорани!» — это сценический этюд. Мальчики-пастушки приходят к Нондорани и шаловливо просят отпустить с ними Кришну, они решили пойти на луг. Эту песню я включил в «Возмездие природы», мою первую пьесу, не состоящую сплошь из одних песен. Это произведение соединяет в себе стихи и прозу. Монологи саньяси построены в стихах. В них то, к чему он приходит в часы одиноких раздумий. Вокруг погруженного в самого себя саньяси шумит многообразная будничная жизнь. Особенностью этого шума является его обыденность. Этот разрыв можно считать драматическим. Время от времени врывающиеся песни служат намеком на недосказанное. Смысл драмы заключается в бесплодности поисков необычного в пустоте. Бесконечное на каждом шагу обретает желаемую форму через конечное: обретающий ее обретет настоящее.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ПЕЩЕРА.

С а н ь я с и

Куда уходят месяцы и годы?
Куда течет веков поток усталый?
Туда, где мир подобен горстке пыли.
Во тьме пещеры я совсем один
Сижу, в себя ушедший, недвижимый,
Внимая тихому дыханью вечной,
В раздумье погруженной ночи. Слышу:
В расщелину скалы, за каплей капля,
Вода сочится, увлажняя пол.
В недвижной ледяной воде, во мраке
Замшелые, седые жабы дремлют.
Лишь вестники безмолвия ночного —
Нетопыри врываются в пещеру,
Да изредка, незримиными путями
Сюда проникнет луч, посланец тайный
Дневного света, и спешит исчезнуть.
Нашептываньем тайных заклинаний
В прах превращаю жалкие миры
И торжествую: цели я достиг!
Я погружен в мир смутный бытия.
Из непроглядной тьмы лучом сознанья
Я разрываю покрывало майи,
Мир исчезает, и в величье духа
Свое я ощущаю торжество.

Свет солнечный и лунный погасив,
Переступил я грани бытия.
Исчезло зренье, слух, и вкус, и запах,
Надежды, страх, все обольщенья майи
Развеяны. За мной тысячелетья
Свершений. Мир исчез. Смываю с неба
След нечисти погибельным потоком.
И бесконечность чистую заполнив
Создателя ликующим восторгом,
Ловлю лучи от щедрости его.
Моей тюремщицы-вселенной глыба
Всем тяжким грузом давит мне на грудь...
Я бьюсь, я вырываюсь, наконец
Я сбросил этот камень, и теперь
Душа моя свободна и вольна.

О ты, жестокосердая природа,
Кидавшая меня в тенета майи!
Исподтишка в мое прокравшись сердце,
Мятежным сделать ты его сумела,
И я, ни сна, ни отдыха не зная,
Борясь с собой, скитался день и ночь,
Стенаньями души сопровождаем,
И мир весь обагрился кровью сердца,
От крови алы стали дней зеницы.
Горя огнем желаний, я метался,
Как одержимый, по дорогам жизни,
Пытаясь тщетно собственную тень
Насильно удержать в своей груди.
Молниеносным счастием даря,
Меня ты в мрак отчаянья ввергала,
Соблазнами желаний увлекая,
Ты пробудила ненасытный голод,
Но алчущего пищу превратила
В ничтожный прах, а жаждущего воду —
В летучий пар. Я клятву дал отмстить.
С тех самых пор, в пещеру удалясь,
Во тьме ее готовился к убийству.
И вот сегодня выполнил я клятву:
Ростки любви в себе я задушил.
Костер познания мир усеял пеплом,

И, этим пеплом тело посыпая,
Я ныне покидаю мрак пещеры.
Иду на окровавленную землю,
Песнь торжества возмездия пою,
Теперь тебе откроюсь я, скажу:
«Смотри, земля обращена в пустыню
И прах рабов твоих — любви, желанья —
В могиле погребен. А на земле
Воздвигнута столица разрушенья!»

С Ц Е Н А В Т О Р А Я

ДОРОГА.

С а н ь я с и

О, как ничтожна, как мала земля!
Как стиснута она со всех сторон!
Друг к другу тесно лепятся лачуги,
Как будто окруженные стеною,
Придавленные сверху небесами...
Куда ни ступишь — попадешь в ловушку.
И это называется столицей!
Какие же здесь жалкие домишки!
А жители спуют, как муравьи.

В темницу заточили свет дневной,
Тенетами опутана темница.
Тенетами людской опутан взор.
Мысль мечется, не ведая покоя.
Нигде дороги нет. Везде препоны!
Здесь тьма бездействия, свобода тьмы.
Во мраке непроглядном дух блуждает.
Здесь тишина — всего лишь миг один,
А бесконечность — лишь туманный призрак.
Погружена земля во мрак ночной.
Начало и конец вселенной скрыты.
Душа ликует, с миром расставаясь,
Свободу обретая наконец.
Я на дороге. Кто все эти люди?
Не знаю их и не смогу понять.

Зачем они шумят, чего желают,
О чем с таким усердием хлопочут?
Прошли те времена, когда огромен
Был этот мир, а человек — всемогущ.
Теперь царит ничтожество повсюду.
Вот как игра природы прихотлива!

Входят крестьяне.

Песенка крестьян

Отвори, Нондорани,
Отпусти с нами Кришну,
Это мы, пастушкí, у дверей.
Пусть пойдет с нами Кришна, —
С ним на луг убежим поскорей!
Уж полнеба румянцем
Занялось, просыпается день,
В золотистый с багрянцем
Плащ сегодня ты Кришну одень.
Забавляясь свирелью,
Пусть сидит у тебя на руках,
На груди — ожерелья,
И запястья на смуглых ногах...
В тени густой не страшен зной —
Под звук свирели сладостной,
Под звон запястий золотой
Возьмемся в пляске радостной.
Гирлянды пышные сплетем,
Цветами Кришну обовьем...¹

Входит женщина с сыном.

Женщина (обращаясь к брахману-прохожему). По-
слушай, отец, куда ты так спешишь?

Брахман. Спешу к своим ученикам, милая! Много
их у меня! Вот я и на ногах уж с самого рассвета. А ты
куда идешь?

Женщина. На молитву. Все домашние дела броси-
ла, опять муж рассердится. Некогда мне стоять и болтать
на дороге. Отчего ты к нам не заходишь, отец?

¹ Здесь и дальше песни в переводе А. Эфрон.

Брахман. Да где там! Я уже стар, а вы — молоды, какая ж я вам компания? Уж если нет зубов, то лучше не ходить туда, где продают жареный рис.

Женщина. Оставь, отец, не смейся!

Подходит вторая женщина.

Вторая женщина. Ты что-то, отец, сегодня цену себе набиваешь.

Брахман. Почему набиваю? Сегодня спозаранку пятеро ваших окружили меня на дороге, да и давай тянуть каждая к себе. А мне спешить надо.

Первая женщина. Пора идти. Дома все дела брошены.

Вторая женщина. Ну что ж, пошли!

Первая женщина *(возвращаясь)*. Послушай-ка, Олонго, правда ли говорят, что в вашей деревне...

Вторая женщина. Э-э, милая, это длинная история! *(Шепчутся.)*

Входят несколько жителей.

Первый. Оскорбить меня! Он меня еще не знает! Посмотрим, чего он стоит! Я сотру его в порошок!

Второй. Правильно! А не то он совсем распояшется.

Первый. Я ему покажу! Он у меня поплачет!

Третий. Тут, брат, надо только решиться!

Четвертый. Зазнался человек!

Пятый. У муравья лишь перед смертью отрастают крылья.

Второй. Равану погубила гордость.

Четвертый. Ну ладно, брат, посмотрим, что ты с ним сделаешь!

Второй. Мы все можем сделать! Посадим на осла, вымажем голову сывороткой, да и протащим по городу. Или намажем лицо известкой да дегтем и вытолкаем из города, а в доме пусть одни голуби останутся.

Разгневанные жители уходят. Смеясь, проходят люди.

Первая женщина. Ради бога, не смейся меня, отец, я уж больше не могу смеяться! О, мать моя, как поздно! Так и не поспела сегодня в храм. В другой раз придется идти. *(Сердито.)* Проклятый мальчишка, из-за тебя ведь не пошла, опять ты вздумал играть на дороге!

М а л ь ч и к. Что ты, мама, я ведь был здесь!
Ж е н щ и н а. Опять ты споришь! *(Шлепает его.)*

Мальчик плачет. Уходят. Входят два юноши-брахмана.

Первый. Победил Мадхоб Шастри.

Второй. Ничего подобного. Победу одержал пандит Джонардон.

Первый. Шастри сказал, что из великого возникает малое.

Второй. Гуру Джонардон сказал, что из малого рождается великое.

Первый. Но это невозможно!

Второй. Так сказано в ведах!

Первый. Как же это может быть! Ведь дерево дает семя.

Второй. Глупец, из семени вырастает дерево.

Первый. Что сначала — день или ночь?

Второй. Ночь.

Первый. Как! Без дня ведь нет ночи!

Второй. Без ночи не будет дня.

Первый *(совершив пронам)*. Учитель, разреши наши сомненья.

Саньяси. Что за сомненья?

Второй. С тех пор, как мы услышали спор наших учителей, мы оба уже три дня и три ночи не перестаем думать, что из чего возникает: великое из малого или малое из великого, и ни на чем не можем остановиться.

С а н ь я с и

Неразделимо малое с великим.

Природа в проявлениях различна,

Великое и малое — лишь форма.

И признавать одно из них — ошибка.

Первый. Ну, что я говорил! И гуру Мадхоб сказал то же самое!

Второй. Таково было и мое мнение. И мнение гуру Джонардона.

Вместе *(совершив пронам)*. Мы уходим, учитель!

Уходят, продолжая спорить.

С а н ь я с и

Глупцы, они не вняли ничему,
Обрадовались пойманному слову;
Ища крупицы знаний, роют шахты,
И шелухой словес подол наполнив,
Ее уносят радостно домой.

Входит группа садовниц.

Песенка садовниц

Подруги, меркнет свет дневной,
Цветок, раскрывшийся с зарей,
Уже наряд теряет свой.

Увы, как мне сплести венок, что подарить тебе хотела?
Венка я не сплела, а друга нет со мной...
Лишь Джамна плещется и меркнет свет дневной.

Прохожий. Чего грустите, милые? Был бы венок,
а шея найдется!

Садовница. Да и веревка на шею!

Вторая садовница. Несчастный парень, день-
деньской возится со скотиной. Я все пою да пою, охрипла
даже, а он хоть бы разок глянул на меня! *(Подходит к
нему вплотную.)* Ты что на меня валишься, мертвый, что
ли?

Человек. Чего ты шумишь? Кто валится? Я от тебя
за версту стою!

Вторая садовница. Слышите, девушки! Мы — не
тигры и не медведи, можешь и поближе подойти — не
съедем!

Смеясь, уходят.

Входит старый нищий.

Песенка нищего

Подайте мне, подайте!

Стучусь я в двери не как гость, прошу я только
риса горсть.

Пусть Лакшми милостью своей

Продлит вам жизнь на много дней.

Пусть одарит богатством вас, подайте риса горсть!

Как солнце голову палит, как жажда жжет, как грудь
болит,

Но никому-то дела нет, проходит всякий мимо...

С о л д а т (толкая его). Иди, иди прочь с дороги!
Ослеп, негодяй, не видишь — сын самого министра едет!

С музыкой проносят паланкин сына министра.

С а н ь я с и

Уж полдень наступил, нещадно солнце,
Оно как раскаленный медный шар.
Лучи его слепят. Горячий воздух,
Воронкою кружась, несет песок.
Я здесь с утра, и что увидел я!
От жизни смертных оторвав себя,
Смогу ли вновь с людским я слиться родом?
Свобода — безгранична! Мир — огромен!
Живу я в беспредельной пустоте!

С Ц Е Н А Т Р Е Т Ъ Я

ПОЛДЕНЬ. ДОРОГА.

Первый прохожий. Эй, расступись, на-
род! Смотрите, дочь Рогху-нечестивого идет.

Входит девушка.

Первый прохожий. Не тронь меня, не тронь!

Второй прохожий. Уйди, нечистая!

Третий прохожий. Несчастливая, разве ты не
знаешь, что по этой дороге ходят люди? Как ты посмела
здесь идти, нечистая?

Девушка сходит с дороги под тень деревьев.

Старушка. Кто ты, дитя? Кто твой отец? И почему,
как нищенка, в слезах ты стоишь у дороги?

Д е в у ш к а
(плача)

О мать моя, увы, я — сирота...

Старушка. Мне жаль тебя, дитя!

Прохожий. Не прикасайся к ней, не прикасайся!
Кто ты, мать, разве ты не знаешь Рогху-богоотступника?
Ведь это его дочь!

Старушка. Стыдитесь, ненавистники! *(Уходит.)*

Девушка
(приближаясь к храму богини Девы)

Ужель и ты меня отвергнешь, Мать?
Ужель и ты оставишь сироту?
Ужели, ненавидимая всеми,
И у тебя приюта не найду я?

Служитель храма. Прочь, тварь нечистая, ступай отсюда! Как осмелилась ты подойти к храму?

Входит мать с дочерью.

Мать
Час службы наступил. Идем, пора!
Сокровище души моей, идем!
Я черный знак на лбу твоём поставлю.
Да обойдут тебя печали все
И беды.

Дочь
Мама, кто здесь? Посмотри!

Мать
Нет никого, дитя мое, идем!

Девушка
Нет никого! И, значит, нет меня!
Я — сирота! Меня не замечают...
О мать, зачем покинула меня?

(Увидев саньяси.)

О господин, приблизиться позволь!

Саньяси
Иди ко мне, дитя, не бойся!

Д е в у ш к а

Я

Нечистая!

С а н ь я с и
(улыбаясь)

Все на земле такие!
Потоком бед твоя омыта святость.
Не стой так далеко, приблизься, дочь!

Д е в у ш к а
(вздрагнув)

Не прикоснись ко мне, не тронь меня!
Я — Рогху дочь.

С а н ь я с и

А как зовут тебя?

Д е в у ш к а

Меня про имя спрашиваешь ты?
Звать некому по имени меня,
О господин, я с детства — одинока...

С а н ь я с и

Сядь около меня, дитя, вот здесь.

Д е в у ш к а
(плача)

О милосердный, ты — отец и мать мне.
Меня к себе приблизив — не гони,^{*}
Позволь мне навсегда с тобой остаться!

С а н ь я с и

Дитя мое, не плачь, ведь я саньяси,
Неведомы мне злоба и любовь.
Идешь ко мне — иди; уходишь, что ж,
Ступай! Все люди для меня равны.

Д е в у ш к а

Отвергнута я богом и людьми.
Я одинока, господин!

С а н ь я с и

И я.

Но бога и людей я сам отверг.

Д е в у ш к а

И матери нет у тебя?

С а н ь я с и

Увы.

Д е в у ш к а

Нет и отца?

С а н ь я с и

Нет и отца.

Д е в у ш к а

Совсем нет никого?

С а н ь я с и

Нет никого.

Д е в у ш к а

И если я останусь — не прогонишь?

С а н ь я с и

Коль ты прогнать меня не пожелаешь,
Я сам тебя не оттолкну, поверь!

Д е в у ш к а

И даже если все начнут кричать:
«Она — дочь Рогху, к ней не прикасайся,
К безбожнице нечистой, нечестивой»,
То и тогда не оттолкнешь меня?

С а н ь я с и

Не бойся, дочь моя, идем со мной.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

НА КРАЮ ДОРОГИ РАЗВАЛИВШАЯСЯ ЛАЧУГА

Девушки.

Девушка

Отец!

Саньяси

Кого зовет она отцом?

Увы! Кого? Я даже вздрогнул вдруг.

Девушка

Я не могу понять, что говоришь ты.
Хочу спросить, где в мире есть покой?
Никто не подзовет и не окликнет,
Никто в глаза мои не поглядит.

Саньяси

Где в мире суетном найти покой?
Вселенная — лишь мрачная пещера!
Ища покоя, сотни тысяч душ
В ее разверстой пасти исчезают,
Поглощены бездонною утробой.
На ярмарку лжецов жестокосердых
Со всех концов стекаются пришельцы;
Наряжены там в шелк любовь и голод,
От пищи жарче алчущих огонь.
Чудовище с утробой ненасытной
Готово мир сгрести и в рот засунуть!
Ступай от них — они пусть остаются!

Девушка

Но на земле все счастливы, отец!
Я наблюдала их издалека.

Саньяси

Увы, им не понять моих речей!
И счастье и беда — все суета.
Мир — смерть живая. При смерти он вечно.
Желала смерти смерть, но не нашла
И в облике своем живет меж нами.

Вселенная — река, ей имя — смерть.
Любую каплю, каждую волну
За веком век она уносит в море,
Не убывая и не иссякая.
Вселенная — мертва, а вы — живёте,
Питаюсь только падалью и тленом.
Лишь на мгновенье вспыхнете — и вновь
Вы, трупы, прозябаете меж трупов.

Д е в у ш к а

Твои слова, отец, меня пугают.

По дороге проходит ни щ и й.

П р о х о ж и й

Кто даст приют, кто приютит меня?

С а н ь я с и

Нигде приюта нет! Приюта хочешь?
В себе найди приют и сохрани.
Из смертных никому не доверяйся,
Не то сомнения тебя поглотят.

П р о х о ж и й

Кто даст приют? Кто приютит меня?

Д е в у ш к а

(выходя из жилища)

Прохожий человек, зайти ко мне!
Я постелю тебе постель из листьев
И родниковой привесу воды,
Плодов и диких ягод. На рассвете
Ты, отдохнув, опять продолжишь путь.

П р о х о ж и й

А кто же ты? Тебя не знаю я.

Д е в у ш к а

Такой же человек, как ты, прохожий!

Прохожий

Как имя твоего отца, скажи?

Девушка

Зайти не смеешь, имя не узнав?
Так знай тогда, что Рогху — мой отец!
Я — нечиста, отвергнута людьми.

Прохожий

(вздрагнув)

Ты — Рогху дочь? Будь счастлива, дитя,
А я спешу, я, право, очень занят!

(Уходит)

Смеясь, вбегает группа людей, держа на плечах топчан со спящим человеком.

Все. О Хари, Хари!

Первый. До сих пор не очнулся, негодяй!

Второй. Чертовски тяжел!

Прохожий. Кто это, кого это вы несете?

Третий. Бинде-ткач заснул как убитый, мы его и унесли вместе с топчаном.

Все. О Хари, Хари!

Второй. Ох, братцы, я больше не могу, дайте-ка я его тресну разок, сразу очнется, негодяй!

Бинде *(внезапно просыпаясь)*. А-а-а, у-у-у!

Третий. Ого, кто это голос подает?

Бинде. Эй, эй, что это? Куда это я иду?

Все *(опуская топчан)*. Молчи, мошенник!

Второй. И мертвый болтает, негодяй!

Четвертый. Ты ведь умер, так вытянись и лежи, как полагается.

Бинде. Я не умер, я заснул!

Пятый. Умер, без сознания, а спорит! Вот ловкий малый, право!

Шестой. Чего вы его слушаете! Попал в беду и хочет вывернуться!

Седьмой. Не поздно врать-то? Может, признаешься? Пошли, ребята, потащим его на костер!

Р. Тагор в роли Вальмики
(драма «Гений Вальмики»)

Бинде. Смилуйтесь, братцы, я не умер! Припадаю к стопам вашим, братцы, я не умер!

Первый. Ладно, докажи сначала, что ты не умер.

Бинде. Хорошо, я докажу. Пошли посмотрим, у моей жены есть браслет из ракушек!

Второй. Нет, так не пойдет; отлупим тебя да посмотрим, как это тебе понравится!

Третий (*бьет Бинде*). Ну как?

Бинде. О-о-о!

Четвертый. А это как?

Бинде. О братец!

Пятый. А это?

Бинде. Ох, ты мой святой отец! (*Внезапно вырывается и убегает.*)

Все, смеясь, убегают за ним.

С а н ь я с и

А девочка уставшая уснула
В объятиях блаженных сновидений,
Забыв во сне презрение людское.
Рука ей служит мягким изголовьем,
А жесткая земля — просторным ложем.
О маленькие, слабенькие руки,
Ужель вы в плен мое забрали сердце?
О, прочь беги, беги скорей, саньяси,
Покуда спит она, вставай скорее,
Спеши, беги! Беги!

Бежать? Стыдись!

Презрел я мир людской, зачем же должен
От девушки простой спастись бегством?
Нет, не уйду, я должен здесь остаться!
Природа, чародействуешь? Но нет!
Лишь птиц ловить твои пригодны сети!

Д е в у ш к а

(*вздрагнув, просыпается*)

О, неужели ты ушел, отец мой?

С а н ь я с и

Я не ушел, мне некого бояться.
Я здесь, как тень твоя, с тобою рядом,
Но все же от тебя я далеко!

Девушка

Ты слышишь шум какой-то на дороге?

Саньяси

Что шум? Я одиночество найду
В толпе, как и в лесу. И в сердце мира
Я сею разрушение неустанно.

Входит группа мужчин и женщин.

Первая женщина (*обращаясь к одному из мужчин*). Иди, иди, зачем болтать о любви?

Первый мужчина. А почему не сказать? Чем я провинился?

Женщина. Знаем, знаем, у вас, мужчин, сердца из камня!

Первый мужчина. Так, так! Если бы у нас сердца были из камня, чего бы мы тогда боялись стрел любви? Правда, ребята? Если бы мы были каменные, стрелы любви не ранили бы нас!

Второй мужчина. Молодец, хорошо сказал!

Третий мужчина. Здорово, друг, здорово!

Четвертый (*к женщине*). Ну, что ты на это ответишь?

Первый. погоди, дай договорить! Десять человек, а рассудить не можете! Ведь если бы у нас были сердца из камня, то...

Пятый мужчина. Верно сказано. Без тебя мы бы пропали.

Шестой мужчина. Превосходно сказано, друг!

Седьмой мужчина. Хм, и я мог бы сказать не хуже. Его это слова, что ли? Вычитал где-то и выложил.

Восьмой мужчина (*подходя*). В чем здесь дело? Что случилось?

Первый мужчина. Послушай, я объясню тебе. Вот она изволила сказать, что у нас, мужчин, сердца из камня. А я и говорю: хорошо, если у нас сердца из камня, то почему стрелы любви ранят нас? Понимаешь мою мысль? То есть, если...

Восьмой мужчина. Ты мне не объясняй, братец! Что я, не понимаю, что ли? Двадцать два года варю

в своем городе патоку, а какие-то там слова не могу
взять в толк!

Первый мужчина (к женщине). Ну, а теперь
отвечай!

Хор женщин

Ни слова, Радха помолчи, твой Кришна стал такой
гордец,
Он похищает все сердца, — где обольщению конец?
О, как нежна его свирель, а смех его — как птицы трель!
И все пастушки остаются навеки без сердец...

Песенка мужчины

Быть денки под твоей пятою алой,
Моя любимая, как бы желал я!
Я без конца склонялся б пред тобою
Со скрипом жалобным, с горячею мольбою,
И так покорностью своей тебя б завоевал я!

Второй мужчина. Молодец, братец, хорошо спел!

Третий. Хорошо, хорошо, превосходно!

Седьмой. Ерунда! Разве это песня! Вот Нитай
пел так пел! Слушал бы да плакал!

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

У ВХОДА В ПЕЩЕРУ.

Девушка

Отец, не говори мне этих слов,
Я их не понимаю, страшно мне!

Саньяси

Оставим это — подойди, дитя!
Твое прикосновение, как сказка,
Как мысль моя, уводит в бесконечность
Из мира суеты. Быть может — грежу,
Быть может — это майя? Сновиденье?
Да, без сомненья, то уловки майи,

Что в тень коварную оборотилась
И следует за мною по пятам!

(Удаляясь.)

Но для чего же ты пришла сюда,
Как не услышать это от саньяси?

Д е в у ш к а

Сюда пришла, чтобы у ног твоих
Сидеть, чтобы в глаза твои глядеть.
Чтобы рука моя в твоей лежала,
Когда отсюда в город мы пойдём.

С а н ь я с и

Беспомощною выпорхнула пташкой
Из клетки. С ней пускаться ль в бесконечность?
Она устала в постоянном страхе
Свою головку прятать под крыло,
Теперь во мне приют найти стремится.
Ну что ж, пойдём. Закрой свое лицо
И спрячься на груди моей, дитя.

(В сторону.)

Уж не любовь ли сердце посетила?
Нет, нет! Любовь и ненависть равно
Мне незнакомы. Я не призову
Того, кто вдалеке, и не отвергну
Пришедшего ко мне искать приюта.

(Вслух.)

Дитя мое, как будешь жить во мраке?
Ведь в душах ваших слишком мало света...
Там, в городе, твой настоящий дом,
Там люди, птицы и цветы... а здесь?

Д е в у ш к а

Здесь ты, отец мой, и меня ты любишь,
Поэтому я здесь с тобой останусь.

С а н ь я с и

(улыбаясь, в сторону)

Воображает, что ее люблю!
Бедняжка, ведь она не понимает
Того, что незапятнанное сердце
Мое навеки от любви свободно.

Но если эта мысль дает ей счастье,
Пусть будет так — живут обманом люди!
(*Вслух.*)

Теперь, дитя, я уйду в пещеру.
Вернусь туда, где мыслям нет помех.

Д е в у ш к а

Когда же ты вернешься?

С а н ь я с и

Неизвестно.
Вне времени — в раздумье погруженный.
(*Уходит.*)

С Ц Е Н А Ш Е С Т А Я

ПОЛДЕНЬ. У ВХОДА В ПЕЩЕРУ.

Входит саньяси.

Д е в у ш к а

Ты наконец пришел. А я все жду.
Сегодня для тебя я в лес ходила
И много принесла тебе цветов.
Взгляни, как эти красные прелестны!

С а н ь я с и

(*улыбаясь*)

Дари, что хочешь, мне, дитя, а я
Ни прелести не знаю, ни уродства.
Ты горсточку цветов предпочитаешь
И отвергаешь горсточку земли?
Откуда знаешь ты, что предпочесть?
В том есть ли смысл? Ты Расскажи мне лучше,
Как провела сегодня день, дитя?

Д е в у ш к а

Все расскажу — иди ко мне, отец!
Среди лиан играла я весь день,
А вечером баюкали, склонясь,
Меня побеги нежные деревьев,
Сплетались листья в радости живой...
Иди ко мне, отец, и рядом сядь.
Погладь меня, отец, своей ладонью!

С а н ь я с и (в сторону)

Как будто хмель мне голову дурманит,
Истомой сладкой пленена душа,
Как будто сон мои смежает веки...
Что за тревожный мрак окутал душу
И просветленный взор мой застилает?
Тень смерти, отнимающая разум,
Меня как будто медленно закрыла...
(Внезапно бросает цветы и дикие плоды
на землю и топчет их.)

Прочь от меня, да сгинет эта скверна!
О девушка, зачем со мной играешь,
Со мной, неколебимым и свободным?
Ведь я же йог, от мира отрешенный,
Зачем же ты глаза мои туманишь?
(Вдруг умолкает на мгновение.)
О, почему так смотришь на меня
И почему твой взгляд блестит слезами?
Саньяси мы — и значит, мы бесстрастны,
Нас этим всем не тронешь, знай, дитя!
...Ужели так любовь соединяет
Сердца в одно, забившееся вдруг
Тревогой сладкой? Как в него проникла,
Шипя, сжигая, жаля, капля страсти
Из мрака, где без пищи обитала?
Внезапный страх мое смущает сердце:
Не знаем мы, в чем кроется беда.

На погребальном сожжена костре,
Душа испепеленная восстала
И вот танцует ныне пляску смерти...
Где я теперь смогу найти покой?

(Вслух.)

Иди сюда, дитя, носи цветы
И покажи лианы. Нет, постой,
Я должен отлучиться нынче в город.
Здесь подожди, я скоро возвращусь!

(Уходит.)

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ.

Саньяси.

На горной тропинке появляются две женщины.

Песенка женщины на горной тропинке

Такие цветы расцвели,
А ты отчего-то грустишь...
Не сердись!
В лесу, где лианы свились,
Кукушка нарушила тишь:
Ку-ку! Ку-ку!
А ты отчего-то грустишь.
Песни кукушки и флейты сплелись,
И с негою нега сегодня слились...
О, как все прекрасно кругом, оглядись!
При свете луны серебрится камыш,
А ты отчего-то грустишь...

Саньяси

Какое марево передо мною!
Какое в мире совершилось чудо!
Уже в морские медленные волны
Спокойно канул вечер золотой.
Леса и доли укрывает ночь,
И только моря шум неутомный
Ночную нарушает тишину.

Вдали налево высятся холмы,
Среди темнеющих деревьев — жилища,
Стих шум, и обезлюдела дорога,
Повсюду замерцали огоньки.
Настал молитвы час, и снизу слышен
Звук раковин и колокольных звон.

Природа! Иль тебя впервые вижу!
Такую негу в облике волшебном
Твоем не замечал издавека!
А здесь я — как раджа. Передо мною
Вселенная сама, как на подмостках!
Сегодня — ты раба, а я — властитель,
Так покажи свои, колдунья, чары,
Яви мне чудеса твоей вселенной!
Играй передо мной луной и солнцем,
Над головой раскинь шатер свой звездный!
Пускай твой мир поклонится мне в ноги,
Небесной песнею коснется слуха
И встанет ясным днем и ночью темной!

Проходят люди.

Песенка прохожих

Чу, милая моя!
Кто там зовет меня напевами свирели?
Идти к нему я вовсе не хочу...
Что делать мне, скажи? Я слышу зов свирели.
Там, в зарослях лиан, на берегу,
В вечерном мраке ветры присмирели
И слушают со мною эти трели,
А я найти дороги не могу
К нему, влекущему напевами свирели...
О, как же мне в глаза его взглянуть,
Ему венок, смущаясь, протянуть,
Ему шепнуть,
Что струны сердца моего впервые зазвенели.
Что делать мне, скажи? Я слышу зов свирели.

Саньяси

Раскинулась вселенная, как море,
А я на берегу ее высокою.

В ее волнах рассеялись светила,
И души, изможденные, покорно
Ее теченью следуют. Я вижу
Лишь волн игру, лишь слышу гул морской.
Природа, словно грозный Шива в пляске,
Сеть разметала огненных волос,
И свет и мрак, и жизнь и смерть, и страхи
С надеждами, подъемы и паденья —
Безумную сопровождают пляску,
Движенью каждому ее послушны,
То возникают вдруг, то погибают.
Но я — я не такой, как эти души!
Что ж пляской этой мне не любоваться?

Песенка прохожего

О Шива, кто же ты, в моей душе живущий,
Ты, пляшущий в одежде из туманов,
Ты, головой до неба достающий?
Как под покровом пепла он сверкает!
Как месяц на челе его сияет,
Его ступни волною Ганга оmyвает!
О, кто же он, в моей душе живущий?

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

ВХОД В ПЕЩЕРУ.

Появляется саньяси.

Саньяси

Прочь от меня! Пусть удалятся все!
Я видел, как вселенная прекрасна!

Девушка

А мне куда идти? Увы, отец мой,
Перед тобою чем я виновата?

С а н ь я т и

Не бойся, ты ни в чем не провинилась,
Тебя я не оставлю, дочь моя!

(Входит в пещеру.)

Как здесь темно! И как тесна пещера!
Иди, дитя, мы лучше здесь, у входа,
При лунном свете вместе посидим!

(Выходит.)

Какой во всем покой! Какая нега!
В безмолвии застыли деревья.

О, если бы мне стать одним из них
И замереть в прохладном лунном свете.

Благоуханный трепет ощутил я
Цветов и листьев, что давно увяли.
Листва чуть слышно плачет и лепечет...

В такую ночь уже стоял я здесь,
Незримою оградой окруженный...

Родные лица видел, как твое,

В лучах луны они сияли мне,

Но к прошлому возврата больше нет.

Простился с миром дольным я навеки.

Моя ладья плывет по океану,

И острова, подобно облакам,

Вокруг маячат, сладким пеньем флейты

Хотят меня в тенета заманить.

Довольно! Не поддамся я дурману!

Свободен я, свободен я навек!

Пусть они поют на берегу —

Свободный уплыву я в беспредельность.

Дитя, дитя! Дай на тебя взглянуть!

О как прекрасна ты в сиянье лунном!

Д е в у ш к а

(приближаясь)

Мне песня вспомнилась одна, послушай,

Я сяду и спою ее, отец.

П е с е н к а д е в у ш к и

Облака в поднебесье плывут — куда?

Луну с собою зовут — куда?

И устало луна вопрошает — куда?
Куда вы зовете, куда вы пошли,
Кто знает, что ждет вас вдали?
Огляделась луна!
Высоко, где чертог небожителей,
В самой горней из горних обителей,
На серебряной флейте играет звезда.
Улыбнулась луна...
Облака увидали — смеется она,
И, улыбку похитив, с собой увлекли — куда?

С а н ь я с и

Куда ж я шел? Где нахожусь теперь?
Мне кажется, собой я не владею.
Как будто умер, утонул как будто.
Закрыв глаза, лечу я в пропасть, в бездну...
Нависла тяжесть — давит мне на веки.
Со всех сторон я словно окружен.
Куда бежать? Где выход мне оставлен?
Я будто погружаюсь в сон глубокий.
Но вот внезапно ноги ощутят
Толчок, и я очнусь среди развалин.
Отбрось скорее сонное виденье,
Вернись в свой мир, в сплошную темноту,
Где нет ни звезд, ни солнца, ни луны.
Ничтожный луч меня поверг в смущенье,
Тогда как мрак дороги не скрывал!

С Ц Е Н А Д Е В Я Т А Я

ПЕЩЕРА.

С а н ь я с и

О, как спокойно здесь и как безмолвно!
Душа и тело, время и пространство
Исчезнут, только «я» мое пребудет!

Входит девушка со свечой в руке.

Д е в у ш к а

Два дня, две ночи минули, отец,
Я ожидала здесь тебя у входа
И вот теперь решилась заглянуть.
Здесь нет живой души, зачем во мраке
Дни долгие и ночи без просвета
Один проводишь тут, о мой отец?
Когда неподалеку я сидела,
Вон там, — я услышала зов твой нежный,
И я пришла. Ты одинок, отец,
И невозможно мне тебя оставить!
О, почему молчишь ты, господин,
И на меня зачем так странно смотришь?
Не любишь ты меня? Велишь уйти?

С а н ь я с и

Уж если ты пришла — не уходи,
Ведь я не звал тебя, сама пришла!
Поодаль встань, чтоб лучше мог я видеть
Тебя, дитя. Я — на краю зселенной,
Но кем же ты мне послана с земли?
Ты принесла оттуда ветер свежий,
И свет, и запах луговых цветов,
А голос твой подобен нежной песне.
Мне облик твой вливает в душу силы.
Сиянье вижу твоего лица
И начинаю верить в правду жизни.
Ужель ты — призрак, ослепленья миг?
Ты землю всю украсила цветами,
Ужель она действительно, как ты?
Идем, дитя, скорее из пещеры!
Два берега у океана есть.
Я — на одном, другой — землей зовется.
Ты — между ними лодка золотая,
По океану мы плывем вселенной
И иногда касаемся земли.

Уходят.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ
ВОЗЛЕ ПЕЩЕРЫ.

С а н ь я с и

Заря, заря... О, как она сияет!
Нет, бытие — не просто наваждение,
Не просто майи хитрая игра!
С конечным бесконечное едино.
В ничтожно малом скрыта беспредельность.
Песчинка целый мир в себе таит.
Нет ни конца, ни края небесам.
Но как бездонным небом овладеешь?
Ни малого нет в мире, ни большого.
Есть только безграничность бытия.
С землей простился я, закрыл глаза
И окунулся в этот океан,
Стремясь непостижимое постигнуть.
Нет бытию границ. Оно безмерно.
Постигнуть я хочу судьбу земли
Во всех многообразных проявлениях.
Один пушусь я в путь, лица не пряча,
Познаюем разум свой обогащая.
Перелистаю я всю книгу жизни,
Незримым лик земли узреть смогу.
Свои глаза тогда я вновь раскрою,
Отправлюсь снова я тогда в дорогу,
С любовью созерцая прелесть мира,
Земную постигая красоту.

Входят двое мужчин.

П е р в ы й

Ты слишком далеко уже ушел,
Дай обниму: пора тебе вернуться.

В т о р о й

Кто знает, встретимся ль с тобою вновь?

П е р в ы й

Я постараюсь скоро возвратиться.

Второй

Хоть ты спешишь, давай здесь постоим...
Еще разочек оглянись на город.
Вон там еще виднеется твой дом,
Со всех сторон лианами увитый,
А вон и наше дерево стоит.
В его тени как часто мы сидели,
Беседуя с тобой при лунном свете...

Первый

Увидишь, что разлука скоро минет
И снова будет радостная встреча.

Второй

Не забывай о старом, верном друге,
Бог да пошлет тебе покой и счастье!

Уходят.

Саньяси

И разошлись, оглядываясь, оба,
Идут, идут, от слез пути не видя.
В огромный мир, простертый к небосклону,
Куда ушел тот путник — неизвестно.
В стране каких сомнений мы остались?
Для глаз невидящих здесь все тревожно.
А я смотрю на мир открытым взором.
В тот час, когда нас близкий покидает,
Все, кто оставлен, в горести и страхе
Еще тесней сближаются друг с другом.
Со временем все разбредемся мы
По миру беспредельному. Тогда
Лишь бесконечность ляжет между нами.
Зачем же вновь я поддаюсь обману?
Зачем же вновь с судьбой веду игру —
Что сохранить нельзя, хочу оставить?
Ах, день за днем я чувствую, как будто
Меня все время что-то держит, тянет...
Я день за днем верчусь в круговороте,
Чтоб наконец упасть на землю снова,

Я окружен стеной глухих рыданий,
И с каждым днем мои слабеют ноги.
Ломай, круши, спасай себя, беги
Так далеко, как ноги унесут...
Кто дал ей право звать меня отцом
И слезы проливать в моей пещере!
Швыряй, разламывай преграду эту,
Беги скорей, беги, пока есть время!

С Ц Е Н А О Д И Н Н А Д Ц А Т А Я

НА ДОРОГЕ.

С а н ь я с и

Ушел я далеко, — теперь не страшно!
Лиана, мне опутавшая ноги,
Разорвана. Но девушки лицо
Печальное меня не покидает.
Как будто у дверей души моей
Она все плачет и зовет тихонько.
Хочу я дверь закрыть, чтоб не вошла,
Но вновь она у моего порога.
Ей нужен уголок в моей душе...
А здесь все так спокойно во вселенной.
Без страха по теченью все плывут.
Кто трудится и свой окончил труд —
Доволен малым и скорбит о малом.
Так почему же я один поклялся
С мирским теченьем до конца бороться?
Я лишь едва продвинулся вперед:
Лицо свое от них лишь отвернул...
Течению наперекор плыву —
Оно несет пловца назад, а все
Туда плывут, куда я не стремлюсь!

Входит нищая девушка.

Д е в у ш к а

О, смилуйся над бедной сиротою!

С а н ь я с и
(вздвогнув от неожиданности)

Кто ты, дитя? Откуда ты пришла?
Ты сирота, скажи, как та, другая?
Ужели и тебя покинул кто-то
И ты пришла сюда его искать?
Приблизься, дочь, и назови себя.

Д е в у ш к а

Я просто нищенка, святой отец.
Ослепла мать моя, лежит в постели,
А я пришла просить на пропитанье.

С а н ь я с и

Иди, дитя, ступай к себе домой,
Я навещу твою больную мать!

Уходят.

Входит женщина с несколькими детьми.

Женщина. Что за дети у Мисро, все такие здоровые, как я посмотрю! Просто глаз не оторвать! Ну поглядите, до чего хороши! А вы что стоите, как столбы, словно сироты, как будто вас никто не поит и не кормит!

Дети. Ну что же нам делать, мама? Чем же мы виноваты?

Женщина. Говорила вам сто раз: натирайтесь каждое утро имбирем и маслом, совершайте омовение — поправитесь и станете красивыми. Так нет, никто не слушает! А от тех и глаз не оторвешь, щеки что розы, кровь с молоком!

Дети. Чем же мы виноваты, что мы — черные?

Женщина. Кто сказал, что вы — черные? Разве у вас плохой цвет лица? Но все-таки почему вы не похожи на них?!

Входит саньяси.

С а н ь я с и

Куда идешь, дитя?

Ж е н щ и н а
Прими поклон!
Мы все идем домой, отец.

С а н ь я с и
А дома
Кто ждет тебя?

Ж е н щ и н а
Свекровь моя и муж,
Еще назло завистникам — два сына.

С а н ь я с и
А что ты нынче делала весь день?

Ж е н щ и н а
Что делала? Да стряпала, возилась
С детьми, потом ходила за скотиной
И до полудня с дочкою пряла.

С а н ь я с и
И ты довольна проведенным днем?
Ничто тебя, дитя, не огорчало?

Ж е н щ и н а
Благословен правитель справедливый,
О подданных радеющий своих!
Я как в раю живу, я всем довольна!

С а н ь я с и
А это, верно, дочь твоя, скажи?

Ж е н щ и н а
Да, мой отец. (*К дочери.*) Чего же ты стоишь?
Иди сюда, приветствуй господина!

С а н ь я с и
Дай на руки возьму тебя, малютка.
Но ты меня не знаешь, подойти
Ко мне боишься, и не доверяешь,
И думаешь, что злой я и жестокий?

Д о ч ь
(тянет мать)

Пойдем домой!

Ж е н щ и н а

Прощай, святой отец!

С а н ь я с и

Будь счастлива, тебя благословляю.

Уходят все, кроме саньяси.

Увидел я, что счастьем называют,
Плывя по морю суеты мирской,
Со слабой верой, утешаясь малым.
А волны плещутся, не умолкая.
День, два — и утлый челн перевернется
И обретет покой на дне морском.
А я нашел приют на вечных скалах,
Среди волной носимых недвижим.
Но что за сила тянет их в пучину
Горючих слез мирских, в валах тревожных
То вверх лететь, то обрываться вниз!

(Закрывая глаза.)

О сердце, успокойся, удалимся...
Сгинь, марево, уйди, туманный бред!
Придите, тьма и мрак, огнем и болью
Пылающее сердце утопите
В морских волнах. Пусть окружит меня
Безмолвие: от шума я оглох.
Вот все развеялось, исчезло, стерлось
И в сердце наконец огонь погас...

Входит девушка.

Д е в у ш к а

Отец, отец, где ты, отец?

С а н ь я с и
(вздрагнув)

Кто ты?

Д е в у ш к а

Ведь это я, отец, меня ты видишь?

С а н ь я с и

Не знаю я тебя, оставь меня.

Я нынче снова чувствую свободу!

Д е в у ш к а

(падая к его ногам)

Не прогоняй, ведь я — совсем одна!

Повсюду я, отец, тебя искала.

С а н ь я с и

(внезапно возвращаясь, привлекает ее к себе)

Иди ко мне, дитя мое, поплачь.

Пусть слезы чистые расплавят камень.

Тогда, быть может, я тебя не брошу

И мы начнем с тобою жизнь иную.

Я мир разбил, разрушил, уничтожил,

А ты своими нежными руками

Его опять, дитя, восстановила.

Увы, не отвечаешь ты ни слова,

Не в силах даже на ноги подняться!

Без сна, без пищи, под палящим солнцем,

Как ты прошла трехдневный этот путь!

Пойдем, дитя, прижмись к моей груди,

И возвратимся вновь ко мне в пещеру.

Уходят.

С Ц Е Н А Д В Е Н А Д Ц А Т А Я

У ВХОДА В ПЕЩЕРУ.

С а н ь я с и

Мне кажется, теперь все миновало.

В убежище, что я воздвиг над миром,

Едва я не был поглощен раздумьем.

Теперь оно развеяно! Мне душу

Ее лицо, струящее во мраке

Разрушенного сердца звездный свет,

Вновь пробудило. Взор к нему прикован.
Редает постепенно мрак, и вот
Весь лик земли открылся предо мною:
Деревья, солнце, свет, дома и люди
Откуда-то в пещере здесь возникли...
Откуда в памяти моей являлась
Всегда та девушка? Кто дал приют ей,
Когда она по городу скиталась?
Мне помнится, как голову на грудь
Ко мне она, рыдая, положила!
Мне кажется, теперь все миновало.
Все — ложь! Раздумья, знания, надежды...
С земли на небо птица поднялась,
И вот она настигнута стрелою
И камнем наземь падает, кружась,
И мощные свои ломает крылья,
И поникает гордой головой,
Уж скоро прах погибшую прикроет...
В железной клетке я сижу один
И в небо только посылаю вздохи.
Ну что же, мне иного нет пути!

Д е в у ш к а

Смотри, какие почки на лианах!
Они распустятся с восходом солнца.

Саньяси быстро подбегает к лиане, срывает ее
и бросает.

О, что с тобой? Что сделал ты, отец?

С а н ь я с и

Прочь убирайся, искунитель, ведьма,
Сгинь, хитрый дьявол, с глаз моих долой!
О, сколько же в тебе отравы скрыто!
Ты жизнь мою разрушила, разбила!
Я знал тебя и узнаю сейчас!
Ты — демон, мне подосланный природой!
Ты горло мне опутала цепями,
Ты — призрак, марево и обольщенье!

К каким страданиям, голоду и жажде
Меня влечешь, в какую бездну смерти
Меня ты ввергнуть хочешь, отвечай!
Я узнаю жестокую улыбку!
Смеешься, бессердечная природа?
Опутав цепью, ты меня низвергла
И надо мной, сраженным, скалишь зубы?
На что надеется твоя жестокость?
И чем еще меня унижить тщишься?
Опять на подвиги благословляя,
Ты вновь меня столкнуть захочешь в пропасть?
Но нет, без боя я тебе не сдамся,
И, цепь порвав, тебя я одолею!

(Стремительно выбегает из пещеры.)

Девушка теряет сознание и падает.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

ЛЕС. БУРЯ. НОЧЬ.

Саньяси

Кто жалко так о помощи зовет?
Чей слабый крик преследует меня?
Земля сегодня вне себя от гнева.
Несется ураган, скрипя зубами,
И темный лес вершинами шумит,
Как бурей взбудораженное море.
Ужель своей громоподобной песней
Сам ураган не в силах заглушить
Чуть слышный голос слабого ребенка?
Он все в ушах моих. От этих стонов
Всей грудью ночь вздыхает тяжело.
Куда уйти, в какую скрыться тьму,
В какую даль, в какое подземелье,
Чтоб слуха не коснулся этот звук?
Укрой меня, о лес густой, дремучий,
Могучий лес — чтоб в тишине твоей
Я, ничего не слыша, растворился...

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

РАССВЕТ.

Саньяси

(выбегает из леса)

Да сгинет, о саньяси, твой обет!
Разбей сосуд, которым воду черпал,
И посох брось, ты больше не саньяси!
От ига этого освободившись,
Вздыхаю с облегченьем полной грудью.
О мир, огромная ладья, куда
Плывешь? Прими меня, дай кров и пищу,
Теперь я не решусь идти один.
О, сколько странников твоей стезей
Идут — хочу последовать за ними.
Путь, освещенный солнцем и луной,
Казался мне ничтожным, свет их — тусклым;
Во мраке изнывая, я искал
Огонь в мерцанье жалком светлячков!
Тебя, о мир, покинуть не могу,
Нерасторжимо наше притяженье
Друг к другу. Улететь стремится птица
Куда-то ввысь, надеясь землю эту
Покинуть навсегда. Высоко в небе
Она парит, но разорвать не может
Ее с землей связующую нить
И, ослабев, в гнездо вернется снова...

(Оглядевшись.)

Сегодня землю вижу в упоенье!
Как будто все сошлись, меня встречая!
Река, деревья, птицы и цветы
В лучах восхода радостно ликуют.
Почуяв свет, стряхнули люди сон
И, улыбаясь, принялись за дело:
Кто убирает рис, кто пашет землю,
Кто с песнею выходит на поля,
Кто рвет цветы для украшения храма,
Кто лодку, отвязав, пускает в волны;

Тот плавает, а этот тащит воду;
В пыли играют дети; на дороге
Между собой беседуют друзья.
О, где ж теперь та девушка-сиротка?
Кто взглянет на нее, кто приютит?
К кому она в отчаянье приникнет,
Кто, как отец, ее приветит лаской,
Глаза осушит, мокрые от слез?
...Что делал я, что говорил — не помню,
Но тяжело давит душу сон дурной.
Лишь в памяти встает лицо, глаза,
Раскрытые в глубоком изумленьи...
Пойду ее искать. Ко мне на грудь,
Дитя, приди, поведай все, что было...
Теперь вдвоем с тобою жить мы станем,
Тебе читать «Рамаяну» я буду
И шастры — вечерами при лампаде...
А спать в моих объятиях ты будешь!
(Уходит.)

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

НА ДОРОГЕ.

Толпа поселян.

Первый мужчина. Сегодня свадьба сына нашего раджи.

Второй. Это-то мы знаем!

Третий. Бежим, посмотрим!

Четвертый. Раджа новый дом построил, но, брат, если всем не дадут поиграть на барабанах, то что нам за радость от этой свадьбы! Вчера всю ночь только мы втроем играли: Модо, Хоро и я.

Женщина. А что, на свадьбе принца будет жареный рис?

Первый мужчина. Старая дура, разве на свадьбе принца бывает жареный рис? Сахар, горох, сироп...

Второй. Нет, нет, мой дядя живет в городе. Он мне сказал, что угощение будет из творога с ячменной мукой.

Все. У-у, тогда нечего и радоваться!

Первый мужчина. Эй, сын сардара, ты почему опять сегодня работаешь? Ну-ка, выходи из дома!

Второй. Я спалю дом того негодяя, который сегодня работает!

Третий. Успокойся, брат, мы плетем гирлянды — надо украсить двери.

Женщина (*плачущему ребенку*). Замолчи, не плачь, не плачь, сегодня свадьба сына раджи, — сегодня мы пойдем в дом раджи и будем есть сахар целыми горстями.

Громко разговаривая, все уходят.

Входит саньяси.

Саньяси

Как радостен сегодня лик земли!
Луна и солнце пляшут танец счастья!
И радости волна в ветвях дрожит,
И радостью струится горло птичье,
И ликования полны цветы.

Входят несколько прохожих.

Первый прохожий. Приветствую тебя, о мой господин!

Второй. Приветствую тебя, святой отец!

Третий. Благослови моего сына, отец мой!

Четвертый. Позволь взять прах от твоих ног!

Пятый. К твоим стопам я положу цветы.

Саньяси

Зачем они приветствуют меня?
Ведь я уж не саньяси! Встань, мой брат!
Приблизься, дай обнять тебя, как друга!
Теперь я вам, друзья, во всем подобен,
Вести вы можете меня в свой дом,
Не знаете ль, где девочка моя?
Но почему о ней спросить страшусь я?
Усталое лицо ее увидев,
Ужель никто ее не приютил?
Ужели без пристанища осталась?

ОЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПЕРЕД ПЕЩЕРОЙ.

В пыли лежит девушка.

Быстро входит сапьяси.

С а н ь я с и

О свет очей, сокровище души!
Любовь моя, к тебе пришел я, слышишь?
Зачем лежишь в пыли, вставай, о мать!
Зачем на камень головой склонилась?
Приди ко мне на грудь, она — не камень!
Ну полно, девочка, не притворяйся!
Скажи хоть слово, подними головку!
Но что это? Ты холодна, как лед!
Бледна, не дышишь, и не бьется сердце!

Дитя! Зачем ушла ты? и куда?
...Так вот твое возмездие, природа!

РАДЖА И РАНИ

*Посвящаю
глубокоуважаемому господину
ДИДЖЕНДРОНАТХУ ТАГОРУ,
моему старшему брату,
к чьим лотосоподобным стопам
приношу это сочинение*

О Т А В Т О Р А

Однажды я написал длинную пьесу. Она называется «Раджа и рани». Драматизм этой пьесы был захлестнут и ослаблен ее лирическим потоком. Пьеса оказалась возникшей на болоте. Тот же лирический поток принес в пьесу и злосчастные судьбы Илы и Кумаршена, что, увы, совершенно неоправданно. Истинный смысл пьесы обнаруживается тогда, когда безрассудная любовь Бикромдеба убивает самое себя, превращаясь в безрассудную жестокость. Самоубийственная любовь убивает все вокруг.

Пьеса «Раджа и рани» имеет нечто общее с «Возмездием природы». В поисках бесконечного саньяси уходит из мира реальных вещей, но, уходя от жизни, впадает в заблуждение. Пренебрегая действительностью в любви, он утрачивает истину.

Я не ставил перед собой сознательно цели развития этой идеи в пьесе, весь ход пьесы сам по себе говорит о том, что любовь, оторванная от реальной жизни, не может питать самое себя и вырождается в свою противоположность.

Кто счастья ищет только в любви, — ее потеряет. Счастье бесследно растает вдали, — подобно майе.

Рабиндранат Тагор

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- Бикромдеб — раджа Джалондора.
Дебдотто — брахман, друг детства раджи.
Трибеди — старый брахман.
Джойшен } военачальники раджи.
Джудхаджит }
Михиргупто — советник Джойшена.
Чондрошен — раджа Кашмира.
Кумаршен — принц Кашмира, племянник Чондрошена.
Шонкор — преданный слуга Кумаршена.
Омору — раджа Тричуры.
Шумитра — старшая жена раджи Джалондора, сестра Кумаршена.
Нарайони — жена Дебдотто.
Реботи — старшая жена Чондрошена.
Ила — дочь Омору, помолвленная с Кумаршеном.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ДЖАЛОНДОР, ОДНА ИЗ КОМНАТ ДВОРЦА.

Бикромдеб и Дебдотто.

Дебдотто

Мной недоволен махарадж?

Бикромдеб

О чем ты?

Дебдотто

Меня ты вздумал вдруг жрецом назначить!
Чем провинился я? Из уст моих
Слышал ли ты когда-нибудь молитвы?
С тобой забыл я все, что знал когда-то,
Весь ритуал. Я — жрец, смешно подумать!
Я веды заключил в тюрьму забвенья.
Творца вселенной имени не помню,
Не знаю ни обрядов, ни поклонов
Бесчисленным богам или богиням.
Священный шнур — змеи убитой шкура,
Змеи, лишенной яда и безвредной.

Бикромдеб

Ты понял, почему тебе я верю?
Без этих шастр и длинных ритуалов,
Ты — как змея без яда.

Дебдотто

Это значит,
Что нужен жрец тебе, лишенный жала.

Бикромдеб

Жрецы, подобно пьющим кровь вампирам,
На шее у раджи сидят годами.
Чтоб сладко есть и пить, они готовы
Хоть целый год вершить свои обряды
И, лживо призывая к воздержанью,
Кошунственно дарить благословенья
Рукою, полной щедрых приношений.

Дебдотто

Уж если нужен тот, кто шастр не знает,
Не забывай о набожном Трибеди!

(Молится, перебирая четки.)

Но смысл стихов, которые читает,
Себе он представляет очень смутно.

Бикромдеб

Заметил я, кто шастр не понимает,
Четырежды тем самым он наказан!
И Панини кто имени не знает,
Грамматики не ведает законов,
Тот, не смущаясь, произносит речи,
Терзая слух, грамматику терзая.

Дебдотто

Я — жрец раджи! Едва узнав об этом,
Как мудрецы назавтра разозлятся!
Пучки волос на головах их бритых
В предчувствии беды вдруг дыбом встанут!

S. Okeno
Februar 1890

2

ଦ୍ଵିତୀୟ ଅଙ୍କ

କ୍ଷୀରଚରଣ ! ମନିନୀ ଓ ମାୟା ମଧ୍ୟ ॥

ମନିନୀ - ମାୟା; ଏହା-ସିଦ୍ଧାନ୍ତ ବିଚାରଣ ସମୟ
ଅତି କ୍ଷୀରଚରଣ କହୁଛନ୍ତି ନା !

ମାୟା ! କିପରି ତୁ ଏହା କହିଲୁ,

କ୍ଷୀର ! ବିଚାରଣ କ୍ଷୀରକାଳ ସମୟ,

କ୍ଷୀର ! ବିଚାରଣ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ

କ୍ଷୀର -

କ୍ଷୀର ! କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ ?

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ ?

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ ?

କ୍ଷୀରକାଳ -

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ !

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ ?

କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ କ୍ଷୀରକାଳ

Handwritten signature and notes on the right side of the page.

Бикромдеб

Беды?

Дебдотто

Ну да. Ничтожный, грешный брахман,
Который стал жрецом, рассердит бога,
Что к роду твоему так благосклонен.

Бикромдеб

Любого бога гнев снести готов я,
И этим ты меня не напугаешь.
Тщеславный, наглый жрец — гораздо хуже.
Не страшно час пробывать под солнцем в полдень,
Страшней земли коснуться раскаленной!
А впрочем, для чего все эти речи!
Напомни мне стихов тех древних строки
О том, что женщинам не надо верить.

Дебдотто

(читает нараспев, гнусаво)

«кто шасстры...»

Бикромдеб

Для чего свистишь ты?

Дебдотто

Строка стрелой свистит — и ты боишься?
Звенеть она должна, как колокольчик?
Но так и быть, прочту, как ты желаешь!

*«Чем больше о шастрах думать, тем больше мыслей.
Чем ниже радже поклонился, тем больше боишься.
А женщинам, сколько б ни знал их, не верь ни единой:
Для шастр, для раджей и женщин — нет господина!»*

Бикромдеб

Пусть так. Но говорить об этом — наглость.
Поэт, что написал стихи, — мятежник.
Нет для раджей и женщин господина!

Д е б д о т т о

Но женщины родятся для господства!

Б и к р о м д е б

Я сердце женское понять не в силах,
Оно загадочней, чем воля бога.
Но если в воле бога усомниться,
Или в любви — что станет с этим миром?
Кто ведает, чьей волею единой
Река течет и жизнь несет долине,
А ветер — ароматы?

Д е б д о т т о

Чаще — бурю!

Река же наводнение приносит...

Б и к р о м д е б

Пусть жизнь несут, пусть смерть — мне
безразлично.

Какой же их безумец остановит?
Застойная река, недвижный воздух
Равно чреваты смертью и печалью...
Что знаешь ты о женщинах?

Д е б д о т т о

Немного.

Нет... ничего. Я был покорным сыном,
Благочестивым предавался мыслям,
Родители гордились мною в детстве.
И лишь когда с тобой завел я дружбу,
Все боги были мною позабыты,
Остался бог любви в пустынном храме,
И гимны петь ему я разучился.
Я женщинам теперь несущу молитвы.
Все, что известно мне, — от книжных знаний,
Но стоит лишь тебе взглянуть сердито,
Я забываю все.

Б и к р о м д е б

Молчать я буду.

Поведай же мне, что тебе известно.

Д е б д о т т о

Так слушай. Вот как пишет Бхортрихори:

*«У женщины — медовые речи, сердца же —
исполнены яда,
А в душах — пылает пламя, улыбкам их верить
не надо».*

Б и к р о м д е б

Не ново это.

Д е б д о т т о

Да, увы, не ново.

Что это так, прочтешь ты в каждой книге.

В семейной жизни ни один ученый

Не может предаваться размышленьям:

А вдруг жена любви случайной ищет

На стороне, среди людей случайных.

Как может он писать свои поэмы

С душой смятенной?

Б и к р о м д е б

Кто привык не верить,

Тот верит в ложь неверья своего.

Чтобы возжечь любовь, бывает нужно

Сомненья распалить в душе смятенной.

Министр идет! Все тяготы правленья

Он на себе влачит. Уйду я лучше!

Д е б д о т т о

Ну что ж, иди! Запрись в покоях рани.

Пока ты будешь прятаться трусливо,

Пусть множатся дела по королевству,

Пусть их гора возвысится до неба,

И бог ее заметит...

Бикромдеб

Что ж мне делать?

Дебдотто

Не знаю. Только если хочешь скрыться,
То поспеши.

Бикромдеб поспешно уходит.

Входит Министр.

Министр

Ищу я махараджа.

Дебдотто

Пришел ты поздно, он — в покоях рани.

Министр

(устало садится)

О бог, куда ведешь ты королевство?
Где махарадж? Где трон его и скипетр?
Глухая дверь ведет в покои рани,
Мне кажется, та дверь царит над нами,
А мир стал, как места сожженья трупов.
Достоинство раджи — ребенком плачет
У двери той...

Дебдотто

А я хочу смеяться!

Картина получается веселой:
Так, значит, махарадж и королевство,
Как дети, целый день играют в прятки!

Министр

А что увидел ты смешного в этом?

Дебдотто

Но если не смеяться, что нам делать?
Пусть заблудившийся ребенок плачет!
Когда не в силах плакать, мы смеемся.
Наш горький смех — кристаллы ледяные
Замерзших слез.

М и н и с т р

Ты ведь, наверно, знаешь,
Что родственники рани из Кашмира
К рукам прибрали наше королевство
И власть раджи, ликуя, поделили,
Как Вишну, расчленивший тело Сати.
Народ под властью иноземцев стонет,
Но тщетно причитанья раздаются
У стен дворца. Смеются иноземцы.
Один стою я у пустого трона,
В отчаянье припав к его ступеням.

Д е б д о т т о

Ладью любви уносит ветер бури,
Руль выпустив из рук бессильных, кормчий
Уньло слезы льет и причитает.
А женщина ладью любви направит
К заливу наслаждений. Ей поможет
Весенний ветер. Пусть Министр утонет
И вместе с ним все тяготы правленья!

М и н и с т р

Напрасно ты смеешься. Смех — кощунство
В дни скорби.

Д е б д о т т о

Я уверен, что придешь ты,
Чтоб в ноги пасть, но не к радже, а к рани!
И ей расскажешь все.

М и н и с т р

Я не поверю.
Не может быть, чтоб женщина посмела
Своих родных за что-то осудить.

Д е б д о т т о

Ты шастр знаток, людей ты плохо знаешь!
Любая женщина скорей накажет
Сама, чем передаст на суд сторонний
Того, кто близок ей, того, кто дорог.

М и н и с т р

Что там за шум?

Д е б д о т т о

Мятеж?

М и н и с т р

Пойдем посмотрим!

С Ц Е Н А В Т О Р А Я

БОЛЬШАЯ ДОРОГА. ТОЛПА.

К и н у - б р а д о б р е й. О брат, теперь не время плакать. Довольно мы плакали, разве нам стало от этого легче?

М о н ш у к х - п а х а р ь. Ты прав. Нужно быть решительнее — ведь недаром говорится: «Кто смел, тот справится и с самим Ямой».

К у н д ж о р л а л - к у з н е ц. Что толку просить милостыню, давайте брать силой, грабить.

К и н у - б р а д о б р е й. Недаром говорится: «Да не попросит он милостыни». Не так ли, дядя? Ведь ты же сын брахмана-законника, скажи, разве разбой это грех?

Н о н д о л а л. Нет, баба́, для того, кто голоден, нет в разбое греха. Огонь называют очищающим потому, что в огне гибнут все грехи. А пламя голода — это не огонь.

В с е. Это ты верно сказал! Да продлятся дни твои, отец! Пусть же так и будет! Возождем огонь, в нем нет греха!

К у н д ж о р л а л - к у з н е ц. У меня есть три копыя.

М о н ш у к х - п а х а р ь. А у меня есть плуг. Мы разобьем их венценосные головы, как комья земли!

Ш р и х о р - м а с л о д е л. У меня был большой топор, но, убегая из дома, я забыл его.

Х о р и д и н - г о н ч а р. Ого, да им, никак, жить надо-сло? Подумайте, что вы говорите? Сначала нужно поговорить с раджой, а потом, если он не станет слушать, можно будет подумать, что делать.

Кину-брадобрей. Вот это самое я и хотел сказать.

Кунджорлал-кузнец. И я тоже. Я все время говорю, пусть к радже пойдет сын писца. Ну, дад́а, ты раджи не боишься?

Моннурам-писец. Я никого не боюсь. Вы что же, собираетесь на такое дело, а мне нельзя и слова сказать?

Моншукх-пахарь. Одно дело бунтовать, а другое дело — говорить. Дела делать нужно не языком, а руками.

Кину-брадобрей. Разговорами сыт не будешь.

Кунджорлал-кузнец. Ну ладно, говори, что ты скажешь радже?

Моннурам — писец. Мне бояться нечего, я сначала скажу ему шастру.

Шрихор-маслодел. Что-что? Неужели ты знаешь шастры? Вот видите, я же сказал, что надо послать сына писца, он все знает!

Моннурам-писец. Сначала я скажу ему: «От излишней гордыни погибла Ланка, от чрезмерного самомнения — Кауравы. А Бали был жестоко наказан за слишком большую щедрость».

Хоридин-гончар. Да, это и в самом деле шастра.

Кину-брадобрей (*к брахману*). Ну, дад́а, а как по-твоему? Это шастра? Ведь ты сын брахмана и должен понимать!

Нондолал. Да, это... это самое... конечно, я понял, но вдруг раджа не поймет шастру, скажи, как ты тогда объяснишь ему?

Моннурам-писец. Это означает, что всякое излишество — плохо.

Джоухор-ткач. Так много слов, и только всего смысла?

Шрихор-маслодел. В том-то и дело, на то и шастры! То, что пахарь скажет одним словом, в устах богатого звучит очень длинно.

Моншукх-пахарь. Но как все-таки хорошо сказано: «Всякое излишество плохо». Да, раджа рот раскроет от удивления!

Джоухор-ткач. Но этого все-таки мало, нужно знать еще что-нибудь из шастр.

Моннурам-писец. Пожалуйста, сколько угодно: «В лелеянии много пороков, в наказании много достоинств. Поэтому друга и сына наказывать надо, а не баловать». Но разве мы не дети? О раджа, не наказывай нас — это нехорошо! ¹

Хоридин-гончар. Замечательные слова. Правильно ты сказал! Очень хорошо!

Шрихор-маслодел. Но одним чтением шастры ничего не добьешься. Нужно рассказать о моем жоме для масла. А что, если связать шастру с этим жомом?

Нондолал. Эх ты, глупец! Захотел, чтобы шастру связали с жомом!

Джоухор-ткач. Ну что вы хотите от него? Какой ум может быть у сына маслодела!

Кунджорлал-кузнец. Пока его не огреть по спине раз-другой, он все равно ничего не поймет. Но когда же до меня дойдет очередь? Послушайте лучше меня! Мое имя Кунджорлал. А Канджилал — это мой племянник, он из Будхкота. Когда ему было три года, то его...

Хоридин-гончар. Ну ладно, ладно, нам все понятно, а если раджа все-таки не станет слушать шастру?

Кунджорлал-кузнец. Тогда и мы оставим шастру, а возьмемся за оружие ².

Кину-брадобрей. Славно сказано. Бросим шастру, возьмем оружие...

Моншукх-пахарь. Кто же это так хорошо сказал?

Кунджорлал-кузнец (*гордо*). Я. Мое имя Кунджорлал, а Канджилал — мой племянник.

Кину-брадобрей. Ты, брат, верно сказал — порой нужна бывает шастра, а порой — оружие.

Джоухор-ткач. Я все-таки не могу понять, что же мы решили! Шастры или оружие?

¹ Шастра, которую читает Моннурам — на санскрите. Моннурам сам не понимает смысла того, что говорит, и поэтому делает выводы, противоположные их смыслу. (*Прим. перев.*)

² В оригинале игра слов: оставим шастру и возьмем «астру» (оружие).

Шрихор-маслодел. Ты так ничего и не понял, сын ткача? Зачем тогда столько времени было разговаривать! И так, решено: чтобы пронять кого-нибудь шастрами, нужно много времени, а оружием проймешь сразу.

Все (*громко*). В погребальный костер шастру! Берись за оружие!

Входит Дебдотто.

Дебдотто. Зачем так шуметь? Погребальный костер разжечь не долго. Для этого все готово. О чем вы здесь спорите?

Шрихор-маслодел. Отец, мы только что слушали шастру из уст сына благородного человека.

Дебдотто. О да! И, я вижу, очень внимательно слушали. От вашего крика в королевстве, наверное, все оглохли. Можно подумать, что в квартале прачек начался пожар.

Кину-брадобрей. Тебе, отец, не понять нас. Ты жиреешь, потому что ешь со стола раджи, а у нас от голода животы прилипли к спине! Не от радости же мы так кричим!

Моншукх-пахарь. Теперь, если говорить тихо, то разве кто-нибудь услышит? Поневоле закричишь!

Кунджорлал-кузнец. Довольно плакаться. Надо придумать что-нибудь!

Дебдотто. Что ты говоришь? Очень уж вы здесь расхвастались! Послушай-ка тогда, что я скажу:

Не сближайся-сближайся-сближайся с женщиной,
Глядя на весеннее небо,
Ведь влюбленный-влюбленный-влюбленный
Подобен скитальцу-шмелю¹.

Хоридин-гончар. О отец! Да ты, никак, проклинаешь нас!

Дебдотто (*обращаясь к Моннураму*). Ты ведь сын благородного человека, ты понимаешь шастру, как по твоему, верно это: «Оставь желание-желание-желание...»?

Моннурам-писец. Совершенно верно! Если нужна шастра, то вот она! Именно это я и разъяснял им.

¹ Эти строки Дебдотто произносит, путая санскритские слова с бенгальскими.

Дебдотто (*обращаясь к Нондолалу*). Здравствуй! Ты, я вижу, брахман. Что скажешь ты, если в конце концов все эти глупцы «умрут-от-влюбленности-влюбленности-влюбленности?»

Нондолал. Я всегда говорил то же самое, но разве они поймут? Ведь это же ничтожные люди?

Дебдотто (*обращаясь к Моншукху*). Я вижу, среди них ты самый мудрый. По душе тебе пришлось мои слова? (*Обращаясь к Кунджорлалу*). И ты, я вижу, хороший человек. Да, кстати, как твое имя?

Кунджорлал - кузнец. Меня зовут Кунджорлал, а Канджилал — имя моего племянника.

Дебдотто. О! Ну если твоего племянника зовут Канджилал, тогда мне особенно приятно будет доложить о тебе радже.

Харидин-гончар. А что же будет с нами?

Дебдотто. Этого, любезный, я не могу тебе сказать. Сейчас-то вот вы плачете, а незадолго до этого разговаривали совсем иначе. Думаете, раджа об этом не знает? Раджа все слышит.

Все. Помилуйте нас, отец, мы ничего не говорили. Это Кинджулал, или нет — Монджулал заговорил об оружии.

Кунджорлал-кузнец. Молчать! Не смейте коверкать мое имя! Меня зовут Кунджорлал. Я не стану лгать, я сказал: «Как есть шастра, так же есть и оружие. Если раджа не внимлет мольбе шастры, тогда найдется оружие». Верно я сказал, отец?

Дебдотто. Верно. Ты сказал достойные тебя слова. Только почему — оружие? Не оружие, а сила! А что такое ваша сила? Мудрецы говорят: «У слабого сила — раджа». Не так ли? Именно раджа — сила слабого. Поэтому и говорится: «Сила детей — в слезах». А разве вы не дети раджи? Поэтому именно слезы — ваше оружие. Если не подействует шастра, то плач будет вашим оружием. Ты говоришь, как настоящий мудрец — сначала даже я не понял. Нужно обязательно запомнить твое имя. Так как же тебя зовут?

Кунджорлал-кузнец. Мое имя Кунджорлал. Канджилал — мой племянник.

Все остальные. Отец, прости нас! Прости, помилуй...

Дебдотто. Кто я такой, чтобы прощать! Плачьте! Пусть раджа смилостивится над вами. *(Уходит.)*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ПОКОЙ РАДЖИ. ДВОРЦОВЫЙ САД.

Бикромдеб и Шумитра.

Бикромдеб

Смотри, любимая, приходит вечер,
Как ласковый жених, к стыдливой роще,
Залитой предзакатным светом солнца.
Он заключит весь мир в свои объятия
И светлое сияние поглотит.
Так я открыл тебе навстречу сердце,
Готовый поглотить твою улыбку
И красоту твою. А ты могла бы
Покинуть берег света добровольно,
Чтоб плыть навстречу вечеру и мраку?
Где ты была сегодня?

Шумитра

Ты же знаешь
И без того, что я всегда с тобою.
Сегодня у меня дела по дому,
По дому твоему.

Бикромдеб

Оставь их лучше!
Будь только для меня. Дела, заботы,
Отбрось их, позабудь и знай, что ими
Тебе совсем не должно заниматься!

Шумитра

Быть только для тебя? Но как другие?
Я для тебя возлюбленной пребуду,
Для подданных же — я должна быть рани.

Бикромдеб

Любимая, сегодня сном прекрасным
Стал день вчерашний — первые касанья
И трепет уст. А помнишь, близость ночи
Нас заставляла тайно волноваться?
Опущены стыдливые ресницы,
Дрожащие, как на листке росинки.
Улыбка исчезала с губ смущенных
(Так гасит ветер вечером светильник!),
А взгляды робкие искали встречи,
Слова не шли на ум. С ночного неба
Луна смеялась, улыбались звезды
И с любопытством вниз на нас смотрели.
Кончалась ночь. При мысли о разлуке
В глазах у нас показывались слезы
И крепче становились объятья.
Тогда не знала ты хлопот по дому...
Зачем все изменилось?

Шумитра

Мы с тобою
Тогда, как дети, были. А сегодня:
Я — рани, ты — раджа.

Бикромдеб

Раджа и рани?
Я не раджа. Мой трон давно покинут.
Заботы о правленьи позабыты,
Обломками их — путь твой устилаю!

Шумитра

Стыжусь я этих слов, мой повелитель.
Любовь твоя, как облаком, закрыла
Сияющую славу, что в зените
Должна стоять, подобно солнцу в полдень.
Ты муж любимый и раджа всеильный.
Я — тень твоя покорная, не больше.
Мне было б очень горько убедиться,
Что я тебе дороже королевства.

Бикромдеб

Моей любви не хочешь?

Шумитра

Ты не понял.

Хочу, чтоб сердце все не отдавал ты,
Мне посвятить в нем уголок лишь малый.

Бикромдеб

Нет, женская душа — непостижима!

Шумитра

Стоять должны мужчины, как деревья,
Всю жизнь неколебимые, большие,
Не гнущиеся от ударов бури.
А женщины — лианами пусть вьются
И среди густых ветвей приют находят.
Но если вы утратите рассудок, —
К чему тогда любовь и нежность наши?
Кому вершить тогда дела мирские?
Мужчина пылок должен быть, но сдержан,
Свободен, но не забывать пределов,
Как дерево, давать приют усталым,
Густую тень ветвей ронять на землю.
Его вершина дружит с облаками
И бурю гневным ропотом встречает.

Бикромдеб

Не нужно слов. Смотри — спустился вечер.
В уютных гнездах спят дневные птицы,
Зачем же нам слова напрасно тратить,
Пусть уста в безмолвии сольются,
Пусть поцелуи станут стражей слов...

Входит евнух.

Евнух

Министр вас просит уделить внимание
Каким-то государственным делам...

Бикромдеб

Поди ты прочь! И твой Министр с тобою!
Чтоб все вы с королевством провалились!

Евнух поспешно удаляется.

Шумитра

Пойди ж к Министру!

Бикромдеб

Снова те же речи!
Ты будешь говорить, чтоб я работал,
Решал весь день какие-то вопросы...
Не любишь ты меня! Уйти мне лучше!
С протянутой рукой просить не стану
Твоей любви!

Прости меня, лиана!
Я низок, я тебя заставил плакать!
Ну улыбнись же или хоть нахмурься,
Брани меня, брани...

Шумитра

Сейчас не время, —
Оставь меня, ты видишь, я не плачу.
Тебя зовут дела, спеши к Министру!

Бикромдеб

Не сердце у тебя — холодный камень!
Дела по управленью — вздор, не больше!
Полны зерном амбары королевства,
Все счастливы и сыты. А заботы
Министр придумывает от безделья.

Шумитра

Ты слышишь эти жалобные стоны
Всех обездоленных и всех голодных?
Их гонят, как сирот, и обижают.
Они мне дети, я им — мать и рани!

(Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ОДНА ИЗ КОМНАТ В ПОКОЯХ РАНИ.

Шумитра одна.

Шумитра

Бикрома нет. И брахман не приходит.
Все громче этот шум и причитанья.

Входит Дебдотто.

Дебдотто

Приветствую тебя!

Шумитра

Ты слышишь крики?

Дебдотто

Не слушай их, тогда они исчезнут.
Подумай, даже во дворце живущим
От них покоя нет! Ты прикажи мне,
Я воинов возьму, мы обошли бы
Все улицы, дворы и переулки,
Чтоб нищеты голодной смолкли вопли.

Шумитра

Но что случилось?

Дебдотто

Говорить не стоит
Об этом пустяке, о том, что толпы
Каких-то подлых нищих голодают,
Что целый день они кричат о чем-то
На варварском и диком языке.
Их глупые стенанья распугали
Кукушек и дроздов в священной роще.

Шумитра

Кто ж голодает?

Дебдотто

Как обычно, те же,
Кто обделен был счастьем от рожденья,

Им к голоду давно б пора привыкнуть.
Мне очень странно, право.

Шумитра

Быть не может!

Полны зерна амбары королевства,
А люди голодают?!

Дебдотто

Кто владеет

Амбарами, тот голода не знает.
Я говорю о бедняках, о нищих,
Которые, обедами питаюсь,
Не отличаются от псов бродячих.
Порой их палка ждет, порой — подачка,
А чаще — смерть в канаве.

Шумитра

Что я слышу?

Но разве нет раджи, чтоб защитить их?

Дебдотто

Тысячекратно есть!.. Все знают это...

Шумитра

Тогда — Министр виновен в упущеньях?

Дебдотто

Едва ли упрекнуть его возможно.
Хозяин спит, но разве это значит,
Что в дом вора залезть мешает совесть?
А что еще здесь делать чужеземцам?
Они свои пустые руки тянут
Затем ли, чтоб благославлять несчастных?

Шумитра

О ком ты говоришь? Мои родные?

Дебдотто

Им опекать несчастных подобает,
Как делали Канса и Каланеми...

Шумитра

Ты о Джойшене?

Д е б д о т т о

Под его правленьем
Все благоденствуют и очень рады;
Лишились пустяков — еды, одежды, —
Зато при них и кожа их, и кости!

Ш у м и т р а

А Шиладитья?

Д е б д о т т о

Он торговлей занят,
Купцов лишая бремени доходов,
Он ношу их берет себе на плечи.

Ш у м и т р а

Но Джудхаджит...

Д е б д о т т о

Милейший человек он.
Такой он добрый и сладкоречивый!
Все говорит: «Мое дитя!» — с улыбкой.
Он землю гладит ласково рукою,
Что в руку попадет — в карманы прячет.

Ш у м и т р а

О стыд! Вот каковы мои родные!
Они позор семьи, бесчестье рода!
Нет! Я терпеть не стану ни минуты.
(Уходит.)

С Ц Е Н А П Я Т А Я

Д О М Д Е Б Д О Т Т О .

Н а р а й о н и занимается домашними делами.

В х о д и т Д е б д о т т о .

Д е б д о т т о . Дорогая, что осталось в доме?

Н а р а й о н и . Если не считать тебя, то существую
еще и я. Я понимаю, если бы меня не было, ты был бы
доволен.

Дебдотто. Это еще что за речи?

Нарайони. Ты приводишь в дом столько нищих, что у нас не осталось даже шелухи от риса. Я совсем извелась от работы.

Дебдотто. Разве я привожу их только потому, что мне так хочется? Но ведь если руки твои заняты работой, то тебе хорошо. И значит, мне хорошо тоже. Не беда, если в доме ничего нет, лишь бы твой рот был закрыт.

Нарайони. Ах, вот как! Ну, что ж, если мои разговоры стали тебе неприятны — я не скажу больше ни слова. Кто тебя просит слушать меня?

Дебдотто. Разумеется, ты, кроме тебя некому. Не выслушав от меня ни слова, ты заставляешь меня выслушивать десять!

Нарайони. Ну что ж, я молчу. Я могу и навсегда замолчать. Лишь бы ты был счастлив. Да, прежние дни миновали. Теперь тебе уже хочется слышать новые слова из новых уст. Теперь мои слова устарели.

Дебдотто. О всевышний! Опять «новые слова из новых уст». Послушать тебя, так тошно становится. Действительно, старые слова порядком надоели...

Нарайони. Ну, хорошо, хорошо! Если тебя это так раздражает, я сейчас же замолчу. Я не издам больше ни звука. Надо было сказать мне раньше...

Дебдотто. Довольно же, довольно, ни слова больше! Сколько раз тебе повторять!

Нарайони. Ладно же, с сегодняшнего дня буду молчать. И ты будешь счастлив, и я буду довольна. Разве я болтаю ради себя? Но стоит мне тебя увидеть, я...

Дебдотто. Это называется «молчать»?

Нарайони. Ладно *(отворачивается)*.

Дебдотто. Милая, дорогая, сладкоустая! Ты лучше самой кукушки...

Нарайони. Замолчи!

Дебдотто. О, не сердись, дорогая! Сравнивая тебя с кукушкой, я имел в виду пятую ноту ее голоса, а не цвет.

Нарайони. Ступай, ступай, довольно болтать. Но запомни, что я тебе скажу: если ты еще хоть раз при-

ведешь сюда нищих, я или выгоню их, или сама уйду жить в лес.

Дебдотто. Тогда я тоже пойду следом за тобой. И нищие пойдут.

Нарайони. И то правда. Как говорится, дураку и в раю счастья нет.

Нарайони уходит.

Входит Трибеди, перебирая четки.

Трибеди. Шива-Шива-Шива! Ты, никак, стал жрецом раджи?

Дебдотто. Стал. Но зачем сердиться, отец? В этом я не виновен. Молитвенных четок я не перебираю, имя бога тоже не поминаю. На все воля раджи.

Трибеди. Муравья лишили крыльев! О Хари! О Хари!

Дебдотто. Ты гневаешься на меня, но зачем нарушать законы грамматики? Не лишили крыльев муравья, а пришили их.

Трибеди. Ну, это одно и то же! «Пришили». Боже правый, ты для этого уже достаточно стар.

Дебдотто. Что же здесь удивительного? Но все-таки я еще молод.

Трибеди. Я говорю то же самое. Ты кичишься своей молодостью и от этого только старишься. Да, и умрешь пожалуй. О Хари милостивый!

Дебдотто. Да не будет лживым слово брахмана. Да, я умру. Но твои заботы здесь ни при чем. На это есть Яма, отец. Он не больше родня мне, чем тебе. Он не забывает никого.

Трибеди. Но твой час пробьет гораздо раньше моего! О милостивый Хари!

Дебдотто. Как знать? Сейчас действительно многие умирают: один в петлю лезет, другой к шее камень привязывает, принимают смерть и от укуса змеи, но от проклятия брахмана не умирают. Я слышал, иные умирали от его палки, но слова его никого еще не отправили на тот свет. Поэтому, если я не смогу скоро умереть, то не сердись, отец. Это не моя вина, это вина времени, которое еще не пришло. Тебе что-нибудь еще нужно от меня?

Три беди. Нет. Я пришел сказать только это. О милостивый! Если у тебя найдется хоть две зрелые тыквы, дай их мне, они так мне нужны!

Деб дотто. Сейчас принесу.

Уходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

ПОКОЙ РАНИ. САД.

Бикромдеб и старый советник, его дядька с материнской стороны.

Бикромдеб

Не обращай внимания на толки!
Удойбхашок, Джойшен и Джудхаджит —
Отличнейшие люди. Кто виновен,
Что их, как иноземцев, ненавидят,
И пламя ненависти дым вздымает,
Дым клеветы и ложных обвинений?

Советник

Есть тысяча свидетельств...

Бикромдеб

В жалкой власти
Твоих свидетельств — быть раджа не может!
Все королевство зиждется на вере,
И каждый — долг свой честно выполняет.
Копанье в клевете и обвиненьях
Нельзя считать занятием достойным.
Раджа не станет заниматься этим.
Поди, любезный, прочь, ты мне мешаешь
Покою предаваться.

Советник

Я был послан
К тебе Министром. Он о встрече просит
По важным государственным делам.

Бикромдеб

Как вечно государство, так же вечны
Его дела. Зато досуг, безделье —
Застенчивы и к нам приходят редко.
Досуг — цветок, который опадает
В течение дня. Так кто ж его захочет
Сорвать до срока? Пусть досуг считают
Таким же делом!

Советник

Я вас покидаю.
(Уходит.)

Входит другой советник, родственник рани.

Советник

О махарадж, назначь свой суд!

Бикромдеб

О чем ты?

Советник

Здесь невинных обвиняют ложно!
Все говорят...

Бикромдеб

Ах, это вздор, не больше!
Пока я верю, слухи все не стоят,
Чтоб говорить о них. Когда ж иссякнет
Мое доверье, сам решать я буду,
Где истина, где ложь. Ступай себе!

Советник уходит.

Как жалок человек! Везде и всюду
Его пути препоны преграждают
И сети разных правил и законов.
Его желаний птица безутешна:
Она о прутья клетки бьется грудью.
Себя терзаем мы в тюрьме — «Я должен!»
На свете счастлив лишь цветок мадхоби!
Все радостью его зовут недаром.

Он ранним утром пьет лучи рассвета,
На склоне дня — росу, и пчелы роем
Над ним кружат, гудят не умолкая.
Из колыбели двух листков зеленых
Он тянется к лазоревому небу,
Чтоб пасть потом на ложе трав умерших.
Законы, споры — как они далеко!
Ночей раздумий и сомнений горьких
Не знает он, как и любви печалей.

Входит Шумитра.

Ах, ты пришла! Сменила гнев на милость?
Или дела окончила по дому?
Когда ты позаботилась о прочих,
Настал и мой черед? Но каждый знает,
Любовь — среди всех забот — на первом месте.
Важнее дел у сердца быть не может.

Шумитра

Ну как тебе не стыдно? Да пойми же,
Что из любви к тебе я уходила!
О, махарадж, вот что тебе скажу я:
Я матерью хочу быть для народа!
Мне сердце разрывают эти стоны
Детей обиженных, осиротелых.
Приди же к ним...

Бикромдеб

Чего ты хочешь, рани?

Шумитра

Хочу, чтоб выгнал ты из королевства
Тех, кто народ наш беспощадно мучит.

Бикромдеб

Назвать их можешь?

Шумитра

Да.

Бикромдеб

Твои родные?

Шумитра

Нет, махарадж. Они мне не роднее
Моих детей, которых обижают.
Голодные, несчастные сироты —
Мои родные. Те же, что стремятся
К наживе и на трон твой тень бросают, —
Грабители и воры, но не больше!

Бикромдеб

Ты о Джойшене и о Джудхаджете?

Шумитра

Гони их всех!

Бикромдеб

Не так-то это просто.

Без боя не прогнать...

Шумитра

Тогда — сражайся!

Бикромдеб

Легко сказать! Тебе я удивляюсь!
А впрочем, хорошо. Но ты сначала
Должна сама мне сдаться и отречься
От долга, от родных своих и близких,
От всех забот, — и быть моей всецело.
Тогда с душою умиротворенной
Я завоюю мир. Пока же, рани,
Ты доставляешь мне одни тревоги.
А я хочу с тобой быть неразлучен!

Шумитра

Ну, что ж, я вижу — мне самой придется
Заботиться о подданных моих.

(Уходит.)

Бикромдеб

Она всегда меня умеет мучить.
На ослепительных своих вершинах
Она одна, в сияющем величье.
Вот почему сейчас томлюсь я тщетно,
Она делами занята. Напрасно
Стремлюсь я к ней. Когда ж мы будем вместе!

Входит Дебдотто.

Дебдотто

Привет, мой махарадж! Я опоздал?
Ты, махарадж, один?

Бикромдеб

Зачем пришел ты?
Как смеешь здесь свои ты строить козни?
Кто обо всем поведал махарани?

Дебдотто

Само ей рассказало королевство,
Чьи даже камни вопиют от боли,
Где жизнь людей не ценится нимало.
Им все равно, что стон их нарушает
Покой раджи. Но я пришел, чтоб рани
О помощи просить. Мы голодаем.
И в доме нашем пустота и бедность.

(Уходит.)

Бикромдеб

Пусть будут люди счастливы и сыты!
Пусть прекратятся вопли и стенанья!
Зачем везде — жестокость и насилье?
Друг друга люди мучают повсюду!
Богатые и сильные, как звери,
Терзать готовы тех, кто слаб и беден.
А бедным так для счастья мало надо:
Чтоб был лишь мир и чтоб перепали
Им, сирым, крохи радостей убогих.
Повсюду мир восстановить я должен!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

ЗАЛ СОВЕТА.

Бикромдеб и Министр.

Бикромдеб

Гони из королевства иноземцев!
Они одни — причина всех несчастий,
Того, что страх повсюду и страданья.
Хотя бы день один я мог не слышать
Стенаний угнетенного народа!

Министр

Спешить не надо, махарадж. Ты лучше
Делами королевства занялся бы,
Тогда исчезнут горе и насилье.
Но то, что много дней росло во мраке,
В единый день сломать никто не может!

Бикромдеб

Я выкорчевать зло сейчас желаю!
Срубить под корень, чтоб оно упало,
Как рушатся столетние деревья.

Министр

Где взять людей?

Бикромдеб

Пускай военачальник...

Министр

Он иноземец тоже.

Бикромдеб

Вот несчастье!

Пусть созовут тогда всех бедных, сирых,
Дай им поесть, чтоб смолкли причитанья.
Дай денег и гони из королевства.
Пусть ищут счастья, где — не наше дело!
(Уходит.)

Входят Шумитра и Дебдотто.

Шумитра

Я — рани. Ты — Министр, как мне известно?

Министр

Прими привет! Я раб твой, мать. Скажи мне,
Зачем ты вдруг явилась в Зал Совета?

Шумитра

Мне больно слышать вечный плач народа,
Я облегчить хочу его страданья.

Министр

Приказывай мне, мать!

Шумитра

Вели собраться
Всем иноземцам, что народ тиранят.
Скажи — зовет их рани.

Министр

Не поверят.
И не придут. Приказ встревожит только.

Шумитра

Скажи, что я велю!

Дебдотто

А им едино —
Что рани, что раджа. Вас вспоминают
Они не часто.

Шумитра

Скоро праздник Шивы.
Созвать бы их, чтоб скорый суд устроить!
А если вздумают мне не повиноваться,
Их усмирить нам воины помогут!

Дебдотто

А кто их пригласит?

Министр

Пошли Трибеди.

Он глуп, но прост и набожен безмерно,
Его едва ль в обмане заподозрят.

Дебдотто

Трибеди глуп? Но — это все личина!
Он прикрывает хитрость простотою!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

ХИЖИНА ТРИБЕДИ.

Министр и Трибеди.

Министр. Ты понял, отец? Это дело я доверяю только тебе.

Трибеди. Понял. О Хари! Но почему мирские дела ты поручаешь мне, а святые Дебдотто?

Министр. Ты ведь знаешь, отец, Дебдотто — брахман, знаток вед, ничего другого ему поручить нельзя. Он может только читать мантры и звонить в колокола.

Трибеди. Но разве я меньше предан ведам? Я почитаю веды, поэтому у меня нет возможности читать их. Из-за сандала и сурика я не вижу ни одной буквы вед. Хорошо, я отправлюсь сегодня же! О Вишну!

Министр. Но что ты скажешь?

Трибеди. Я скажу: «Близок праздник Шивы. Раджа приглашает вас». Я скажу это очень красиво. Правда, самые слова, что я скажу, я еще не знаю, но по дороге я все обдумаю. О Хари, только ты есть истина!

Министр. Прежде чем отправиться в путь, зайди ко мне еще раз, отец. *(Уходит.)*

Трибеди. Я неразумный, я прямодушное дитя, я, как скотина, везу ваш воз! На спине у меня поклажа, в нос продета веревка. Я не должен даже ничего понимать. Мне подкрутят хвост, и я иду, а вечером мне дадут охапку соломы. О Всевышний, на все твоя воля! Ну да ладно, поживем — увидим! Ох-ох-ох! Я еще не приготовился к совершению Пуджи! Ведь время идет! О Вишну, Вишну!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ПИНХОГОР. ДВОРЕЦ ДЖОЙШЕНА.

Джойшен, Трибеди и Михиргупто.

Трибеди. О господин! Если ты будешь смотреть на меня так сердито, я не смогу высказать то, что мне поручено! О любвеобильный Хари! Дебдотто и Министр долго наставляли меня — правильно я говорю? Наш раджа под предлогом праздника в честь Шивы...

Джойшен. Под предлогом?

Трибеди. Да. А если и нет, это все равно именно предлог, и в этом нет греха. О Вишну! И если это так, вам действительно есть о чем беспокоиться. Слово «предлог», может, очень сильно сказано, но, чтобы скрыть его истинный смысл, многие предпочитают выражаться иносказательно.

Джойшен. Значит, отец, я предугадал истинный смысл приглашения?

Трибеди. Истинно только имя Рамы! Если бы это было не так, то я сказал бы не «предлог», а «предзнаменование». Разве мало есть похожих слов, отец? Но в шастрах говорится одно слово: «Великий Дух». Поэтому скажешь ли ты «предлог» или «предзнаменование», смысл не изменится.

Джойшен. Пожалуй, ты прав. Мне понятен и предлог и предзнаменование того, зачем раджа приглашает нас, но скажи все-таки прямо — в чем истинная причина?

Трибеди. Этого я и сам не знаю. Мне не объяснили. О Вишну! Вишну!

Джойшен. Слушай, брахман, раз уж ты попал к нам, лучше говори всю правду, а не то пеняй на себя.

Трибеди. О Всевышний! Зачем же так сердиться? Не хочешь ли ты быть похожим на пьяного от меда шмеля?

Джойшен. Не болтай пустого, отец, лучше говори скорей все, что знаешь.

Трибеди. О Кришна! Да разве все, что происходит на свете, имеет свои причины? А если и имеет, то все ли

могут знать о них? Знают те, кто совещались тайком. Министр знает, Дебдотто знает. Но ты, господин мой, не ломай голову зря. Я думаю, как только ты приедешь к радже, сразу и узнаешь истинную причину.

Джойшен. Министр тебе больше ничего не сказал?

Трибеди. О Вишну! Вишну! Клянусь тебе, ничего он мне не говорил. Он только наказывал: «Отец, не говори ни слова, кроме того, что я тебе разрешил. Смотри, чтобы тебя ни в чем не заподозрили». Я ответил: «О Рама! Почему они меня заподозрят! Ведь я пойду туда с открытой душой. А если найдутся малoverы — пусть они и сомневаются». Вишну — это единственная истина!

Джойшен. Приглашение по случаю праздника — странно! Что бы это могло значить?

Трибеди. С важными людьми всегда так. Ведь недаром говорится: «Веры тонкое движенье». Если бы к вам кто-нибудь пришел и сказал: «Иди, нечестивец, я оторву тебе голову», — вы бы ни минуты не сомневались в том, что вам действительно хотят оторвать голову. Но если кто-нибудь скажет: «Иди, о ты, сокровище своего отца, я поглажу тебя по спине», — тотчас же у вас возникнет подозрение. Словно гладить по спине труднее, чем оторвать голову! О Вишну! Если бы раджа сказал: «Подите ко мне, я схвачу вас и вышлю из страны», — ведь никому бы не пришло в голову, что раджа зовет его, чтобы женить на своей дочери. Но когда он говорит: «О друзья! Здесь все свои. Приходите! По случаю праздника я угощу вас», — тотчас же многим это кажется подозрительным. Неизвестно, мол, что там за угощение! О Вишну! И так всегда бывает. Простота важной персоны так же многозначительна, как важность простого человека.

Джойшен. Отец, ты очень искренний человек. И теперь после твоих слов мне все стало ясно.

Трибеди. Очень приятно слышать это. Я не такой мудрый, как ты, я не могу понять глубины всего. Я человек простой.

Джойшен. Кого же еще ты должен пригласить?

Трибеди. Ваши несчастные имена я не могу запомнить. Каков ваш кашмирский характер, таковы и ваши имена. Позваны все, кто есть в этом королевстве из вашей братии. О Шива! Никто не забыт.

Д ж о й ш е н. Ну, а теперь, отец, иди отдохни.

Т р и б е д и. Да, я заслужил отдых. Во всяком случае, Министр будет очень рад услышать, что все ваши подзрения рассеялись. О Вишну, о Кришна, о боги! *(Уходит.)*

Д ж о й ш е н. Михиргупто, надеюсь, ты все понял? Теперь быстро пошли людей к Гоурашену, Джудхаджиту и Удойбашоку. Скажи, чтобы немедленно все собрались. Необходимо срочно обсудить положение.

М и х и р г у п т о. Слушаюсь.

С Ц Е Н А В Т О Р А Я

ВНУТРЕННИЕ ПОКОИ.

Б и к р о м д е б и придворные, родные рани.

П р и д в о р н ы е

Благодарим!

Б и к р о м д е б

За что благодарите?

П р и д в о р н ы е

Не забывать о малых и ничтожных —
Всегда присуще высокорожденным.
Вы не забыли пригласить на праздник
Тех, что из дальних мест сюда явились,
Чтоб вам служить. Их радость беспредельна.
Они с людьми сейчас сюда прибудут.

Б и к р о м д е б

Такой пустяк, благодарить не стоит!
Всех приглашенных я не помню даже.

П р и д в о р н ы е

Встающее над миром солнце светит
Любой травинке. Знать ему не надо.
Какой цветок его лучами счастлив,
Оно от этого бедней не станет.
Вы милости, не глядя, раздаете.
Благословен, вкусивший их!

Б и к р о м д е б

Довольно!

Как ни был бы я щедр, даруя блага,
Лесть расточая, вы куда щедрее!
Надеюсь, вы мне все сказать успели,
Что сочинили? А теперь — подите!

Придворные уходят.

Входит Ш у м и т р а.

Спешишь ты, рани? На меня взглянула б...
Я — махарадж, лишь для тебя я — нищий.
Сокровища мои тебе незримы.
Ты видишь только нищего желанья.
Не потому ль с презрением уходишь,
Ты, самая достойная, о рани?

Ш у м и т р а

О той любви, что ты мне даришь, тщетно
Тебя все королевство умоляет!

Б и к р о м д е б

Я — трус! Я трус, слепой и бестолковый!
В твои покои я бежал от долга.
Но ты не думай, будто весь я — в этом,
Что ты — великая, а я — ничтожный,
Ты — высоко, а я — в пыли валяюсь!
Я наделен неодолимой силой,
В моей любви она являет облик.
Испепеляющую силу грома
Я превратил в гирлянду светлых молний!

Ш у м и т р а

Воздай презреньем мне, была б я рада,
Забудь меня — и то бы лучше было,
Чем приносить достоинство мужчины
Возлюбленной своей покорно в жертву.

Б и к р о м д е б

Любви в ответ — такое равнодушие!
Я вижу: ты рукою безразличной
Любовь мою хватаешь, как грабитель,

Ножом презренья рассекаешь сердце,
Любовь кровоточащую берешь ты,
Чтобы швырнуть небрежно в пыль дороги.
Ты словно изваяние из камня:
Чем я сильней обнять тебя пытаюсь,
Тем мне больнее.

Ш у м и т р а

Вот, у ног твоих я.
Распоряжайся мною, как угодно.
Скажи мне только, чем ты недоволен.
Ты много раз провинности прощал мне,
Сегодня ж я ни в чем не виновата...

Б и к р о м д е б

Прильни ко мне. Измученному сердцу
Дай утолить пылающую жажду!
Как много светлой радости таится
В беспомощных слезах, тобой пролитых!
Мои слова твое пронзили сердце,
И из него поток любви излился,
Так Ганга хлынула из недр глубоких
Земли, пораненной стрелой Арджуны.

Д е б д о т т о (за сценой).

Где махарани?

Ш у м и т р а
(вытирая слезы)

Что-нибудь случилось?

Входит Д е б д о т т о.

Д е б д о т т о

Они презрели ваше приглашенье.
Никто на праздник Шивы не явился.
Готовится мятеж!

Ш у м и т р а

Раджа, ты слышишь?

Б и к р о м д е б
(обращаясь к Дебдотто)

Покои рани здесь! Не Зал Совета!

Д е б д о т т о

А Зал Совета — не покои рани,
Не потому ль раджа там не бывает?

Ш у м и т р а

Высокомерные собаки эти
На пише королевства разжирели
И вздумали восстать. Какая наглость!
Сейчас не время, чтобы совещаться.
Ты должен поспешить, раджа, скорее
Собрать войска и вместе с ними сразу
На кровопийц обрушиться мятежных!

Б и к р о м д е б

Военачальник предал...

Ш у м и т р а

Сам начальствуй!

Б и к р о м д е б

Я над тобой проклятьем тяготею?
Мешаю, как заноза пешеходу?
Но ни на шаг не двинусь я отсюда!
Я предложу им мир. А кто виновен?
Вы, женщина и брахман, разбудили
Змею, которая спала в пещере.
Игра плохая. Тот, кто легкомыслен,
Пусть на других беду не навлекает.

Ш у м и т р а

Позор — отныне участь королевства!
Я разделить его должна с народом!

(Уходит.)

Б и к р о м д е б

Так вот, Дебдотто, где за дружбу плата?
Не суждено раджам, чтоб их любили!

А их любви лишённое величье
Вершинам одиноких гор подобно,
Вершинам, у которых нет на свете
Ни близких, ни друзей. Над ними только
Гуляют ветры да сияет солнце.
К подножью их льнут реки и долины,
Но не любовь, они любви не знают.
Напрасно сердце безутешно плачет
И друга ищет. Ведь не может смертный
Все время притворяться махараджей.
Я вдребезги свой трон давно разбил бы
И в грязь втоптал осколки, если б только
Мог друга обрести такой ценою!
Товарищ детских игр, когда бы смог ты
Во мне увидеть не раджу, а друга,
Чье сердце безответное так поет!

Д е б д о т т о

Вот грудь моя. В ней бьется сердце друга!
Я от тебя безропотно приемлю
Не только дружбу — ненависти горечь
И пламя гнева я спокойно встречу,
Как вечный океан во время бури
Приемлет неба молнии и громы.

Б и к р о м д е б

Зачем было лишать себя блаженства,
Прислушиваясь к этим причитаньям?
Мы были счастливы.

Д е б д о т т о

Твой дом пылает!
Пожар, раджа! Пусть эта весть пробудит
Тебя от сна!

Б и к р о м д е б

Куда бы лучше было
Мне умереть во сне.

Д е б д о т т о

Ты постыдился б!
Тебе важнее миг приятной дремы,
Чем гибель трона?

Б и к р о м д е б

Шива, размышляя,
Вселенной гибель может не заметить.
Весь этот мир — иллюзия и майя!
Пройдут года, кто вспомнит о печалях
И радостях сегодняшнего утра?
Иди же, уходи куда угодно,
Желаю, чтоб нашел ты утешенье,
А я найти хотел бы махарани!
(Уходит.)

С Ц Е Н А Т Р Е Т Ь Я

ХРАМ.

Шумитра, одетая в мужское платье.
Снаружи стоит охраняющий ее слуга.

Ш у м и т р а

Вселенной Мать, не будь ко мне сурова!
Сегодня все мои молитвы тщетны —
Весь день передо мною неотступно
Его прекрасное лицо стояло.
Как махараджа спящего забыть мне!
Даруй мне мужество, а сердцу — твердость!
Когда на праздник жертвоприношенья
По повеленью Дакши отправлялась,
В груди твое не разрывалось сердце,
Не звало возвратиться снова к Шиве?
Но ты стою даже не коснулась
Дороги, что вела к горе Кайласе!
Ты вспомни, Мать, тот день. К тебе пришла я,
Чтоб принести любовь мою, и сердце,
Как лотос сорванный, к ногам кладу я.

Ты — женщина и женщину поймешь ты.
Даруй мне силы твердой быть в решенье!
Я слышу, как зовет любимый голос:
«Вернись, о махарани дорогая!»
О этот голос! Если бы могла ты,
Путь преградив, сказать, чтоб я вернулась,
Что у раджи проснулось чувство долга,
Что он благословен, народ мой счастлив,
А королевство снова процветает;
Что без следа исчезло угнетенье,
И махараджа смыть сумел бесчестье!
О, если б я могла уединиться,
Чтоб выплакать измученное сердце!

Входят мужчина и женщина.

Слуга. Кто вы такие. Остановитесь здесь!

Мужчина. Почему, бабú! Неужели и здесь, в храме, нам нет места?

Женщина. О богиня-мать! И здесь стражник!

Шумитра выходит к ним.

Шумитра. Кто вы?

Мужчина. Михиргупто забрал нашего сына, а нас прогнал. Нет у нас теперь ни кровли, ни очага, ни даже места, где умереть: вот мы и пришли в храм. Мы ищем прибежища возле богини-матери. Посмотрим, каков будет ее приговор.

Женщина. Но вы и здесь поставили стражников. Двери раджи закрыты для нас, даже дверь к матери-богине вы охраняете?

Шумитра. Нет, дети мои, входите. Здесь вам бояться некого. Скажите, кто причинил вам зло?

Мужчина. Джойшен. Мы отправились было к радже искать защиты, но нас не пустили к нему. А когда вернулись домой, видим — наш дом сожгли, а сына нашего схватили.

Шумитра (к женщине). Почему же ты не пошла и не рассказала обо всем рани?

Женщина. Так ведь именно она и околдовала раджу. Наш раджа хороший, он не виноват ни в чем, а когда издалека явилась эта чужая женщина — она и отда-

ла своим родственникам все королевство. И теперь они пьют нашу кровь.

Мужчина. Молчи, глупая. Что ты можешь знать о рани? Нечего зря болтать.

Женщина. Нет, я знаю, все знаю! Именно она нашептывает что-то радже, настраивает его против нас.

Шумитра. Правильно говоришь, дитя. Это она — погубительница, она корень всех несчастий! Но ничего. Недолго ей еще осталось жить! Чаша ее грехов переполнилась. Вот возьми это, я даю все, что в моих силах, чтобы помочь вам.

Мужчина. А! Ты, наверное, сын какого-нибудь раджи. Да продлятся дни твои!

Шумитра. Медлить больше нельзя. Я уйду. (Уходит.)

Входит Трибеди.

Трибеди. О Хари! Что я видел! Сама рани Шумитра, переодетая мужчиной, ехала верхом на коне. Под предлогом посещения храма она покинула свое царство. Какое счастье! Вишну! Они, наверное, думают: «Брахман очень глуп. Как на его блестящей лысине нет ни волоска, так и под ней нет ни крупинки ума. Он поможет нам сделать дело. Мы пошлем его говорить сладкие речи». Ну, что ж, желаю вам всем долго жить! Как только понадобится сделать что-нибудь, вы зовете старого Трибеди, а для ритуала жертвоприношения и подаяния — есть Дебдотто. О всемилостивый! Хорошо же, я скажу. Скажу сладко-пресладко. Даже самые сладкие речи у меня на языке становятся еще слаще. О лотосокий! Ну что ж! Раджа останется доволен! Чем лучше я распишу то, что видел, тем шире раскроется его рот. К тому же в моих устах подобные вещи звучат очень хорошо. Все останутся довольны. Они говорят, старый брахман, мол, очень простодушен. О спаситель грешников! Трудно даже представить себе, как забавно все получится! Уж я по-своему истолкую науку красноречия. Ах, какая досада! Ведь сегодня весь день я не совершал поклонения, теперь нужно будет направить мысли к молитве! О любвеобильный, покровительствующий бедным! (Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ДВОРЕЦ.

Бикромдеб, Министр и Дебдотто.

Бикромдеб

Она меня покинула, бежала,
И ни войска, ни крепости, ни тюрьмы
Не могут удержать в своих оковах —
Кто б мог подумать — сердце махарани!
И воины и деньги — все бессильно,
Нет у меня ни власти, ни величья.
Сквозь прутья клетки выпорхнула птичка.
И клетка золотая опустела!

Министр

Несчастье, махарадж. Упорны слухи.
Они — как воды, снесшие плотину!

Бикромдеб

Молчи, Министр! Всегда одно и то же!
Пусть языки отсохнут у злословов!
Едва померкнет день, из трещин выйдя,
С миазмами мешаются туманы!
Мой день, увы! — темней уже не станет.
Злословье! Слухи!

Дебдотто

Пусть Министр ответит,
Есть ли безумцы, что на солнце смотрят,
Когда оно в зените? Но откуда
Так много любопытных в дни затмений?
Сквозь стекла темные глядят на небо,
Ликуя, что в беду попало солнце.
О рани, мать! Судьба твоя печальна,
Над именем твоим глумится всякий,
Молва разносит всюду злые толки.
Но сколько ни лгала бы чернь базаров,
Как Сати, ты светла.

Бикромдеб

А где Трибеди?
Найди его. Я был слегка рассеян,
Что он сказал, не слышал.

Министр

Повинуюсь.

Я разыщу его.

(Уходит.)

Бикромдеб

Еще не поздно,
Могу найти я рани. С нею вместе
Я мог бы жизнь прожить, любуясь ею!
Что может лучше быть! Но если все же
Я не верну ее, отправлюсь следом,
Влача любви оковы, бросив скипетр.
Пускай всю жизнь ее искать я стану,
А махарани будет век скрываться —
Я тенью стану следовать за нею
В пустынном и любви лишенном мире.

Входит Трибеди.

Зачем явился ты, глупец несносный?
Кто болтовню твою захочет слушать?
Прочь уходи, чтоб я тебя не видел!

Трибеди

О Вишну!

(Делает движение, чтобы уйти.)

Бикромдеб

Постой. Скажи, когда ты видел рани,
Не плакала ль она?

Трибеди

Я не заметил.
Глаза сухими были.

Бикромдеб

Ты не хочешь
Солгать, когда прошу я. Разве трудно
Пойти на эту ложь? К тому же, брахман,
Ты стар, а в старости все плохо видят.
Единственной слезинки, что блеснула
На кончиках ресниц, ты не заметил?
А голос, что от сдержанных рыданий
Дрожал, тебе не показался странным?
Как, не дрожал? Но если это — правда,
Тогда — солги! А впрочем — убирайся!

Трибеди

Бог — моя правда!
(Уходит).

Бикромдеб

Бог, конечно, знает,
Что я люблю и только в том виновен!
Ради нее отрекся я от неба
И трон готов отдать, но вот — награда!
Пускай бывшая сила возвратится,
Пусть буду я опять — раджа и воин,
И сердце вновь исполнится отваги!
Где поле битвы? Где поток народный?
Где жизнь и смерть? Где океан, в который
Впадают реки радости и горя?

Входит Министр.

Министр

Мы всадников повсюду разослали,
Они найдут, где скрылась махарани.

Бикромдеб

Окончен сон. Вели им всем вернуться.
Пусть всадники обратно возвратятся,
А воины готовятся к сраженью
С бунтовщиками!

М и н и с т р

Как раджа прикажет.

Министр уходит.

Б и к р о м д е б

Что, брахман, головой поник печально?

Привычных утешений я не слышу.

Вор обокрал, но я не стал беднее —

Сегодня наконец себя обрел я!

Пусть этот день днем ликования станет!

(Обнимает Дебдогто.)

А впрочем, это ложь — я притворяюсь!

Неистовые молнии все время

Мне душу жгут. Дай лучше мне поплакать

У друга на груди. Да сгинут тучи!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

КАШМИР. БОЛЬШАЯ ДОРОГА ПЕРЕД ДВОРЦОМ.

Возле двери Шонкор.

Шонкор. А был ведь совсем крохотный, играл у меня на руках. Когда прорезались у него четыре передних зуба, он впервые назвал меня «Сонкол-дада́». Теперь он стал взрослым и не сидит больше на руках у «Сонкол-дады». Теперь ему нужен трон. Покойный махарадж, умирая, оставил на моих руках двух сироток. Спустя два дня сестра Кумаршена перешла «на руки» к своему мужу. Я думал, что смогу сразу пересадить принца со своих рук на трон. Но дядя-махарадж до сих пор не слез с этого места. Сколько раз назначались уже «благоприятные сроки» для того, чтобы Кумар мог взойти на трон, но, видно, не пришел еще его час. Сколько находилось отговорок, сколько возражений! О, хо-хо, брат, одно дело

сидеть у «Сонкола» на руках, другое дело — на троне. Стар я стал и не знаю, увижу ли тебя раджой!

Входят два воина.

Первый воин. Брат, когда же наконец наш принц станет раджой? Вот тогда уж угощу я и тебя, и твоих друзей на славу.

Второй воин. Да, ты способен только на то, чтобы угощать, а я жизнь отдам за раджу. Я пойду воевать, я разграблю во имя принца пять деревень. Я разобью голову нашему ростовщику! Если нужно будет, я с радостью, хоть сейчас, умру у ног принца.

Первый воин. А думаешь, я не смог бы этого сделать? Но к чему говорить о смерти? Если бы я знал, что проживу лет полтора, тогда я был бы рад умирать за принца каждый день два раза — утром и вечером.

Второй воин. Покойный раджа оставил сына на нас. Давай же возьмем его на плечи и под бой барабанов провозгласим раджой. Мы ведь никого не боимся.

Первый воин. Пойдем и скажем дяде-махардже: «Ну-ка, слезай! Мы хотим доставить себе радость — посадить на престол принца!»

Второй воин. А ты слышал? В день полнолуния состоится бракосочетание принца.

Первый воин. Я слышу это уже пять лет.

Второй воин. На этот раз пять лет истекли. У раджей Тричуры таков уж обычай, чтобы принц ухаживал за невестой целых пять лет. Только после этого бывает свадьба.

Первый воин. Бабу! Что это за обычай! У нас, кшатриев, издавна так ведется — тестю оплеуху, а девушку за косу да бежать с ней. Часа два, и все в порядке. После этого можно еще раз десять жениться.

Второй воин. Ах ты мерзкий! Так что же ты все-таки сделаешь в тот день, когда принц станет раджой?

Первый воин. Я женюсь еще раз!

Второй воин. Ну, что ж, брат, это тоже неплохо!

Первый воин. На дочери Махичанда! До чего же она хороша! Какие глаза! Когда она ходила за водой на реку, я даже поговорил с нею; она шла, позвякивая брас-

летами, и я понял, что браслеты еще опаснее, чем ее взгляд! Лучше исчезнуть подобру-поздорову.

Доносится песня:

О глаза мои!
Не смотрите назад, не смотрите назад!
Что оставили вы позади?
Ты лишила их сна, жизнь моя темна, —
Для чего ж мне на свете жить?

Второй воин. Вот это песня, брат!

Первый воин. Смотри, старик Шонкор! Хоть принца и нет, но старик принарядился и сел у дверей. Даже если земля перевернется, он не изменит своим правилам.

Второй воин. Послушай, брат, а что, если мы спросим его о принце?

Первый воин. Спросить-то можно, но что он ответит? Он не так уж стар. Но сказать, наверное, может не больше, чем пара туфель Рамы о временах Бхараты!

Второй воин (*подходя к Шонкору*). Дада́, когда принц станет раджой?

Шонкор. А вам какое дело?

Первый воин. Я хочу только сказать, что совершеннолетие нашего принца настало, но почему раджа-дядя до сих пор не уступает ему место на троне?

Шонкор. Ну, а что в этом плохого? Он все-таки дядя!

Второй воин. Это-то верно. Но в каждой стране свой закон... Наш закон такой, что...

Шонкор. Вы закон чтите, мы будем чтить, но для больших людей закона нет. К тому же, если все станут чтить закон, кто же тогда будет его изменять?

Первый воин. Это тоже верно. Но целых пять лет откладывать свадьбу — разве это по закону? Я же говорю, что женитьба — это удар стрелы: она вонзается мгновенно, зато остается уже на всю жизнь. Никуда не денешься. Для этого дела совсем не нужно пяти лет.

Шонкор. Вы удивляетесь, что можно нарушать законы страны? Нет, знайте, никто не может пойти против закона. Этот мир движется только по закону. А теперь идите, довольно болтать. Чтоб я больше не слышал от вас ни слова.

Первый воин. Ладно, пойдем, брат. Сегодня наша дада не в духе. Скрипит, как сухое дерево.

Входит Шумитра, одетая в мужское платье.

Шумитра

Шонкор?

Шонкор

О, как знаком мне этот голос!
Но не припомню, где его я слышал.
Откуда ты?

Шумитра

Я из страны далекой.

Шонкор

Чьим волшебством вдруг прошлое вернулось,
Явив мне принца в образе случайном
Пленительного мальчика? Я вспомнил,
Как мальчиком он, наигравшись за день,
Ко мне уставший приходил и бледный.
Он нежности моей искал ответной,
Припав на грудь мне.

Шумитра

Я из Джалондора

Привез для принца срочное посланье.

Шонкор

Из детства ты привез ему посланье,
И младшая его сестра нарочно
Направила тебя, чтобы напомнить
Об играх детских. Где она сыскала
Такое удивительное сходство?
Прости меня, я всякий вздор болтаю!
С какою вестью ты? Как махарани?
Счастливо ли живет с державным мужем
Среди своих сиятельных придворных?
Зовут ли матью ее в народе?

Щедра ли плодородия богиня?
Но что я? Ты устал с дороги дальней,
А я к тебе пристал. Сначала нужно,
Чтоб отдохнул ты. После все расскажешь.

Шумитра

Шонкор, ты, значит, помнишь махарани?

Шонкор

И голос тот же! Тот же взгляд знакомый,
Я не пойму, откуда эти чары?
Не мог же ты украсть Шумитры облик!
Я помню ли ее, меня спросил ты?
А, может, ты и есть воспоминанье,
Явившееся в образе посланца!
Прости меня, что я болтаю много,
Я стар и долго был неразговорчив.
Зачем я плачу? Почему я сразу
К тебе таким доверием проникся,
Как будто бы тебя я знал когда-то
И был ты баловнем моим любимым?
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

ТРИЧУРА. САД ДЛЯ ИГР.

Кумаршен, Ила и ее подруги.

Ила

Принц уезжает? Почему так скоро?
Его любви хватило ненадолго,
Как можно быть таким непостоянным?

Кумаршен

Я подданных...

И л а

Тем, что тебя не будет,
Они не огорчатся так, как Ила.
Мне кажется, что я не существую,
Когда меня ты вспомнить забываешь.
А у тебя в далеком королевстве
Так много подданных и дел различных,
Торжеств и праздников. Лишь не хватает
Твоей малютки — Илы.

К у м а р ш е н

В королевстве
Есть все и ничего. Но ты со мною,
Где б ни был я.

И л а

Нет, принц мой, лгать не стоит,
Ты у себя раджа. А здесь — я рани.
И, значит, ты — в моей всецело власти.
Уйти ты хочешь? Кто тебе позволит?
Мы закуем тебя в цветов гирлянды!
И песнею отгоним прочь заботы!

П о д р у г и

(поют)

Если тебя нашла я, зачем скрываешься ты?
Только сейчас пришел и хочешь уже уйти?
Грустно вздохнул цветок: утренний ветерок,
Стебель качнув едва, улетает прочь.
Как удержать его? Как удержать его?
Рано приходит к концу счастливая ночь.
Чувствуя близость зари, песни допев свои,
Радости птица спешит улететь в окно.
Неудовимый миг — взмахом крыльев своих
Все унесет, о чем ты мечтал давно.

К у м а р ш е н

Что сделали со мной вы этой песней?
Решимости моей как не бывало!
А помыслы, мечты, слова, желанья —
Толпою все за Илой устремились,

Как будто перестал я быть собою
И слился целиком с моей любимой,
Как будто я твоею стал улыбкой,
Стал нежным сном на бархатных ресницах;
Меня твои околдовали руки,
И словно без остатка растворился
В твоём я сердце...

И л а

Рано или поздно
Порвется эта сеть самообмана.
От грез очнешься ты, а я останусь.
Разбитой и лишённой песен виной,
Нет, нет, мой друг, пусть не мечты нас вяжут,
И не иллюзии — они исчезнут.
Когда ж любви нервующиеся узы
Объединят сердца и жизни наши?

К у м а р ш е н

Тот близок день. Настанет полнолуние,
Когда луна свидетельницей станет,
Как будет наш скреплен союз с тобою.
Последний день мы чувствуем сегодня,
Что нас незримо что-то разделяет.
Мы ощущаем, как близки — в разлуке,
Но очень далеки, когда мы рядом!
А эта неожиданность свиданий,
И радость их, и боль разлуки новой!
И возвращенье по лесной тропинке
В дом, где живут одни воспоминанья!
Вновь вспоминать слова твои, улыбки
И голос твой — последний день сегодня.
Последний раз смущаемся при встрече
И, расставаясь, слезы проливаем
Последний день, поверь.

И л а

О, пусть так будет!
Мы долго жили только тенью счастья,
Любая скорбь и то была бы лучше!
Пусть лучше голод, чем обман подобный.

Не знать, где ты, и будем ли мы вместе,
И вечно потерять тебя бояться!
Когда одна, все мысли о тебе лишь:
Где ты, чем занят... Но воображенье
Теряет след твой на опушке леса.
Что дальше — я не вижу и не знаю.
Когда же я в твоей вселенной буду,
Все и открытым станет и понятным.
Но разве сам ты мне не хочешь сдаться?

К у м а р ш е н

Давно уж в плен я добровольно сдался!
А ты мне хочешь цепь надеть на шею,
Как будто без того я все не отдал?

И л а

Когда ты говоришь мне о Шумитре,
Я ощущаю в сердце боль глухую.
Мне кажется, она меня лишила
Не только многих лет твоих в прошедшем,
Но и тебя похитила, и если
Вернулась бы твоя подруга детства
И позвала, чтоб ты былое вспомнил,
К ее ногам ты тотчас бы склонился,
А я лишилась прав на Кумаршена...
Порой ее мне хочется увидеть!

К у м а р ш е н

Как было б хорошо, когда б Шумитра,
Вернувшись, появилась в нашем доме,
Его наполнив радостью былого.
Она б тебе надела украшенья
И к сердцу бы с улыбкою прижала,
Вы быстро подружились бы... Но ей ведь
Уж не до нас! Теперь она чужая.

И л а

(поет)

Они чужого считают своим, своего — чужим,
А флейты далекий звук кажется им родным.
Они и в беде и в веселье скажут «люблю»
И за улыбкой скроют печаль свою;
Знают они: к бессмертию смерть ведет.

К у м а р ш е н

Поешь ты грустно, и напев печальный,
Невесел взгляд...

И л а

Всегда большое счастье
Немного грустно. Если ж кто захочет
Равно уйти от радости и горя,
Он неизбежно счастье потеряет.

К у м а р ш е н

Я завоюю мир с твоей любовью!
Как счастлив я, наружу счастье рвется!
А сердце яро жаждет битв великих,
И подвигов, и радостных свершений!
Пусть осенит меня лучами слава,
Я буду горд делить ее с тобою,
Я не смогу спокойно наслаждаться
Твоею безмятежною любовью!

И л а

Вон облака пришли косматой стаей
И окружили горную вершину,
Скрыв первозданные красоты склонов.

К у м а р ш е н

Взгляни на юг, там в предзакатном свете
Долина — словно море золотое,
Которое уходит к горизонту.
Желтеющие нивы проступают
Сквозь чуть заметную цветную дымку.
На золотистый холст художник будто
Картину набросал небрежной кистью,
Или мои мечты и мысли стали
Вдруг обретать черты у горизонта,
В далекие пределы устремляясь.
Как много в мире стран есть неизвестных,
Великих дел, блистательных сражений...

И л а

Но облака, как рок неумолимый,
Все ближе надвигаются. Мне страшно!

О, если б мы могли с тобою вечно
За их стеной высокой оставаться
И жить в заоблачном гнезде, как птицы!
А ты хотел бы? Но боюсь, что стоит
Тебе услышать зов, как, все покинув,
Ты бросишься опасностям навстречу,
А я тогда совсем одна останусь.

Входит служанка.

Служанка

Сейчас гонец из Джалондора прибыл
С секретным порученьем.

Кумаршен

Дорогая,

В день полнолуния к тебе вернусь я,
Сейчас ты лишь богиня в этом сердце,
Но станешь ты благословеньем дома.

(Уходит.)

Ила

Иди! Я удержать тебя не в силах.
Я так мала, а мир такой огромный!
Твое мятежно сердце! Кто постигнет
Мою печаль? Кто слезы сосчитает?
Кому есть дело до меня, несчастной.
Стою одна я на опушке леса...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

КАШМИР. ДВОРЕЦ ПРИНЦА.

Кумаршен и переодетая в мужское платье Шумитра.

Кумаршен

Как убедить тебя, что нетерпенья
Исполнен я, и каждый миг отсрочки
Мне причиняет боль? Что я хотел бы
С разбойниками хоть сейчас сразиться,

Чтоб не носил Кашмир пятно позора!
Но дядя мой не отдает приказа.
На женское смени мужское платье,
Мы во дворец с тобой к нему пришли бы
И в ноги пали б.

Шумитра

Брат мой, что за речи?
Я шла к тебе, чтоб рассказать печали,
Поведать сердца боль. Но нет, не нищей
Явилась я в Кашмир за подаяньем,
Хоть жжет стыдом меня мужское платье!
Обидно в дом родной тайком вернуться.
А если б знал ты, сколько раз рыданья
Мне подступали к горлу при Шонкоре,
И как хотелось мне тогда воскликнуть:
«Ведь это я, Шонкор, твоя Шумитра!»
Но проходил порыв, и я молчала.
Вернувшись, я от радости не плачу.
Сегодня я уже не дочь Кашмира,
А махарани Джалондора!

Кумаршен

Будем
Стараться отыскать какой-то выход.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ВНУТРЕННИЕ ПОКОИ ДВОРЦА В КАШМИРЕ,
Реботи и Чондрошен.

Реботи

О чем ты думаешь? Отбрось сомненья.
Пусть он отправляется на битву,
А там рассудит бог. Он может вовсе
И не вернуться...

Чондрошен

Тише!

Реботи

Слишком долго
Ты часа выжидал, как кот голодный.
Твой час настал, но ты зачем-то медлишь,
Колблешься!

Чондрошен

О ком ты говоришь мне?
Кто часа выжидал?

Реботи

Опять притворство!
И от меня таишься? Почему ж ты
Откладывал женитьбу Кумаршена?
Пять долгих лет ухаживанье длится
Не к нашей чести, а раджи Тричуры.
Ухаживать пять лет!

Чондрошен

Молчала б лучше,
Темны чужие планы!

Реботи

Ты обдумай
Сначала то, что ты хотел бы сделать,
Потом уж поступай. Но от себя же
Скрывать своих намерений не надо.
Рассчитывать наивно, чтоб всевышний
Все сделал за тебя. Ты тоже должен
Сам случая искать достичь успеха.
Желанья грех в груди носил ты долго,
Осуществить его давно пора бы!
Пусть Кумаршен воюет...

Чондрошен

Ты забыла,
О тех, что принесли Кашмиру беды,
Чьи далеко отравленные жала?
Ты хочешь, чтоб они назад вернулись?

Реботи

Об этом ты подумаешь позднее.
Отправь Кумара с войском. У народа
Исчезнет повод верить вздорным слухам
О коронации. За это время
Случится многое. А там посмотрим...

Входит Кумаршен.

(обращаясь к Кумаршену)

Ну так и быть, ты можешь отправляться.
Согласен дядя, но смотри не мешкай
И помышляй не о пирах — о битвах,
А свадьба будет сразу, как вернешься.

Кумаршен

Спасибо, мать, тебе и слава, слава!
Вот радостная весть! Пусть дядя скажет,
Мне это сам.

Чондрошен

Ну что ж, иди, мой мальчик,
Будь осторожен. Помни: из тщеславья
Опасностей не ищут. Я желаю,
Чтоб ты назад вернулся невредимым
И чтоб взошел на трон отца героем.

Кумаршен

Пусть мать благословит меня!

Реботи

Пустое,
Успех от одного тебя зависит.

СЦЕНА ПЯТАЯ

ТРИЧУРА. САД ДЛЯ ИГР.

Подруги Илы.

Первая подруга. Где же лампа?

Вторая подруга. Не беспокойся о лампе. Она будет гореть всего одну ночь. Но почему не несут флейту? Скучно без флейты, подруги!

Третья подруга. За флейтой отправились в Кашмир, сейчас она будет здесь. Когда же начнут играть?

Первая подруга. Будут играть, о, будут играть! Когда-нибудь будут играть твоей судьбой, как на этой флейте.

Третья подруга. О, я несчастная! При мысли об этом я умираю.

Песня первой подруги Илы

Песню услышишь

Ты в сердце своем,

И мыслей владыка взойдет на престол.

Так робко, влюбленно,

С улыбкой смущенной

Ты будешь смотреть на него,

Блеснет и скатится

Слеза на реснице,

Лишишься от радости слов,

И будет стремиться

С музыкой слиться

Счастливое сердце твое.

Вторая подруга. Перестань петь! Каждый раз, когда ты поешь, становится тревожно на душе. Как коротка ночь свадебных огней, ночь смеха, флейт и песен! А на следующий день нас ждет полный мрак.

Первая подруга. Еще будет время плакать, сестра. А эти немногие дни посвети веселью! Если бы цветы не увядали, я с сегодняшнего дня начала бы плести венки.

Вторая подруга. А я украшу свадебную комнату.

Первая подруга. Я наряжу невесту.

Третья подруга. А я что буду делать?

Первая подруга. О, ты нарядись сама. Попробуй обмануть и завлечь принца.

Третья подруга. Но ты, сестра, больше и не пытаешься. Если уж у тебя не получилось, то у меня и по-давно ничего не выйдет! Тот, кто хотя бы раз видел тебя, уже ходит без сердца. Вы слышите? Это флейта! Играют на флейте.

Песня первой подруги Илы

В душе или в роще где-то
Слышу я звуки флейты...
Весенние ветры дуют,
Цветы лепестки раскрыли,
Но где же, в края какие
Счастливая ночь спустилась,
В душе или в роще где-то?
Куда идти — безразлично,
Пусть думают, что угодно.
Кто знает, куда придет он,
Если бредет в потемках
В душе или в роще где-то?

Вторая подруга. О, остановись! Смотри, пришел принц, пришел Кумаршен.

Третья подруга. Иди сюда, иди сюда, мы спрячемся. Я стесняюсь выйти к принцу.

Вторая подруга. Но почему же он сегодня пришел так неожиданно, так не вовремя?

Первая подруга. Разве для принца может быть что-то «вовремя» или «не вовремя»? Хоть он и сын раджи, бог любви не оставит его в покое! Как можно жить без любви?

Третья подруга. Идемте же, подруги, спрячемся!

Уходят.

Входят Кумаршен и Ила.

Ила

Не нужно, дорогой, мне все понятно.
Тебя дела уехать вынуждают,
И свадьбу нашу отложить придется,
Пока ты не вернешься.

К у м а р ш е н

Верь всегда мне,
Умом возможно только ум измерить,
Мерило чувства — лишь слепая вера.
Не забывай скитальца, здесь оставшись.
И всякий раз, когда заходит солнце,
Найди звезду вечернюю на небе
И вспомни обо мне, который тоже
На эту же звезду, печальный смотрит
И видит взгляд твой, отраженный ею.
Как запахи цветов восходят к небу,
Встречаясь там — пусть наши чувства так же
Там встретятся. И пусть луна сияет
В разлуке нам.

И л а

Мой дорогой, я верю.
Твое я сердце знаю.

К у м а р ш е н

Ухожу я.
Сокровище души, дыханье жизни,
Та, что всего дороже, до свиданья!
(Уходит.)

Входят подруги Илы.

Вторая подруга

Что слышу я!

Третья подруга

Уйти ему дала ты?

Первая подруга.

Поступок мудрый. Чтобы не сбежали,
Им нужно иногда давать свободу.
Увы, подруги, праздничную лампу
И ту приходится гасить под утро.

И л а

Ах, замолчите. Вы мне сердце рвете!
Пусть гаснут лампы! Только кто заставит
Померкнуть яркий свет луны бесстыдной!
Мне кажется сегодня почему-то,
Что вместе с днем ушедшим я лишилась
Всего, что в жизни мне сияло счастьем!
Уж лучше б день забрал меня с собою,
Чем превратиться в тень с заходом солнца.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ДЖАЛОНДОР. ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ.

Бикромдеб и военачальник.

Военачальник

В плену Удойбхашок и Шиладитья!
Лишь Джудхаджит остался на свободе.
Он спасся бегством.

Бикромдеб

Следует сейчас же
Снять лагерь и отправиться в погоню!
Люблю я эту дикую охоту,
Охоту за людьми! Ночную скачку
Над пропастью, среди зарослей, полями,
Где хитрость побеждает хитрость. Кто там
Еще не пойман?

Военачальник

Главаря, Джойшена,
Схватить не удалось. Его отряды
Всех многочисленней.

Бикромдеб

Тогда немедля
Идти в поход! Пусть мы в упорной битве
Лицом к лицу и с грудью грудь сойдемся,
С неистовством любовников безумных.
Я презираю мелкие победы
И битвы мелкие.

Военачальник

Джойшен задумал
Зайти к нам в тыл, чтобы напасть внезапно,
Но понял, что он сам попал в ловушку,
И перемирья просит.

Бикромдеб

Жалкий трус он!
О мире даже речи быть не может!
Хочу я битвы, чтоб в крови омыться
Под музыку сраженья.

Военачальник

Повинуюсь!
(Уходит.)

Бикромдеб

Как радостна свобода! Я ликую!
Подумать только, женщина держала
Меня вдали от этого так долго!
А сердце в поисках глубоких истин
Бесповоротно погружалось в бездну!
Свобода, что пришла ко мне сегодня,
Сняла с меня тяжелые оковы.
Оказывается, так много в жизни
Забав, сражений, подвигов великих.
Я столько потерял, когда в безделье
Дни проводил свои в покоях рани,
Подобно спящей в коконе личинке!
Где самолюбие мое таилось?
Где сила, для которой замкнут выход?

Где был тогда весь этот мир огромный
И эта бешеная ярость сердца,
Зовущая в сраженья? Не посмеют
Сказать теперь, что я бессильный узник,
Навечно запертый в покоях рани!
Сегодня даже ветерок стремится
Стать ураганом и подняться бурей.
Прекрасней ненависть — любви бессильной,
Когда она несет с собою силу.
Мне ненависть дала освобожденье,
Сон прогнала и пробудила к жизни!

Возвращается военачальник.

Военачальник

Враги уж близко...

Бикромдеб

Начинайте битву!

Входит лазутчик.

Лазутчик

Мятежные войска сюда подходят.
Они без флагов и без барабанов.
На бой так не идут... Они, наверно,
Просить хотят прощенья.

Бикромдеб

Не желаю
И слышать о прощении! Сначала
Себя простить я должен, смыв позор свой,
Позор бездействия. Трубите битву!

Входит второй лазутчик.

Второй лазутчик

Противник выслал паланкин. Наверно,
Просить о мире хочет...

Военачальник

Ты посланца

Дозволь послушать...

Бикромдеб

Чтоб потом сражаться!

Входит воин.

Воин

У входа — махарани. С ней под стражей
Джойшен и Джудхаджит...

Военачальник

Что? Махарани?

Воин

У входа в лагерь...

Военачальник

Что за махарани?

Воин

Ну, наша махарани!

Бикромдеб

О, безумье!

Узнай, военачальник, в чем там дело.

Военачальник и другие уходят.

Вернулась махарани. С ней — в оковах
Джойшен и Джудхаджит! А где ж сражение?
Мне вновь в покои рани возвратиться?
Мои мечты о битве были тщетны?
Настало пробуждение — я увижу
Все тот же сад в цветах и махарани
Усыпанное лепестками ложе...

Безделье, для которого мне, впрочем,
Не стоило бы даже просыпаться.
Я — пленник? Я — под стражей? Мне казалось,
Что кто-то прибыл, кто-то взят под стражу?
Военачальник, что там? Кто под стражей?

Входит военачальник.

Военачальник

Вернулась махарани из Кашмира,
А брат ее начальствует над войском.
Их воинами схвачены в дороге
Джойшен и Джудхаджит. Они под стражей.
И в паланкине наша махарани
Ждет махараджа.

Бикромдеб

Это невозможно!
Мы с лагеря снимаемся тотчас же.
Нам нужно торопиться! Неужели
Нет больше у меня врагов, кого-то,
С кем я сразиться б мог? Сейчас не время
Мне с женщиной болтать!

Военачальник

Я умоляю...

Бикромдеб

Военачальник, знай, что повелел я,
Чтоб паланкин тот в лагерь не пускали.
Вели закрыть ворота!

Военачальник

Повинуюсь!

СЦЕНА ВТОРАЯ

ХИЖИНА ДЕБДОТТО.

Дебдотто и Нарайони.

Дебдотто. Дорогая, разреши мне удалиться. Твой раб покидает тебя!

Нарайони. Ну что ж, иди, разве я держу тебя?

Дебдотто. Это так, если б было иначе, зачем было бы уходить? Но вот я покидаю тебя, и нет мне никакой отрады. Сделай же то, о чем я так прошу тебя. Пади на землю и повторяй: «О, горе мне! Я убита горем! О Дурга! О бог Камадева!»

Нарайони. Не болтай глупостей! Поклянись, что скажешь правду! Отвечай, куда ты собрался?

Дебдотто. К радже!

Нарайони. Раджа ушел на войну. Ты что же, тоже идешь на войну? Решил стать Дроной?

Дебдотто. Как могу я воевать, если есть на свете ты? Но вот что, нужно идти.

Нарайони. Ты твердишь мне все время одно и то же. Иди! Кто тебя держит?

Дебдотто. О Камадева, здесь тебе нечего делать, здесь не нужны твои благоуханные стрелы. Чтобы одержать здесь победу, нужно копье, иначе не проймешь. Послушай, о белозубая, о та, чьи губы подобны спелому плоду бимба, зачем тебе лить слезы? Перестань же плакать, слышишь?

Нарайони. О, я несчастная! С чего бы мне плакать? Неужели ты думаешь, что без тебя раджа не обойдется? Уже не хочешь ли ты стать Дхумролочоном!

Дебдотто. Если я не пойду, раджа не прекратит войну. Министр писал мне много раз, что королевство гибнет, но махарадж не собирается прекращать войну, хотя мятеж в стране давно утих.

Нарайони. Если мятеж кончился, то с кем будет воевать раджа?

Дебдотто. С братом рани — с Кумаршеном.

Нарайони. Что я слышу! Он будет воевать с шурином! Неужели каждый раджа может так шутить!

Если простой человек вздумал бы сделать такое, ему бы попросту надрали уши. Правда ведь?

Дебдотто. Это не такая уж шутка! Рани с помощью Кумаршена взяла в плен Джойшена и Джудхаджита и привела их к радже. А он не позволил ей даже войти в лагерь.

Нарайони. Неужели? Что же это! Почему же ты столько дней сидел дома? Знал обо всем и спокойно сидел? Иди же! Сейчас же иди! Нанесено оскорбление нашей верной Лакшми — нашей рани! В раджу вселилась Кали?

Дебдотто. Пленные мятежники сказали радже: «Мы — твои подданные, мы совершили проступок, ты же нас и накажешь. В королевство пришел чужеземец и оскорбил нас. Этим нанесено оскорбление и тебе! Как будто ты сам не можешь править в своем собственном королевстве! Из-за такого пустяка из Кашмира пришло вдруг целое войско. Разве может быть бóльшая обида?» Услышав такие слова, махарадж вспыхнул огнем. Он стал поносить Кумаршена и оскорбил посла. Кумаршен — самолюбивый юноша, разве мог он стерпеть? Думаю, он тоже достойно ответил радже.

Нарайони. Но ведь Кумаршен не чужой для раджи. Он — его родственник. Если и был у них такой разговор, так что же? Неужели потому, что тебя не было рядом, раджа не додумался, как ему лучше поступить! После драки кулаками не машут, дорогой! Это и есть поражение!

Дебдотто. Самое главное — найти предлог для войны. Раджа вовсе не хочет прекращения войны. Он ищет различные предлоги и уловки. Сейчас у него нет ни одного друга, который бы смело сказал ему несколько благоразумных слов. Я больше не могу ждать, я уйду к нему!

Нарайони. Иди, если хочешь. Но мне одной не под силу заниматься твоим хозяйством. Здесь все так заброшено. Я тоже уйду из дома.

Дебдотто. Потерпи до моего возвращения, а потом можешь уходить. Скажи: «Я остаюсь!»

Нарайони. Нет, нет, ступай! Ведь я не прошу тебя оставаться. Я без тебя не умру, не разорву себе

грудь от горя! Об этом ты не беспокойся. Мне плохо не будет.

Дебдотто. Разве я не знаю этого! Южный ветер не принесет тебе вреда, удар грома тебя не поразит. Наша разлука ненадолго. *(Собирается уходить.)*

Нарайони. О господин мой! Верни радже рассудок. Пусть он скорее вернется с войны!

Дебдотто. Я никогда еще не покидал своего дома! О Всевышний, позаботься обо всех! *(Уходит.)*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ДЖАЛОНДОР. ЛАГЕРЬ КУМАРШЕНА.

Кумаршен и Шумитра.

Шумитра

Прости раджу. Ведь я всему виною,
И если б я не стала между вами,
Ты мог бы кровью смыть свою обиду!
Но ты отверг, не принял вызов к бою,
А тот, кто дорожит своею честью,
Тот оскорблennyю смерть предпочитает.
Я чувствую, как собственной рукою
В тебя вонзила жало униженья!
Ты б умереть скорее согласился,
Чем пережить позор!

Кумаршен

Сестра, послушай,
Есть доблести войны. Но их превыше
Терпимость и прощенье. Ведь не каждый
Обидой пренебречь способен.

Шумитра

Брат мой,
Я жизнь свою отдать была б готова,
Чтобы воздать тебе за восхищенье,
Которым ты меня сейчас наполнил.
Ты так великодушен...

P. Tarop
(1896?).

К у м а р ш е н

Я же брат твой!

Давай, сестра, в наш светлый сад вернемся,
Туда, где у вершин, покрытых снегом,
Царит прохлада. Мы с тобой подобны!
Двум ручейкам, спустившимся в долину.
Давай теперь к истокам возвратимся,
Туда, где проходило наше детство.

Ш у м и т р а

Согласна я. Опять войдем с тобою
В ту комнату, где некогда играли
Еще детьми. С возлюбленной твоею
Мы оставаться будет вечерами,
Я обряжу ее в свои наряды,
Поведаю, какие в детстве песни,
Цветы какие и стихи любил ты,
О том она узнает, что и взрослый
Ты, как ребенок, добр.

К у м а р ш е н

Сестра, я помню,

Как обучали нас играть на вине.
Нетерпеливый, я бросал занятия,
Но ты, забыв о праздничных нарядах,
Не расставалась с виною весь вечер.
Как ты тогда торжественна бывала.
Как радостна! Под пальцами твоими
Мелодии рождались...

Ш у м и т р а

Не забыл ты?

А помнишь, как, устав от игр, бывало,
Волшебные рассказывал ты сказки?
Ты говорил: «Представь себе, Шумитра,
Что золотой дворец стоит у реки,
Чудесный плод в волшебной роще где-то
Налился соком». Слушая твой голос,
Я представляла все, что рисовало
Твое воображенье.

К у м а р ш е н

Мне казалось,
Что я живу в стране волшебных сказок.
Реальность и иллюзия сливались,
Как облака и снежные вершины.
В изломах скал вставал хрустальный город,
Он оживал. Смотри, Шонкор вернулся.
Какую весть принес он?

Входит Шонкор.

Ш о н к о р

Умоляю

Меня простить! Я стар и неразумен.
Зачем с сестрою вы меня послали
Вести переговоры с махараджей?
Изысканную речь держать не смог я
В ответ на нанесенную обиду.
Услышав предложение о мире,
Джойшен, проклятый карлик, рассмеялся,
А Джудхаджит, угодник и подлиза,
Себе позволил нагло издеваться.
Тогда-то Бикромдеб при всех придворных
Назвал тебя мальчишкой и трусом,
Придворные, в лицо мне дерзко глядя,
Смеялись над тобой. И даже стражник
Стал ухмыляться! А смешки и шепот
Тех, что толпились за моей спиною!
Укус смертельный кобры был бы лучше!
В тот миг я позабыл слова о мире,
С которыми пришел, и так ответил:
«Не тот храбрец, кто затевает ссору!
Ты — женщина, а не отважный кшатрий!
Вот почему раджа, меня пославший,
Решил уйти, не вынув меч из ножен.
Пусть сейчас об этом все узнают!»
Слова мои услышав, задрожал он,
А стражники схватились за оружие.

Ш у м и т р а

Пусть брат меня простит...

К у м а р ш е н

Ты — дочь Кашмира,
Поэтому в тебе — Кашмир унижен.
И ты меня удерживать не вправе!
Теперь я должен поступить, как воин,
Молю тебя...

Ш у м и т р а

Не продолжай, довольно!
Кумар, мой брат, к ногам твоим склоняюсь.
Зачем ты хочешь выпустить наружу
То пламя гнева, что в тебе таится?
Я погашу его своею кровью!
Хоть не просила я, но мне всегда ты
Любовь дарил. Сегодня умоляю —
Мне подари свой гнев...

Ш о н к о р

Хочу сказать я...

К у м а р ш е н

Молчи, старик. Пойди к войскам, скажи им,
Что повелел я выйти на дорогу,
Ведущую к Кашмиру.

Ш о н к о р

Унижение!

Все назовут тебя бежавшим трусом!

Ш у м и т р а

Шонкор, ты лучше вспомни наше детство.
Когда двоих детей — сестру и брата, —
Ты узами любви связал с собою.
Вот что превыше славы и позора.
Есть узы жизни, что непреходящи.
Святыня, окруженная любовью
Отца и матери и бога в небе.
Как можешь ты желать, чтоб пламя гнева
Святыню эту в пепел обратило?

Ш о н к о р

Вы правы оба. Лучше возвратиться
Туда, где вы детьми когда-то были.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛАГЕРЬ БИКРОМДЕБА.

Бикромдеб, Джудхаджит и Джойшен.

Бикромдеб

Едва ли война достойно будет
Напасть на уходящего.

Джудхаджит

Преступник
Избегнет кары, а раджа быть призван
Опорой справедливости.

Бикромдеб

Кумара
Унизив снисхождением, жестоко
Я проучу!

Джудхаджит

Об этом униженье
Узнают только здесь, зато в Кашмире
Все будет понято совсем иначе.

Джойшен

Пусть махарадж пойдет в Кашмир походом,
Виновного накажет справедливо
И трон его поверженный отметит
Печатью поражения и позора.

Бикромдеб

Чем больше думаю, тем больше мыслей.
Неси меня, поток слепых событий,
К далеким берегам! Мне любопытно,
Куда я приплыву.

Входит стражник.

Стражник

Пришел Дебдотто.

Он очень просит уделить минуту
Ему для разговора.

Бикромдеб

Пусть заходит.

Я рад ему! А впрочем, подожди-ка!
Как здесь он оказался? Я же знаю
Его отлично, он пришел мешать мне,
Просить меня от битвы воздержаться.
Он сам из тех, что разрушали дамбу!
Когда ж поток по их полям разлился,
Они хотят, чтоб он вернулся в русло,
Как скот, бредущий в хлев к себе покорно.
Но нет! Он обратит дома в руины,
Деревни разорит, дороги смое!
Пусть брахман мне вослед дает советы
Дрожащим голосом! Меня уносит
Поток событий и поступков смелых!
Он все в безумной радости ломает,
А радость и слепа и быстротечна.
Живя лишь миг, сорвать она стремится
Цветок, который называют счастьем.
Так дикий слон рвет с корнем красный лотос.
Потом у нас с избытком будет время
Выслушивать благие пожеланья,
Молиться и раздумью предаваться.
Пускай уходит брахман!

Джойшен

Как прикажешь!

Джудхаджит
(Джойшену тихо)

Дебдотто — враг. В тюрьму его сейчас же
Пусть заточат!

Джойшен

Там он на месте будет.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

КАШМИР. ДВОРЕЦ.

Реботи и Чондрошен.

Реботи

Зачем ты так воинственно настроен?
Ты не врага, а друга ожидаешь.
Воздай ему почет. Пусть он захватит
Права на трон. Ты суетишься, словно
Кашмиром ты и скипетром владеешь.
Дай овладеть Бикрому королевством,
Потом его по-дружески отнимешь
И станешь сам раджой.

Чондрошен

Не нужно, рани,
Такое говорить. Я долг исполню,
А что нас ждет, загадывать не стоит,
Посмотрим...

Реботи

Значит, ты решил представить
Кровавого сраженья лицедейство,
Чтоб быть разбитым, и потом вернее
Коварством, хитростью добиться цели?

Чондрошен

Ты хоть стыдилась бы подобных мыслей!
Такие слыша речи, начинаю
Я презирать себя и сомневаться:
Быть может, я действительно мерзавец,
Задумавший предательство и низость?
Не совлекай меня с дороги долга,
Которому я верен.

Реботи

Я вернее:

Мой материнский долг меня заставит
Убить скорее нашего ребенка,
Чем знать, что он не станет махараджей.
Он не затем рожден, чтоб жить, как нищий;
Уж лучше в лес уйти и там погибнуть,
Чем жить всю жизнь подачками другого.
Какой позор! Но, брат раджи, запомни,
Что сын мой — плоть от плоти материнской —
Ничьей не стерпит власти и не будет
Присутствовать, как кукла, на приемах
В роскошных, но подаренных одеждах.
Я сыну жизнь дала и трон достану!
А нет, так задушу его, не дрогнув,
Чтоб вспоминать не мог он, проклиная,
Плохую мать.

Входит Кончуки.

Кончуки

В столицу принц вернулся.
Он хочет, чтобы во дворце тотчас же
Он принят был.

(Уходит.)

Реботи

Я подожду за дверью.
Скажи, что следует сложить оружие,
Признать вину и изъявить покорность,
Припав к стопам раджи из Джалондора.

Чондрошен

Не уходи!

Реботи

Мне лучше удалиться.
Я не сумею притворяться нежной
И долго чувства истинные прятать.
Мне разговор за дверью будет слышен.

(Уходит.)

Входят Кумаршен и Шумитра.

К у м а р ш е н

Привет!

Ш у м и т р а

Привет.

Ч о н д р о ш е н

Желаю долгой жизни.

К у м а р ш е н

Я ведь послал к тебе гонца с известьем,
Что вражеская рать идет за мною,
Чтоб на Кашмир напасть. Но я не вижу
Ни войск, ни укреплений!

Ч о н д р о ш е н

Ты считаешь
Врагом того, кто зла и не замыслил.
Ведь Бикромдеб — пусть подтвердит Шумитра —
Кашмира зять. Его с дороги дальней
Пристойно ли встречать мечей бряцаньем?

Ш у м и т р а

Пускай меня не спрашивает дядя,
Пристойно или нет! Одно я знаю:
Мне из дворца бежать не нужно было.
Как я несчастна! Где то зло скрывалось,
Что вдруг наружу вышло? Я, наверно,
Когда свои покои покидала,
Шипенье змей хранила в каждом шаге!
Не спрашивай, не задавай вопросов.
Тебе все скажет брат. Он мудрый, храбрый.
Я — только тень у ног его высоких.
Он знает все пути и судьбы мира,
Я знаю лишь его.

К у м а р ш е н

Бикрома нашим
Считать врагом нельзя? Он родич, правда,
Но он пришел как враг к дверям Кашмира.
Когда меня он оскорбил, смолчал я.
Но как молчать, когда Кашмир унижен?

Ч о н д р о ш е н

Об этом ты, дитя, не должен думать.
У нас есть силы, чтоб не дать в обиду
Кашмир.

К у м а р ш е н

Дай войско!

Ч о н д р о ш е н

Мы еще посмотрим.
Поспешность может быть войной чревата.
Когда же надо будет, ты возглавишь
Войска...

Входит Реботи.

Р е б о т и

Кто воинов просить решился?

Кумаршени и Шумитра

Привет тебе, о мать!

Р е б о т и

Не для того ли
Позорно убежал ты от сраженья,
Чтоб здесь просить возглавить наше войско?
И ты претендовал на трон Кашмира?
Что, если б коронация свершилась!
Какой позор! Беги же, скройся в джунглях!
Когда б теперь ты вздумал стать раджою,
Ты обесчестил бы престол Кашмира!

К у м а р ш е н

Чем мать разгневал я? Она сердита?
Быть может, эти горькие упреки
Подсказаны любовью и заботой?
Я замечал уже давно, что мною
Ты очень недовольна почему-то.
А твой недобрый взгляд терзал мне сердце.
Когда же я заговорить пытался,
Ты уходила прочь. И вот сегодня —
Несправедливые слова. Что сделать,
Чтоб ты меня своим считала сыном?

Р е б о т и

Могу сказать...

Ч о н д р о ш е н

Ах, нет! Довольно споров!

К у м а р ш е н

Послушай, мать, сейчас для разговора
Момент неподходящий. Враг у двери,
Я умоляю дать скорей мне войско.

Р е б о т и

Вот что — тебя мы пленником объявим,
А сами покоримся Бикромдебу,
Вину признав. Тебя он будет волен
Помиловать иль наказать примерно.

Ш у м и т р а

Как только можно быть такой недоброй!
Ты вмешиваться в дело управления,
Мать, не должна. Иначе ты послужишь
Причиной зла, в котором все погибнут,
И ты сама спасишься уже не сможешь.
Когда вмешиваешься ты в ход событий,

Добра не жди. Как женщина, должна ты
Любить и проявлять участие к людям.
Будь матерью для всех, живи в покое,
Сраженья и борьба — не наше дело!

К у м а р ш е н

Мы тянем время! Я просил о войске.

Ч о н д р о ш е н

Дитя, ты молод. Каждое желанье
Твое не может исполняться сразу.
Не так-то просто править королевством.
Сейчас я не могу прийти к решению,
От этого зависит слишком много.

К у м а р ш е н

Жесток ты в осторожности, мой дядя!
Меня в опасность вверг ты без раздумий,
Которых вдруг исполнился! Прощайте.
(Уходят вместе с Шумитрой.)

Ч о н д р о ш е н

Мне было больно слышать эти речи
И Кумаршена жаль. Была минута,
Когда хотел обнять его, утешить
И исцелить мучительные раны.

Р е б о т и

Да ты — ребенок! Ты не понимаешь,
Что все само произойти не может.
Когда бы поступал ты, как мужчина,
Я б милости могла творить спокойно...
А впрочем, что ж я... Я теряю время...
(Уходит.)

Ч о н д р о ш е н

Желание путей не разбирает
И обрекает тем себя на гибель.
Внезапно конь, взбесившийся в упряжке,
О стену разбивает колесницу.

СЦЕНА ВТОРАЯ

КАШМИР. РЫНОК. ТОЛПА.

Первый. В чем дело, дядя, почему теперь все так спешат с продажей пшеницы?

Второй. Если не продать, вообще ничего не останется. Прибыли воины из Джалондора. Всё грабят. Они разорят склады наших купцов и распотрошат их толстые животы! Не останется ни пшеницы, ни хлеба!

Купец. Ладно, брат, веселись, веселись! Скаль зубы! Скоро придется спрятать их. Всем придется плохо.

С шумом входит группа людей.

Пятый. Эй, кто из вас хочет воевать, идите сюда!

Первый. Я согласен. А с кем нужно воевать?

Пятый. Раджа-дядя вступил в заговор с раджей Джалондора, он хочет схватить принца.

Второй. Вот как! За это мы подпалим факелом ему бороду!

Многие. Мы не дадим в обиду нашего принца!

Пятый. Раджа-дядя хотел тайком пленить принца, поэтому мы его спрятали.

Первый. Идем, брат, сотрем в порошок раджу-дядю.

Второй. Идем, брат, оторвем ему голову и сделаем его короче ростом.

Пятый. Это потом. Сейчас нужно воевать.

Входит шестой.

Шестой. Слышали? Раджа Джалондора узнал о том, что принц спрятался, и объявил, что выдавший принца получит награду.

Пятый. А тебе-то какое до этого дело?

Второй. Ты что, хочешь получить награду?

Первый. А ну-ка, братья, дадим ему награду! И вообще, давайте что-нибудь делать, я не могу больше бездействовать!

Шестой. Братцы, не бейте меня! Пощадите, отцы мои! Я пришел только, чтобы предупредить вас.

Второй. Глупец, ты лучше сам поберегись!

Пятый. Если будешь много болтать, я вырву у тебя язык!

Вдали шум.

Многие. Пришли! Они пришли!

Все. О, пришло войско из Джалондора!

Первый. Чего же нам еще ждать! Я пойду грабить! Эй, смотрите-ка, Джонардон уже наполнил мешки и грузит их на волов. Сейчас самое время! Кроме волов этого самого Джонардона, можно угнать еще несколько волов вместе с поклажей!

Второй. Идите без меня, братья! Я лучше пойду смотреть на войско. Когда воины идут рядами с обнаженными мечами в руках, это очень красиво.

Слышится песня:

Распахнуты настезь ворота Ямы,
К ним глупые дети бегут упрямо.
Славьте же Кришну, славьте!

Началась игра, и никто не знает,
Жизнь или смерть его ожидает,
Если бы
все вдруг пошли на смерть,
Счастьем считалось бы умереть.
Славьте же Кришну, славьте!

Гремят барабаны, разносят тревогу,
И каждый, услышав, бежит на дорогу.
Работу
отбросив, дела позабыв,
Отважные люди друг к другу спешат.
Славьте же Кришну, славьте!

Рыбак и крестьянин вместе с раджою,
Слабый и робкий рядом с героем.
Но всех,
весь народ река унесет,
Река, текущая к счастью.
Славьте же Кришну, славьте!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ТРИЧУРА. ДВОРЕЦ.

Омору и Кумаршен.

Раджа Омору

Как смел явиться ты? Я не желаю,
Чтоб ты в моем скрывался королевстве!
Ведь Бикромдеб сочтет меня виновным.
Ты сам погибнешь и меня погубишь,
Зачем ты здесь?

Кумаршен

Я не ищу защиты.

Свою ладью я дальше по теченью
Направлю к берегам Того, Что Будет.
Но я хотел в последний раз хотя бы
Взглянуть на Илу...

Раджа Омору

Хочешь видеть Илу?

К чему? Ей незачем с тобой встречаться.
Своим ты опозорен униженьем,
Заслуженная смерть — неотвратима.
Беглец, надежд лишенный, как посмел ты
Явиться, чтоб будить в душе у Илы
Воспоминая?..

Кумаршен

Как посмел явиться!

Увы, я что объяснить не в силах.

Раджа Омору

Твою ладью несет на скалы ветер,
А ты, несчастный, удержаться хочешь,
Рукой хватаясь за цветок прибрежный?

Кумаршен

У нас печаль одна. Моя опасность
Грозит и ей. Любовь — не только праздник
И дни веселья. Махарадж, позволь мне
Проститься с Илой и уйти поспешно.

Раджа Омору

По-моему, ты с ней давно простился.
Уйди, не омрачай ее улыбки,
С которою на мир она взирает,
Дай ей забыть тебя. Так лучше будет.

Кумаршен

Когда б могла забыть, я не пришел бы.
Но я вернуться обещал и знаю,
Что ждет она и смотрит на дорогу.
Могу ли я нарушить обещанье
И вдребезги разбить жестокосердно
Ее надежды?..

Раджа Омору

Лучше сделай это.
Мечты ее погибнут вмиг, но в жизни
Она еще о ком-то думать сможет,
Миг боли легче длительных терзаний
Мечтой несбыточной.

Кумаршен

Ты сам вручил мне
Все радости ее и все печали
И прав моих лишать меня не должен.
Ее не знаешь ты, понять не можешь.
Не все, что весело тебе иль грустно,
Ей кажется таким же. О позволь мне
С ней встретиться!

Раджа Омору

Я ей сказал недавно,
Что царствуешь со славой ты в Кашмире
И нас чуждаешься, как недостойных,
А твой поход — уловка, чтоб избежать
Ее любви.

Кумаршен

Как мог ты лгать так низко!
О, неужели быть отцом ты можешь
Той чистой девушки, любимой мною!

Как бог стерпел, когда ты ложь извергнул,
И молнии тебя не поразили!
Как Ила вынести смогла? Жива ли?
Уж лучше ты убей меня на месте
И новость сообщи ей, торжествуя,
Не лги ей только!

Входит Шонкор.

Шонкор

Поспешить должны мы.
Лазутчики врага шныряют близко.
Уйдем скорей.

Кумаршен

Опять бежать? Скрываться?
Я не могу так жить!

Шонкор

Тебя у леса
Шумитра будет ждать.

Кумаршен

Иду немедленно...
Но где ты, Ила? В черный день пришел я
К твоим дверям. Они закрыты плотно,
Как радости моей замкнулись двери.
Мне не везет, я неудачник, Ила,
Но я лжецом перед тобою не был!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ТРИЧУРА. ВНУТРЕННИЕ ПОКОИ.
Ила со своими подругами.

Ила

Неправда! Ложь! Прошу вас, замолчите!
Я знаю Кумаршена, не такой он!

Украсьте волосы мои цветами
И принесите голубое сари!
Поставьте рядом золотую вазу
И в ней цветы малоти для Кумара.
Я помню, как сейчас, в тени фонтана
Под тенью бокула сидеть любил он.
И каждый вечер в лучших одеяньях
Я у фонтана жду его прихода.
Его все нет, но он придет, я знаю!
Уже два раза было полнолуние,
И удалялась вновь луна печально.
Но в третий раз она познает радость
И наконец увидит нашу встречу.
А если нет, не вам грустить об этом!
Забудет он — моя беда и горе.
Узнаю я, что он забыл, но счастлив,
Пусть так и будет. Если же случится,
Что любит он по-прежнему, тем лучше!
Не нужно же напрасных причитаний,
Подруги, хоть немного помолчите!

Песня

Тебя я люблю больше жизни своей,
А ты меня, видно, не очень...
Когда же ты снова вернешься ко мне?
Я жду тебя дни и ночи.
Грустна и бессонна постель моя,
Сегодня опять я не лягу спать,
Тебя стану ждать до рассвета.
Пусть ночь эта будет короче!
Я знаю, ко мне на заре ты придешь,
И ветер прошепчет мне имя твое.
Пока же троюю желаний
Бредешь ты, куда захочешь.
Всю жизнь я с тобой бы хотела идти,
Но если останусь одна позади,
Меня ты забыть постарайся,
Об этом прошу тебя очень!

СЦЕНА ПЯТАЯ

КАШМИР, ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ,

Бикромдеб, Джойшен и Джудхаджит.

Джойшен

Он никуда от нас бежать не сможет:
Поймаем и на суд тебе представим!
Чтоб выползла змея, огонь разводят
В ее норе. Так мы должны в Кашмире
Разжечь огни. И сам тогда он сдается.

Бикромдеб

Я слишком много дней по следу гнался
Через леса, озера, реки, горы,
Чтоб упустить его! Забыл я отдых,
Не помню сна и радости лишился.
И если неудача нас постигнет,
Разрушу я Кашмир до основания.
Чтоб Кумаршена отыскать в руинах!

Джудхаджит

За голову его дадим награду...

Бикромдеб

Когда же наконец его поймают,
Займусь я управлением королевства.
Порядка нет, и все пошло там прахом.
Казна пуста, и голод стал раджою.
Вот отчего я не могу вернуться.
Скрываясь сам, в плену меня он держит.
И каждый миг я жду освобожденья
От ожиданья, что меня терзает.
Мне кажется, что я вот-вот увижу
Его глаза, большие от испуга...
Я броситься решил за ним в погоню,
Как обезумевший джейран, чтоб сразу
Или утратить все, чем я владею,

Или поймать его живым иль мертвым
И разорвать мучительные путы,
Которые всю жизнь мою способны
В страданье обратить.

Входит стражник.

Стражник

Сюда явился
С супругой Чондрошен и очень просит
О встрече.

Бикромдеб

Нас наедине оставьте.
(Стражнику.)

Иди воздай им знаки уваженья,
Пускай войдут.

Все уходят.

Но что теперь мне делать!
Просить о Кумаршене теща станет,
Чтобы ему я даровал прощенье.
А что на это ей сказать могу я?
Мне слезы женские — ужасней пыток!

Входят Чондрошен и Реботи.

Чондрошен

Прими поклон!

Реботи

Пусть дни твои продлятся
Побед и исполнения желаний!

Чондрошен

Мы слышали, что Кумаршен виновен
Перед тобой.

Бикромдеб

Он дерзок был со мною.

Ч ондрошен

Что ждет его, когда он будет схвачен?

Бикромдеб

Он сдастся и вину искупит этим.
Прошу его.

Реботи

Зачем же нужно было
Тебе в такую даль идти с войсками?
Не для того ль, чтоб после всех лишений
Прощенье даровать!

Бикромдеб

К чему нам спорить?
Для каждого раджи всего превыше
Достоинство, и тот, кто носит скипетр,
Не сносит униженья. Смыть обиду
В Кашмир пришел я.

Ч ондрошен

Ты прости Кумара.
Он неразумен, молод. Если хочешь,
Ты можешь наказать его примерно,
Обречь изгнанию и лишить престола,
А жизнь оставь...

Бикромдеб

Я пощажу Кумара.

Реботи

Но для кого тогда мечи и стрелы,
Кому их острия пророчат гибель?
Ты воинов его щадить не станешь,
А самого простишь?

Бикромдеб

Не понимаю,
К чему ты клонишь!

Чондрошен

Рани хочет, чтобы
Ты знал, что у меня просил он войско.
Я отвечал, что Бикромдеб мне дорог,
Я не хотел, чтоб с ним вы воевали.
В досаде он ушел и мне в отместку
В народе смуту сеет. Рани просит,
Чтобы изменник не избегнул кары.
Но с ним не стоит слишком быть суровым.
Он только мальчик глупый, безрассудный.

Бикромдеб

Пускай его найдут. Кумара участь
Решу потом.

Реботи

Народ его скрывает,
Ты обрати деревни в пепелища,
Поля сожги и вытопчи конями,
Когда же всех за горло голод схватит,
Они нам сами выдадут Кумара.

Чондрошен

Довольно, рани! Может, сын мой скажет,
Когда нас осчастливит посещеньем?

Бикромдеб

Я во дворец приеду вслед за вами.

Чондрошен и Реботи уходят.

Ну, женщина! В ней ненависть бушует!
Она б союз со мною заключила,
Но страшно мне в ее глазах увидеть
Своих недобрых мыслей отраженье.
И так же лоб мой бороздят, наверно,
Глубокие и злобные морщины,
А рта углы отягощает скорбно
Невыразимой ненависти бремя.
Возможно, и слова мои подобны
Отточенным, отравленным кинжалам!

Но нет! Когда кого-то ненавижу,
Я затаенной злобы не питаю.
С любовью я сравнил бы это чувство.
Огромное, горящее, как пламя,
Всепоглощающее и слепое.
Я, видно, не родня тебе, Реботи.
О Бикромдеб, пора б тебе окончить
Твой танец жуткий, эту пляску смерти.
Пусть духи зла обратно возвратятся
С неутоленной жаждой разрушенья
И с ненавистью, не нашедшей жертвы.
Потом я говорить смогу, наверно,
Что это был союз скорей случайный.
Змея, которая во мне гнездится,
Скончается от собственного яда...
Но этой женщины лицо я вспомнил —
Ужасное, жестокое и злое!

Входит лазутчик.

Лазутчик

Кумар замечен на пути в Тричуру...

Бикромдеб

Молчи об этом. Я туда отправлюсь
Один, как на охоту.

Лазутчик

Повинуюсь.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

ЛЕС.

Кумаршен лежит на ложе из сухих листьев.
Шумитра сидит рядом.

Кумаршен

Как бесконечна ночь!

Шумитра

Настало утро.

Рассвет окрасил небо. Только в чаше
Еще таятся тени.

К у м а р ш е н

Ты, наверно,
Глаз так и не сомкнула до рассвета?

Ш у м и т р а

Мне чудились какие-то виденья,
То кто-то шелестел сухой листвою,
То чьи-то слышались шаги и шепот,
Казалось, за деревьями толпятся
Незримые враги. Едва забывшись,
От сна ужасного я пробуждалась,
Но видя, как ты дремлешь безмятежно,
На время успокаивалась снова.

К у м а р ш е н

Ты обо мне все время волновалась!
Тревожиться не надо, брат твой счастлив.
Там, знаю, счастья нет, где жил я раньше
Весь век среди суеты и скучных будней.
Здесь я один, придя на берег смерти,
В последний раз вкушаю радость жизни.
Все счастье, все прекрасное, вся радость
И вся любовь меня здесь окружили,
И я сегодня ощущаю полно
Вкус бытия. Вокруг леса густые,
Уступы скал, ревущие потоки
И свод небес... Как это все прекрасно!
Любовь, дождю подобно, орошает
Обширный мир, что подданным покорным
Прильнул к моим ногам. У изголовья
Тебя, исполненную ласки, вижу.
Как будто птица жизни раскрывает,
Готовясь улететь, цветные крылья.
Ты слышишь? Это песня лесоруба,
Он новости принес из королевства.

Входит лесоруб. Он поет.

Песенка лесоруба

О друг мой, ты здесь, средь деревьев раджою царишь.
В гирлянду твою я влетаю лесные цветы,
Пусть слезы мои украшают корону,
А сердце ступенькою ляжет у трона.

К у м а р ш е н
(приподнимаясь)

Какие новости, мой друг?

Л е с о р у б

Плохие.

Вчера Джойшен сжег Нондиграм. Сегодня
Он Пандипур сожжет до основанья.

К у м а р ш е н

О мой народ, и преданный и верный!
Бог наказал беспомощных, невинных,
Как мне спасти их?

Л е с о р у б
(обращаясь к Шумитре)

Мать, я дров принес вам,
Кладу к ногам.

Ш у м и т р а

Желаю долгой жизни.

Лесоруб уходит, входит пасечник.

К у м а р ш е н

Есть новости?

П а с е ч н и к

Назначена награда
За голову твою. Живым иль мертвым
Тебя хотят схватить. Теперь ты должен
Быть начеку и никому не верить.

К у м а р ш е н

Я лучше буду верить и погибну.
Кому не доверять? Вы все — друзья мне
И преданные слуги.

П а с е ч н и к

Мед принес я,
Чтоб матери отдать его покорно.

Ш у м и т р а

К тебе да будут боги благосклонны.

Пасечник уходит, входит охотник.

О х о т н и к

Пусть дни твои продлятся, о владыка!
Я шел на коз охотиться в ущелье
Средь неприступных скал, но перед этим
Решил прийти, чтоб выразить почтение.
А дом мой сжег Джойшен.

К у м а р ш е н

Палач жестокий!

О х о т н и к

Но мы — охотники; где лес и горы,
Бездомными нас сделать невозможно.
Вот, мать, прими простую нашу пищу,
Все, что такой бедняк отдать вам может.
Мне благодарности от вас не нужно,
Желаю только видеть Кумаршена
На троне предков.

К у м а р ш е н

(простирая руки)

Дай тебя обнять мне!

Охотник уходит.

Смотри, восходит солнце и деревья
Все в радостных лучах. К ручью спустившись,
Свершим молитву мы и омовенье.
На тень свою весь день без дела глядя,
Я начал сам себе казаться тенью.

За лесом наш ручей впадает в реку,
В ней отражаются сады Тричуры.
Пусть тень мою уносят эти воды
Туда, где Ила грустно вечерами
Сидит одна, чтоб наши тени рядом
Уплыли в океан. Мечты пустые!
Пора, сестра, за дело. Лес проснулся,
В кустах среди цветов запели птицы.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

ТРИЧУРА. САД ПРИ ДВОРЦЕ.

Бикромдеб и раджа Омору.

Раджа Омору

Все, чем владею я, твое отныне!
Недаром ты раджа среди героев!
Ты дочери моей один достоин!
Даю ее тебе, она лианой
Вокруг тебя пусть будет нежно виться.
Сейчас ее пришлют.

(Уходит.)

Бикромдеб

Какой покой здесь!
Прекрасен сад, на вечный лес похожий,
В густой тени ветвей река струится,
Я и не ведал, что покой быть может
Таким торжественным и величавым,
И полным, и всеильным, словно море.
Мне кажется, что все мои терзанья
В покое этом вечном растворились,
Как глубоки и благодны здесь тени!
Когда-то мы с Шумитрою подобный
Покой в себе носили! Это — в прошлом,
И кто виновен в этом — неизвестно.
Раскаяньем не омрачай мне душу
И не тревожь мне сердце понапрасну!

Быть может, здесь, в углу забытом мира,
Меня ждет новая любовь, и с нею
Я о минувшем счастье позабуду?

Входит Ила со своими подругами.

Что вижу я! Волшебный, нежный образ!
Но почему безмолвствует богиня
И, голову склонив, вдруг побледнела?
Дрожит всем телом? Что ее тревожит?

Ила
(стоя на коленях)

Я слышала, что ты владыка мира
И царь царей. Позволь же мне склониться
С покорной просьбой.

Бикромдеб

Встань! Весь мир не стоит,
Чтобы его касалась ты ногами,
Зачем же опускаться на колени?
Кто может отказать, когда ты просишь?

Ила

Я отдана тебе, ты мой владыка,
Прошу, верни меня обратно мне же.
Оставь меня одну здесь на коленях.
Ты так богат, владеешь королевством,
Землей, дворцами... Есть ли что на свете,
Чем ты не мог бы обладать в избытке?

Бикромдеб

«Чем я не мог бы обладать в избытке?»
Увы, храню в своем я сердце тайну.
Я не имею сказочных сокровищ.
Сокровища сокрыты там глубоко.
Я миром безграничным не владею,
Но если б не имел я королевства,
Владея лишь тобой...

И л а

— Меня возьмешь ты,
Когда отнимешь жизнь. Лань на охоте
Убьют, а уж потом владеют ею.
Убей меня, тогда твоей я стану
Добычей мертвой.

Б и к р о м д е б

— Как ты безразлична,
Как равнодушна ты ко мне, богиня!
Я — королевства покорявший, — ныне
С протянутой рукою умоляю
Твоей любви.

И л а

— Над нею я не властна,
Отдав ее тому, кто был достоин.
И он ушел, забрав любовь с собою.
Я верю, что ко мне он возвратится!
Как много дней прошло! Я провожу их
Здесь, в этой роще, ожидая встречи.
Ведь если он меня здесь не застанет,
Он больше не вернется. Умоляю,
Оставь меня того здесь дожидаться,
Кто дорог мне.

Б и к р о м д е б

— Но я его не знаю,
Мне неизвестно, кто счастливец этот.
К тому же, помни, что любви чрезмерной
Не одобряет бог. Когда-то в прошлом
И я любил, не ведая пределов.
Любил безмерно. Бог тогда, ревнуя
К моей любви, однажды так устроил,
Что я проснулся утром и увидел:
Сосуд любви разбит. Так назови же,
Кого ты ждешь так долго и упорно.

И л а

— Он — Кумаршен. Наследный принц Кашмира.

Бикромдеб
О, Кумаршен!

Ила

Его ты, значит, знаешь?
Нет человека, кто б не знал Кумара
И не любил.

Бикромдеб

Наследный принц Кашмира!

Ила

Он самый. И недаром имя принца
Известно всем. Ты друг его, конечно?
Кумар так благороден, так возвышен!

Бикромдеб

Его удачи солнце закатилось.
Забудь надежды. Загнанным оленем
Стал Кумаршен. Испуганный, бездомный,
Он вынужден скрываться в чаще леса.
Последний нищий и бедняк Кашмира
Его счастливей.

Ила

Что я слышу?! Боги!!

Бикромдеб

Вы, женщины, как за стеной живете,
Молясь любви, а что творится в мире —
Не видно вам. Огромными глазами
Вы смотрите, как в бурном дней потоке
Вдруг тонут люди. Позабудь о принце!

Ила

Скажи мне правду, махарадж. Всю правду!
Я сердце женское тебе открыла,
Теперь ты знаешь, для кого живу я.
Скажи, где Кумаршен мой бесприютный,
В каком лесу по зарослям он бродит?
Я поспешу к нему. Куда идти мне?
Какая приведет к нему дорога?

Б и к р о м д е б

Твой принц — мятежник! Воинам велел я
Поймать его.

И л а

Ему не друг ты, значит?
Кого же мне просить спасти Кумара?
Как можешь ты быть безразличен, если
В лесу скитаться должен принц Кашмира!
Где ж доброта твоя, где состраданье?
Не знала я, что ты в беде, любимый,
Спокойно твоего ждала прихода!
Порой в душе сомненье просыпалось,
Тревога, словно молния, мелькала.
Когда-то все любили Кумаршена,
Но где друзья, когда над ним опасность?
Ты — махарадж, завоеватель мира,
И за него вступиться не желаешь,
Предпочитая в стороне держаться,
Средь войск своих и в ореоле славы!
Скажи ты мне, беспомощной и слабой,
Как за него я жизнь отдать могла бы?

Б и к р о м д е б

Вот — истинно любовь! Тебе желаю,
Чтоб так всю жизнь любила ты Кумара!
Лишь он твоим раджою быть достоин,
Мои ж несправедливы притязанья,
Я счастлив тем, что говорил с тобою.
Зачем пытаться мне к засохшей ветке
Цветы другого дерева приклеить!
Поверь мне, я хочу быть вашим другом.
Пойдем, я отведу тебя к Кумару,
Ему на трон я помогу подняться,
Ты будешь рядом с ним.

И л а

Великодушный,
Ты жизнь вернул мне. Я иду с тобою!

Бикромдеб

Готова будь отправиться в дорогу
К столице княжества.

Ила и подруги уходят.

Как не люблю я
Войну! Но мир еще невыносимей!
Ты, Кумаршен, скиталец неприютный,
Счастливее, чем я. В края какие
Тебя недобрая судьба ни бросит,
Как бога светлый взгляд, всегда с тобою
Ее любовь. Лучи ее сияют,
И их затмить не могут злые тучи,
Что над твоей собрались головою.
А я за призраком каким в погоне
Спешу из края в край, все дни и ночи,
Влача побед тяжелые вериги,
И с сердцем, пламенеющим от злобы!
В нем места нет цветку, который нежно
Уста навстречу солнцу открывает.
О, если бы могла ты слез росой
Смыть пятна крови с рук моих нечистых!

Входит стражник.

Стражник

Здесь брахман ждет, он пожелал увидеть
Зачем-то махараджа.

Бикромдеб

Пусть заходит.

Входит Дебдотто.

Дебдотто

О махарадж! Молю вас о спасенье!

Бикромдеб

Откуда ты? Как рад тебя я видеть!
Мой драгоценный друг, какое счастье!

Д е б д о т т о

Еще бы — «драгоценный»! Не затем ли
Из-под замка меня не выпускали?
Мне повезло, что я сбежал сегодня.
Тюремщиков ко мне не приставляй,
Что стерегут меня, как драгоценность.
Конечно, ты меня как друга ценишь,
Но я еще ведь и наставник-брахман!

Б и к р о м д е б

Как? Неужели был ты в заточенье?
Я ничего не знал.

Д е б д о т т о

Не знал? Еще бы.
Зато об этом ведали два стража,
Что стерегли меня. Когда стихи им
Я начинал читать, они смеялись.
Однажды непогода бушевала,
Под грустный шум дождя щемило сердце.
Я стал читать отрывки из «Мегхдута»,
Но стражников стихов бессмертных строки
Повергли в сон. Тогда тюрьму я проклял
И убежал. Ты мог бы лучших стражей
Найти, чтоб брахмана держать в темнице,
Таких, которые бы понимали
Стихи или ценить умели шастры.

Б и к р о м д е б

Ты претерпел, мой друг, такие муки!
О, как расправлюсь я с тем негодяем,
Который заключил тебя под стражу!
Джойшен во всем виновен!

Д е б д о т т о

Мы вернемся
Позднее к этому. Сейчас нам нужно
Поход закончить и Кашмир покинуть.

Я, махарадж, сказать тебе по правде,
Сейчас лишь понял всю печаль разлуки.
Казалось раньше мне, она приходит
К великим только. Бог любви, однако,
Не знает исключений: все едины —
И раб и властелин.

Бикромдеб

Любви и Смерти
Покорно все, что в мире происходит.
Пока мы не вернемся, ты поможешь
Мне кое в чем. В дремучей чаще леса
Кумар решил укрыться от погони.
Раджа Тричуры точно знает, где он.
Найди его, скажи, что я хотел бы,
Отбросив меч, раскрыть объятия дружбы.
И если, друг мой, рядом с ним найдешь ты
Кого-нибудь еще...

Дебдотто

Я понимаю.
Я мысль о ней ношу с собой повсюду,
Но не хотел речей ненужных тратить.
Она — за гранью слов, слова бессильны.
Подумаю о ней — и сразу вспомню
Прекрасную и преданную Ситу.
Прощаюсь я.

Бикромдеб

Когда весна приходит,
Нам весть о ней приносит южный ветер.
Он по опушке леса пробегает —
Среди травы цветы спешат раскрыться.
Пусть для меня ты будешь южный ветер.
Я верю, возвратятся дни былые,
И с ними счастье прежнее вернется.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

ЛЕС.

Двое слуг Кумаршена.

Первый. Послушай, Мадху, я никак не пойму, что бы мог значить сон, который я видел вчера. Придется пойти в город к гадалею.

Второй. Что за сон? Расскажи мне, я послушаю.

Первый. Мне снилось, будто Вишну, поднявшись из вод, дал мне три больших яблока. Я взял по одному в каждую руку и не мог придумать, куда деть третье.

Второй. Ну и глупец же ты! Нужно было все три завернуть в чадор.

Первый. Хорошо тебе наяву быть умным. Где был ты, когда я видел сон? Слушай же, что было потом. Третье яблоко упало на землю и покатилось, а я побежал за ним следом. Вдруг вижу: под фиговым деревом сидит принц и молится. Яблоко подскочило и прыгнуло ему прямо в руки. И тут я проснулся.

Второй. И этого сна ты не мог понять? Принц станет раджой.

Первый. Я так и подумал. Но что означают те два яблока?

Второй. Что они значат? В твоём саду созреет много баклажанов!

Первый. Нет, брат. По-моему, эти яблоки — знамение того, что у меня будет два сына.

Второй. Послушай-ка, брат, что я расскажу тебе, только не удивляйся. Вчера произошло странное событие. Рамчорон и я сидели на берегу и ели толченый рис. Мы разговорились, и я сказал, что наш Добеджи высчитал, что неблагоприятное время для принца почти миновало, скрываться ему осталось уже недолго. Скоро он станет раджой. Вдруг мне послышалось, как над головой словно кто-то три раза сказал: «Верно! Верно! Верно!» Я посмотрел наверх и вижу: на большом листе пальмы сидит огромная ящерица.

Входит Рамчорон.

Первый. Что нового, Рамчорон?

Рамчорон. О брат, сегодня какой-то брахман бродил по опушке леса, все искал принца. Он старался незаметно выпытать у меня, где он. Но разве я такой глупый? Я отвечал ему уклончиво. После долгих расспросов он так и ушел ни с чем. Я показал ему дорогу на Читол. Если бы он не был брахманом, я не оставил бы его в живых.

Второй. Значит, нужно уходить из этого леса! Они напали на наш след!

Первый. Посиди-ка с нами, брат Рамчорон, поболтаем.

Рамчорон. Вместе с принцем сюда направляется наша госпожа. Поищем, брат, другое место.

Уходят.

Входят Кумаршен и Шумитра.

Кумаршен

Шонкор в плену. Он рисковал собою,
Чтоб разузнать, что делается дома.
Лазутчики врага его схватили
И отвели к Джойшену. Мне сказали,
Что он подвергнут был жестоким пыткам,
Но нас не выдал, и они ни слова
Добиться от Шонкора не сумели.

Шумитра

Шонкор, мой друг! Ты мне остался верен
И отдал жизнь свою за Кумаршена,
Которого любил ты больше жизни.

Кумаршен

Он для меня всегда был лучшим другом,
Моей защитой и опекой с детства.
Совсем старик, с худым, уставшим телом,
Его пытали, я же в это время
Скрывался!

Шумитра

Я надену платье нищей
И во дворце паду Бикрому в ноги,
Чтоб вымолить прощение Шонкору.

Кумаршен

Но выгонят они тебя с позором,
Захлопнут двери и унизят снова
На родине твоей. Мне будет больно,
Когда о том услышу.

Входит лазутчик Кумаршена.

Лазутчик

Прошлой ночью
Сожжен Гидхнут, приказ был дан Джойшеном.
Лишившиеся крова погорельцы
Ушли в леса Мондура.
(Уходит.)

Кумаршен

Не могу я
Терпеть, чтоб многие платили жизнью
За то, чтобы Кумар чуть дольше прожил!

Шумитра

Давай вдвоем с тобой придем к Бикрому!
Хотела б я увидеть, как посмеет
Хоть волоса он твоего коснуться.

Кумаршен

Шонкор мне говорил, что смерть достойней,
Чем сдача в плен и узника оковы.
Чтоб на отцовском троне иноземец
Смел суд вершить! Могу ль снести такое?
Сам выдержать я мог бы что угодно,
Но не бесчестье предков.

Шумитра

Смерть достойней.
Достойней смерть!

К у м а р ш е н

Слова твои прекрасны!

О, повтори, что смерть была б достойней!
Иного мне сказать и не могла ты.
Прилично ль мне, скажи, в лесу скрываться?
Насколько смерть достойней и прекрасней!
Но ты молчишь, потушив взгляд печальный?
Скажи же снова, повтори мне громче,
Что прятаться и смерти опасаться,
Постыдно дни влачить — твой брат не должен.

Ш у м и т р а

Послушай, брат...

К у м а р ш е н

Ведь я же принц Кашмира,
Но там одни развалины дымятся,
Бездомные скитальцы на дорогах,
И горек плач детей осиротевших.
Могу ли жить я?

Ш у м и т р а

Лучше смерть, чем это!

К у м а р ш е н

Тот, кто любил меня и был мне верен,
В жестоких пытках расстаётся с жизнью,
Могу ли, за его спиной скрываясь,
Считать, что я живу?

Ш у м и т р а

Не жить — достойней!

К у м а р ш е н

Твои слова мне придают решимость,
Лишь для тебя я дорожил собою,
Но каждый вздох свой покупать ценою
Последнего дыханья невинных...
Коснись же ног моих и дай мне клятву,
О чем просить я стану, все исполнить,
Как ни было бы трудно.

Шумитра

Обещаю.

Кумаршен

Я умерщвлю себя, рука не дрогнет.
Ты голову мою сама отрежешь
И отнесешь в подарок махарадже.
Скажи ему: «Бикром, ты гость Кашмира,
Мы гостю отказать ни в чем не смеем.
И зная, как об этом ты мечтаешь,
Тебе прислал подарок принц Кашмира».
Чего же ты молчишь и побледнела!
Ты вся дрожишь, сестра. Ну, успокойся!
Ты исполнишь последнее желанье?
Ведь не могу же я такой подарок
Послать с каким-нибудь слугой ничтожным!
Его б живьем кашмирцы разорвали,
Узнав, что он несет.

Шумитра падает в обморок.

Стыдись, Шумитра,

Пусть сердце у тебя как камень станет,
Большое на тебя ложится бремя,
Ты не должна быть слабой, дорогая.
Быть сильным кто-то должен в этом мире,
Чтоб на себе влечь его печали.
Клянись помочь мне.

Шумитра

Я клянусь.

Кумаршен

Тогда ты

Должна быть твердой и не падать духом,
Ты подчини ему слепое сердце.
Кто слаб в душе, сгибается от горя.

Шумитра

Что будет с Илой?

К у м а р ш е н

Я ль ее не знаю!

Она б не оправдала униженья.
Она, звездой в моем сияя небе,
Указывает путь мне к славной смерти.
Пусть все свершится в вечер полнолунья,
Я завтра сброшу пути этой жизни!
В бессмертия наряды облачившись,
Я с Илою соединюсь навечно.
Сегодня же отправим мы посланье
О том, что завтра якобы я сдамся,
Тогда они освободят Шонкора!

с ц е н а д е в я т а я

КАШМИР. ДВОРЕЦ.

Бикромдеб и Чондрошен.

Б и к р о м д е б

Скажи, мой господин, ты недоволен?
Ведь я простил Кумара.

Ч о н д р о ш е н

Ты — возможно!

Но я судить его не отказался.
Он для меня — мятежник и предатель.
Я накажу его.

Б и к р о м д е б

Какую ж кару
Придумал ты?

Ч о н д р о ш е н

На троне он не будет!
Лишу короны!

Б и к р о м д е б

Это невозможно.
Я сам вручу ему Кашмира скипетр!

Чондрошен

Ты так решил? Но по какому праву?

Бикромдеб

По праву победителя.

Чондрошен

Мы другом

Тебя считали, гостю были рады.

Ты никого не побеждал, и скипетр

'Гобою в битве не был завоеван!

Бикромдеб

Да, но Кашмир мне сдался без сраженья,

Не сам ли ты об этом постарался?

Ты скипетр отобрать в сраженье

Попробуй! Но пока им я владею

И дам, кому хочу!

Чондрошен

Но для Кумара

Такой подарок равен оскорбленью!

Он слишком горд. И скипетр он не примет

Как милость от тебя! Любовь он примет

Или насилие (залогом мести),

Но милость отшвырнет с негодованьем!

Бикромдеб

Но как же он, непримиримо гордый,

Решился вдруг отдаться мне на милость!

Чондрошен

Я сам, раджа, об этом размышляю!

Решенье не похоже на Кумара.

Он горд, как лев, а разве лев позволит

Надеть на шею тяжкие оковы?

Он любит жизнь...

Входит стражник,

Стражник

В закрытом паланкине
К дворцовым принц приблизился воротам.

Бикромдеб

Но почему в закрытом?

Чондрошен

Значит, стыдно

Ему свое лицо открыть народу.
В столицу своего отца с позором
Въезжает он. Везде теснятся люди,
Исполнены бесстыдным любопытством,
Спешат взглянуть, какому униженью
Себя подвергнул гордый принц Кашмира.
Из окон смотрят женщины, а с неба
Глядит луна. Сегодня полнолуние.
Вот те же улицы, базары, храмы,
Мосты, сады, деревья, водоемы,
И подданные те же, что недавно
Кричали «слава!» Как в глаза взглянуть им!
О, прикажи, чтоб музыка молчала!
Он праздник наш воспримет, как насмешку,
А факелы, горящие у входа,
Пылающие светочи позора,
Покажутся ему жестокой шуткой,
Улыбкой зла, которое ликует!

Входит Дебдотто.

Дебдотто

Будь славен, махарадж! Леса и чащи
Я обошел, но не нашел Кумара.
Сказали мне, что он надумал сдаться,
И вот я здесь.

Бикромдеб

Для встречи все готово.
Ты коронации свершишь обряды,

А после этого сыграем свадьбу
Его и Илы. В праздник полнолуныя
Пусть радость будет полной!

Входят брахманы города.

Брахманы

Слава! Слава!

Первый брахман

Да будет махарадж владыкой мира,
Пусть царственный твой дом не покидают
Богиня счастья и изобилья!
У нас нет слов благодарить за радость,
Которой нас сегодня наградил ты.
Прими же пожелания успеха!
(Благословляет его.)

Бикромдеб

Я вашими благословлен словами!

рахманы уходят. С трудом опираясь на палку,
входит Шонкор.

Шонкор

(обращаясь к Чондрошену)

Не может быть, я этому не верю!
Возможно ль, чтобы принц тебе мог сдаться,
Решил отдать себя врагу на милость!
Скажи мне, правда ль это?

Чондрошен

К сожаленью.

Шонкор

Любая ложь была бы лучше правды!
Увы, мой принц! Затем ли я, слуга твой,
Все претерпел и выдержал все пытки,
Но, муку поборов, молчал упорно,
Чтоб сам себя ты выдал! Ты с позором
Свершишь свой путь по улицам столицы
К дверям тюрьмы! О славе предков вспомни!

Отец твой, в доблести вершин достигший,
Тобой повергнут ныне в пыль бесчестья.
В сравненье с этим, дом родной — дорога,
Лесная тень — полуденное солнце,
И плоски пики гор остроконечных!
Увы, Кумар, как жаль, что я не умер,
Что должен пережить твой час позора!

Б и к р о м д е б

Поверь, старик. Ты зря плохое ищешь.
Для причитаний горьких нет причины!

Ш о н к о р

Я не затем пришел, раджа, чтоб плакать.
Сегодня тени тех, кто здесь царили,
Толпятся у покинутого трона.
Их лица скорбны, горестны движенья,
И им одним моя печаль понятна.

Б и к р о м д е б

Меня врагом напрасно ты считаешь,
Сегодня я — твой друг!

Ш о н к о р

Меня прощает
Раджа из Джалондора! О, добрейший!
Но лучше казнь, чем милость эта.

Б и к р о м д е б

Жаль мне,
Что я такого друга не имею!

Ш о н к о р

Имеешь, махарадж!

Снаружи доносится шум толпы, звуки музыки, трубят раковины,
Шонкор закрывает лицо руками. Входит стражник.

С т р а ж н и к

Они у самых

Ворот дворца!

Б и к р о м д е б

Пусть музыка играет!

Идемте же, друзья, навстречу принцу,

Приветствовать его!

Музыканты играют, паланкин вносят во двор.

Мой друг, тебя мы...

Из паланкина выходит Шумитра, в руках она держит золотую корзинку. В корзинке отрезанная голова.

Всеобщая тишина.

Шумитра! Ты?

Ч о н д р о ш е н

Что это, дорогая?

Ш у м и т р а

То самое, чем овладеть мечтая,
Ты так спешил через леса и горы,
Забросив управление королевством.
То самое, за что вознаграждение
Твои гонцы повсюду обещали.
Вот то, раджа, к чему ты так стремился.
Здесь голова прекрасного Кумара.
Принц сам послал ее тебе в подарок,
Чтоб гость доволен был. Твое желанье
Исполнено теперь. Пускай же будет
Повсюду мир. И злое пламя ада,
Сжигавшее Кашмир, пускай погаснет.
А ты — будь счастлив.

(Возвышает голос.)

Мать, владыка мира,

Дай умереть у ног твоих!

(Падает и умирает.)

Вбегает И л а.

И л а

Шумитра?

Мой принц, Кумар!

(Падает без чувств.)

Ш о н к о р

(выходит вперед)

О царственный ребенок,
О господин, ты мне дороже жизни!
Ты поступил прекрасно! Кто сумел бы
Так на престол взойти ценою жизни?
Я понял, бог не посылал мне смерти,
Чтоб я увидел в день великой славы
На царственном челе твоём высоком
Бессмертия и вечности печати.
Сейчас ты в дальних, неземных пределах.
Возьми ж меня!

Ч о н д р о ш е н

*(снимает с головы корону и бросает
ее на землю)*

Будь проклята, корона!
Будь проклят, трон!

(Ударяет трон ногой.)

Входит Р е б о т и .

Чудовище, ты смела
Сюда прийти! Чтоб я тебя не видел!
О мать греха!

Р е б о т и

Твой гнев не будет долог!
(Уходит.)

Бикромдеб

(опустившись на колени перед Илой)

Твоей любви я недостоин, знаю,
Но, может, ты со временем простила б?
Как тяжело мне всю жизнь прожить виновным!
Дай хоть намек, надежду на прощенье.
Но ты молчишь, и это приговор мой,
В твоих устах — неумолимость бога.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- Гобиндоманикьо — раджа Трипуры.
Нокхотрорай — младший брат раджи.
Рогхупоти — главный жрец в храме Кали.
Джойшингхо — воспитанник Рогхупоти, юноша
царского рода, служитель в храме.
Чандопал — советник.
Нойонрай — полководец.
Дхрубо — мальчик, воспитанник раджи.
Министр.
Гуноботи — жена раджи.
Опорна — нищая.
Жители Трипуры.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Гуноботи

(к изваянию богини)

В чем я грешна перед тобой? Даруешь
Ребенка ты последней жалкой нищей,
Что от нужды детьми торгует; сеешь
Жизнь в лоно грешницы. Позор заставит
Несчастную свершить детоубийство.
А я, властительница всей Трипуры,
На ложе восседаю золотом,
Сжигается единственным желаньем —
Ребенка ощутить прикосновенье,
Почувствовать биенье новой жизни,
Трепещущей во мне. Пусть эта грудь,
Пусть эти руки и колени станут
Прибежищем для слабой искры жизни!
Откроет сын глаза, и первый луч
Им принесет мое отображенье.
Ребенка бессловесные уста
Лишь для меня впервые улыбнутся
От беспричинной радости. О Дурга!
Поведай, за какой же грех меня
Лишила ты восторгов материнства?

Входит Рогхупоти.

О господин! Всегда я почитала
Богиню, и ни помыслом, ни словом
Не виновата перед ней! Мой муж,
Как божество, безгрешен. Так за что же
Богиня сделала меня бесплодной?

Р о г х у п о т и

Пути богини неисповедимы.
Дочь камня своевластна — наши судьбы
В ее руках! Но ты будь терпелива!
Богиня от тебя получит жертву
И сменит гнев на милость.

Г у н о б о т и

В этот раз
Сама я в жертву выберу животных.
Я поклялась, что, если Махамайя
Дарует мне ребенка, каждый год
Я буду приносить богине в дар
Сто буйволов отборных и три сотни
Козлят.

Р о г х у п о т и

Идем, настало время службы.

Оба выходят.

Входят Г о б и н д о м а н и к ъ о, О п о р н а и Д ж о й ш и н г х о.

Д ж о й ш и н г х о

Жду приказаний, махарадж.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Я слышал,
Что отнял ты любимого козленка
У бедной девушки, чтоб принести
Богине в жертву. Разве примет Мать
Дар этот благосклонно?

Д ж о й ш и н г х о

Махарадж,
Но как могу я знать, откуда слуги
Приводят коз для жертвоприношений?

Ты, девушка, не плачь. Пристало ль плакать
О том, кого взяла сама богиня,
Мать всей вселенной?

О п о р н а

Мать вселенной? Нет!

Козленок мой ее не признает.
Он матери не знал. Когда порою
Опаздывала я, травы не трогал
И звал меня, глаз не сводя с тропы.
Я с ним и подаяние делила,
Сама была я матерью ему.

Д ж о й ш и н г х о

Когда б я мог спасти козленку жизнь,
Отдав полжизни, я не колебался б.
Но Мать взяла его — в моих ли силах
Козленка возвратить?

О п о р н а

Зачем ты лжешь?

Его взяла не Мать, а кровопийца!

Д ж о й ш и н г х о

Опомнись! Что ты!

О п о р н а

Мать, ты отняла

Последнее сокровище у нищей.
Я слышала, что, если царь крадет,
Есть и над ним суд неба справедливый.
Но если ты украла, кто тогда
Тебя осудит? Махарадж, скажи.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Что я скажу, дитя? Кто объяснит мне,
К чему вся эта кровь, все эти муки?

О п о р н а

Я вижу на ступенях пятна крови.
То не твоя ли кровь? О мой малыш!

О горе мне, ты звал меня, тоскуя,
Испуганно искал меня глазами,
Тревожно сердце билось. Почему
Душа моя к тебе не полетела?

Д ж о й ш и н г х о
(к изваянью)

С рождения тебе я поклоняюсь
И не могу постичь! Сердца людей
От жалости рыдают. Неужели
Неведомо богине состраданье?

О п о р н а

Ты не жесток — от горя моего
Глаза твои наполнились слезами.
Так брось скорее храм. Прости меня —
Ведь я тебя напрасно обвинила.

Д ж о й ш и н г х о
(к изваянью)

О Гириондини, сегодня в храме
Мелодия иная прозвучала,
Печальная и нежная. И сердце
Неведомою болью смущено.

(К Опорне.)

Красавица, куда же я пойду
Из храма? Где найду себе приют?

Г о б и н д о м а н и к ъ о
(в сторону)

Там, где любовь.

Д ж о й ш и н г х о

Там, где любовь? Подруга,
Войди в мой дом. Поклялся я, что буду
Служить тебе, как Матери самой.

Оба выходят,

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЗАЛ СОВЕТА.

Входят придворные, раджа, Рогхупоти
и Нокхотрорай.

Все

Будь славен, махарадж!

Рогхупоти

Я ко двору

Пришел просить животных для богини.

Гобиндоманикьо

Кровавых жертв не будет больше в храме.

Они запрещены.

Нокхотрорай

Запрещены?

Министр

Что слышу я?

Нокхотрорай

Ты запрещаешь жертвы?

Рогхупоти

Не сон ли снится мне?

Гобиндоманикьо

О нет, не сон.

Доныне спали мы, теперь проснулись.

Богиня, образ девушки приняв,

Явилась предо мною и сказала,

Что не выносит крови.

Рогхупоти

До сих пор

Она ее спокойно выносила

И упивалась кровью сотни лет.

Откуда вдруг такое отвращенье?

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Не упивалась — отвращала лик,
Когда вы кровь пред нею проливали.

Р о г х у п о т и

Как следует подумай, махарадж.
Законы шастр и трону не подвластны.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Важней всех шастр веление богини.

Р о г х у п о т и

Высокомерье вкупе с заблуждением!
Так почему же, темный человек,
Лишь ты слышал веление богини,
А я не слышал?

Н о к х о т р о р а й

Правда, почему?
Как странно! Мог ли жрец его не слышать?

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Веления богини постоянно
Звучат над миром. Только тот, кто глух,
Не внемлет им.

Р о г х у п о т и

Безбожник, богохульник.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Учитель, время дорого. Вернись
К своим обрядам в храме. По пути
Всем возвещай, что каждый, кто в Трипуре
Убьет живую тварь под видом жертвы
Дарительнице жизни, будет изгнан.

Р о г х у п о т и

Решенье окончательное?

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Да.

Р о г х у п о т и

(вставая)

Так будь ты проклят!

Ч а н д о п а л

(вбегая)

Что ты говоришь!

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Сядь, Чандопал. Ты ж продолжай, учитель,
И, душу облегчив, вернись к делам.

Р о г х у п о т и

Ты думаешь, трипурская богиня
Твоя раба и ты распространишь
И на нее свои приказы? Хочешь
Лишить богиню жертв? Не в состоянье
Ты сделать это — я ее слуга.

(Уходит.)

Н о й о н р а й

Прости раба за дерзость, повелитель,
Но по какому праву запретил
Ты жертвы?

Ч а н д о п а л

Успокойся, полководец.

М и н и с т р

О махарадж! Твое решение твердо?
И не отступишь ты?

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Довольно слов.

Грех убивать живые существа.

М и н и с т р

Как может грех существовать так долго?
Обычай древний, живший сотни лет
И одряхлевший подле ног богини,
Не может быть грехом.

Раджа в задумчивости, не отвечает.

Н о к х о т р о р а й

Ты прав, министр,
Какой тут грех?

М и н и с т р

Недаром наши предки
Обычай древний свято соблюдали.
Не забывай: пренебрегая им,
Ты оскорбляешь предков.

Н о й о н р а й

Махарадж,
Подумай, ты не вправе уничтожить
Обычай, что века был освящен
Благословением.

Г о б и н д о м а н и к ь о
(со вздохом)

Оставьте споры.
Ступай, министр, и возвести указ —
Отныне жертв не будет!
(Уходит.)

М и н и с т р

Что такое?!

Н о к х о т р о р а й

Ты прав, приказ ужасен. Слышал я,
В бирманских храмах в жертву не приносят
Животных. Значит, больше не осталось
Различия меж Индией и Бирмой?
Что ты на это скажешь, Чандопал?

Ч а н д о п а л

Я маленький, ничтожный человек,
Мой разум слаб, и я, не рассуждая,
Исполню повеление раджи.

С Ц Е Н А Т Р Е Т Ъ Я

ХРАМ.

Д ж о й ш и н г х о

О Мать, здесь только ты и я. И в храме
Нет никого весь день. Весь долгий день!
Лишь изредка почувдится мне зов...
С тобою я, и все ж мне одиноко!

За сценой песня:

Я в этом мире совсем одна —
Кто скажет, куда я идти должна?

Д ж о й ш и н г х о

О чудо! Голос смертного в богине
Жизнь пробудил? Безмолвной, неподвижной
Была ты и очнулась, словно мать,
Разбуженная голосом ребенка.

Напевая, входит О п о р н а.

Я в этом мире совсем одна —
Кто скажет, куда я идти должна?
Иди, не страшись,
По зову души,
Как одиноко летит пчела,
Запахом сладким привлечена.

Д ж о й ш и н г х о

Совсем одна? А если южный ветер
Утихнет вскоре? Если аромат
Не слышен будет? Если вдруг сомненья
Тобою овладеют, что тогда?

Утратишь счастье, потеряешь путь.
Ты знаешь ли, Опорна, что такое
Быть одиноким?

О п о р н а

Знаю. Если сердце
Твое готово подарить себя,
Но некому принять твой дар.

Д ж о й ш и н г х о

Так бог
Был одинок до сотворенья мира.
Да, ты права! И жизнь моя пуста,
Бессмысленно длинна и бесполезна.

О п о р н а

Джойшингхо, ты, я вижу, одинок
И потому беднее самых нищих.
Мне кажется, ты ищешь человека,
Который мог бы взять тебя всего,
И, бедный, бродишь у чужих дверей.
Я нищенка, живу на подаянье,
Ах, сколько я людей перевидала,
И все меня считают только нищей,
Бросают с мимолетным состраданьем
Подачку. Есть ли в мире доброта,
Что нищеты моей мне не напомнит?
Тот подлинный даритель, кто себя
Приносит бедным в дар, к земле склоняясь,
Как туча с неба, благостным дождем
Пролившись на бесплодную пустыню.
Богиня облик милой принимает,
Сходя на землю. Бог и человек,
Дающий и бедняк тогда равны.

Д ж о й ш и н г х о

Идет наставник мой.

Опорна

Я лучше скроюсь.
Я брахмана боюсь. Ведь у него
Такой тяжелый и колючий взгляд.
Суровый лоб его напоминает
О каменных ступенях храма Кали.

Опорна уходит.

Д ж о й ш и н г х о

Суров он, как создатель. И тверда
Его суровость, словно твердь земная.

Входит Рогхупоти.

(Поднося воду для омовения ног.)

Учитель!

Р о г х у п о т и

Убирайся!

Д ж о й ш и н г х о

Я принес

Воды.

Р о г х у п о т и

Оставь ее!

Д ж о й ш и н г х о

А вот скамья.

Р о г х у п о т и

Кому нужна скамья?

Д ж о й ш и н г х о

В чем виноват я?

Р о г х у п о т и

Да кто винит тебя? Жестокий век
Настал. Раджа, как Раху, грубой силой
Брахманство подавить стремится. Трон
Подняться хочет выше алтаря.
О, горе вам, повергнутые боги!

Ужель вы, как придворные льстецы,
Согнете шею перед царским троном?
Четверорукая, ты безучастна?
Ужель опять небесная обитель
В руках злых демонов, а божества
В аду? И только демоны и люди
Надменно управляют всей вселенной?
Пусть нет богов, но брахманы на месте,
И в пламени их праведного гнева
Трон обратится в пепел.

(Подойдя к Джойшингхо, с нежностью.)

О дитя,
Я был с тобою груб. Возмущена
Моя душа.

Д ж о й ш и н г х о
Учитель, что случилось?

Р о г х у п о т и
Спроси у обесславленной богини.
Я сам тебе не в силах рассказать.

Д ж о й ш и н г х о
Кто оскорбил богиню?

Р о г х у п о т и
Махарадж.

Д ж о й ш и н г х о
Не может быть. Он оскорбил богиню?

Р о г х у п о т и
Тебя, меня, все шастры, всю страну,
Все времена, владительницу всех
Времен и стран — богиню Кали. Да,
Ничтожный царь всех оскорбил!

Д ж о й ш и н г х о

Гобиндо?

Р о г х у п о т и

Да, да, раджа Гобиндо. Твой кумир
И бог твоей души. Неблагодарный!
Я с малых лет воспитывал тебя
С такой любовью и заботой. Что ж,
Я вижу, что в душе твоей Гобиндо
Уж вытеснил меня.

Д ж о й ш и н г х о

О господин,
Луною очарованный ребенок,
Сидящий на коленях у отца,
Протягивает руки к небу. Ты,
Учитель, мой отец. Раджа Гобиндо —
Как полная луна. Так это правда?
Он запрещает жертвоприношенья?
Кто ж подчинится этому указу?

Р о г х у п о т и

А кто не подчинится, будет изгнан.

Д ж о й ш и н г х о

Что из того? Изгнание из страны,
Где Мать в пренебреженье, не изгнание.
Я буду ей служить, пока я жив.

С Ц Е Н А Ч Е Т В Е Р Т А Я

ЖЕНСКАЯ ПОЛОВИНА ВО ДВОРЦЕ.

Г у н о б о т и и с л у ж а н к а.

Г у н о б о т и

Ты говоришь, что жертвоприношенья
Мои возвращены. Должно быть, много
Голов у дерзкого, кто их отверг.
Кто он, несчастный?

С л у ж а н к а

Я сказать не смею.

Г у н о б о т и

Не смеешь? Но сказать об этом мне
Осмелилась? Кого же ты боишься
Сильней меня?

С л у ж а н к а

О пощади!

Г у н о б о т и

Вчера лишь

Была я рани, и льстецы у трона
Мне пели дифирамбы, а жрецы
Благословляли. Слуги и служанки
Покорно исполняли приказанья.
Но в ночь одну все изменилось вдруг.
Осталась Мать без жертв, а имя рани
Оскорблено. Иль, может быть, Трипура —
Лишь царство снов? Зови скорей жреца!

Служанка выходит.

Входит Г о б и н д о м а н и к ь о.

Г у н о б о т и

Ты слышал, махарадж? Вернули жертвы
Мои из храма Матери.

Г о б и н д о м а н и к ь о

Я знаю!

Г у н о б о т и

Ты знал и все ж бесчестье совершить
Позволил оскорбителю царицы.

Г о б и н д о м а н и к ь о

Прости его, любимая.

Г у н о б о т и

Я знаю,

Ты воплощенье доброты, но здесь
Ты проявил не доброту, а трусость.

Мягкосердечие рождает слабость,
И если ты не в силах наказать,
Я накажу сама. Скажи мне, кто он?

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Любимая, преступник — я. Вина
Моя лишь в том, что я тебя печалю.

Г у н о б о т и

Что говоришь ты, махарадж?

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Отныне

Запрещено в Трипуре убивать
Во славу Матери.

Г у н о б о т и

Но кем, скажи,

Запрещено?

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Богиней.

Г у н о б о т и

Кто же слышал

Запрет ее?

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Я сам.

Г у н о б о т и

Ты сам? Смешно

Твои слова мне слышать, махарадж.
С прошением властительница мира
Пришла к радже?

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Прошу тебя, не смейся.

Сама богиня к сыну своему
Пришла с сердечной болью, не с прошением.

Г у н о б о т и

Запомни, махарадж, ты повелитель
Вне храма. Но зачем ты издаешь
Приказы там, где ты не властен?

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Это

Не мой приказ, веление богини.

Г у н о б о т и

Как ты узнал ее веленье?

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Слушай.

При тусклом свете лампы по углам
Всегда таятся тьма. Свет может всё,
Не может лишь избавиться от тени.
Вот так и человека ум подобен
Светильнику. Чем ярче светит он,
Тем гуще тень сомнений. Но когда
С небес нисходит истина, мгновенно
Сомненья исчезают. И в душе
И тени нет сомнений у меня.

Г у н о б о т и

Я слышала, что грех и добродетель
По-разному толкуют люди. Можешь
Остаться при своем, но не мешай
Мне жертвы приносить моей богине.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

О рани, я нарушить не могу
Веленье Матери!

Г у н о б о т и

А как же я?

Я связана обетом и, как шастры
Предписывают, буду чтить ее.
Оставь меня теперь.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Я повинуюсь.
(Уходит.)

Входит Р о г х у п о т и .

Г у н о б о т и

О жрец, предложенные мною жертвы
Отвергнуты.

Р о г х у п о т и

Великая царица,
Отвергнуты они не как твой дар,
А потому, что этот дар — богине!
Дар нищего не хуже твоего.
Беда лишь в том, что Мать его лишилась,
Что царская гордыня преступила
Границы светской власти. Путь к богине
Закрит, и почитателей ее
Ждет царская немилость.

Г у н о б о т и

Что же будет?

Р о г х у п о т и

Одна богиня ведает об этом.
Я знаю лишь — упала трона тень
На храм ее. При первом дуновенье
Тщеславье трона лопнет, как пузырь.
Его величье царственные предки
Веками поднимали до небес.
Теперь испепелит его огонь,
Расколет гром, развеют ураганы!

Г у н о б о т и

Спаси меня, учитель!

Р о г х у п о т и
(смеется)

Что ты? Мне ли
Спасать тебя, царицу? Твой супруг,
Простерший власть на смертных и богов,
Сам должен быть для брахманов защитой.
Да будь я проклят сотни тысяч раз!
Позор жрецам! Нет силы в их проклятье,
И вот, как перед смертью скорпион,
Себя мы жалим в грудь с бессильной злобой!
К чему теперь вся эта мишура!
(Хочет сорвать с себя священный шнур.)

Г у н о б о т и

Учитель, что ты! Сжался над невинной!

Р о г х у п о т и

Верни жрецам права их!

Г у н о б о т и

Обещаю.

Иди в свой храм, служению богине
Никто не помешает.

Р о г х у п о т и

Повинуюсь
Приказу твоему, царица! Лик
Богини просиял от слов твоих.
Брахманство силу обрело. Святой
Пребудешь ты до дней последних мира!
(Уходит.)

Возвращается Г о б и н д о м а н и к ъ о.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Любимой опечалено лицо —
И на земле померкли свет и счастье.
Вернулся я, охваченный тревогой.

Г у н о б о т и

Уйди, уйди, не заходи сюда,
Проклятье на тебе!

Г о б и н д о м а н и к ъ о

О дорогая!

Проклятье разрушается любовью,
А доброта уносит беды. Если ж
Жена разлюбит мужа, то проклятье
Падет на дом его. Я ухожу.

Г у н о б о т и

Уйди, тебя я видеть не могу!

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Когда меня ты вспомнишь, я вернусь.
(Идет к выходу.)

Г у н о б о т и

(бросается к его ногам)

Прости меня, мой господин. Ужели
Ты так ожесточился, что оставишь
Обиженную женщину? Любимый,
Под маской гнева ты не разглядел
Несчастную любовь? Моя же гордость
Меня унизила. Прости меня!

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Мгновенно порвались бы узы жизни,
Когда б я веру потерял в тебя.
Но знаю я, что тучи мимолетны,
А солнце вечно.

Г у н о б о т и

Тучи мимолетны,
Гроза судьбы не разразится. Снова,
Обычай древний к жизни пробуждая,
Над миром солнце вечное взойдет.
Все люди успокоятся, забудут
Ночной кошмар! Ты только прикажи!

Брахманство обретет свои права,
Богиня — почитанье, а раджа
Вернется к государственным делам.

Г о б и н д о м а н и к ь о

И брахман святотатствовать не вправе.
Кровь тварей беззащитных и служенье
Богине не одно и то же. Долг
Жреца, раджи равно повиноваться
Ее велению.

Г у н о б о т и

Сжался, господин,
К ногам твоим смиренно припадаю!
Обычай древний, словно вольный ветер,
Не достойные раджи, и все же
Тебя жена покорно умоляет
От имени народа. Заклинаю
Тебя любовью. Нарушенье долга,
Внушенное любовью, не осудит
И сам создатель.

Г о б и н д о м а н и к ь о

Что ты говоришь?

Один борюсь я с тысячью врагов,
С невежеством слепым, с корыстью низкой,
С жестоким властолюбьем, с кровожадным
Обычаем. Усталый прихожу
Домой, чтобы испить нектар любви,
И там мне нет отрады. Неужели
Поток любви прозрачный замутила
Кровавая струя? Какой же демон
Дал ей рожденье? Запятнала кровь
Любовь и веру, в нежном женском сердце
Жестокости кровавая печать!
Могу ль я быть спокоен!

Г у н о б о т и

(закрывая лицо)

Уходи!

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Увы, о рани, как мне тяжек долг,
Когда ты отвращаешь лик!

(Уходит.)

Г у н о б о т и

Ужели,

Несчастливая, ты только заблуждалась?
Могла ль ты думать, что мольбы, и слезы,
И гнев — все будет бесполезно? Нет
Над мужем власти у жены бездетной!
Будь проклята судьба моя! К чему
Мне гордость и величие царицы!
Конец игре в любовь, иссякли слезы!
Теперь свое я знаю в жизни место —
Иль голову склоню я до земли,
Иль распрямлюсь, как грозная змея!

С Ц Е П А П Я Т Я

ХРАМ.

Входит группа людей.

Не п а л. Где же ваши три сотни козлов да сто один буйвол? Не видно даже оторванного хвоста ящерицы! Где музыка, все словно вымерло! Потратился, чтобы приехать сюда и посмотреть на праздник в честь богини, и вот как за это наказан!

Г о н е ш. Смотри не говори так перед храмом. Мать не получила жертв, она может пробудиться и поглотит вас одного за другим.

Х а р у. А где вы были в прошлом году? А в тот год, когда рани, исполняя свой обет, принесла богине жертвы, вам что, колючки впились в ноги и вы не могли прийти? Тогда река Гомти была красной от крови. Вы приносите с собой несчастье — стоило вам прийти, и Мать осталась без пищи. Схватить бы вас да принести в жертву Матери, вот было бы хорошо!

К а н у. Ты напрасно сердисься, приятель! Разве от нас что-нибудь зависит?

Хару. Ты прав, друг, я действительно легко выхожу из себя! Как-то раз кто-то назвал меня негодяем, но если бы он сказал еще хоть слово или поднял на меня руку, клянусь Матерью, я бы...

Непал. А ну давай померяемся силой!

Хару. А ты знаешь, что здешний главный начальник стражи — мой двоюродный брат?

Непал. Давай его сюда и дядю в придачу, я быстро с ними расправлюсь.

Хару. Вы все слышали?

Гонеш, Кану. Перестаньте, пошли домой! Сегодня ни к чему больше не лежит душа. Бросьте ваши шутки!

Хару. Хороши шутки! Смеяться над дядей? Над отцом самого начальника здешней стражи?

Гонеш, Кану. Замолчи! Пропади ты пропадом вместе с ним... (*Уходят.*)

Входят Рогхупоти, Нойонрай и Джойшингхо.

Рогхупоти

Ты Мать не считаешь?

Нойонрай

Кто же вправе
Сказать такое? Весь мой род ей предан.

Рогхупоти

Похвально! Преданный слуга богини,
Ты наш союзник.

Нойонрай

Господин, я раб
Всех, кто богине предан.

Рогхупоти

Хорошо!

Пусть верность нерушимая твоя
Придаст твоей руке непобедимость,
Отгочит меч твой. Пусть его удар
Разит как молния! В твоей душе
Пусть станет верность Матери превыше
Повиновенья власти.

Н о й о н р а й
Не напрасно
Благословение жреца.

Р о г х у п о т и
Так слушай.
Ты, полководец, соберешь войска
Во имя Матери, чтоб уничтожить
Ее врага!

Н о й о н р а й
Я повинуюсь! Кто же
Враг Матери?

Р о г х у п о т и
Гобиндо.

Н о й о н р а й
Махарадж?

Р о г х у п о т и
Ты должен бросить на него войска!

Н о й о н р а й
Что за совет коварный! Господин,
Ты хочешь испытать меня?

Р о г х у п о т и
Ты прав.
Испытываю я, чтоб стало ясно,
Кому ты служишь! Но сейчас не время
Раздумывать и сомневаться. Слышишь,
Веление богини прозвучало,
Как голос смерти, — порвались сегодня
Все узы.

Н о й о н р а й
Нет раздумий, нет сомнений.
Не изменю велению богини.

Р о г х у п о т и
Ты молодец.

Н о й о н р а й

Так неужели я
Презренной всех служителей ее,
Что выпал мне такой приказ? Я стану
Предателем? Но нерушимой верой
Была сильна от века Мать вселенной.
И если Мать сама повелевает
Разрушить пьедестал свой, махарадж
Погибнет нынче, а богиня завтра, —
И рухнет мир, как здание на песке!

Д ж о й ш и н г х о

Благословенна речь твоя, о воин!

Р о г х у п о т и

Да, да, благословенна. Но не прав
Ты все же. О каких же узах веры
Ты говоришь, когда раджа предатель?

Н о й о н р а й

К чему пустые споры? Не поддамся
Хитросплетениям ума. Я знаю
Один лишь путь — путь верности! С пути
Прямого не сойдет слуга смиренный,
Невежественный воин Нойонрай!

(Уходит.)

Д ж о й ш и н г х о

О чем задумался, учитель? Станем
Мы действовать с такой же силой веры.
Чего страшишься ты? Что может сделать
Оружие? Но каждому дано
Довольно сил, чтоб хорошо исполнить
Свое призванье. Если мы, учитель,
Действительно служители богини,
Мы будем ей служить. Пойдем же к ней!
Ударим в барабаны, созовем
Народ и распахнем ворота храма!

Входите же, входите все. Сейчас
Начнется служба — смело заходите!
Вы — дети Матери! Входите в храм!

Входят горожане.

Окрур. Войдем!
Все. Слава Матери!

Хару. Войдем и, воздев руки, начнем танец перед
изображением Матери!

Песня

Страшен богини воинственный танец!
В грохоте грома и молний блистанье
Мрачен божественный лик,
Пламенем вьется кровавый язык!
Гибнет в огне мотыльков неразумная стая,
Небо затмили богини черные пряди,
Солнце взывает из тьмы о пощаде!
Смуглое тело омыто потоками жертвенной крови,
В страхе трепещут миры, если Кали нахмурила брови.

Все. Слава Матери!

Гонеш. Теперь бояться нечего.

Кану. А куда девались пришельцы с юга?

Гонеш. Их ослепил блеск величия Матери, и они поспешили убраться.

Хару. Здесь дело не только в величии Матери, я так их отчитал, что они больше здесь не появятся. Понимаешь, брат Окрур, стоило мне только упомянуть о своем двоюродном брате — начальнике стражи, как их лица стали белыми, как мел.

Окрур. Наш Нитай поставил их на место. Один из них, тот, что с плутоватым лицом, хотел было ему ответить, но наш Нитай сказал: «Ах вы, сосунки! У вас еще молоко на губах не обсохло, а вы пытаетесь спорить». Мы чуть не умерли со смеху!

Гонеш. Он неплохой парень, но куда ему тягаться с Нитаем!

Хару. Нитай — мой дядя по отцу.

Кану. Послушайте только, что он говорит! С каких это пор Нитай стал твоим дядей?

Хару. Ну чего вы придираетесь к каждому моему слову? Хорошо, не дядя, так не дядя! Тебе-то какая от этого выгода? Ты ведь не станешь его племянником оттого, что он не мой дядя!

Входят Рогхупоти и Джойшингхо.

Рогхупоти. Я слышал, приближаются войска. Джойшингхо, ты возьми оружие и стой здесь. А вы подойдите и стойте тут. Дверь храма надо запереть. Я принесу для них оружие.

Гонеш. Зачем оружие, учитель?

Рогхупоти. Приближаются войска раджи, чтобы помешать служению богине.

Хару. Войска? Господин, тогда мы уходим.

Кану. Нас так мало. Что мы сможем сделать, если придут войска?

Хару. Сделать-то мы можем все, что угодно, но если сюда войдут войска, здесь будет так тесно, что нигде будет стать, а не то что сражаться.

Окру. Замолчи. Не видишь, жрец весь дрожит от гнева. Если он разрешит, мы сходим за своими товарищами.

Хару. Правильно! Я тотчас же приведу своего двоюродного брата, но нельзя медлить ни минуты...

Все направляются к выходу.

Рогхупоти (*в гневе*). Стойте!

Джойшингхо
(*сложив руки*)

Учитель, пусть идут. Смертельный ужас
Рассудка их лишил. Я защищу
Богиню. Сила тысячи солдат
В моих руках. Нам ни к чему оружие!

Рогхупоти
(*про себя*)

Увы, увы, прошли те времена.
Оружье нужно нам, не только вера.
(*Вслух.*)

Джойшингхо, приведи сюда животных.

Снаружи слышна музыка.

Д ж о й ш и н г х о

Учитель, это не войска, сюда
Царицы слуги дар ее несут.

Входят слуги Гуноботи и горожане.

Все. Бояться нечего — какие там войска. Несут дары
для Матери.

Хару. Солдаты узнали, что мы здесь, и теперь не
скоро здесь появятся.

Кану. Отец, рани прислала жертвы.

Рогхупоти (*обращаясь к Джойшингхо*). Готовься
к жертвоприношенью.

Джойшингхо уходит.

Горожане поют и танцуют.

Входит Гобиндоманикьо.

Г о б и н д о м а н и к њ о

Пусть все уходят. Уберите жертвы!
Рогхупоти, ты мой приказ не слышал?

Р о г х у п о т и

Нет.

Г о б и н д о м а н и к њ о

В царстве нет тебе отныне места.

Р о г х у п о т и

В обители моей и царский жезл
Из рук раджи бессильно выпадает,
Летит корона в пыль. Эй, кто там есть,
Несите жертвы Матери!

Г о б и н д о м а н и к њ о

Молчи!

(*Слуге.*)

Где полководец? Позови его.
Рогхупоти, увы, я принужден
Войсками окружить богиню. Стыдно,
Что власть заставили прибегнуть к силе.
Насилье — признак слабости ее.

Рогхупоти

Безбожник! Ты действительно решил,
Что наступил час гибели брахманства,
И потому так дерзок? Но огонь,
Пылающий во мне, охватит трон.
Иначе в том огне сожгу я шастры,
Брахманства гордость, лживый сонм богов.
Ты вспомнишь этот день, о махарадж!

Входят Нойонрай и Чандопал.

Гобиндоманикьо

(Нойонкраю)

Твои войска должны не допустить
Кровавых жертв.

Нойонрай

Прости, о махарадж,
Презренного раба. Слуга царя
Бессилен в храме. Где сияет свет
Могущества раджи, туда лишь можем
Мы тенью следовать за ним.

Чандопал

Неправда!

На месте остается только пламя,
А свет летит вперед. По царской воле
Пойдем, куда угодно!

Гобиндоманикьо

Полководец

Не волен обсуждать мои приказы.
Я сам решаю, где добро и зло,
А твой удел — повиноваться.

Нойонрай

Сердце

Не принимает слов твоих. Я раб
И все же человек с умом и верой.
Есть царь, но существует и богиня.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Тогда оставь оружие. Чандопал,
Ты будешь полководцем! Совместить
Ты должен оба дела. Осторожно
Расставь войска у храма.

Ч а н д о п а л

Махарадж,
Я повинуюсь.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Ты, Нойон, отдай
Оружье Чандопалу.

Н о й о н р а й

Ч а н д о п а л у ?

О махарадж, когда-то этот меч
Твой дед дал деду моему. Ты хочешь
Забрать его назад? Возьми. О предки,
На небо вознесенные, беру вас
В свидетели, что преданность царю,
Хранимую, как жертвенное пламя,
Сегодня незапятнанной вернул я
Тому, кому она принадлежит.

Ч а н д о п а л

Брат, выслушай меня.

Н о й о н р а й

Поди ты прочь!
Прощай же, махарадж.
(С поклоном выходит.)

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Не подобает
Царю быть снисходительным. Увы,
Как жалок человек, как тяжко бремя,
Возложенное на него богами.

Рогхупоти

Сбывается проклятие мое —
Остался ты без преданных сердец,
И почва из-под ног твоих уходит.

Входит Джойшингхо,

Джойшингхо

Готово все для жертвоприношений.

Гобиндоманькио

Кому же эти жертвы?

Джойшингхо

Махарадж,
Ты здесь? Прошу я выслушать меня.
К ногам твоим смиренно припадаю.
О повелитель, отмени приказ
Надменный свой. Ты только человек,
Не ставь себя над Матерью.

Рогхупоти

Позор!

Джойшингхо, встань! У чьих ты ног склонился!
Твое единственное место здесь,
У ног моих. Безумный, обернись,
Проси прощения, припав к коленям
Учителя. По царскому приказу
Мы службу совершим, и жертв не будет.
Посмотрим же, насколько долговечна
Гордыня царская. Идем, Джойшингхо.

Оба уходят.

Гобиндоманикьо

Куда исчезла скромность в этом мире?
Великая богиня, даже тот,
Кто пред тобою падал ниц, не знает,
Как жалок он. Безмерное тщеславье —
Присваивать величие твое.

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ХРАМ.

Рогхупоти, Джойшингхо, Нокхотрорай.

Нокхотрорай

Зачем ты звал меня, учитель?

Рогхупоти

Ночью

Богиня мне поведала во сне,
Что станешь ты раджой.

Нокхотрорай
(смеется)

Раджой я стану?

Рогхупоти

Да, да, раджой.

Нокхотрорай

— Не верится мне что-то...

Рогхупоти

Правдивы сны, внушенные богиней.
Уверен я — тебя ждет трон.

Нокхотрорай

Уверен?

А если сон не сбудется?

Рогхупоти

Не веришь

Моим словам?

Нокхотрорай

Да нет, тебе я верю,
Но вдруг твой сон не сбудется случайно?

Рогхупоти

Не сомневайся.

Нокхотрорай

Так не сомневаться?
Смотри, учитель, пусть все так и будет.
Я прогоню министра, став раджой —
Он глаз с меня не сводит, словно он
Суровый прадед мой. Его боюсь я.
Я сделаю тебя министром, хочешь?

Рогхупоти

К чему мне пост министра?

Нокхотрорай

Хорошо,
Министра пост займет Джойшингхо. Только
Скажи мне, если знаешь ты, когда
Раджой я стану?

Рогхупоти

Крови ждет богиня.
Сначала принеси ей царской крови,
Потом раджой ты станешь.

Нокхотрорай

Где же кровь
Достану я?

Рогхупоти

На это есть Гобиндо.
Богине кровь его нужна.

Нокхотрорай

Гобиндо?

Рогхупоти
(к Джойшингхо)

Джойшингхо, успокойся, не волнуйся.
(Нокхотрораю.)

Ты понял, Нокхотро? — Ты должен тайно
Убить раджу и теплой царской крови
Богине принести.

(К Джойшингхо.)

Джойшингхо, если
Не можешь ты держать себя в руках,
То уходи скорее.

(Нокхотрораю.)

Царской крови
Богиня ждет в последний день срабона.
Вас двое братьев. Если не прольется
Кровь старшего, то есть и младший брат.
Когда богиню истомила жажда,
Нет времени раздумывать.

Нокхотрорай

Беда!

К чему мне власть, учитель? Не хочу я
Кровь брата проливать. Своей судьбой
Доволен я.

Рогхупоти

Тогда спасенья нет.
Богиня Кали жаждет царской крови.

Нокхотрорай

Скажи, учитель, что я должен делать?

Рогхупоти

Будь наготове и, когда скажу,
Без промедленья выполни приказ.
Смотри держи язык свой за зубами.
Теперь же уходи.

Нокхотрорай

О Дурга-мать!

(Уходит.)

Д ж о й ш и н г х о

Ушам своим не верю. Неужели
Богиня милосердная желает
Братоубийства? Вправе ли, учитель,
Ты говорить от имени ее?

Р о г х у п о т и

Так предложи иное средство.

Д ж о й ш и н г х о

Средство?

Позор, учитель! Разве у богини
Нет грозного меча? О Мать, твой гнев
Утратил силу молнии? Стремясь
Своей достигнуть цели, как воровка,
Ты делаешь подкоп? Но это грех!

Р о г х у п о т и

Что знаешь ты про грех и добродетель?

Д ж о й ш и н г х о

Все то, чему меня ты научил.

Р о г х у п о т и

Иди, дитя, и выслушай урок.
Слова пустые — грех и добродетель.
Где разница меж братом и чужим?
И кто придумал, что убийство грех?
Весь мир — сплошная бойня. Ты не знаешь,
Что каждый миг десятки миллионов
Живых существ навек глаза смыкают?
Кто забавляется игрой кровавой?
Вся пыль земли пропитана убийством.
Ведь каждый шаг наш убивает сотни
Живых существ. Усталости не зная,
Седое Время на листах вселенной
Все пишет кровью летопись земных
Недолговечных жизней. Убивают
В глухом лесу, в людских жилищах, в норах,
В морской пучине, в гнездах, в ясном небе.

Убийства, чтобы жить, и для потехи,
Убийства без причины, против воли.
Гонимый смертью, мчится, задыхаясь,
Мир, как олень, преследуемый тигром,
Не смея задержаться ни на миг.
Лишь воплощенье вечности — богиня —
Стоит недвижно. Теплой крови алчет
Ее язык. Мир истекает кровью.
Как винограда давленого сок,
В бездонную она стекает чашу.

Д ж о й ш и н г х о

О замолчи! Колдунья, дьяволица
В обличье Матери, но с жаждой крови,
Явилась ты в осиротевший мир!
Ждут мать свою голодные птенцы
В гнезде незащищенном. Прилетает
К ним жадная ворона, и, приняв
Ее за мать, птенцы слепые тянут
К ней шею. Гибнут нежные их жизни
От клюва хищного. И у тебя
Такая же повадка? Значит, ложь —
Любовь и нежность, доброта и жалость,
А истина — лишь вечная жестокость!
Но почему из облака струится
Благословенный дождь на грудь земли
Иссохшей, а в пустыне мертвый камень
Вдруг источает ласковый ручей?
Как могут расцветать тогда цветы
Среди шипов бесчисленных? Учитель,
Меня обманываешь ты! Ты смотришь,
Не разорвется ль грудь того, кто верен
Богине. В жертву Матери принес
Мое ты сердце. Видишь, как смеется
Она усмешкою лукавой?

(Изваянию.)

Вправду ль
Бесчувственная людоедка ты,
Упившаяся кровью! Так возьми
Ты кровь мою, сотри с лица земли

Свое дитя. Готов вонзить я в сердце
Мой нож. Скажи, по вкусу ли тебе
Струя горячей крови?

(К Рогхупоти.)

Ты зовешь
Меня, учитель? Твой обман разгадан —
Ты хочешь крови преданного сердца.
Ты горе причинил мне, но души
Коснулась ласково рука богини,
И счастье это с горем не сравнить.
А кровь раджи? О нет, тогда богиня —
Не преданности жаждущая Мать,
А просто кровопийца!

Рогхупоти

Значит, жертв

Не будет.

Джойшингхо

Пусть не будет. Нет, постой!
Добро и зло ты ведаешь, учитель.
Закон простого сердца не одно
С законом шаштр. Глазами видим мы,
Но свет не в них — лучи струятся с неба.
Прости, учитель, своего слугу,
Прости невежду дерзкого! Прости
Бессвязный бред, страданием внушенный!
Скажи, учитель, правда ли богиня
Просила царской крови?

Рогхупоти

О дитя,

И ты не веришь мне?

Джойшингхо

Не верю? Что ты!
Тебя покинув, я расстанусь с верой.
Как мир, упавший с головы Васуки,
Все сгинет в пустоте. Так Дурга-мать
Просила царской крови? Принесу
Я эту кровь. Не дам я совершиться
Братоубийству.

Рогхупоти
Но приказ богини
Не грех.

Джойшингхо
Пусть это будет добрым делом.

Рогхупоти
Тогда открою я тебе всю правду.
Тебя люблю я больше жизни. С детства
Воспитывал тебя нежней, чем мать.
И вдруг тебя утратить...

Джойшингхо
Я греху
Не дам свершиться от любви к тебе,
Не омрачу любовь проклятьем.

Рогхупоти
Завтра
Поговорим с тобой и все решим.
Оба уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

ХРАМ.

Опорна
(поет)

Горожане,
У дверей прошу я подаянья.

Джойшингхо, где Джойшингхо? Никого
Нет в храме. Кто ты, неподвижный идол,
Безмолвно похищающий у мира
Бессчетные сокровища его?
Мы, нищие, блуждаем по дорогам
В бесплодных поисках любви. Она же

Сама себя к погам твоим слагает.
К чему тебе любовь? Зачем ты в храме
Любовь скрываешь, как скупец богатства,
И обездоливаешь бедный мир?
Чем радует тебя бездушный камень?
Джойшингхо, что тебе он говорит,
Как о тебе заботится? В сосуд
Таинственный души твоей вливает
Нектар успокоения? О сердце
Голодное, у чьих ты ждешь дверей?

Песня Опорны

Горожане,
У дверей прошу я подаянья.
Каждый дом здесь полон
Празднеством веселым,
Слышу флейты нежное звучанье.

Входит Рогхупоти.

Рогхупоти

Эй, кто здесь в храме?

Опорна

Нищая, Опорна.

Куда ушел Джойшингхо?

Рогхупоти

Убирайся!

Своею колдовскою красотой
Его отнять ты хочешь у богини?

Опорна

Опасна ли я ей? Самой мне страшно —
Вдруг украдет сокровище мое.

(Уходит, напевая.)

Мне не нужно сокровищ и денег —
Я скольжу мимолетною тенью.
Прихожу, чтоб уйти навсегда.
Вы же будете счастливы, люди,
Вечным праздником жизнь ваша будет,
И ее не коснется беда.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ДОРОГА ПЕРЕД ХРАМОМ,

Д ж о й ш и н г х о

Прочь, паутина мыслей, прочь, сомненья!
Уж лучше беспощадные дела,
Чем мыслей ад. У дела есть конец,
А мысли безграничны. В каждый миг
Они, как пар, меняют очертанья.
Пока нащупывают мысли путь,
Растает он. Уж лучше мысль одна,
Чем много сразу. Нет, ты прав, учитель.
Приказ твой верен. Ты мне указал
Путь истины. Не грех смертоубийство,
Не грех братоубийство, и убить
Царя — не преступленье. Вот где правда!
Слова пустые — грех и добродетель.
Прочь, думы, не сжигай, огонь, мне душу,
Умолкни, голос совести моей.
Куда идете вы, друзья? Я слышал,
Что в Нишипуре ярмарка! Красавиц
Там будет хоровод. Пойду и я.
Так много счастья на земле. Беспечно
И радостно красавицы танцуют.
Как волны разыгравшейся реки,
Колеблются их стройные тела.
Со всех сторон беспечный и веселый
Стекается народ. Повсюду песни,
Повсюду смех и шутки. Вся земля
В наряде ярком. Я пойду за ними.

(Поет.)

Кто возьмет меня, брат? Я отдать себя рад.
Свое сердце смягчив, все земное забыв,
Я за вами пойду наугад.

Вдали появляется О п о р н а.

Ты что остановилась вдруг, Опорна?
Поражена ты, что поет Джойшингхо?
Все в жизни ложь, один сплошной обман,
Поэтому смеюсь я и пою.

Поэтому ты видишь на дороге
Людей беспечных. Из-за пустыков
Они готовы весело смеяться.
Поэтому и девушка надела
Свой праздничный наряд. Когда бы правда
Существовала на земле, то сразу
Все б изменилось. Разве б так легко
Давалась людям радость? На земле
Тогда умолк бы даже скорбный плач
Под бременем страданий. Если б флейта
Рыдать умела, то и флейты сердце
Разорвалось бы вмиг. Но правды нет.
И люди веселятся. На кладбище
Идет игра, и по соседству с болью
Ютится песня. На земле вершит
Дела людские острыми когтями
Тигрица кровожадная. Опорна,
С тобой не существуем мы, и ты
Будь счастлива от этого сознания.
Ты, словно зачарованная, смотришь
С печальным изумленьем на меня.
Пойдем, подруга, странствовать вдвоем.
Мы пролетим над миром в ясном небе,
Как облака бесплотные.

Входит Рогхупоти.

Рогхупоти

Джойшингхо!

Джойшингхо

Тебя не знаю я. Своей судьбе
Я повинуюсь, и моя дорога
Ведет меня туда, куда идут
Другие путники. Кто ты такой,
Чтоб удержать меня? Своей дорогой
Идешь ты — я иду своей.

Рогхупоти

Джойшингхо!

Д ж о й ш и н г х о

Бесхитростный передо мною путь.
Пойду вперед с протянутой рукою
Вдвоем с подругой нищей. Кто сказал,
Что тяжело идти дорогой мира?
Пойдем по мере сил, а на закате
Достигнем, наконец, предела жизни.
Куда исчезнут споры и раздумья!
Измученную маленькую жизнь
Доверю я объятиям земли.
И все, что в эти дни я накопил, —
Ошибки, заблуждения и страхи,
Несчастья, радость, робкие надежды
И слабости, не давшие исполнить
Мне жизни долг, я вечности верну
И успокоюсь. Предо мною мир!
К чему законы шастр, к чему, учитель?
О господин, отец, наставник, что я
Наговорил? Я словно был во сне.
Вот храм, а вот стоит большой баньян,
Суровый и незыблемый, как правда
Жестокая. Учитель, жду приказа.
Я не забыл, что должен сделать. Видишь?

(Показывает нож.)

Вспоминанье о твоём приказе
Остро, как нож. Учитель, что еще
Ты мне прикажешь?

Р о г х у п о т и

Выгони из храма
Девчонку эту. Хорошо я знаю,
Что могут сделать колдовские чары.

Д ж о й ш и н г х о

Прогнать ее? Бедняжка, как и я,
Нашла приют свой в храме и, как я,
Одна на свете. Роза без шипов
Не так чиста, невинна и прекрасна.
Не так проста, печальна и нежна.
Прогнать ее? Я прогоню, учитель.

Опорна, уходи! Любовь и нежность —
Все ложь. Уж лучше умереть, Опорна!
И если пусто за пределом мира,
Есть смерти милосердие. Уйди!

О п о р н а

Покинь скорей, Джойшингхо, этот храм.
Уйдем с тобой вдвоем!

Д ж о й ш и н г х о

Уйдем вдвоем?

Проснулся я. Почудилось мне только,
Что мир лишь сон. Я радостно смеялся,
Пел песни, Но от правды не уйти.
Не говори о счастье, не мани
Меня свободой — вечный узник я
В темнице истины.

Р о г х у п о т и

Спешу, Джойшингхо,
Нет времени для нежной болтовни,
Ты выгонишь ее?

Д ж о й ш и н г х о

Уйди, Опорна!

О п о р н а

Но почему?

Д ж о й ш и н г х о

Не женская ли гордость
Тебе мешает?

О п о р н а

Гордости уж нет.
Твои страдания для меня дороже
Всех горестей и гордости моей!

Д ж о й ш и н г х о

Тогда уйду я сам. Пока ты здесь,
Я даже взгляда на тебя не брошу.
Опорна, уходи!

О п о р н а

Жестокий брахман!

Позор ученью твоему. Проклятье
Тебе шлет женщина простая. Цепью
Джойшингхо ты не сможешь удержать!

(Уходит.)

Р о г х у п о т и

Дитя, открой лицо, скажи хоть слово!
Ты мне дороже жизни. Разве нет
В душе моей любви? Она бездонна,
Как океан. Я друг твой с первых дней.
Ужель ты огорчен, что порвались
Незначашие, призрачные узы?

Д ж о й ш и н г х о

Не надо, господин, не говори
Мне о любви. Я помню лишь о долге.
Любовь и нежность, как цветы и листья,
Живут лишь на поверхности земли,
Приходят и уходят, словно сны,
Все новые. Под ними же лежит,
Не двигаясь, сухой и черствый камень,
Подобный вечной тяжести на сердце.

(Уходит.)

Р о г х у п о т и

Я всячески пытался разузнать,
Что у Джойшингхо на душе, но тщетно.

(Уходит.)

С Ц Е Н А Ч Е Т В Е Р Т А Я

В О Д В О Р Е Х Р А М А .

Т о л п а л ю д е й .

Г о н е ш . В этот раз на ярмарке мало народу.

О к р у р . А откуда ему быть? Наше царство перестало
быть индусским. Теперь нами правит мусульманин. Жерт-

вы Матери прекращены, так зачем людям приходиться на ярмарку?

К а н у. Брат, может быть, раджа вовсе этого не хотел, а в него вселился злой дух.

О к р у р. Если вселился какой-то дух, так уж наверняка мусульманский, а не то почему бы раджа стал отменять жертвы?

Г о н е ш. Что ни говори, а царству нашему не видать счастья.

К а н у. Верховный жрец сам сказал, что через три месяца страну поразит страшный мор.

Х а р у. Какие там три месяца! Судя по всему, не пройдет и трех дней, как случится что-нибудь ужасное. Вы разве не знаете, наша Модхо два с половиной года болела и все-таки не умирала, а как только запретили жертвы, сразу умерла.

О к р у р. Да что ты говоришь, она умерла три месяца назад!

Х а р у. Ну и что ж, что три месяца назад. Все равно в этом году.

К х а н т о м о н и. А вот, например, сын старшего брата моего мужа. Кто знал, что он в три дня умрет от лихорадки? Стоило ему проглотить снадобье лекаря, как он тут же испустил дух.

Г о н е ш. На днях в Мотхурхати случился пожар, и все сгорело дотла.

Ч и н т а м о н и. Да что говорить! Разве вы не знаете, что в этом году цены на рис упали, как никогда раньше. Никто не знает, что ждет крестьян в этом году.

Х а р у. А вот идет раджа! Какая неприятная встреча с утра. Кто знает, как теперь пройдет день. Давайте поскорее уйдем отсюда.

Все уходят.

Входят Чавдопал и Гобиндоманикьо.

Ч а н д о п а л

Будь осторожен, махарадж. Повсюду
Есть у меня глаза и уши. Мне
Злой умысел известен. Я подслушал,
Что на тебя готовят покушение.

Гобиндоманикьо
Меня хотят убить? Но кто, скажи!

Чандопал

Сказать я не решаюсь, махарадж.
Боюсь, что весть жестокая тебя
Острей ножа ударит прямо в сердце.

Гобиндоманикьо

Не бойся, говори. Готово сердце
Принять любой удар. Так кто же, кто
Готовит покушение?

Чандопал

Твой брат.

Гобиндоманикьо

Как, Нокхотро?

Чандопал

Подслушал я, как жрец
С наследным принцем все решили тайно,
Уединившись в храме.

Гобиндоманикьо

Боже мой!
Как быстро рвутся родственные узы!

Чандопал

Он кровь твою богине принесет.

Гобиндоманикьо

Так, значит, Нокхотро не виноват.
Во имя божества нередко люди
Теряют человечность. Ты не бойся.
Вернись к делам. Я буду осторожен.

Чандопал уходит.

Тебе принес цветы я, а не кровь,
Лишь почитанье, а не ужас смерти.

Беспомощны бессильные создания,
А сильные жестоки. Себялюбье
Безжалостно, и бессердечна алчность.
Незнание слепо. Беззаботно гордость
Готова слабых растоптать в пыли.
Любовь и нежность, не успев расцвести,
С корыстью встретившись, тотчас же вянут.
А если, Мать, и ты поднимешь меч
И высунешь язык, наступит мрак.
Изменит брату брат, разлюбит мужа
Жена, и станет друг врагом. Утонет
В крови жилище человека. Будет
Считаться добродетелью убийство.
Ждет Доброту изгнание. Но довольно,
Сбрось маску! Разве время не пришло?
Ты хочешь сохранить свой адский облик?
Мечи нависли с четырех сторон
Над головой моей. О Мать, не ты ли
Их держишь в четырех руках? Пусть так!
Быть может, кровь моя погасит пламя
Жестокости. Не вынесет земля
Ни над раджей занесшего свой нож,
Ни злого палача — братоубийцы.
Охватит скорбь всех подданных моих,
Сердца всех братьев переполнят слезы.
Кровь смое твоей ужасный облик, Мать,
Открыв, что и под ним ты — кровопийца.
Ты хочешь этого, пусть так и будет.

Входит Джойшингхо.

Джойшингхо

Скажи, о разрушительница, правда ль
Ты жаждешь царской крови? Отвечай
Сейчас, без промедления, сама,
На языке людей. Ты хочешь крови?

За сценой:

Я жажду царской крови!

Джойшингхо

Махарадж,

Читай молитву, час твой наступил.

Г о б и н д о м а н и к ь о

Д ж о й ш и н г х о, что случилось, объясни.

Д ж о й ш и н г х о

Ты разве сам не слышал, как богиня
Сказала мне: «Я жажду царской крови».

Г о б и н д о м а н и к ь о

Рогхупоти с тобою говорил
Из тайного убежища.

Д ж о й ш и н г х о

Учитель?

Из тайного убежища? О нет!

Среди сомнений больше не могу
Блуждать один. Лишь к берегу причалю,
Неверья дух меня толкает в бездну.

С меня довольно! Жрец или богиня —
Мне все равно.

(Выхватывает и снова прячет нож.)

О Мать, прими цветы!

Прими цветы, о Мать! К твоим ногам
Склоняюсь я. Довольствуйся цветами.
Не нужно крови, Мать. Вот эти розы
Красны, как кровь, как будто мать-земля
Окрасила их алой кровью сердца
В знак скорби о погибших сыновьях.
Ты их не взять не можешь. Не страшит
Меня твой гнев. Не дам тебе я крови.
Глаза твои горят. Ну, где твой меч?
Я не боюсь твоей ужасной свиты.

Гобиндоманикьо уходит.

Что я наделал? Я в одно мгновенье
Отрекся от богини и жреца.
Мне не осталось в мире ничего.

Входит Рогхупоти.

Рогхупоти

Все слышал я. Крушение всех надежд.
Ах, что наделал ты, неблагодарный!

Джойшингхо

Жду кары я, учитель.

Рогхупоти

Для чего

Сгубил ты все? И брахмана проклятье
Ты с полпути вернул. Нарушил клятву.
Ослушался веления богини.
Ты мнишь себя умнее всех? Так вот как
Ты платишь долг любви?

Джойшингхо

Прошу я кары,

Отец.

Рогхупоти

Какой же кары?

Джойшингхо

Смертной казни.

Рогхупоти

Нет. Нужно здесь страшнее наказание.
Коснись же ног богини.

Джойшингхо

Я коснулся.

Рогхупоти

Теперь скажи: «В последний день срабона
Я принесу богине царской крови».

Джойшингхо

Я принесу богине царской крови
В последний день срабона.

Рогхупоти

Уходи!

Р. Тагор в роли Джойшингхо
(драма «Жертвоприношение»)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ХРАМ.

Народ. Рогхупоти, Джойшингхо.

Рогхупоти. Зачем вы все сюда пришли?

Все. Мы пришли посмотреть на Мать.

Рогхупоти. Правда? Пришли посмотреть на Мать? Да только благодаря добродетели своих отцов вы до сих пор не ослепли. Где богиня? Она покинула Трипуру. А вы даже не смогли ее удержать. Ее здесь больше нет.

Все. Какой ужас! Что случилось, учитель? Чем мы провинились?

Нистарини. Я несколько дней не приносила даров, потому что мой племянник был болен.

Гобордхон. Я давно уже решил принести в жертву богине козлов, но тут раджа запретил жертвы. Что я могу поделать?

Хару. Правда, наш Гондхомадон не выполнил свой обет, но ведь Мать уже наказала его за это. У него се-лезенка раздулась, как барабан, и он вот уже шесть месяцев не встает с постели. Так ему и надо, думает, что если он ростовщик, так сможет обмануть богиню.

Окрур. Замолчите вы все. Не шумите понапрасну. Скажи, учитель, почему Мать покинула нас? Чем мы виноваты?

Рогхупоти. Чего стоит ваша преданность Матери, если вы не можете пролить ради нее и капли крови?

Многие. Что можем мы сделать, если таков приказ раджи?

Рогхупоти. Кто такой раджа? Разве престол Матери ниже трона раджи? Тогда оставайтесь со своим раджей в этой покинутой Матерью стране, посмотрим, как защитит вас раджа.

Все испуганно перешептываются.

Окрур. Замолчите! Пусть Мать накажет своих детей, если они виноваты, но разве может она их покинуть? Скажи, что нужно сделать, чтобы Мать вернулась?

Рогхупоти. Когда ваш раджа покинет государство, Мать тотчас же вернется сюда.

Все молча переглядываются.

Вы хотите посмотреть? Входите! Вы пришли издалека в надежде увидеть Мать, так смотрите.

(Открывает двери храма.)

Видна спина статуи богини.

Все. Что это? Где лицо Матери?

Окрур. Горе нам, Мать отвернулась.

Все. О Мать, повернись к нам лицом! Повернись к нам лицом, о Мать! Хоть раз взгляни на нас! Где Мать? Где Мать? Мы вернем тебя, Мать! Мы тебя не оставим! Мы не хотим такого раджи! Пусть он уходит! Пусть он умрет!

Джойшингхо
(подойдя к Рогхупоти)

Ты больше мне не дашь сказать ни слова?

Рогхупоти

Нет.

Джойшингхо

Значит, нет причины сомневаться?

Рогхупоти

Нет.

Джойшингхо

Должен я всему поверить слепо?

Рогхупоти

Да.

Опорна
(подходя)

Уходи, Джойшингхо, уходи
Скорей из храма.

Д ж о й ш и н г х о

Разорвалось сердце.

Рогхупоти, Опорна и Джойшингхо уходят.

Входит р а д ж а.

Н а р о д

О махарадж, спаси нас, защити —
Верни нам Мать!

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Ах, успокойтесь, дети!

Послушайте меня, от всей души
Хочу вернуть вам Мать.

Н а р о д

О махарадж,
Пусть имя славится твое в веках!

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Я спрашиваю вас — не мать ли всем вам
Дала рождение? Матери! А вы
Не чувствовали в сердце материнском
Всю сладость нежности? Она древней,
Она священнее всего на свете.
В минуту первую рожденья мира
Одна лишь Мать склоняла нежный взор
К ребенку-миру у своей груди.
Сегодня эта древняя любовь
Терпенья образ приняла. Ах, сколько
Пришлось ей вынести несчастий! Сколько
Она видала горя и вражды!
Брат шел на брата на ее глазах,
И кровь лилась. Жестокость и неверье
Без жалоб вынося, она живет,
Чтоб слабому раскрыть свои объятия
И сердце беззащитному отдать.
Ужели мы так тяжело провинились,
Что Матери любовь ушла от нас,

Навеки мир оставив сиротой?
Скажите же мне, матери и дети,
Ужель мы так виновны перед ней?

Г о л о с а и з т о л п ы

Ты жертвы запретил богинё. Мать
Лишилась поклоненья.

Г о б и н д о м а н и к ь о

Запретил

Я жертвы, и, обидевшись, богиня
Свой отвратила лик — наступит мор,
Пожары, войны, засуха и голод?
Да разве же такой бывает мать?
Да разве жажда крови побуждает
Ребенка грудью вскармливать! Когда
Вы оскорбили Мать, у вас в груди
Не шевельнулась боль воспоминаний
О материнской нежности? Не встало
Ее лицо перед глазами? Крови
Богиня требует, трепещет в страхе
Безгласное живое существо.
Вокруг нее в кровавом опьяненье
Танцуют злые люди. Разве это
Пристало Матери? Скажите мне,
Ужели это Матери черты?

Н а р о д

Мы люди темные, где нам понять?

Г о б и н д о м а н и к ь о

Да что здесь понимать? Ребенок малый,
И тот поймет свою родную мать.
Он понимает — мать придет на помощь,
Когда ребенку страшно, и насытит
Его, когда он есть захочет. Если
Заплачет он от боли иль обиды,
Его утешит. Разве вы забыли
О Матери? Не можете понять,

Что Мать добра? Дарительнице жизни
Нужна любовь, не кровь живых существ.
Как вы понять не можете, что там,
Где страх и зло, для Матери нет места?
Мать плачет там, где льется кровь. О дети,
Как рассказать, какую муку видел
Я на ее лице, какую жалость!
Глаза ее полны слезами боли,
Обиды и упрека! Если б мог
Я вам все это передать, тогда
Вы Мать узнали б в тот же миг свою.
В одежде нищенки нам милосердье
Явилось в храме, чтобы смыть слезами
Пятно позора с алтаря богини.
Поэтому решили вы, что Мать,
Разгневанная этим преступленьем,
Ушла от нас?

Н а р о д

А ты взгляни-ка сам.
Мать отвернулась от своих детей.

О п о р н а

(подымаясь к дверям храма)

Как, отвернулась? Повернись к нам, Мать!
Взгляни на нас опять.

(Поворачивает статую.)

Смотрите все,
Богиня повернулась!

В с е

С нова М а т ь

Вернулась к детям. Слава, слава, слава!

(поют)

Разве могла нас оставить ты, Мать?
Малых детей от груди оторвать?
Мы за грехи ожидали расплаты,
Только недолго во гневе была ты —
К детям своим возвратилась опять.

Входят Д ж о й ш и н г х о и Р о г х у ц о т и.

Д ж о й ш и н г х о

Скажи мне правду, это сделал ты?

Р о г х у п о т и

Ты хочешь правды? Разве я боюсь
Открыть всю правду? Это сделал я!
Я повернул богини образ. Хочешь
Ты упрекнуть меня, так говори.
Учить наставника ты стал. Быть может,
Ты дашь совет?

Д ж о й ш и н г х о

Мне нечего сказать.

Р о г х у п о т и

Ах, нечего? И нет ко мне вопросов?
Совет учителя тебе не нужен,
Чтоб разрешить возникшие сомненья?
Ты далеко зашел. Ужель такое
В твоей душе смятенье? Слушай, глупый!
Богиня вправду отвратила лик,
Но идол от того не отвернется.
Ту кровь, что в храме проливаем мы,
Богиня пьет, а не изображенье.
И статуи лицо не отразит
Богини недовольства. Как смогу
Я объяснить все это темным людям?
Они хотят воочью видеть то,
Что зренью неподвластно. Мне пришлось
Открыть им правду с помощью обмана.
Глупец, нет истины у нас в руках!
Сам образ правды лжив, и правды нет
В словах, в писаньях, в идолах и в мыслях.
Никто не знает, где она, никто
Найти ее не в силах. Эта правда
Скрывается под тысячью личин
Фальшивых. Потому-то и зовут
Ее великой ложью — «Махамайей».
Как махарадж, она сидит в гареме,

А сотни слуг ее — фальшивых истин —
Усердно спины гнут. Ты на досуге
Продумай это — ждут меня дела.
Народа настроенье изменилось.

(Уходит.)

Д ж о й ш и н г х о

Волна, что вынесла меня на берег,
Уносит вновь в безбрежную пучину.
Нет правды на земле, нет правды. Все
Одна лишь ложь, и если нет богини
И в образе ее, то нет нигде.
Так будь же ты благословенна, ложь!

С Ц Е Н А В Т О Р А Я

ПОКОИ ВО ДВОРЦЕ.

Р а д ж а и Ч а н д о п а л .

Ч а н д о п а л

Народ устроил заговор. К Ассаму
Идет могольский полководец. Скоро
Он будет здесь. Народ его попросит
Прогнать тебя.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

За что же?

Ч а н д о п а л

Махарадж,

Исполни просьбу своего слуги.
И если кровь животных так мила
Жестоким подданным твоим, отдай
Животных им. Пусть кровью утолят
Кровавые желанья. Постоянно
Мне шепчет страх, что близится несчастье.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Страх ведом и раджам, о Чандопал!
Разгневан океан, а все ж корабль

Я должен к берегу вести. Народ
Послал гонца к моголам?

Ч а н д о п а л

Да, послал.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Тогда сейчас же отправляйся в путь,
Остановись близ лагеря моголов,
Все, что узнаешь, сообщай сюда.

Ч а н д о п а л

Будь осторожен, махарадж. Повсюду —
Твои враги.

(Уходит.)

Входит Г у н о б о т и.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Любимая, как черств,
Как пуст наш мир. Вокруг меня враги.
О, улыбнись и ласково взгляни.
Во тьме несчастий, козней, зла — явись,
Желанная, как полная луна
Во мраке долгой ночи. Дорогая,
Ты почему молчишь? Да разве время
Судить друг друга? Жаждущее сердце —
Как путник, умирающий в пустыне.
Ужели унесешь ты влагу жизни?

Гуноботи уходит.

Ушла. Увы, как тяжек жребий мой!

Входит Н о к х о т р о р а й.

Н о к х о т р о р а й

(разговаривает с самим собой)

Куда я ни пойду, мне все твердят:
«Раджой ты будешь! Будешь ты раджой!»
Как странно! И когда сижу один,
Мне чудится, как кто-то говорит:

«Раджой ты будешь! Будешь ты раджой!»
Как будто свили гнезда попугаи
В ушах моих и целый день трещат:
«Раджой ты будешь! Будешь ты раджой!»
Ну хорошо, согласен. Только кто
Достанет царской крови?

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Нокхотро!

Нокхотрорай испуганно вздрагивает.

Убить меня задумал ты? Открой мне
Всю правду. Ты хотел меня убить?
И днем и ночью эта мысль жила
В твоей душе? И с этой мыслью ты
Беседовал со мною, улыбаясь,
К ногам моим склонялся, принимал
Мое благословение, делил
Полуденную трапезу со мной?
Вонзишь мне в сердце нож? О брат, когда
Земля услышала твой первый шаг,
Тебя привлек я к любящей груди.
Когда, прощаясь, нежною рукой
Мать тронула твой лоб и умерла,
Оставив нас сиротами, я к сердцу
Прижал тебя. Ужели вправду сможешь
Ты нож вонзить мне в сердце? В наших жилах
Одна струится кровь — кровь наших предков.
Ты хочешь эту кровь пролить на землю?
Я запер дверь, вот меч, вонзи его
Мне в грудь незащищенную, и пусть
Твое желанье сбудется!

Н о к х о т р о р а й

Прости!

Прости меня, мой брат!

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Вернись, дитя,
В родное сердце! Молишь о прощенье?
Едва узнав вину, тебя простил я —
Могу ли не помиловать тебя?

Нокхотрорай

Рогхупоти внушил мне злую мысль.
Ты от него спаси меня.

Гобиндоманикьо

Не бойся.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ПОКОИ НА ЖЕНСКОЙ ПОЛОВИНЕ ДВОРЦА.

Гуноботи

Все тщетно. Я надеялась, что стоит
Быть твердой ненадолго, и он сам
Придет ко мне, любовной жаждой полон.
Какое самомнение! С ним ни слова
Не говорю, не плачу, не смотрю
Я на него. Уже немало дней
Его встречаю гневом и презреньем.
Я знаю — для мужчины женский гнев
Всего лишь вспышка яркая без жара,
Как блеск алмаза. О проклятый блеск!
Когда бы гнев мой был подобен грому,
Он над дворцом бы грянул, разбудив
Раджу, разрушив царскую гордыню,
Восстановив величие царицы.
Зачем меня ты ложно уверял,
Что я царица? И зачем внушал мне,
Что госпожа я сердца твоего?
Зачем ты не сказал, что я рабыня,
Наложница царя, а не царица?
Тогда б не испытала я сегодня
Такой удар, такое унижение.

Входит Дхрубо.

Бесценное сокровище раджи,
Ребенок малый, ты похитил место,
Назначенное сыну моему,

Украд у перодившихся детей
Любви отцовской долю. В царском сердце
Ты первым зачерпнул нектар, изменник.
Мой сын получит лишь объедки. Мать,
Ты так несправедлива! Нет числа
Твоим твореньям и причудам. Можешь
Играючи ты мне послать ребенка,
Хоть одного — заполнить пустоту
В груди моей! Отдать готова я
Все, что ты хочешь.

Дхрубо уходит.

Входит Нокхотрорай.

Нокхотро, куда ты?
Чего ты испугался? Разве я,
Беспомощная женщина, без сил
И без оружия, внушаю ужас?

Нокхотрорай

Нет, не зови меня.

Гуноботи

Но что случилось?

Нокхотрорай

Раджой не буду я.

Гуноботи

Что из того?

К чему весь этот шум?

Нокхотро

Пусть жизнь раджи
Продлится вечно. Я же умереть
Хочу наследным принцем!

Г у н о б о т и

Умирай,
Да поскорее. Пусть осуществится
Твое желание. Разве я молю
Тебя не умирать?

Н о к х о т р о

Что ты хотела
Сказать мне?

Г у н о б о т и

Устранить ты должен вора,
Укравшего твою корону. Понял?

Н о к х о т р о р а й

Да, но скажи мне, кто ее украл?

Г у н о б о т и

Воспитанник раджи, мальчишка Дхрубо.
Он с каждым днем все ближе к трону.

Н о к х о т р о р а й

Теперь я понял все. И вправду Дхрубо
Корону надевал. Тогда я думал,
Что это лишь игра.

Правда?

Г у н о б о т и

Игра с короной —
Опасная игра. Прервать ее
Ты должен, а иначе станешь сам
Игрушкой.

Н о к х о т р о р а й

Должно быть, ты права.
Недобрая игра.

Г у н о б о т и

Сегодня в полночь
Ты Дхрубо тайно принеси богине
В дар от меня. Пусть кровь его потушит

Гнев божества. Пусть сохранится трон
За нашим родом. Пусть восславят предки
Тебя за подвиг. Все ль ты понял?

Нокхотрорай

Все.

Гуноботи

Тогда ступай. Исполни мой наказ.
И не забудь, что жертва — от меня.

Нокхотрорай

Все будет сделано. Подумать только —
Игра с короной! Мать получит жертву,
Трипура спасена, довольны предки.
Я понял все, что должен был понять.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛЕСТНИЦА, ВЕДУЩАЯ К ХРАМУ,

Джойшингхо

Ответь, ты существуешь, о богиня?
Хотя бы ты была частицей малой
На самом крае ночи беспредельной,
Ты мне чуть слышным голосом ответь —
Я здесь, дитя! Но нет тебя нигде.
Молю тебя, обманщица, явись!
Богиня, сжался, я ли с малых лет
Тебе не поклонялся, принося
К твоим ногам безмерную любовь?
А ты всего лишь ложь? Кому ты отдал,
Джойшингхо, жизнь свою? Все бросил ты
В ничто, где нет ни Матери, ни правды,
Ни милосердия — лишь пустота...

Входит Опорна,

Ты снова здесь, Опорна? Я из храма
Прогнал тебя, но ты пришла опять,
Как вновь приходит в сердце бедняка
Надежда робкая на счастье. Знаешь
Различие меж истиной и ложью?
Чтоб в храме сохранилась ложь, я трачу
Немало сил, но все старанья тщетны.
А истину из храма я гоню,
Она же возвращается опять.
Не уходи, Опорна, не гоню
Тебя я больше. Сядь со мною рядом.
Уж поздний час, и бледная луна
Встает из-за деревьев. Все живое
В глубокий сон погружено. Не спим
Лишь мы с тобой. Опорна, ты грустна?
Богиня обманула и тебя?
К чему нам боги? И зачем зовем мы
Богов в свой маленький счастливый мир?
Да разве им понятны наши беды?
Они как камень. Собственного брата
Лишаем мы любви и отдаем
Ее богине. Только для чего
Любовь ей? Отвернувшись от земли,
Прекрасной и счастливой, смотрим мы
Лишь на богиню, но куда сама
Глядит она? В ее глазах земля
Ничтожна и мала, а для меня —
Земля — родная мать. В глазах богини
И человек — букашка. Для меня же
Он брат. Ее слепая колесница.
Все губит. Я ж оплакиваю тех,
Кто стонет под колесами ее.
Избавимся без страха от богов
И сблизимся еще тесней, подруга.
Им кровь нужна? Поэтому они,
Небесную обитель покидая,
На землю бедную пришли? В раю
Нет человека, нет живых существ,
Страданиям доступных, оттого
Прискучил рай богам. Они пришли
Охотиться сюда, где человек,

Бесстрашный, полный веры и счастливый,
Построил скромный свой очаг. Опорна,
Богини нет!

Опорна

Джойшингхо, так уйдем
Из храма!

Джойшингхо

Да, уйдем, уйдем отсюда.
Но прежде чем покинуть ту страну,
Где я родился, должен заплатить я
Свой долг. Не надо говорит об этом!
Смотри, как Гомти узкая струя
Сияет в лунном свете. В плеске волн
Все те ж слова звучат, не умолкая.
На небе бледный лик луны усталой,
Как будто после долгих бдений сон
Смежил ей веки. Как прекрасен мир!
В такой ночи нет места для богини.
К чему она! Опорна, ты не знаешь
Слова такие, что могли бы дать
Мне вечное блаженство? Говори!
Пусть в миг один я в бездну погружусь,
Забыв земные страсти и изведав
При жизни сладость смерти. Не сводя
С меня очей прекрасных, говори,
Опорна, нежным голосом своим
Со мною в тишине безмолвной ночи,
Пока весь мир объят глубоким сном.
Почудится, что в мире существует
Одна любовь. Ее благоуханье
Как в полнолуние запах тубероз.

Опорна

Увы, Джойшингхо, беден мой язык,
Хоть сердце переполнено мое!

Джойшингхо

Тогда придвинься ближе, пусть сердца
Друг с другом говорят. Что я наделал!

Опорна, уходи скорей из храма.
Так приказал учитель.

Опорна

О Джойшингхо,
Не будь жестоким, не гони меня!
Один создатель знает, сколько мук
Я вынесла.

Джойшингхо
Тогда уйду я сам.

(Направляется к выходу, но тут же возвращается.)

Опорна, я жесток? Запомнишь ты
Сурового, жестокого Джойшингхо?
Но разве я тебе не улыбался,
Не звал тебя к себе и слез не лил
При виде слез твоих? Забудешь все
И будешь помнить только, что Джойшингхо
Как камень бессердечен, как та кукла,
Которую я называл богиней?
Да будь она богиней, поняла бы,
Какая мука мне сжигает грудь!

Опорна

Измученному маленькому сердцу
Неведом разум. Ты прости его.
Уйдем скорей из храма, о Джойшингхо!

Джойшингхо

Опорна, сжался, пощади меня,
Оставь меня, молю! На этом свете
Я долг исполню свой. Пусть превратится
Он в божество души моей. Опорна,
Ты места у него не отнимай.
(Быстро удаляется.)

Опорна

Привыкла я к страданиям. Отчего же
Вдруг сердце разрывается в груди?

СЦЕНА ПЯТАЯ

ХРАМ.

Нокхотрорай, Рогхупоти, спящий Дхрубо.

Рогхупоти

В слезах заснул он. Круглым сиротой
Попал ко мне когда-то и Джойшингхо.
Он так же плакал, видя вокруг себя
Все незнакомое, потом уснул,
Отчаяньем и горем утомленный,
У ног богини. Мальчика лицо
Напоминает мне черты Джойшингхо
И плач его.

Нокхотрорай

Отец, не медли больше.
Боюсь, раджа узнает обо всем.

Рогхупоти

Как он узнает? Город погружен
В глубокий сон.

Нокхотрорай

Почудилась во тьме
Мне чья-то тень.

Рогхупоти

Тень страха твоего.

Нокхотрорай

Как будто кто-то плачет.

Рогхупоти

Это сердце
Твое завыло. Прочь унынье. Выпьем
Напиток жизни!

(Пьет вино.)

Нам в воображенье
Любое дело кажется громадным.
Начни его, и съезжится оно,

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЗАЛ СУДА.

Гобиндоманикьо
(обращаясь к Рогхупоти)

Ты можешь что-нибудь добавить?

Рогхупоти

Нет.

Гобиндоманикьо

Ты признаешь свою вину?

Рогхупоти

Какую?

Я, правда, виноват, что не принес
Богине жертву. В странном ослепленье
Я медлил без причины и наказан
Самой богиней. Ты — лишь исполнитель.

Гобиндоманикьо

Так слушайте же все мое решение:
Любого, кто под видом жертв богине
Во власти заблуждения погубит
Живое существо, пренебрегая
Указом царским, ждет изгнание. Жрец,
Ты проведешь в изгнание восемь лет.
Четыре воина тебя проводят
К границе царства.

Рогхупоти

В этом мире я
Склонял колени только пред богиней.
Тебя я выше кастой, но сегодня
Молю тебя, колени преклонив,
Дай мне отсрочку до конца срабона,
Два дня прошу. И с первою зарей
Осенней я уйду не оглянувшись
Из проклятой Трипуры.

Гобиндоманикьо

Я дарю

Тебе два дня.

Рогхупоти

Великий царь царей,
Безбрежно милосердие твое,
А я, ничтожный, недостойн пыли.
(Уходит.)

Гобиндоманикьо

Ты, Нокхотро, признай свою вину.

Нокхотро

О, махарадж, виновен я, не смею
Молить прощения.
(Падает к ногам раджи.)

Гобиндоманикьо

Скажи мне, кто
Тебя толкнул на преступленье? Сам ты
Душою мягок. Замысел жестокий
Не ты задумал.

Нокхотро

Грешные уста
Не назовут другое имя. Я
Один виновен. Я попался сам
В свои же сети. Сотни раз прощал
Ты брата неразумного. Прости
И в этот раз.

Гобиндоманикьо

Встань, выслушай меня.
Да разве вправе я прощать? Судья
Своею властью связан. Цепи власти
Оков тюремных много тяжелей.
Создатель сам не властен дать свободу
Тому, кто осужден за преступленье.
Что я могу?

В с е

Прости его, владыка.
Ведь он же брат твой.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Успокойтесь, дети.

Когда вершу я суд, нет для меня
Ни братьев, ни друзей. Его проступок
Дсказан. За пределами Трипуры
Дворец есть для священных омовений
На Брахмапутре. Там Нокхотрорай
И проведет в изгнание восемь лет.

Стража готова увести Нокхотрорая.
Раджа сходит с трона.

Брат, на прощанье брата обними
И помни, осужден не ты один,
Я тоже. И дворец отныне станет
Источником мучений для меня.
Мое благословение с тобой,
И да хранят тебя в изгнание боги.

Нокхотро уходит.

Пусть все оставят зал суда. Мне нужно
Остаться одному.

Все выходят, входит Н о й о н р а й.

Н о й о н р а й

О махарадж,

Беда!

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Ужель раджа не человек?
И разве не дала ему судьба
Такое ж сердце, как и беднякам?
Дает судьба мне горе, как и всем,
Но только права не дает лить слезы.
Что за опасность, говори скорей!

Ной о н р а й

С могольскими войсками Чандопал
Идет, чтоб погубить Трипуру.

Г о б и н д о м а н и к ь о

Что?

Хоть Чандопал твой враг, но для чего
Ты хочешь опорочить это имя?

Ной о н р а й

Твой раб терпел не мало наказаний,
Страшней их недоверие твое.
Ужель в твоих глазах я пал так низко,
Покинув твой дворец?

Г о б и н д о м а н и к ь о

Ты объясни

Мне все как следует.

Ной о н р а й

Объединившись

С моголами, задумал Чандопал
Лишить тебя престола.

Г о б и н д о м а н и к ь о

Но откуда

Узнал ты это?

Ной о н р а й

В тот же день, когда
Мой повелитель взял мое оружие,
Страшась позора, я страну покинул.
Я слышал, что моголы завязали
Войну с Ассамом, и решил вступить
В войска ассамского царя, но вдруг
Моголов встретил я. Идут к Трипуре,
И с ними Чандопал. Но я разведал,
Что хочет он, и вот у ног твоих.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Что в мире вдруг стряслось, скажи, создатель?
Лишь два-три дня назад земные недра
Разверзлись и змеиный род из ада
Поднялся на поверхность. Клобуки
Змеиные качаются повсюду.
Неужто скоро будет гибель мира?
Сейчас я ничему не удивлюсь.
Что ж, полководец, принимай войска.

С Ц Е Н А В Т О Р А Я

Д В О Р Х Р А М А .

Д ж о й ш и н г х о , Р о г х у п о т и .

Р о г х у п о т и

Конец брахманству, гордости и славе.
Дитя, тебе я больше не учитель.
Вчера еще никто не прекословил
Моим приказам, а сегодня вправе
Я лишь вымалывать. Погас в душе
Огонь, дававший силу презирать
Богатства блеск и силу власти. Если
Падет звезда, то и простой светильник
Из глины стоит больше, чем она.
Упавшую звезду в земной пыли
В насмешку ищет жалкий светлячок.
Светильник гаснет и опять горит,
Звезда ж, погаснув, не зажжется снова.
Я — та звезда, что навсегда погасла.
Жизнь человека — жалкий дар творца,
И все ж перед раджей склонив колени,
Выпрашивал я два ничтожных дня.
Джойшингхо, пусть они не пропадут.
Пусть царской кровью смоят эти дни
Пятно позора. Что же ты молчишь,
Дитя? Приказ учителя бессилен,
Но разве ничего не стоит просьба
Того, кто много лет тебя растил,

Усыновил ребенком-сиротой —
Тебе не стал ли больше, чем отцом?
Как грустно, что пришлось тебе напомнить
Вымаливают жалость, но несчастный,
Молящий о любви, ничтожней нищих.
И все же ты молчишь, дитя? Мне снова
Придется на колени встать? Когда-то
Не доставал ты до моих колен.
Теперь перед тобой склоняю их,
Молю о милости, мой сын.

Д ж о й ш и н г х о

Отец,
Не бей меня в израненную грудь!
Богиня жаждет царской крови. Я
Достану крови, дам ей все, что хочет.
И, уходя, долг заплачу сполна!

(Уходит.)

Р о г х у п о т и

Исполнишь ты желание богини.
А я тебе никто. Неблагодарный!
Что сделала богиня для тебя?
Она ль тебя растила с малых лет?
Смотрела за больным, тебя кормила
И утоляла жажду знаний? Я!
Ее ли разве грудь уязвлена
Неблагодарностью! О страшный век!

С Ц Е Н А Т Р Е Т Ъ Я

П О К О И В О Д В О Р Ц Е .

Р а д ж а .

В х о д и т Н о й о н р а й .

Н о й о н р а й

Вернул я взбунтовавшихся солдат,
И все готово к бою. Махарадж,
Отдай приказ, и мы пойдем вперед.
Благослови на битву.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Полководец,

Я буду сам сражаться.

Н о й о н р а й

До тех пор,

Пока слуга твой не испустит дух,
Ты можешь быть спокоен, махарадж.
Опасности навстречу...

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Полководец,

Когда опасность угрожает нам,
То должен царь делить ее со всеми.
Примите, воины, раджу в свой строй.
Его военной славы не лишайте,
Оставив восседать вдали на троне.

Входит лазутчик.

Л а з у т ч и к

Принц Нокхотро был на пути в изгнание
Взят в плен могольским войском, и моголы
Решили посадить его на трон.
Он движется к столице.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Вот и все.

Бояться нечего, войне конец.

Входит часовой.

Ч а с о в о й

Пришло письмо из вражеского стана.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Я вижу почерк брата. Верно, мир
Он предлагает. Что за обращенье!
Писать не мог так Нокхотро. Он хочет
Изгнания моего, иначе кровью
Затопит он Трипуру золотую,

Спалит страну, в могольские гаремы
Трипурских женщин заточит? Вот подпись.
Да, «Нокхотроманикьо, махарадж».
Смотри, Нойон, раджу приговорил
К изгнанию тот, кто сам раджой был изгнан.
Игра судьбы.

Н о й о н р а й

Изгнание? Что за наглость!
Ведь бой еще не кончен.

Г о б и н д о м а н и к ъ о

Не моголы
Пришли сюда, а просто принц Трипуры
Задумал стать раджой. К чему война?

Н о й о н р а й

Но благо государства...

Г о б и н д о м а н и к ъ о

В чем же благо?
В том, что два брата встретятся в бою
Лицом к лицу и нанесут друг другу
Удар смертельный? Неужели в царстве
Есть только трон, нет ни семьи, ни братьев,
Ни братских уз? Ужели сам писал он?
Не может быть. Здесь пишет он, что я
Разбойник, враг богини, нечестивец,
Несчастье для страны. Не может быть.
Но кто б ни сочинял послание это,
Писал его он собственной рукой.
Какая бы змея ни предложила
Ему свой яд, он сам в него макал
Свое перо, чтоб уязвить меня.
Не Нокхотро, судьба меня казнит.
Изгнание? Безмолвно и смиренно
Судьбы я принимаю приговор.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ХРАМ. СНАРУЖИ БУШУЕТ БУРЯ.

Рогхупоти готовится к жертвоприношению.

Рогхупоти

Богиня, наконец-то ты проснулась.
Гнев страшен твой. Проклятья изрыгая,
Летишь над городом как символ ночи.
Голодные приспешницы твои
Отчаянно трясут вселенной древо.
Сегодня ты окончишь долгий пост.
Где ты была так долго? Червь сомненья
Закрался в души преданных тебе.
Что можем мы без твоего меча
Подъятого? Как радостно мне видеть
Твой гневный облик! Вновь явилась смелость,
Растаяли сомненья. Голова
Поникшая вновь гордо поднялась!
Слышны шаги. Богиня, это жертва!
Великой Кали слава!

Входит Опорна.

Уходи!

Джойшингхо ищешь, вестница несчастья?
Злодейка!

Опорна уходит.

Вот досадная помеха!

А вдруг он не придет! Не может быть!
Джойшингхо верен слову. Слава Кали,
Дарующей успех! Но если вдруг
С ним что-нибудь случилось по пути?
Что, если схвачен он или убит
Рукою часового? О богиня,
Хранящая от страха и в беде
Защитница, проснувшаяся Мать,
Всепобеждающая Кали, славься!

О пусть ничто не опорочит имя
Богини, любящей своих детей!
Пусть враг смеяться не посмеет! Если
Гордыня Матери погубит сына,
Ты больше не услышишь слово — Мать!

Быстро входит Дж о й ш и н г х о.

Джойшингхо? Наконец! Хвала богине,
Украшенной гирляндой черепов,
Казнящей грешников, великой Шакти!
Где кровь раджи, Джойшингхо?

Д ж о й ш и н г х о

Здесь она!

Оставь меня в покое. Принесу
Я жертву сам. Ты хочешь царской крови,
Мать доброты, хранительница мира?
Ничем другим не утолишь ты жажду?
Я сын раджи, и предки все мои
Раджами были. Правит и донья
Род матери моей. Во мне течет
Кровь царская. Возьми ее, богиня.
Последней этой кровью утолишь
Ты жажду бесконечную свою.
(Вонзает нож себе в грудь.)

Р о г х у п о т и

Джойшингхо, бессердечный, беспощадный,
Что ты наделал? О неблагодарный,
Ты изменил мне, ты убил отца
Ударом в грудь! Джойшингхо, своевольный,
Жестокий, словно молнии удар,
Любимый мой, сокровище мое,
Вернись ко мне, один лишь ты мне нужен!
Надменность, гордость, боги и брахманство,
Пусть сгинет все, но только возвратись!

Входит О п о р н а.

Опорна

Меня с ума сведет он. Где Джойшингхо?

Рогхупоти

О милая, зови его с любовью,
Тревожно и отчаянно зови,
Зови Джойшингхо, уведи с собой,
Мне больше уж никто не нужен.

Опорна теряет сознание.
(Припав головой к ногам статуи.)

Мать!

Верни его, верни его, верни!

СЦЕНА ВТОРАЯ ВО ДВОРЦЕ.

Гобиндоманикьо и Нойонрай.

Гобиндоманикьо

Ликует город. Сотнями огней
Уже дворец украсился бесстыдно.
Раскрылись, словно радостные руки,
Навстречу победителям ворота.
А я еще дворец свой не покинул,
Не бросил трон. Я долго был радшой.
Ужель я никому полезен не был,
Не гнал несправедливость, не казнил
Жестокости? Так убирайся прочь,
Раджа-изгнанник! Судишь сам себя
И горестно роняешь слезы? Царство
Земное потерял ты, но остался
Владыкой самому себе. Пусть праздник
Сегодня будет во дворце души.

Входит Гувоботи.

Г у н о б о т и

Любимый, бог души моей, ты здесь?
Ты слышал приговор богини? Ночью
Мы жертву принесем в последний раз,
Уйдем в изгнание, как Рама с Ситой.

Г о б и н д о м а н и к ь о

Любимая, сегодня у меня
Счастливый день. Я царство потерял,
Зато обрел тебя. Войдем мы в храм
С любовью и с цветами, со слезами
От встречи радостной и с чистой грустью
Разлуки, но без крови и без злобы.

Г у н о б о т и

Молю, исполни просьбу.

Г о б и н д о м а н и к ь о

Говори.

Г у н о б о т и

Не будь бесчувственным. Отбрось гордыню.
Не хочешь поражения признать
Перед богиней, пусть растает сердце
При виде мук моих. Жестоким не был
Ты никогда. Так кто же превратил
Тебя в холодный камень? Кто же сделал
Меня вдовой при жизни мужа?

Г о б и н д о м а н и к ь о

Слушай.

Поверь мне только раз. Не понимая,
Поверь мне, глядя мне в глаза. Пусть слезы
Тебя уверят. Пусть ко мне любовь
Понять поможет, что не нужно крови.
Не отворачивай лица и больше
Меня не покидай. Не убивай
Родившихся надежд. И если ты
Уйдешь, то уходи, простив. Ушла?

Гуноботи уходит.

Безжалостен суровый этот мир!
Кто здесь? Нет никого? Уйду и я.
Прощай, мой трон, и ты, дворец священный,
Наследье предков... Твой изгнанник-сын
В последний раз прощается с тобой.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ПОКОЙ НА ЖЕНСКОЙ ПОЛОВИНЕ ДВОРЦА.

Гуноботи

Пусть музыка звучит. Сегодня ночью
Исполню свой обет. Несите жертвы,
Несите розы. Что же вы стоите?
Не слышали приказа? Или я
Для вас уже никто? Утратив царство,
Я перестала быть вам госпожой?
Несите ожерелья и браслеты,
Готовьте все для жертвоприношенья.
Не отвергай, о Мать, свою рабыню.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ХРАМ.

Рогхуноти

Смотрите, все еще стоит она,
Бесчувственная каменная глыба,
Нема, глуха, слепа и безобразна!
Пред ней рыдал убитый горем мир,
Свое большое сердце разбивая
У каменных коленей. Ха-ха-ха!
Какой же демон так жестоко шутит?
Чем чаще люди призывают Мать,
Тем беспощаднее она смеется
Своим ужасным смехом над людьми!
Верни Джойшингхо мне! Верни его!
Ты слышишь, людоедка, дьяволица!

(Трясет статую.)

Ты знаешь, что ты натворила? Чьей
Упилась кровью? Чью святую жизнь
Похитила? Чье сердце было полно
Любовью, нежностью и добротой?
Останешься ты вечно в этом храме
На алтаре, как тайная насмешка
Над простодушной верой. Каждый день
Служить тебе я буду, называя
Богиней милосердия. Не стану
Другим твой страшный облик открывать.
Верни мне только моего Джойшингхо!
Пред кем я плачу? Убирайся прочь,
На сердце давящая глыба! Мир
Вздохнет всей грудью!

(Бросает статую в воды Гомти.)

Под звуки музыки, освещенная факелами,
входит Г у н о б о т и.

Г у н о б о т и

Славься, славься, славься,
Великая богиня! Где ж она?

Р о г х у п о т и

Богини нет.

Г у н о б о т и

Учитель, возврати
Богиню. Я сумею успокоить
Богини гнев. Я принесла ей жертвы.
Оставив царство, бросив мужа, я
Пришла сюда исполнить свой обет.
Прошу тебя, верни ее хотя бы
На эту ночь. Но где богиня?

Р о г х у п о т и

Нет

Ее нигде, ни на земле, ни в небе.
И не было нигде и никогда.

Г у н о б о т и

Но разве не было богини в храме?

Р о г х у п о т и

Зовешь богиней камень ты? Да если б
Она существовала, кто тогда
Назвать бы смог богиней дьяволицу?
Да разве проливала б святость кровь
Загубленного сердца у подножья
Бесчувственного камня? Ты богиней
Его зовешь? Упившись чистой кровью,
Та кровопийца обратилась в прах.

Г у н о б о т и

Не убивай меня, учитель. Я
Хочу знать правду! Так богини нет?
Она не существует?

Р о г х у п о т и

Нет богини.

Г у н о б о т и

Но что же есть тогда?

Р о г х у п о т и

Нет ничего!

Г у н о б о т и

Несите жертвы прочь! К чему они?
Куда стопы направил махарадж?

(Уходит.)

Входит О пор н а.

О пор н а

Отец!

Р о г х у п о т и

О дочь моя родная! Ты
Зовешь меня отцом? Не проклинаешь?
Кто звал отцем сыноубийцу, тот,
Уйдя, вложил то благостное имя
В твои уста. Он сжалился. Скажи
Мне еще раз «отец».

О п о р н а

Отец, уйдем

Из храма!

С цветами входит р а д ж а.

Г о б и н д о м а н и к њ о

Где богиня?

Р о г х у п о т и

Нет ее.

Г о б и н д о м а н и к њ о

Что это, кровь?

Р о г х у п о т и

Да, кровь. В последний раз
Кровь пролита святая в грешном храме.
Своею кровью потушил Джойшингхо
Огонь кровавый.

Р а д ж а

Будь благословен,
Джойшингхо, я принес тебе цветы!

Г у н о б о т и

О махарадж!

Р а д ж а

Любимая!

Г у н о б о т и

Богини

Не существует. У меня остался
Лишь ты один, единственный мой бог!
(Склоняется перед ним.)

Р а д ж а

Беда прошла. Богиня возвратилась,
Приняв любимой облик.

О п о р н а

О отец,

Уйдем.

Р о г х у п о т и

Разбился камень, и богиня
Явила мне свой ясный лик. О Мать,
О благостная Мать!

О п о р н а

Идем, отец.

ЧИТРАНГОДА

*Посвящаю
дорогому и уважаемому
ОБОНИНДРОНАТХУ ТАГОРУ*

Ты подарил мне свои картины, сотканые
из жемчуга.
Прими же от меня эту поэму в знак
нежного благословения.

Желающий счастья Р. ТАГОР

Июль — август, 1892 г.

ОТ АВТОРА

Это случилось несколько лет назад. Я возвращался поездом из Шантиникетона в Калькутту. Была весна. Дорога шла лесом. Белые, желтые и лилово-красные цветы пестрели вокруг. Я смотрел на них и думал, что придет время, когда под палящими лучами солнца эти цветы поблекнут, зато в деревенских садах каждая ветка манго будет усыпана плодами. В этих плодах дерево манго явит себя; оно вложит в них лучшее из того, чем обладает само.

Мне сразу же пришла в голову мысль, что если юная, красивая девушка чувствует, что ее возлюбленный ослеплен ее красотой, она должна понимать, что красота стала соперницей души и претендует на большую долю счастья. А ведь красота и молодость — это только внешность, только мимолетное благо, ниспосланное причудливой шалостью бога Весны для обновления жизни. Если у этой девушки окажется достаточно душевных сил, то этот огромный дар, вырванный из колдовских сетей, станет великим благом для ее избранника и будет сопутствовать их обоюдному счастью. В этом даре тогда обнаружатся лучшие свойства души, которая не стареет, не блекнет и не пресыщает. Эти душевные силы и есть истинный клад жизни. Мимолетные капризы жестокой Природы не пуж-

даются в нем, значит, этот клад — не дар Природы, а дар Человеческого Разума.

Мне захотелось выразить эту мысль в пьесе. Она напомнила мне эпизод с Читрангодой из «Махабхараты».

История Читрангоды долго занимала мое воображение. Наконец в Пандуе, заброшенной деревушке Ориссы, на меня снизошло вдохновение, и я написал ее.

Рабиндранат Тагор

Апрель—май, 1940 г.

ОБИТЕЛЬ БОГА ЛЮБВИ.

Читрангода, Мадана и Васанта.

Читрангода

Ты стрелами любви сердца пронзаешь?

Мадана

Да, сочетаю я людские души
Страданием, а иногда блаженством.

Читрангода

О, эти узы муки безысходной
Знакомы мне! К твоим ногам склоняюсь.
И спутник твой пусть назовется тоже.

Васанта

Я — бог Весны; я тот, кто неустанно
Ведет войну со старостью и смертью.
Они бы всей вселенной завладели,
Когда бы я не следовал за ними.
Я — молодости вечный властелин!

Читрангода

О господин мой, у твоих я ног.

Мадана

Скажи мне, о достойная! Зачем
Такой суровый ты дала обет?
Ведь в пламени жестоких испытаний
Увянет прелесть юности твоей.

Нет, я не требую таких обетов!
Кто ты, дитя? О чем смиренно просишь?

Ч и т р а н г о д а

О, если вы по доброте своей
Простой рассказ мой выслушать согласны,
Я буду всей душою благодарна.

М а д а н а

Что ж, говори! Мы выслушать готовы.

Ч и т р а н г о д а

Принцесса — я! Зовусь Читрангода.
Я — дочь раджи, что правит в Манипуре.
Владыка Умы род заклил отцовский:
Рождаются с тех пор одни мужчины
У нас в роду. Но я была упряма
И женщиною родилась. Сам Шива
Не мог со мною совладать.

М а д а н а

Я знаю,
Что воспитал отец тебя, как сына.
Из лука научилась ты стрелять,
Все тайны царских дел тебе открыты.

Ч и т р а н г о д а

В мужское платье я всегда одета,
Делами царскими вершу, как принц,
Не знаю ни смущения, ни страха,
Ни женских козней узниц онтохпура,
Владею с детства луком я искусно,
Но стрел благоуханных, господин,
Неведом мне полет.

М а д а н а

Я это знаю,
Но женщин не учу такой науке.
Глаза их не нуждаются в ученье.
И это твердо знает тот, чья грудь
Давно любовным пламенем объята.

Читрангода

Увлечена охотой, я однажды
В лесу глухом преследовала лань.
Тропинка вышла к тихой речке Пурпе.
Под деревом в тени коня оставив,
Вошла я в лес за ланью по пятам.
Среди стволов, лианами увитых,
Звонящая стояла тишина.
Вдруг ясно вижу я: чуть вдалеке,
На узенькой тропе среди деревьев,
Лежит мужчина прямо на земле,
Укрытый жалким рубищем саньяси.
Ему велела я немедля встать
И удалиться, но не дрогнул он
И в сторону мою не обернулся.
Я, вспыхнув, натянула тетиву.

И выпрямился он передо мною,
Худой и длинный, стройный, как стрела.
Так пламени язык встает над пеплом,
Коль брызнуть масла в гаснущий костер!
Мгновенье лишь смотрел он на меня —
И гнев погас, улыбкою смягчились
Его черты. Охотника лицо
В нем вызвало, наверно, любопытство.
А я в одну секунду позабыла
Мужскую смелость, прямоту и честь,
Которые отстаивать училась,
За годом год живя среди мужчин.
Передо мной стоял святой отшельник,
В глубокие раздумья погруженный,
Отрекшийся от суетного мира.
Его лицо спокойствием дышало,
И пробудилась женщина во мне —
И поняла я: вот мой повелитель!

Мадана

Труды мои не пропадают даром!
Ты от самой себя не убежишь.

Ты девой рождена и, значит, дева,
А кто рожден мужчиной, тот мужчина.
Что ж было дальше?

Ч и т р а н г о д а

В голосе моем
Смешались стыд и страх, и я спросила:
«Кто ты?» И мне ответил он: «Я — Партха —
Из рода славных Куру». Что я слышу!
Я замерла, забыла поклониться,
Не пала ниц пред ним! Ведь Партха он!
Бывают ли нежданнее открытья?
Я слышала не раз, что дал обет
Двенадцать долгих лет прожить в лесу
Отшельником наш доблестный Арджуна.
В беспечной юности давно ли я
Мечту заветную в душе хранила:
Его геройский подвиг повторить,
Им недостигнутой достигнуть цели.
Я умолила бы его позволить
Мне биться рядом с ним на поле брани,
Чтобы свою отвагу показать.
О, юности безоблачной мечты!
Куда исчезло гордое стремленье!
Теперь я стать хотела бы травой,
Сырую землю перед ним устлать,
Повергнуть в прах и гордость и красу —
Пусть жизнь мою безжалостно растопчет!
Кружились мысли вихрем в голове.
Внезапно вздрогнув, вижу с удивленьем:
Он медленно уходит в чашу леса...
И тут ко мне сознание возвратилось,
И я себя сурово осудила:
«Стыдись! Несчастливая, не поклонилась
И слова даже не произнесла,
Лишь онемев во след ему смотрела!»
Он уходил... Я оставалась жить!
О, если б умереть!

Наутро прочь
Отбросила мужское одеянье,

Сцена из драмы Р. Тагора «Читрангода»

Впервые капчи красное надела
И тонкие, звенящие браслеты.
Одежда необычная меня
Стесняла...

В лес отправилась я тайно,
Чтоб в храме Шивы увидеть того,
О ком мечтала...

Ма да па

Продолжай, дитя!
Меня стесняться было бы смешно,
Я дум властитель — тайны все я знаю.

Ч и т р а н г о д а

Я плохо помню, что я говорила,
Что спрашивала, что он отвечал...
Мне трудно рассказать тебе, Мадапа.
Огонь стыда мне опалил сознание —
Бессвязной, верно, речь моя была:
Лицом я женщина, душой — мужчина!
Не помню, как вернулась я домой.
Его слова кололи, словно иглы:
«Я жить отшельником в лесу дал клятву
И не гожусь красавице в мужья!»
Обет безбрачия! О горе мне!
Ты думаешь, меня не потрясло
Известие это? Много есть примеров,
Когда святые мудрецы приносят
К стопам любимой жертву отречения
От мира и любви.

Он кшатрия,
Он дал обет безбрачия. Домой
Вернулась я и свой сломала лук
И эту руку твердую — предмет
Восторгов общих, дружных воощищений —
В бессильном гневе предала проклятью!
И женщинам (я поняла теперь),
Бессильным покорять сердца мужчин,
Моя наука не нужна. Их руки,

Что нежностью лишь лотосам подобны,
Куда сильней моей могучей длани!
О слабые, ничтожные созданья,
Соединенья страха и стыда,
Опоры в ближнем ищущие вечно
И робостью разящие своей
Героев дух могучий и горенье!
О Ананга всесильный, всемогущий!
Я принесла к ногам твоим отвагу,
Искусство мне взамен даруй свое:
Оружье безоружных, силу слабых!

М а д а н а

Дитя мое, я помогу тебе:
К ногам твоим падет Арджуна славный,
Как пленник, милости твоей молящий,
Покорен будет он твоим веленьям —
Наказывать его тогда ты сможешь
И благосклонностью своей дарить,
А бунтаря примерно усмирять!

Ч и т р а н г о д а

О, если б время было мне подвластно,
Тогда бы я без помощи богов
Избранника душою завладела.
При нем ходила б воином в сраженье,
И спутницею смелой на охоту.
Я стерегла бы сон его, как страж,
Очей своих усталых не смыкая,
Была б смиренной, преданной рабой,
Как преданы богам одни святые.
Геройский подвиг разделила б с ним.
И дождалась бы сладостной минуты,
Когда взглянул бы он в мое лицо,
В душе подумав: «Кто он, этот мальчик,
Что верно служит мне? Быть может, он
В другом рожденье был ниспослан мне
Прислужником и до последних дней
Хранителем моим пребудет верным?»
Я распахнула б дверь его души,

Вошла б туда надолго! Знаю твердо:
Девичьи слезы мне давно противны —
Я не из тех, кто ночью тихо плачет,
А днем улыбкой бледной прикрывает
Мучительную боль; моя любовь
Не может быть бесплодной и пустою!
Я сердце лишь открою, он поймет!
Но ты ведь был свидетелем, Мадана!
Дрожащая, испуганная дева,
От робости забывшая себя,
Любви-ловушки пленницею стала,
Как тысячи сестер моих земных,
Ужель могу лишь слезы лить украдкой?
Мое долготерпенье вам известно,
Верна была я долгу своему.
Теперь смиренно я взываю к вам:
О бог Весны — бог молодости вечной!
И ты, Земли могучий повелитель,
Мне помогите, хоть на день вернув
Красу мою, что отнята безвинно.
Всего лишь на день мне даруйте чары,
И все тогда подвластно будет мне!
Когда его впервые увидала
И в душу мне вошла весна-царица,
Лишь об одном была моя мечта:
Чтоб трепетала я восторгом юным,
Как лотос, что трепещет под стопами
Прекрасной Лакшми. Ананга, Васанта —
Весны неутомимый спутник! День
Прошу один! Исполните желание!

М а д а н а

Да будет так!

В а с а н т а

Да будет так! Не день,
А целую весну тебе дарю
И в тело юное твое вдыхаю
Своей души огонь!

МАНИПУРА.

ХРАМ ШИВЫ В ЛЕСУ.

А р д ж у н а

Что видел я? То истина иль майя —
Обман, игра природы, наважденье?
В лесу безлюдном озеро искрится;
Прозрачная вода и тишь вокруг.
Не девы ль там волшебные играют?
В воде они резвятся знойным полднем,
А ночью лунной вместе засыпают.
Спокоен, безмятежен сон в краю
Заброшенном...

И я в лесу живу.

Лишь солнце завершает вечный круг,
Я в горькие раздумья погружаюсь
О юности, о роковой игре
Добра и зла, о тщетности желаний,
О горечи несбывшихся надежд,
И жалкой доле смертных на земле.
В подобную минуту мне явилось
Чудесное видение однажды...
Красавица, камней едва касаясь,
Тихонько к озеру сошла... О диво!..
Покоилась у ног ее земля.
Как тают облака, когда вослед
За утренней зарей встает светило
Над гребнем гор, так покрывало девы
Разветься хотело, чтоб открыть
Всю прелесть тела и лица ее,
Вдруг ощутивших миг блаженный жизни.
Тихонько к озеру она сошла
И молча в воду заглянула, дрогнув,
И, тихо рассмеявшись, наклонилась,
Рукою гибкой волосы откинув,
И уронила косу на песок.
Край платья соскользнул, и обнажилась
Ее рука. С тоской любовный взор
Перевела и, голову склонив,

Смотрела на весну, что расцвела
На молодом ее и пышном теле.
Когда же поги в воду погружала,
Вода вдруг озарялась алым светом.
Все удивительно! Как будто здесь
Она себя увидела впервые.
Как будто белый лотос, чей бутон —
Закрытый глаз, и только на рассвете,
Когда он распускает лепестки.
И, к озеру склонившись, видит в нем
Свою красу — он радуется, глядя...
Видение исчезло так внезапно!
Не знаю отчего, улыбка вдруг
Пропала. Очи потускнели. Вот —
Уж не она! Надето платье. Туго
Коса затянута жгутом. Тенерь
Она, вздыхая, медленно уходит,
Как золотой закат, что тихо гаснет
И погружается в ночную мглу.
«Земля открыла мне свои богатства,
Желаний промелькнула полнота», —
Подумал я, и вот готов сейчас
Забуть о гордости мужской и чести,
Еще неутоленной жажде славы
И все готов принести к ее ногам...
Так царь царей приносит дар царице
За миг один...

О, кто-то в дверь стучит!

(Открывает дверь.)

О кто это? Она! Утихни сердце!
Боязни я давно не знаю. Страх,
Смушение неведомы потомку
Из рода кшатриев!

Ч и т р а н г о д а

Ты — гость мой, арья.
А этот храм — мой дом. Гостей, однако,
Еще не доводилось принимать.
Чем потчевать тебя прикажешь мне?

А р д ж у н а

Лишь тем, что снизойдешь и разрешишь
Смотреть в глаза прекрасные твои.
А я богат одним лишь красноречьем.
Задам тебе вопрос, когда позволишь, —
Он душу мне давно гнетет и гложет.

Ч и т р а н г о д а

Что ж, говори!

А р д ж у н а

О чистое дитя!
Зачем суровый ты дала обет
И здесь в глуши, в лесу живешь одна
Вдали от мира и людей?

Ч и т р а н г о д а

Есть тайна.
Об исполненье тайного желанья
Я Шиве здесь молитвы возношу.

А р д ж у н а

Увы, прекрасноликая, скажи,
Чего же хочет тот, кто сам желанье?
Я исходил, наверно, целый мир —
И видел сам не раз величье духа
И редкую красу. Чего ж ты хочешь?
Скажи! Быть может, мне слова твои
Откроют новый мир.

Ч и т р а н г о д а

Избранник мой
Известен всей вселенной.

А р д ж у н а

Кто же он?
Какой счастливец достоин права
Занять бесценный трон в твоей душе?
Открой мне имя! Буду благодарен...

Читрангода

Потомок рода царственного он,
Герой среди героев, храбрый воин!

Арджуна

Мирской молве не верю я ничуть:
Она порой из уст в уста струится
Туманом предрассветным. О дитя!
Достоин ли столь редкостной красоты
Он, твой герой? Так кто же, говори,
Он, царственной отмеченный печатью?

Читрангода

Не терпишь ты чужих заслуг, саньяси.
Слышал ли ты о роде славных Куру —
Венце всех царственных родов?

Арджуна

Род Куру!

Читрангода

А кто в роду всех больше знаменит?

Арджуна

О, говори, я слушаю тебя!

Читрангода

Арджуна! Он — гандивы обладатель!
Всю землю облетело это имя,
А я похитила его, чтоб спрятать
В душе своей девичьей.

О саньяси!

Зачем тревожно так твое лицо?
Арджуна недостойн? Говори!
Быть может, я обманута молвою,
Или Арджуны слава — ложь, обман?
Тогда сама я сердце разорву
И это имя выброшу на ветер,
Пускай оно умчится в пустоту —
Огнем души не быть ему согретым!

А р д ж у н а

Воистину, о дева, счастлив тот,
Кто здесь обрел приют у ног твоих.
Быть может, это он — герой Арджуна?
Он — Пáндава, гандивы обладатель?
Его добытая страданием доблесть
Пусть истинна иль ложна, суд людей
Быть должен справедлив! Не изгоняй
Несчастливого, прости...

Ч и т р а н г о д а

Так Партха — ты?

А р д ж у н а

Ты угадала, Партха я, богиня!
Я — гость, молящий робко о любви...

Ч и т р а н г о д а

Я слышала, что на двенадцать лет
Арджуна дал обет безбрачья, значит,
Нарушен он — ты к женщине теперь
Протягиваешь руки! О саньяси!

А р д ж у н а

Нарушил я обет из-за тебя!
Ты словно свет луны, что изгоняет
Ночную мглу!

Ч и т р а н г о д а

Стыдись, стыдись, герой!
Кто я такая? Чем тебя прельстила?
Что ты увидел вдруг во мне, скажи,
Чтоб чистоту и святость запятнать?
Ужель глаза, похожие на небо,
И эти руки, молока белей?
Где ж истина, коль с легкостью такой
Ты собственную клятву нарушаешь?

А гордость где? Где, наконец, в любви
Похвальный выбор, к женщине почтенье?
На брэнное ты посягаешь тело,
Ничтожное вместилище души
Бессмертной. Да, теперь я понял
Что слава, честь твоя и доблесть ложны.

А р д ж у н а

Да, ложны слава, доблесть, честь моя;
Мне кажется, я грежу наяву:
В тебе одной вселенная моя,
Моя земля и небеса мои.
В тебе великое отдохновение,
Освобождение от мирских забот.
Увидел я тебя, и луч восторга
Пронзил мне душу, скованную мглой,
С зарею новой оживил окрест
Средь моря темноты сады цветов,
Знакомых мне давно, но позабытых...
Гляжу в твои глаза и постигаю
Непостижимое твоей души.
Постиг ли только? Вот вопрос! Послушай:
В горах я лань преследовал однажды
И знойным полднем, жаром изнуренный,
Я вышел к озеру Манас. Кругом
Лежал ковер цветов благоуханных,
Вода манила светлой глубиной,
Таинственной она казалась мне:
Чем глубже, тем прозрачней. Вдруг луч солнца
Вонзился в стебель лотоса, играя,
И сквозь него упал на дно, дрожа
И извиваясь огненной змеею...
Мне показалось, что сам Солнце-бог
Мне, смертному, велит смотреть туда,
Где Красота, где Смерть и где царит
Смертельный Холод. Глубь такую ж вижу
Теперь в тебе, и бога светлый перст
Указывает смертному дорогу
В сияние твое. Скитальца здесь,
Уставшего над кручами и в безднах,
Желанный отдых ждет. Его я жажду!

Читрангода

Нет, Партха! Нет! То козни волшебства!
Ошибся ты! Прошу тебя — уйди!
Не расточай любовных слов напрасно
И доблесть в жертву мне не приноси.
Ступай же! Уходи!

ПОД ДЕРЕВОМ.

Читрангода.

Читрангода

Могу ль унять волнение в груди?
В душе героя трепетное пламя
То вспыхнет, то погаснет, как костер.
Как будто руки выросли у глаз
И, жадные, похитили меня,
И сердце охмелело, обезумев,
Расторгло грудь и вслед бежать готово,
Чтоб вновь услышать стоны и мольбы...
Могу ль унять волнение в груди?

Входят Васанта и Мадана.

О Ананга великий! Я пылаю!
Ты окружил меня костром, теперь
Сгораю я...

Мадана

Ну говори, дитя,
Что тут случилось без меня? Каких
Вчера здесь натворила дел стрела?
Я знать хочу.

Читрангода

Вчера, лишь солнца час
Закатный наступил, я на траве,
У озера лесного, прилегла
На ложе из цветов, весной опавших,
И мысль моя ленивая текла,
Событья дня в уме перебирая.

Слова любви я слышала опять,
Из уст Арджуны музыка лилась,
И сладостный бальзам вливался в грудь.
Забыла все, и прошлое мое
Казалось мне каким-то сном далеким.
Мне чудилось, что не принцесса я,
А одинокая фиалка в чаше.
Цветенье — жизнь моя. Пчелы жужжанье
Да шелест листьев слышать мне дано.
Когда же час пробьет, мои одежды,
Что цветом схожи с небом голубым,
Поникнут, ветер чуть дохнет — они
Рассеются беззвучно — вот рассказ
О легкой смерти нежного цветка
В разгаре жизни...

В а с а н т а

Милое дитя!

Бывает — вечность промелькнет, как утро...

М а д а н а

Жизнь — лишь мгновенье в музыке миров...
Что ж дальше, говори!

Ч и т р а н г о д а

Меня внезапно

Окутал сном лукавый ветер юга...
Ленивая лиана опустилась,
Коснувшись тела нежным поцелуем,
Вниз кто-то бросил горсть лесных цветов —
Они легко рассыпались в ногах,
Легли на грудь и волосы одели —
Как будто это тело — смертный одр...
А я спала, спала я чутким сном.
Вдруг чувствую сквозь сон, как чьи-то взоры
По телу моему, подобно пальцам,
Блуждают...

И проснулась я в испуге.

Саньяси предо мной стоял, как тень...
Плыл месяц в небе медленно и тихо,
Прозрачным светом обливая лес,

Весь полный нежных ароматов, звуков
Ночных; дремала в неге темнота,
В зеркальном озере дрожали тени.
Стих ветер. Колдовством усыплена,
Природа замерла... И вдруг саньяси —
Огромный, с посохом в руке, — застыл,
Как изваянье.

В первый миг мне чудо
Пригрезилось, как будто я в другом
Рожденье. Тишь вокруг ночная. Берег
Безлюдной Бойторани. Лунный свет.
Я встала... Стыд, смущение и робость
Покинули меня с той быстротой,
С какой расстегнутое платье вдруг
С плеча скользит и падает к ногам.
И слышу я: «О жизнь моя! Любовь!» —
И этот голос отклик пробудил
Во всех моих рождениях земных.
И я сказала, руки простирая,
«О подойди! И все, что есть — возьми!
Навек любимый!» В лес луна упала.
Ночь землю поглотила; мир, земля,
Пространство, время, счастье, горе, жизнь
И смерть — слились в восторге беспредельном...

Луч первый солнца, первой птицы крик —
Я поднялась, на локоть опершись;
И вижу: рядом спит счастливым сном
Герой — избранник мой. Как поутру
Луны чуть видный серп напоминает
О светлой красоте минувшей ночи,
Усталая застыла на губах
Улыбка. Отблеск солнца след оставил
На лбу высоком — знак героической славы
И подвигов, что новым солнцем встанут
Над миром человеческих страстей.

Со вздохом я покинула постель,
Лиану выющуюся наклонила,
Чтобы она своею тенью свежей
Его лицо от солнца защитила.

Кругом спала знакомая земля.
Минувшее мне вспомнилось опять:
Бежала я, как загнанная лань,
Своей пугаясь тени, словно лист
Лесной шефали, никнувшей и робкой
С восходом солнца. Вдруг безлюдный храм
Дорогу преградил; я внутрь вошла,
Лицо свое ладонями закрыла,
Упала на колени, слез моля,
Но ни одной слезы не проронила...

М а д а н а

Дитя, я рай небесный разорил,
Чтоб ночь земную негой напоить.
К твоим устам поднес напиток дивный —
Вино из страсти, неги и лобзаний
Небесных дев (владычиц чар волшебных)
И тонких ароматов сада Индры.
К чему же этот плач?

Ч и т р а н г о д а

Кого, Мадана,
Ты напоил! Чью жажду утолил?
Ведь эти поцелуи и влечение
Двух душ переполняют плоть мою
Священным трепетом звенящей вины!
Но не мои они. Я столько дней
Своим безропотным тебе служеньем
Молила о свиданье с ним. И вот —
Свидание! Теперь его отнимешь?
И счастье, что добыто этой мукой,
Осыплется, как лепестки цветов,
Расцветших и увянувших. Я — майя,
Иллюзия. Моя краса — ничто:
Я женщиной простой навек останусь.
О Камнадев! Кому смиренно ты
Позволил следовать за мной, как тень?
За что караешь? Сам ведь ты вселил
В уста, давно алкающие страсти,
Могучее влечение — поцелуй!

И он приник к устам моим... А взор
Был полон той любви, что опалает
Плоть огненным дыханием: тот взор,
Как солнца луч, прорезал тьму ночную,
Грудь молодой отшельницы пронзив,
Прельстил ее своей игрой.

М а д а н а

Пусть так!

Назавтра сгинут чары волшебства.
Ладья мечты вблизи побережья ныне —
Теперь волна любви обоих сблизит...

Ч и т р а н г о д а

Я ночь вчерашнюю все вспоминаю:
Небесный рай в руках своих держала,
И счастье затуманило сознание...
Сегодня я проснулась от тревоги,
Мучительно она сжимает сердце!
Опять я вспоминаю эту ночь...
Но мысль стрелой вонзается в мой мозг —
Повсюду вижу я своих соперниц...
И все же не могу забыть... Когда бы
Женой его я стала, день за днем
Святую из святых постель супругу
Стелила бы заботливо сама,
Глаза смежив, всем телом ощущала б
Его любовь! О, кто любовью к плоти
Родил в душе моей ревнивый жар?
Кто проклят так средь смертных? О Мадана!
Ты щедрые дары свои возьми!

М а д а н а

Но вместе с ними и обман уйдет,
И завтра ты предстанешь перед Партхой
Тем лотосом поникшим, что теряет
Холодной осенью весь свой наряд.
Когда позволили один глоток
Испить тому, кто страстно жаждет влаги.
Глядеть с отчаяньем несчастный станет
На отнятый кувшин, разбитый вдруг
О камень...

Читрангода

Ты меня не испугаешь.
Я лучше во сто крат, чем лотос твой
Чудесный. Пусть собой останусь я.
И если он с презреньем отвернется,
Мне сердце разорвав, то я умру,
Умру собой! Запомни, спутник Индры!

Васанта

Послушай же меня, мое дитя!
Когда цветка окончено цветенье,
Родится плод. Когда сожженный зноем
Наряд прелестный твой совсем увянет,
Откроется душа. О знай, тогда
Вкусит иную сладость твой Арджуна!
Иди ж, дитя, на этот юный праздник!

Арджуна и Читрангода.

Читрангода

Куда ты смотришь, мой герой?

Арджуна

Смотрю,

Как ловко пальцы нежные твои
Гирлянду выют. Искусство, красота —
Вот две сестры, что целый день играют
В волненье трепетном. Смотрю на них
И думаю.

Читрангода

О чем, о повелитель?

Арджуна

О том, что ты гирлянду вьешь из дней,
Овеянных любовью, ароматом
Цветов, дыханьем озера лесного;
Я с ней внесу в родимый дом венок
Восторгов неизбывных...

Читрангода

Значит, дом
Пригоден для любви?

Арджуна

А разве нет?

Читрангода

О нет! Забудь о доме, господин!
Дом нужен тем, кто вечно будет жить.
Лесной цветок под кровлей увядает
На каменном полу один, забытый,
Без ласки, без заботы и вниманья.
А здесь, в тенистом, тихом онтохпуре
Жизнь вечно движется, сменяя смерть.
То гибнут почки, то бутоны вянут,
Соцветья осыпаются, и сохнет
Цветок, на землю теплую упав.
Так жизни каждый миг родит начало
И вместе с ним конец несметных жизней.
Когда-нибудь и мой настанет час.
И я в глухом лесу усну, как сотни
Созданий безмятежных и счастливых...
Никто не вспомнит обо мне.

Арджуна

И все?

Читрангода

Да, все. Причин не вижу для печали.
Что, праздному, тебе утехой служит,
Потешься в праздности, затем бросай!
Излишества таят в себе беду.
Бери, что есть — храни, пока хранится.
И помни, что твоих желаний утро
Милей заката пресыщенных.

Видишь,

Уж день кончается. Надень венки.
Прижми меня, усталую, к груди.

Пускай уста сольются наконец,
Пускай сомненья ложные растают!
Приди ко мне! В объятиях друг друга
Мы испытаем сладость пораженья.

А р д ж у н а

Прислушайся, любовь моя! За лесом,
В селении, я слышу звук трубы —
То кончилась вечерняя молитва.

М а д а н а и В а с а н т а.

М а д а н а

Я стрелами пятью владею, друг.
В одной — улыбка; слезы — во второй.
Сильна надеждою и верой третья,
Четвертая — отчаяньем и страхом.
А если речь зайдет о пятой, знай:
Ей, только ей, дано соединять
И разлучать, вселять надежду, страх,
Тоску, несчастным делать ниль счастливым!

В а с а н т а

Устал я, друг мой, отпусти меня!
И прекрати свое сраженье, право!
Доколь же от зари и до зари
Я буду раздувать любви огонь?
Чуть клонит голову мою ко сну
И веки сон смежит, костер твой гаснет...
Я вздрагиваю, просыпаюсь вновь,
Чтобы дыханием своим опять
Раздуть пожар любви. Теперь прощай!

М а д а н а

О, знаю я! Ты — вечное дитя!
Ты — баловень, шалун и непоседа,
Забот не зная, день и ночь играешь,
То на земле, то в ясных небесах.
Кого-то вдруг красою осчастливишь
И тотчас бросишь в пыль и улетишь,

Не оглянувшись; счастья век недолог —
Твоими крыльями взметенный вихрь
Его уносит прочь, как жалкий лист,
И миг забвенья тотчас исчезает.

ЛЕС.

А р д ж у н а о д и н .

А р д ж у н а

Я словно наяву обрел тот камень,
Который видел как-то раз во сне.
Но для него нет места на земле —
В подлунной не найти такой короны,
Чтоб сохранить сокровище могла бы,
И нити для него не знаю я...
Не в силах я сейчас расстаться с ним,
А если удержать, то навсегда
Рука бойца в бездействии повиснет.

Входит Читрангода.

Ч и т р а н г о д а

Задумчив ты?

А р д ж у н а

Я думаю о лапи.

Представь себе: в горах пронесся ливень,
В лесу густым покровом тень легла;
Поток с горы, шипя и пенясь, мчался,
И грозным ревом шалости его
Встречали берега, презреньем вторя
Пустому грохоту. В один из дней
В глухом лесу мы пятеро охотой
На тигра увлеклись. Прохладно было —
Желанный сумрак бодрость в нас вселял,
Раскаты грома веселили сердце...
Бедняжка-лань не слышала шагов —
Дождя и водопада громыханье
Несчастную, наверно, оглушили.

Размытая тропа хранила след
Огромной, пятипалой лапы тигра —
Скорей от нас укрыться он спешил.
Мы поклялись, охоту завершив,
Поток бурлящий переплыть, с волной
Высокой состязаясь.

Ч и т р а н г о д а

Я прошу:

Окончи свой рассказ о лапи той.
Ужель она героя полонила?
Ты отрицаешь это? Знай тогда:
Дикарки-лани ловятся иль ловят
И исчезают вдруг, как легкий сон —
Минутная игра прельщает их,
А вечный плен пугает и страшит.
Смотри, как дождь играет с буйным ветром!
Вот туча ветру на спину бросает
Стрел миллионы, и хмельная лань
Едва уносит ноги невредима.
Так мы с тобой играем, повелитель.
Сегодня — ливень. Ты решился, знаю,
Охоту завершить любой ценой.
Ты из колчана выпустишь все стрелы,
Чтоб жертвой овладеть! Пусть будет мрак,
Смех света ослепительный пусть будет!
Пусть будет дождь иль вспышки ярких молний —
Лань-призрак исчезает там, где сумрак,
Где мир навек затянут черной тучей
И где никто покоя не тревожит.

М а д а н а и Ч и т р а н г о д а .

Ч и т р а н г о д а

О повелитель душ людских! Что сделал
Со мною ты? Как будто кровь мою
Смешал с волшебным зельем. Я горю
И, обезумевшей подобно лани,
Дыхание переводя с трудом,
В отчаянье спасаюсь от погони
Охотника. Колчан его тугой,

Он полон стрел, как туча пред грозой
Полна до края драгоценной влаги.
Жестокое предвижу поражение —
Его страшусь и радуюсь ему.
Остановить опасную игру
Боюсь, на миг остановлюсь — и сердце
Слезами разорвет!

М а д а н а

Постой, дитя!

Не торопись! Игру затеял я.
Пусть стрелы цель разят и сердце стонет.
Но роли я сегодня поменяю.
Предстанет лань моя в ином обличье.
Советую: покоя не давай.
Гони, вали, свяжи, заставь дрожать
От смеха своего и в грудь вонзи
Стрелу свою с любовным сладким ядом.
Охотник ты, не знающий пощады!

А р д ж у н а и Ч и т р а н г о д а .

А р д ж у н а

Любовь моя! Ужели дома нет
Такого на земле, где по тебе
Никто б не тосковал в разлуке, где
Смиреньем и любовью создала ты
Приют покоя, радости и счастья?
Где дом, в котором погасила ты
Свечу и в лес ушла, где по тебе
Скорбят воспоминанья лет минувших?
Ужели дома нет такого?

Ч и т р а н г о д а

Мне

Вопрос твой непонятен, друг. Зачем
Ты хочешь это знать? Перед тобой
Я вся, иной меня не существует.

Ты видел, как на листике кингшука
Блестит росинка утренней порой?
Ты знаешь, кто она, откуда родом?
Любимая твоя с росой схожа,
Нет у нее ни имени, ни дома...

А р д ж у н а

Нет никого на свете? Словно капля,
Упавшая с небесной выси чудом?

Ч и т р а н г о д а

И в миг цветы лесные засияли...

А р д ж у н а

Вот так и убивают души смертных,
Не дав им ни забвенья, ни покоя.
О недоступная! Дай мне узнать
Тебя. Твой дом и род — вот нитей сотни,
Что мне помогут удержать тебя
И сетью окружить со всех сторон.
Тогда бы жизнь моя текла спокойно,
Рекою полной. Имя мне открой!
Скажи, как в храме сердца твоего
Произнести моей любви молитву?
Не зная рода твоего, смогу ли
В руках без стебля лотос удержать?

Ч и т р а н г о д а

Увы, какими узами ты хочешь
Блеск молнии связать, и бег волны,
И аромат цветов? Связать того,
Кто не живет в неволе.

А р д ж у н а

Жалок жребий
Влюбленного. Тебя я умоляю:
Не превращай любовь в мираж и дар
Души твоей бесценный мне доверь!

Ч и т р а н г о д а

Итак, сегодня ливень перестал.
Он, видно, утомился слишком сильно.
Увы, мне ясно стало наконец,
Зачем так мимолетен срок цветенья,
Отпущенный небесными богами.
Ведь если б дольше длился этот срок,
Погиб бы дух великий и могучий.
А так нам дней отпущено немного.
Довольствуйся же тем, что есть, о Партха!
И сладостный бальзам испей до дна.
Ты — не пчела и в миг любой не сможешь
К цветку вернуться, чтоб упиться соком.
А память плохо утоляет жажду.

А р д ж у н а и лесные жители.

П е р в ы й

На помощь! К нам! На помощь!

А р д ж у н а

Что случилось?

В т о р о й

С гор движутся к нам полчища злодеев.
Лавина их, подобная потоку
Порой дождей, грозит смести жилища.

А р д ж у н а

Но разве нет у вас в стране защиты?

П е р в ы й

Читрангода-принцесса нас хранила,
И, кроме страха перед богом Ямой,
Не ведали иного страха мы.
Но слышал я, она ушла теперь
В святые земли, дав обет скитаться.

А р д ж у н а

Так женщина была для вас защитой?

В т о р о й

И добротой и храбростью своей
Она отца и мать нам заменила,
Любовь и строгость совместила в сердце
Своём.

Лесные жители удаляются,
Входит Читрангода.

Ч и т р а н г о д а

Опять задумчив, господин?

А р д ж у н а

Не знаю отчего, но ум мой занят
Одною мыслью. Каждый день я слышу
Из сотен уст одно и то же имя:
«Читрангода» — и тысячи рассказов
О подвигах ее.

Ч и т р а н г о д а

Как некрасива,
Уродлива, наверное, она!
Таких бровей, изогнутых, как луки,
И черных звезд, горящих на лице,
Нет у нее. Рука ее тверда,
Сильна, умеет бить по цели метко,
Но гибкою змеей не обовьет
Тебя...

А р д ж у н а

Я слышал, что она, как дева,
Нежна, неустрашима, как мужчина!

Ч и т р а н г о д а

Какой позор! Несчастливая сестра!
Ведь женщина быть женщиной должна.
Она — любовь и свет, земли сиянье.
Ее удел — смиренное служенье
Слезами, смехом, хитростью и лаской,

И выдумкой внезапной и лукавой...
Зачем же ей геройские дела?
Зачем ей доблесть, сила и отвага?
О Паурава! Завтра, если встретишь
Ее в лесу иль в храме, у реки,
Смеяться будешь над самим собою!
Увы! Ужели красота девичья
Уже тебя не привлекает ныне
И в женщине ты ищешь свойства мужа?
Иди за мною лучше, повелитель.
В густой тени пещеры, мхом поросшей,
Для отдыха я постелила нам
Постель; цветами убрала ее
И влагой освежила из ручья,
И долго там одна в тиши сидела
И слушала павлинов крик далекий,
Как вещие слова: «Пора! Пора!
Лови! Лови!» Внизу журчал ручей
И целовал зеленые побеги
Лиан, что мягко по камням вились...
Пойдем, герой, нас отдых ждет желанный!

А р д ж у н а

О нет, любовь моя! Сегодня — нет!

Ч и т р а н г о д а

Но почему?

А р д ж у н а

Я слышал от людей;
Злодеи вторглись в мирные селенья.
Я стать защитой должен беззащитным.

Ч и т р а н г о д а

О господин! Напрасны опасенья!
Пред тем, как на моленье удалиться,
Читрангода-принцесса приказала
Повсюду разослать своих дозорных
С указом строгим: охранять границы,
Чтоб для беды закрыты были входы.

Арджуна — рисунок индийского художника Нолдолала Бошу

А р д ж у н а

Прости, любовь моя! Но в этом долг мой!
В бездействии рука бойца томится.
Позволь чело твое украсить славой,
Принести к стопам тебя достойный дар —
Прекраснобедрая!

Ч и т р а н г о д а

Но если я
Не отпущу? Не разрешу идти?
Ты все ж уйдешь? Тогда иди! Но помни:
Лиана, с корнем вырванная, гибнет!
Но если ты насытился любовью,
Иди — не задержу, а если нет —
Изменчивая в счастье Лакшми скоро
Забудет о тебе. Ведь не она
Покорно служит нам, а мы ей служим —
Ведь мы с мольбой и страхом день и ночь
В отчаянье к ней простираем руки
И ждем с тревогой лика просветленья!..
Бутоны счастья расцветают за день.
Цветы цветут и опадают быстро,
А между тем владелец их счастливый,
В житейские заботы погруженный,
Не видит их поблекших лепестков.
Когда ж цветок роняет их на землю,
Несчастный тотчас понимает тщетность
Всех дел — тогда всю жизнь в его груди
Неугасимым пламенем пылает
Пожар голодный...

О, мой повелитель!

Иди ко мне, садись и расскажи,
Задумчив отчего ты так сегодня?
Что не дает тебе покоя? Читра?
Но чем она тебя вдруг покорила?

А р д ж у н а

Я думаю о том, что за нужда
Жестокая заставила принцессу
Суровый этот дать обет?

Ч и т р а н г о д а

Нужда?

А чем она богата? Только тем,
Что доблести ее геройской был
Дворец воздвигнут, людям недоступный;
Томилось сердце юной девы в нем.
Затворница всегда наедине
С собой. Вовек никто в ней не заметит
Душевной красоты, когда она
Не засверкает в грешной брэнной плоти.
О женщина! Что за нужда тебя
Заставила суровый дать обет?
Достигла ныне ты зенита славы,
Но, гаснувшей заре подобна, дни
И ночи долгие одна в тоске
Проводишь горькой... Но не будем спорить!
История печальная принцессы —
Не для твоих ушей...

А р д ж у н а

Нет, говори!

Я слушаю, пылая нетерпеньем,
И сердцем чувствую биенье сердца.
Я, точно странник, что проник однажды
В рассветный тихий час в волшебный город.
Земля вокруг, леса, долины, горы
Погружены в чудесный сладкий сон;
Виднеется сквозь утреннюю мглу
Свободный город в куполах дворцов,
Далекий, гулкий слышен рокот моря...
И вся в лучах встающего светила
Природа удивления полна.
И я, дыханье затаив, здесь жду
Принцессу... Вот покажется она!
Ну, продолжай! Чего же ты молчишь?

Ч и т р а н г о д а

Что мне еще сказать тебе?

А р д ж у н а

Однажды,

Мне кажется, ее я видел сам.
В руке одной бразды она держала,
Другую твердо лук сжимала. Город
Встречал ее ликующим восторгом,
Как Лакшми всемогущую. Она,
Ступая в узкий дворик бедноты,
Любовь по-матерински источала;
Народ свой стерегла она и царство,
Как львица зорко стережет потомство,
И враг страшился на него напасть.
Подобно Дурге, матери Вселенной,
Бесстрашно восседающей на льве,
Она без страха государством правит.
И украшения, браслеты, серьги
Ей не нужны, чтоб средь других людей
Казаться нежной, женственной, стыдливой...
О ты, прекраснобедрая, узнай!
Давно волнением моя душа
Объята, мечется, змее подобно,
Воспрявшей ото сна...

Иди сюда,

Давай вдвоем хмельных коней взнуздаем
Кометами прорежем небосвод,
Из мрака леса вырвемся на свет,
Где этот сладкий воздух не дурманит,
Лесная темь не застилает взор!

Ч и т р а н г о д а

О Каунтея! Если обаянье,
И мягкую задумчивость порой,
И пежность, что с цветком одним лишь схожа,
Я вырву с корнем и отброшу прочь,
Как рваную одежду, что ты скажешь?
Потерпишь ли? Потерпишь, если вдруг
Бойцом бесстрашным стану, забыв
Лукавство женское и тайны чар?
Что привлекает больше взор мужской:

Привольно на скале растущий дуб
Иль по земле ползущая лиана?
Лиану я не зря упомянула —
За счастья миг я юность отдаю,
Я одеваюсь, как на праздник, жду,
Глаз ни на миг с дороги не свожу...
Когда же ты приходишь на досуге,
Я утешаю, как могу, тебя,
А ты, устав от ласк, опять уходишь
Искать забот... Когда ж настанет срок,
Я голову склоню, где ты прикажешь...

Утеха ночью и опора днем,
Как руки, что вовек не расстаются —
И с правой левая, как верный страж,
Всегда... Не это ль по душе герою?

А р д ж у н а

Загадок я твоих не понимаю.
Давно стремлюсь, но не могу понять.
Меня ты между сном и явью водишь,
Богини уподобясь изваянью,
Что мне дарит усладу поцелуев
И жар объятий, но взамен сама
Не хочет и не просит ничего...
Любовь неразделенная огнем
Сжигает грудь. Мне кажется сейчас,
Что понимать уже я начинаю...
О лучезарная! Краса твоя —
Как для земли холмы, леса и реки —
Рукою вытканное покрывало.
Порой мне кажется, что роль свою
Ты не сыграешь до конца — так все
Дрожит внутри тебя. Смеешься ты —
Но смех твой полон слез, порой трепещет
И рвет внезапно тягостный покров!
Сначала ты опутала святого
Своей волшебной красотой, но вскоре
Явилась истина и осветила
Мгновенно все вокруг: внутри и вне...

Сцена из музыкальной драмы «Читрангода»

Так где же эта истина в тебе?
Дай мне понять, и я тебе откроюсь,
Тогда союз наш будет неразрывен!

Я вижу слезы на твоих глазах...
Зачем лицо взволнованное прячешь?
Ужели я тебя сейчас обидел?
Любовь моя! О перестань и слезы
Утри! Ведь эти чары — мне награда
За целомудрие. А эта песня,
Что ветер мне несет весенний, буйный
Из океана жизни, мне судьбой
Ниспослана. Страдания мои
Счастливей счастья и надежд надежней!

Мадана, Васанта и Читрангода.

Мадана

Сегодня ночь последняя...

Васанта

Она

Пройдет, и вскоре снова чары плоти
В сокровищницах спрячу я своих.
Лобзаний ненасытный жар навеки
Забудут эти трепетные губы,
И почками распустятся двумя
На тонкой ветви вьющейся лианы.
Волшебная краса уйдет в цветы...
Минувшее при новом пробужденье
Казаться будет сном.

Читрангода

О Ананга!

И ты — Васанта! Вас прошу исполнить
Одно желанье: этой ночью пусть
В последний раз перед своею смертью
Моя краса исторгнет жар и пламя,
Подобно вспышке гаснущей свечи!

М а д а н а

Пусть будет так! Ты, друг мой, ветер южный!
Могучей грудью выдохни струю,
Что оживит уставшие сердца!
Стрелой я изгоню ночную тьму,
А Бхогавати прикажу на волнах
Блаженства сладостного унести
Два тела, в страстном слитые объятье.

Арджуна и Читрангода.

Ч и т р а н г о д а

Скажи, о повелитель мой! Желанья
Твои исполнены теперь? И сладость
Благоуханной юности сегодня
Исчерпана? И ты пресыщен ею?
Во мне уж нет того, что так влекло
Тебя? Пусть так! Но мой владыка правый!
Испей до дна, сегодня я твоя
В последний раз...

Возлюбленный навеки,
Я испытаньем заслужила долгим,
Мольбой своей растрогала богов,
В награду за обет свой получила
Красу, что здесь, у ног твоих, лежит...
Но, если праздник наш уже окончен,
Оставь меня одну в холодном храме!
Лишь, умоляю, светлыми очами
В глаза твоей рабы взгляни хоть раз!

Я не блистала прежде красотой,
Что мне теперь подарена богами.
Иными из достоинств обладала,
Не лишена была страстей, пороков,

Возможно ли, чтобы скиталец вечный
С разбитыми, усталыми ногами
Был в жизни этой нежен и безгрешен?
Но сердце билось сильное в груди
Моей, неистощимо, вечно билось,
Как бьется сердце Матери-земли,
Когда она своих грудных младенцев,
Земные радости и испытанья,
Любовью, лаской нежной окружает.
В моей груди Величие и Голод
Живут. И если юности цветы
Увяли, ты в глаза мои взгляни!

Встает Солнце, Читрангода отбрасывает
покрывало с лица.

Читрангодой зовусь. Принцесса я.
Ты, верно, день тот необычный помнишь,
Когда в глуши, у озера лесного,
Тебе явилось странное виденье —
Одежда женщины его сковала,
И речь была развязна и бесстыдна,
С мужскими схожие движенья. Ты
Отверг его — поступок благородный!
Но если б женщиной ничтожной принял,
Обида бы пронзила грудь мою.
То я была, владыка мой, и все же
Не я — лишь маска жалкая моя.
Но боги сжалились и подарили
Мне на весну волшебную красу,
И я измучила тебя игрою!
Читрангода я. Нет, не божество
И не ничтожная жена, что бьет
Без усталости поклоны. Нет, не стану
В презрении влачиться за тобой!
Дорогой трудною с тобой пойду,
Опасности, тревоги разделяя,
В суровом подвиге опорой стану
И другом верным в тяжкую минуту.
Под сердцем я ношу твое дитя,
И если сын родится, — дай-то Бог! —
Вторым Арджуной с детства воспитаю!

Когда ж его суровый час настанет,
Отцовскою стезею он пойдет,
Тогда, наверно, ты меня поймешь!

Сегодня только первый день знакомства —
Читрангодой зовусь, принцесса я!

А р д ж у н а

О, счастлив я и жизнь моя полна!

ДРАМЫ ТАГОРА

(1883—1892)

В огромном литературном наследии Рабиндраната Тагора драматургические произведения занимают особое место. Тагор создал более 30 драм, комедий, музыкальных пьес и трагедий, чрезвычайно разнообразных как по художественной форме, так и по содержанию. К драматургии Тагор обращался на протяжении всей своей жизни, продолжая и развивая лучшие традиции бенгальской народной драмы — джатры, а также бенгальской классической драматургии, наиболее крупными представителями которой являлись писатели второй половины XIX века — Майкл Модхушудон Дотто, Динобоидху Миттро, Гиришчондро Гхош. Так же как и в других литературных жанрах, в драматургии Тагор выступил новатором. В рамках традиционных сюжетов (например, в «Читрангоде») он смело ставил волновавшие его современников вопросы общественной и социальной жизни Индии.

Тагор всегда относился с большой взыскательностью к своим произведениям. Но ни романы, ни рассказы, ни стихотворения и поэмы не подвергал он такой постоянной и систематической переработке, как пьесы. По воспоминаниям сына Р. Тагора — Ротиндронатха, Тагор умудрялся изменять текст пьес даже во время репетиций, нередко приводя актеров в полное замешательство.

Особенно большим изменениям подвергались те драмы, которые Тагор сам переводил на английский язык. Как правило, при переводе он их сокращал и лишал зачастую той острой

социальной направленности, какой они отличались в оригинале. Значительным изменениям подверглись и переведенные Тагором на английский язык драмы «Возмездие природы», «Раджа и рани», «Жертвоприношение» и «Читрангода». Поэтому переводы этих драм с английского языка на русский, выполненные в конце 1910-х — начале 1920-х годов, во многом отличаются от переводов, представленных в настоящем томе и осуществленных непосредственно с бенгали.

Лирическую драму «Возмездие природы» Тагор написал в 1883 году во время пребывания в гостях у одного из своих старших братьев Шоттендронатха, занимавшего в Карваре (штат Майсор) должность судьи. Богатая природа Карвара, расположенного на берегу Аравийского моря, вдохновила молодого Тагора на создание ряда художественных произведений, в том числе и упомянутой драмы.

Как и его ранние драмы («Разбитое сердце», 1881; «Гений Вальмики», 1881; «Роковая охота», 1882), «Возмездие природы» включает в себе ряд важных моментов для понимания эволюции творчества писателя и его идейно-художественных взглядов.

«Эта пьеса, — писал впоследствии Тагор в «Воспоминаниях», — представляет собой нечто вроде вступления ко всем моим последующим произведениям. Мне кажется, это их единственная главная тема. Ее можно назвать — обретение бесконечного в конечном».

В «Возмездии природы» Тагор ставит чрезвычайно важный для Индии, духовная жизнь которой находилась под сильным гнетом религиозно-философских учений, вопрос о взаимоотношениях человека и природы. Он восстает против аскетизма и распространенного в Индии воззрения на мир как источник человеческих страданий. Согласно этому воззрению мир иллюзорен, а поэтому человеку следует отречься от всего земного, от всех привязанностей, уйти в себя, погрузиться в терпеливое самосозерцание, чтобы слиться с абсолютным духом и таким путем достичь своего спасения. Наиболее полное выражение это мировоззрение нашло в философской школе Веданты. Оно было в корне противоположно взглядам, которых придерживались в семье Тагоров.

Известно, что отец Тагора — Дебендронатх Тагор, являлся одним из руководителей религиозно-реформаторского общества «Брахма-Самадж», члены которого активно боролись с господ-

ствовавшим в Индии культом многобожия, идолопоклонства и различными догматами ортодоксального индуизма. Брахмасамаджисты выступали сторонниками поклонения единому и невидимому божеству, совершаемого путем чтения молитв и пения гимнов. Большое место в религии брахмасамаджистов отводилось человеку, как подлинному вершителю своей судьбы. Вот почему Тагору с юных лет прививалась любовь к жизни, природе, к человеку, и нет ничего удивительного в том, что впоследствии именно человек становится для него истинным объектом поклонения и почитания.

Всепобеждающую силу человеческой любви, ее конечное торжество над аскетической моралью и пессимистической мыслью о ничтожности и бренности мира сего раскрывает Тагор в поступках, действиях и психологических переживаниях одного из центральных персонажей пьесы — саньяси.

В начале пьесы мы видим саньяси, погруженного в мрачные думы, заглушившего в себе все человеческие чувства. Но вот случайно он встречается с девочкой-нищенкой, ничтожным и презираемым всеми существом. Несчастливая сирота пробуждает в нем, казалось, заглушенные желания и чувства, он не в силах оттолкнуть ее от себя и равнодушно пройти мимо.

Пробудившееся в нем участие к человеческой судьбе позволяет ему вновь увидеть чудесный мир природы.

Какое в мире совершилось чудо!
Уже в морские медленные волны
Спокойно канул вечер золотой.
Леса и доли укрывает ночь,
И только моря шум неутомный
Ночную нарушает тишину.

Саньяси сравнивает себя с одинокой ладьей, плывущей против течения. Вокруг — простые люди со своими заботами и печалью, большими и малыми радостями.

Кто трудится и свой окончил труд, —
Доволен малым и скорбит о малом, —
замечает он.

Так почему же я один поклялся
С мирским теченьем до конца бороться?

Преследуемый образом девочки-сироты, нуждающейся в его поддержке и покровительстве, саньяси нарушает свой обет и

устремляется к людям, в красочный и многообразный трудовой мир, в котором

Кто убирает рис, кто пашет землю,
Кто с песнею выходит на поля,
Кто рвет цветы для украшения храма,
Кто лодку, отвязав, пускает в волны;
Тот плавает, а этот тащит воду;
В пыли играют дети; на дороге
Между собой беседуют друзья.

Драматическая развязка «Возмездия природы» (смерть девочки-сироты) еще больше подчеркивает авторскую мысль: аскетизм — чужд человеческой природе.

Одной из характерных художественных особенностей «Возмездия природы» является то, что в отличие от ранних песен она написана в оригинальной форме сочетания стихотворного и прозаического текста.

Пьеса «Возмездие природы» никогда не ставилась на сцене.

Лето 1889 года Тагор вместе со своей женой Мриналини Деби и двумя маленькими детьми провел в Шолапуре, недалеко от Бомбея, где жил его брат Шоттендронатх. Здесь он пишет трагедию «Раджа и рани», которую публикует по возвращении в Калькутту, осенью того же года.

В основу содержания «Раджа и рани» легли события эпохи междоусобных войн индийских князей.

В образе раджи Джалондора — Бикромдеба Тагор рисует типичного феодала, сумасбродного и капризного, который в порыве ревности и пустого тщеславия может пойти на любые злодеяния, вплоть до убийства близкого ему человека. Опьяненный красотой своей жены — принцессы из Кашмира — Шумитры, он забрасывает государственные дела и целые дни проводит в любовных утехах в оптохпуре. Безвольному, опустошенному Бикромдебу, готовому покинуть трон и царство и отправиться следом за царицей, «влача любви оковы», Тагор противопоставляет волевою женщину, отважную Шумитру. Она всем сердцем любит мужа, но для нее долг махараджи и забота о его подданных превыше всего. Ее волнует судьба народа, который прозябает в нищете и голоде.

Мне было б очень горько убедиться,
Что я тебе дороже королевства.

откровенно и смело заявляет она мужу.

Конфликт между любовью и долгом, приводящий к трагической гибели Шумитры и Кумаршена, положен в основу взаимоотношений Илы — дочери раджи Тричуры и Кумаршена — наследного принца Кашмира, брата Шумитры.

Кумаршен — идеальный герой Тагора. Он правдив, мужествен, бесстрашен. Горячо, нежно любя прекрасную Илу, он, однако, немедленно оставляет ее, как только над родиной нависает грозная опасность войны. Молодой принц без колебания вступает в бой с врагом. Пытаясь загасить «злое пламя ада», которое сжигает Кашмир, он ценою своей жизни спасает свой народ от разгрома и поругания.

В диалогах и монологах действующих лиц трагедии нередко проскальзывают взгляды и настроение самого автора, осуждающего инопоземное господство и развенчивающего жречество и брахманство. О незваных пришельцах (в которых нельзя не усмотреть намека на английских колонизаторов), грабящих и опустошающих страну, развязывающих на ее территории жестокие и кровопролитные войны, с глубокой иронией отзывается жрец Дебдотто.

Хозяин снит, но разве это значит,
Что в дом вора́м залезть мешае́т совесть?
А что е́ще здесь дела́ть чужезе́мца́м?
Они свои́ пустые́ руки́ тянут
Зате́м ли, что́б благосло́влять несчастных?

Всеси́лие инопозе́мцев в кня́жестве в конце́ концов осознае́т даже́ сам ра́джа Бикромде́б, когда́, пытая́сь най́ти себе́ верного́ военача́льника, он ста́лкивае́тся с факто́м полно́го устраи́ения с высо́ких постов своих соотечественников.

Ожесто́ченным напа́дкам Та́гор подве́ргает предста́вителей жре́чества и брахма́нства. Драма́тург изображае́т их с самой отрица́тельной сторо́ны, как кова́рных врагов наро́да, строи́щих свое́ благополу́чие на горе́ и страда́ниях бедня́ков.

Подли́нное отноше́ние брахма́нов и жре́цов к трудо́вому наро́ду выра́жено в насме́шливых слова́х того́ же Дебдо́тто:

...Кто́ обде́лен был сча́стьем от рожде́нья,
Им к голо́ду да́вно б́ пора́ привы́кнуть.

Та́ким обра́зом, не́льзя не заме́тить, что́ тема́ совре́менно́сти нахо́дит в «Ра́дже и ра́ци» опреде́ленное и отве́тливое зву́чание.

Тагор уделяет в пьесе значительное внимание народу и отводит ему активную роль в происходящих событиях.

«Раджа и рани» считается одной из лучших бенгальских трагедий. Она отличается высокими сценическими достоинствами. Первая постановка ее состоялась в 1889 году в доме Шоттендронатха Тагора в Калькутте, при участии жены Тагора — Мриналини Деби в роли Нарайони. К концу того же года пьеса была поставлена калькуттским театром и с тех пор не сходит со сцены, пользуясь неизменным успехом у зрителя. С появлением этой трагедии за Тагором окончательно укрепилась слава талантливого драматурга.

Окрыленный успехом «Раджи и рани», Тагор в 1890 году создает новую пьесу — «Жертвоприношение». Пьеса была написана для домашнего любительского театра семьи Тагоров.

Сюжет драмы «Жертвоприношение» писатель частично заимствовал из своего романа «Раджа-мудрец», опубликованного в 1886 году, дополнив его новыми эпизодами и действующими лицами (жена раджи Гуноботи, девушка Опорна, советник Чандопал) и несколько изменив содержание.

Создавая роман «Раджа-мудрец» и драму «Жертвоприношение», Тагор черпал материал из исторических хроник княжества Трипура (Восточная часть Бенгалии), опубликованных в середине 30-х годов под названием «Раджамала». Из исторических лиц особый интерес драматурга вызвал раджа Трипуры — Гобиндо (XVII в.), который в хрониках изображен справедливым и гуманным правителем. Известно также, что в целях сохранения исторической достоверности Тагор обращался за дополнительными сведениями к семейному архиву современного ему правителя княжества Трипура. Все это позволило ему в лице раджи Гобиндоманикьо, его брата Нокхотрорая, царицы Гуноботи изобразить подлинно исторических деятелей.

Однако художественный замысел заставил Тагора поступиться некоторыми историческими деталями. Так, он внес изменения в характер борьбы и дворцовых интриг, имевших место в Трипуре в XVII веке, превратив Гобиндоманикьо в религиозного реформатора, каковым в действительности он не был.

Главных героев драмы «Жертвоприношение» можно разделить на две группы: фанатичные приверженцы кровавого культа жертвоприношений богине Кали (Гуноботи и жрец

Рогхупоти) и его противники (раджа Гобиндоманикьо и нищая девушка Опорна).

В центре борьбы между этими группами оказывается хранитель храма Кали, юноша Джойшингхо. Он сирота и с детства воспитывался при храме жрецом Рогхупоти.

Джойшингхо всем сердцем и душой предан своему господину и наставнику Рогхупоти, а его вера во всемогущую силу богини Кали слепа и непоколебима. Вот почему, когда Гобиндоманикьо решает запретить кровавые жертвоприношения в своем княжестве, Джойшингхо усматривает в этом не только нарушение древнего обычая, но и вторжение раджи в область религии, где власть жреца, по глубокому убеждению юноши, является нерушимой и неприкосновенной. Действия Гобиндоманикьо встречают отчаянное сопротивление и со стороны Рогхупоти, однако диктуется оно иными, весьма эгоистичными соображениями — сохранить во что бы то ни стало за собой привилегированное положение верховного жреца.

На глазах у Джойшингхо Рогхупоти подстрекает Нокхотрора к убийству своего старшего брата Гобиндоманикьо, обещая ему в дальнейшем царский трон. Этот заговор до глубины души потрясает Джойшингхо. Он начинает понимать, что его «непогрешимый» наставник несправедлив и жесток. Преодолению заблуждения Джойшингхо во многом способствовала нищая девушка Опорна, которая с горячностью молодого и чистого сердца раскрывает перед ним фальшь, лицемерие и ханжество проповедников религии. Постепенно один за другим тускнеют и рушатся идеалы Джойшингхо. Отчаявшись, он не в состоянии найти для себя иной выход, кроме смерти.

Неожиданная смерть Джойшингхо заставляет и Рогхупоти, питавшего к юноше отеческую привязанность, отвернуться от богини Кали. Так земные чувства, чувства любви и гуманности, скрытые по идее Тагора в душе каждого человека, в конце концов одерживают верх над слепым религиозным фанатизмом.

«Жертвоприношение» явилось одной из самых совершенных и популярных пьес Тагора. В ее многочисленных любительских постановках не раз принимал участие сам писатель, выступавший неизменно в роли Рогхупоти.

Актуальность этой пьесы была особенно велика для Индии 90-х годов XIX века. Как известно, в это время по всей стране усилилось движение ортодоксальных хиндуистов про-

тив каких бы то ни было попыток реформировать хипдуизм. В Бенгалии это привело к возрождению культа мощи, культа Шакти, почитаемой с древних времен в образе страшной богини Кали. Тагор отвергал шактизм, небезосновательно усматривая в нем зарождение вредных и опасных националистических настроений.

Первый черновой набросок лирической драмы «Читрангода» Тагор сделал осенью 1891 года в Ориссе. Год спустя после тщательной переработки он опубликовал ее в журнале «Шадхона». По просьбе писателя иллюстрации к драме выполнил его племянник Обониндронатх, ставший впоследствии выдающимся художником.

Сюжетом «Читрангоды» послужил один из эпизодов древнего индийского эпоса «Махабхарата» — встреча принцессы Читрангоды, дочери царя Читраваханы из Манипура, с мужественным и благородным Арджуной, одним из пяти Пандавов — героев «Махабхараты». Этот эпизод Тагор сумел психологически углубить и развернуть в целое драматургическое произведение, в котором на первый план выдвинул жизненную и современную для Индии проблему — проблему утверждения женщины как полноправного члена общества.

В Читрангоде воплотился тагоровский идеал новой индийской женщины, свободной от вековых предрассудков и условностей традиционной морали.

В 1936 году Тагор вернулся к «Читрангоде». Он написал к ней музыку и переработал сюжет для музыкальной драмы.

На советской сцене балет «Читра» по музыкальной драме Тагора был впервые осуществлен в 1960 году артистами Куйбышевского театра под руководством внучки Тагора — Нондиты Крипалаи.

В. Новикова

КОММЕНТАРИИ

СТИХИ

Стр. 10. Песнь битвы. *Раху* — согласно древним легендам, одна из девяти планет. Древние легенды считают Раху демоном. В одной из легенд рассказывается о том, как боги и демоны пахтали океан и получили амриту. Раху обманом проник в ряды богов и выпил божественного нектара. Солнце и Луна заметили это и сообщили Вишну. Вишну своим диском отсек Раху голову, но не смог лишить его бессмертия. Голова Раху продолжает носить имя Раху, а тело получило наименование Кету. За раскрытие своего обмана Раху враждует с Солнцем и Луной и, встретив их на своем пути, проглатывает их. Так древнее предание объясняет затмение. Демон Раху в индийской литературе символизирует силы зла.

Аруна (букв. «красный») — один из богов древнеиндийского пантеона, олицетворение зари, правит колесницей Солнца.

Стр. 12. Потерявший себя. *Амрита* — напиток бессмертия, амброзия или нектар, пища богов.

Стр. 22. Эхо. *Майя* — атрибут божественной субстанции, творческая сила, якобы создающая мир, который, будучи подвластен ей, имеет призрачное, нереальное существование.

Стр. 29. Йог. *Йог* — мудрец, ищущий путем размышлений и аскетических подвигов воссоединения с божественной первоосновой мира.

Веды — древнейшие памятники индийской литературы. Включают в себя четыре сборника (самхиты): Ригведа — гим-

ны богам, Самаведа — жертвенные песни, Атхарваведа — магические формулы, Яджурведа — обрядовые и жертвенные формулы. К ведам примыкают многочисленные комментарии: «Брахмаи» — описание ритуалов, легенды; «Араньяки» — размышления; «Упанишады» — комментарии к поэтическим гимнам и религиозно-философским идеям, заключенным в ведах. Веды составляют основу древнеиндийской ведической религии. Главный бог ведического пантеона — Индра.

Стр. 35. Заброшенный дом. *Джанхави* (букв. «дочь Джанху»). Джанху — имя легендарного мудреца, выпившего Гангу за то, что она помешала ему в момент жертвоприношения. После долгих просьб царя Бхагиратха Джанху дал Ганге вытечь из своего уха (по другим источникам — из чрева, из колена). Поэтому Ганга называется также Джанхоби или Джанхави.

Стр. 50. Забрел ненароком. *Чампак* (*Michelia champaka*) — дерево средней высоты. Оно в изобилии покрывается цветами желтого цвета, обладающими сильным ароматом.

Бокул или *бакул* (*Mimusops elengi*) — большое вечнозеленое дерево с красной древесиной; цветет в период дождей белыми цветами, очень нежными и ароматными.

Стр. 62. Прежде и теперь. *Бриндабон* (Вриндавана) — священная роща на берегу реки Джамуны, где бог Кришна предавался любовным утехам с пастушкой Радхой.

Радхика — уменьшительное от Радха.

Якша — добрый полубог. Согласно индийской мифологии, якши составляют свиту бога богатств Куберы и почитаются хранителями его сокровищ. В поэме великого индийского поэта Калидасы «Облако-вестник» («Мегхдут») рассказывается о том, как один из якш за некую провинность был изгнан из Алаки (столица царства Куберы) в леса Рамагири. Тоскуя в разлуке с возлюбленной, оставшейся в Алаке, он просит пролетающее мимо облако передать ей привет.

Кадамба (*Nauclea cadamba*) — большое вечнозеленое дерево с оранжевыми цветами, распускающимися в период дождей.

Павлиний пляс — пляски павлинов под гром из темных облаков — один из наиболее постоянных образов индийской поэзии при описании сезона дождей.

Срабон — пятый месяц нового бенгальского календаря; соответствует европейскому июлю — августу.

Стр. 68. Морские волны. *Васуки* — мифический царь змей из племени нагов, населяющих подземное царство. Во время пахтания океана боги и демоны обвязали Васуки как веревку вокруг горы Мандары.

Стр. 77. Слово мужчины. *Чакора* — большая черная куропатка, живущая в горных районах Индии. Согласно легендам, чакора любит луну и питается ее лучами.

Стр. 86. Молодая жена. *Гхат* — ступенчатый спуск к реке, пруду или озеру, где индийцы совершают омовения.

Стр. 89. Ожиданье. *Ашока* (*Gnosia asoke*) — большое вечнозеленое дерево. Ашока считается священным деревом, во время различных торжеств из его побегов делают гирлянды, которыми украшают дома и улицы. Ашока цветет мелкими белыми цветами.

Стр. 95. Безумные надежды. *Табла* — небольшой барабан.

Стр. 97. Подъем страны. *Бхишма*, *Дрона* — легендарные герои из героического эпоса «Махабхарата», известные своими воинскими доблестями.

Арийская душа (арья — благородный). — Ариями называли себя племена, завоевавшие территорию Северной Индии и противопоставлявшие себя дасью (раб) — исконному населению завоеванной территории. Бенгальцы причисляют себя к потомкам этих племен.

Хукка — особое приспособление для курения табака.

Стр. 104. Герой Бенгалии. В. А. and М. А. (*Bachelor of Arts and Master of Arts*) — ученые степени, получаемые при окончании среднего и высшего учебных заведений.

Ману (санскр. «человек») — в древнеиндийской космогонии прародитель человеческого рода. «Законы Ману» записаны брахманами в III в. до н. э. и содержат разделение общества на четыре касты и церемониал брахманского богочитания, Стро-

тое следование этим законам задерживало социальный прогресс Индии.

Священный шнур — шнур, который носят представители трех высших каст (брахманы, кшатрии, вайшьи). Каждая каста изготавливает этот шнур из особого материала. Шнур надевается через левое плечо и свисает до правого бедра.

Стр. 113. *Покинутой*. *Санайя* — духовой музыкальный инструмент.

Шастры — древние священные книги, в которых изложены обязанности индусов.

Стр. 115. *Борцы за религию*. *Курма*, *Сконда* — древние священные книги индусов.

Нарада, *Харит*, *Джагабалик* — легендарные святые мудрецы.

Карма (санскр. «деяние, дело») — учение, в соответствии с которым все добрые и злые дела, совершаемые любым существом, суммируются; положительный или отрицательный итог добрых и злых дел определяет последующую форму существования.

Дхарма — многозначное слово. Основные значения: добродетель, справедливость, нравственный закон.

Пураны (санскр. «древний») — памятники древнеиндийской литературы, посвященные божествам Вишну и Шиве. Написаны на санскрите. Пураны — наиболее живая и демократическая форма религиозно-эпической литературы. В отличие от вед чтение пуран разрешалось женщинам и представителям «низших» каст. Всего известно восемнадцать пуран.

Дхоти — индийская национальная одежда мужчин; кусок ткани, обертываемый вокруг бедер и спускающийся ниже колен.

Чадор — широкий плотный шарф, служащий в качестве накидки.

Хари — одно из имен бога Вишну.

Кришна — одно из земных воплощений бога Вишну.

Гаур — древнее название Бенгалии.

Стр. 122. *Новобрачные*. *Шефали* — разновидность цветущего растения.

Малоти — растение, цветущее ароматными мелкими белыми цветами.

Стр. 129. М е г х д у т. *Мегахдут* — см. примечание к стр. 62. *Ашар* (ашарх) — четвертый месяц нового бенгальского календаря; соответствует европейскому июню — июлю.

Джайдева (Джалдева) — известный поэт (XII в.), автор замечательной лирической поэмы о Кришне «Гитаговинда».

Гаури (букв. «Светлая») — имя богини Умы или Парвати, жены Шивы, бога-разрушителя, одного из божеств индуистской триады. Согласно пуранам, Шива имеет страшный облик. На голове у него река Ганга, надо лбом луна, на лбу третий глаз, на шее ожерелье из змей и гирлянда из отрубленных человеческих голов. Все тело Шивы покрыто пеплом. Вместо одежды он носит тигровую шкуру.

Лакшми — богиня счастья и красоты, супруга бога Вишну.

Сарасвати — название древней реки, которая многократно упоминается в древних памятниках индийской литературы.

Манас (Манассаровар) — название озера, расположенного на севере в Гималаях. Согласно легендам, озеро создано словом Брахмы. Оно отличается прозрачной водой и исключительными красотами своих окрестностей.

Стр. 133. К А х а л ь е. *Ахалья* — супруга мудрого отшельника Гаутамы, нарушавшая супружескую верность с богом Индрой. За этот грех Гаутама проклял ее. Ахалья была превращена на десять тысяч лет в камень. Когда пыль ног Рамы коснулась этого камня, Ахалья ожила. Суть легенды заключается в том, что, даже превращенная в камень, Ахалья сохраняет жизнь.

Стр. 149. С ы н р а д ж и и д о ч ь р а д ж и. *Фальгун* — двенадцатый месяц нового бенгальского календаря; соответствует европейскому февралю — марту.

Стр. 150. Х и н г , т и н г , ч х о т ! *Пандит* — почетное звание, присваиваемое ученым, прошедшим школу индийской классической науки.

Магадха, Кошала, Канчи — древние государства на территории Индии.

Анусвара, висарга — знаки санскритского алфавита.

Саньяси — отшельник, отказавшийся от мира, религиозный нищий. В древней Индии так называли индуся, достигшего

четвертого, последнего периода жизни (первый период — ученичество, второй — состояние домохозяйина, третий — уход в лес, четвертый — отречение от мира, аскетизм). Когда его дети вырастали и он видел «детей детей своих», он оставлял все мирские дела, удалялся в лес или уединенное место и, получив наставление от мудрых людей, совершив отречение (*sanyas*) от мира, предавался созерцанию брахмы (божественной первоосновы мира), устремив свои помыслы на соединение с ним. Саньяси обычно брил голову и жил только милостыней. В последующие века наряду с саньяси, отрекавшимися от мира в преклонном возрасте, появились и молодые отшельники, которые также стали называться саньяси. Таким образом, слово «саньяси» получило значение отшельник или бездомный нищий вообще, который отрекся от земных наслаждений и страстей.

Шрути («слушанье») — одно из названий вед. По представлениям индусов, веды не созданы поэтами, а услышаны ими.

Шмрити — вся литература, не входящая в состав шрути. Древнейшими памятниками, которые охватываются понятием шмрити, являются сутры, регулирующие совершение обрядов.

Пуруша (букв. «муж»). — В индийской философии термин «пуруша» обозначается божественная субстанция. Впервые этот термин в своем философском значении выступает в «Ригведе», в знаменитом гимне «Purusasukta» (Ригведа, X, 90), где вся вселенная представлена как проявление пуруши. Особенно большое значение имеет пуруша в философии санкхья, создателем которой почитается риши (мудрец) Капила. Согласно этой системе, пуруша не является творцом, он отличен от природы и познается лишь внутренним опытом. Пуруша лишен атрибутов, свойственных природе (пракрити).

Стр. 161. Не отпущу тебя. Праздник Пуджи («Дурга Пуджа») — отмечается ежегодно в светлую половину месяца ашвин (сентябрь — октябрь). Существует легенда, которая рассказывает о том, что в эти дни Дурга покидает дом своего мужа (бога Шиву) и приходит к родителям.

Джанхави — см. примечание к стр. 35.

Стр. 166. К морю. *Махендра* («Великий Индра») — одно из имен бога Индры.

Стр. 177. Д ж а м у н а с е р д ц а. *Джамуна* — название реки; согласно пуранам, Джамуна (Ямуна) дочь Солнца, сестра бога Ямы, вследствие проклятья превратилась в реку. Всякий, кто искупается в ней, становится бессмертным.

Стр. 185. В е н ч а н и е л ю б о в ь ю. *Дамаянти верная с Налем...* — Сказание о Нале и Дамаянти, весьма популярное в Индии, является одним из древнейших эпизодов, включенных в «Махабхарату». Оно вошло и в сокровищницу русской литературы в переводе В. А. Жуковского. Преданность Дамаянти Налу считается образцом супружеской верности.

Сакунтала (Шакунтала) — дочь небесной девы, апсары Менаки, супруга царя Душьянты. В знаменитой драме Калидасы «Сакунтала» рассказывается о любви царя Душьянты к простой девушке Сакунтале.

Пурураваса — имя царя, считавшегося основателем лунной династии, влюбленного в небесную деву Урваши. В силу проклятья святых Митры и Варуны Урваши должна была сойти на землю, где она стала женой царя Пуруравасы. Этот сюжет составляет основу драмы Калидасы «Викраморваши», которая переведена Бальмонтом на русский язык под названием «Мужеством добытая Урваси».

Храм Махеша. — Махеш — одно из имен бога Шивы.

Фальгуни — одно из имен Арджуны — героя «Махабхараты».

Субхадра — сестра Кришны, похищенная Арджуной и ставшая его женой.

Парвати — см. примечание к стр. 129 «Гаури».

Мандакини — согласно пуранам, та часть реки Ганги, которая протекает на небесах. Небесная Ганга.

Стр. 193. С т а р ы й с л у г а. *Панда* — человек, сопровождающий богомольцев во время их паломничества к святым местам.

Брадж — местонахождение Бриндабона (см. примечание к стр. 62).

Стр. 200. Д в а б и г х а з е м л и. *Яма* — бог преисподней, бог посмертного правосудия. В ведическое время Яма был богом, царствовавшим на юге. В более поздний период он сделался богом смерти. По верованиям индусов, после смерти

любого существа, посланцы Ямы приводят в нему душу умершего. Яма подводит итог всех добрых и злых дел, совершенных умершим в предшествующих рожденьях, и определяет форму последующего рождения.

Стр. 203. Песня о городе. *Брахман, кшатрий, вайшья, шудра* — представители четырех основных каст Индии.

Жертвенный конь. — Жертвоприношение ашвамедха (ашва — конь) имел право совершать только неоспоримый владыка мира. Перед тем, как принести коня в жертву, его выпускали на волю. За ним следовали воины. Земли, в которые вступал конь, должны были быть подчинены его владельцу. Только после этого коня убивали и его жир приносили богам.

Стр. 208. Урваши. *Урваши* — см. примечание к стр. 185. Пурураваса.

Сачи — супруга бога Индры.

Апсары — небесные девы и танцовщицы. Термин «апсара» значит «вышедшая из воды». Апсары названы так потому, что, согласно легендам, они вышли из воды, как одно из четырнадцати сокровищ, когда боги и демоны пахтали океан.

Стр. 215. На берегу моря. *Поуш* — десятый месяц по вого индийского календаря; соответствует европейскому декабрю—январю.

Две Дурги на львах косматых. — Согласно легендам, Дурга — богиня-мстительница, восседает на льве.

Кирати — женщина из племени кират. Кираты — одно из диких племен, населявших леса древней Индии.

Стр. 232. Карма. *Карма* — см. примечание к стр. 115.

Стр. 240. Метафора. *Мантры* — священные стихи и формулы из ведических гимнов, имеющие якобы магический смысл и употребляющиеся как заклинания.

Стр. 248. Засуха. *Бойшахх* — второй месяц нового бенгальского календаря — месяц пыльных бурь; соответствует европейскому апрелю—маю.

Стр. 251. Калидасе. *Умапоти* — одно из имен бога Шивы, супруга богини Умы.

ДРАМЫ

ВОЗМЕЗДИЕ ПРИРОДЫ

Стр. 263. *Равана* — могущественный десятиглавый демон, царь Ланки (Цейлон); обладал силой противостоять всем богам и демонам, но погиб от руки Рамы.

Стр. 264. *Гуру* — учитель, духовный наставник.

Совершить пронам — низко поклониться, коснувшись правой рукой ног приветствуемого (при встречах или расставаниях): при выражении особого уважения или почтения — простереться ниц, вытянув вперед руки.

Стр. 267. *Богиня Деви* — одно из самых почитаемых божеств в Бенгалии. Она же Дурга, Кали, Гаури, Парвати, Ума и т. д.

Я черный знак на лбу твоём поставлю... — Черный знак (каджал) — знак, который ставится копотью или сажей на лбу; по представлениям индусов, он охраняет от житейских невзгод.

Стр. 273. *Браслет из ракушек*. — По обычаю, существующему в Индии, вдова не имеет права носить украшения.

Стр. 275. *Денки* — педаль рисоочистительной машины.

Стр. 295. *Рамаяна* — великая древнеиндийская эпическая поэма. Основное ядро ее было создано в IV в. до н. э. В поэме описываются жизнь и подвиги мифического индийского героя Рамы и его жены Ситы. «Рамаяна» состоит из 7 книг и 24 тыс. двустиший, переведена на все важнейшие языки Индии и многие европейские, в том числе и на русский.

Стр. 296. *Сардар* — должностное лицо; глава, вождь, военачальник.

РАДЖА И РАНИ

Стр. 304. *Панини* (IV или V в. до н. э.) — известный индийский ученый, автор грамматики санскрита.

Стр. 307. *Бхортрихори* (V—VI в. н. э.) — известный поэт, автор комментариев к грамматике Панини.

Стр. 309. *Как Вишну, тело Сати расчленивший...* — *Сати* — жена бога Шивы. Когда ее отец, Дакша, смертельно обидел Шиву, Сати не могла перенести этого и попросила бога Вишну убить ее, разрубив на части.

Стр. 311. *Дада* — старший брат.

Ланка — мифическое наименование острова Цейлон.

Кауравы — Кауравы и Пандавы — два царских рода, между которыми состоялась великая битва, воспетая в поэме «Махабхарата».

Бали — легендарный царь демонов. Бали славился своей справедливостью и щедростью. Боги не могли одолеть его. По их просьбе Вишну воплотился в образе карлика и попросил у царя Бали три шага земли. Бали удовлетворил его просьбу. Тогда Вишну принял свой гигантский образ. Один его шаг был в преисподней, другой на земле, третий на небесах. Таким образом Бали потерял власть над тремя мирами.

Стр. 320. *Канса, Каланеми* — имена одного из демонов, ближайшего родственника царя Раваны.

Стр. 340. *Дакша* (букв. «способный») — имя божества, олицетворяющего творческую силу; согласно преданиям, является отцом Сати — супруги Шивы.

Стр. 340. *Гора Кайлас* — одна из вершин Гималаев, на которой, согласно пуранам, живет Шива.

Стр. 348. *Пара туфель Рамы времен Бхараты*. — Существует легенда, которая рассказывает о том, как Рама по наговору своей мачехи был вынужден покинуть царство отца, а его брат Бхарата поставил пару туфель Рамы на трон в знак того, что трон не будет занят.

Стр. 368. *Камадев* (Камадева) — бог любви, Эрос индийской мифологии; вооружен цветочным луком и цветочными стрелами; ездит на кокиле (индийская кукушка). Его неизменным спутником и союзником является Васанта (Весна).

Дрона — см. примечание к стр. 97.

Дхумролочон — один из героев «Махабхараты», известный своей смелостью.

Кали — богиня зла и разрушения.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Стр. 403. *Сита* — супруга Рамы, дочь царя Митхилы. Буквальное значение слова «сита» значит «борозда». Такое имя Сита получила потому, что она почитается дочерью богини Земли и родилась из борозды, которую ее отец, царь Джанак, сам провел во время пахоты.

Стр. 418. *Махамайл* — одно из имен богини Дурги.

Стр. 420. *Гирипондини* — «дочь гор» — одно из имен богини Дурги.

Стр. 428. *Четверорукая* — богиня Кали.

Стр. 471. *Ассам* — древнее княжество на территории северо-восточной Индии.

Стр. 492. *Шакти* — сила, одно из имен богини Дурги.

Стр. 494. *Рама* и *Сита* — герои эпоса «Рамаяна».

ЧИТРАИГОДА

Стр. 505. *Мадапа* (Мадан) — одно из имен бога любви Камадевы.

Васанта (Васант) — бог весны, постоянный спутник бога любви Камадевы или Камнадевы.

Стр. 508. *Куру* — один из царей лунной династии, положивший начало роду Кауравов, героев «Махабхараты».

Партха (букв. «сын Притхи», то есть Кунти, старшей супруги Пауду) — имя, относящееся к каждому из ее сыновей, особенно к Арджуне. Он же носит имя Каунтея от матери Кунти и Паурава от отца Пуру.

Стр. 510. *Ананга* («бестелесный») — одно из имен бога любви Камадевы.

Стр. 513. *Канчи* — разновидность сари, национальной женской одежды.

Стр. 515. *Гандива* — название лука Арджуны.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Р. Тагор (1877) — портрет, выполненный братом Р. Тагора Джотириндронатхом Тагором.

Рабиндранат Тагор со своим другом Локендронатхом Палитом (1880).

Р. Тагор (1891).

Шантиникетон.

Лодка Р. Тагора на реке Падме. Здесь были написаны стихи, вошедшие в книгу «Сбор урожая» («Чойтали»).

Р. Тагор в роли Вальмики (драма «Гений Вальмики»).

Страница из рукописи драмы Р. Тагора «Нолини».

Р. Тагор (1896?).

Р. Тагор в роли Джойшингхо (драма «Жертвоприношение»).

Сцена из драмы Р. Тагора «Читрангода».

Арджуна — рисунок индийского художника Нондолала Бошу.

Сцена из музыкальной драмы «Читрангода».

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

1881—1896

Из книги

«ВЕЧЕРНИЕ ПЕСНИ»

(«Шонддха шонгит»)

1881

Ночь. Перевод Д. Голубкова	7
Песнь битвы. Перевод Д. Голубкова	10
Потерявший себя. Перевод Д. Голубкова	12

Из книги

«УТРЕННИЕ ПЕСНИ»

(«Пробхат шонгит»)

1882

Пробуждение потока. Перевод Н. Подгоричани	16
Праздничное утро. Перевод Н. Подгоричани	18
Бесконечная смерть. Перевод Н. Подгоричани	19
Эхо. Перевод Н. Подгоричани	21

Из книги

«КАРТИНЫ И ПЕСНИ»

(«Чхоби о ган»)

1883

Одна. Перевод М. Петровых	25
В деревне. Перевод М. Петровых	27

Пог. Перевод М. Петровых	29
Любовь Раху. Перевод М. Петровых	31
Заброшенный дом. Перевод М. Петровых	34

И з к н и ж и

«ДЛЕЗЫ И БЕМОЛИ»

(«Гори о комол»)

1886

Жизнь. Перевод Н. Воронель	36
Конец весны. Перевод Д. Голубкова	37
Дыхание песни. Перевод Н. Воронель	38
Грудь. Перевод Д. Голубкова	39
Поцелуй. Перевод Д. Голубкова	41
Руки. Перевод Д. Голубкова	42
Пленный. Перевод Д. Голубкова	43
Зачем. Перевод Д. Голубкова	44
Иллюзия. Перевод Д. Голубкова	45
Мираж. Перевод Н. Воронель	46
Земле бенгальской. Перевод Н. Воронель	47
Бенгальцу. Перевод Д. Голубкова	48

И з к н и ж и

«ОБРАЗ ЛЮБИМОЙ»

(«Маноти»)

1890

Забрел ненароком. Перевод С. Мар	49
Разочарование. Перевод Н. Стефановича	51
Надежда опустошенного сердца. Перевод Н. Стефановича	53
Тщетное желание. Перевод Н. Подгоричани	56
Разлука приносит покой.. Перевод Н. Стефановича	59
Прежде и теперь. Перевод Т. Спендиаровой	61
Желание. Перевод Н. Стефановича	63
Встреча со смертью. Перевод Т. Спендиаровой	65
Морские волны (Написано по случаю гибели лодок с паломниками у г. Пури). Перевод Н. Стефановича	68

Слово женщины. Перевод А. Сендыка	72
Слово мужчины. Перевод А. Сендыка	76
В пустом доме. Перевод Н. Стефановича	81
Усталость. Перевод Н. Стефановича	83
Расставанье. Перевод Н. Стефановича	84
Молодая жена. Перевод Н. Стефановича	86
Ожиданье. Перевод Т. Спендиаровой	89
Безумные надежды. Перевод В. Микушевича	93
Подъем страны. Перевод В. Микушевича	97
Герой Бенгалии. Перевод В. Микушевича	103
К поэту. Перевод Н. Стефановича	107
Покинутый. Перевод В. Микушевича	111
Борцы за религию (Из газет). Перевод В. Микушевича	115
Новобрачные. Перевод Т. Спендиаровой	120
В давние времена. Перевод Н. Подгоричани	124
Вечная любовь. Перевод Н. Стефановича	125
Сомнение. Перевод С. Мар	127
«Мегхдут» («Облако-вестник»). Перевод С. Мар	129
К Ахалье. Перевод С. Северцева	133
Мое счастье. Перевод Н. Стефановича	136

И з к н и г и

«ЗОЛОТАЯ ЛАДЬЯ»

(«Шонар торп»)

1893

Золотая ладья. Перевод А. Ревича	138
Вечерами в детстве... Перевод С. Северцева	140
Сын раджи и дочь раджи (Сказка). Перевод С. Северцева	142
«Хинг, тинг, чхот!» (Сновиденье). Перевод Г. Ярославцева	150
Пробный камень. Перевод А. Ревича	156
Две птицы. Перевод С. Северцева	159
Не отпущу тебя. Перевод А. Ревича	161
К морю (На побережье, неподалеку от Пури). Перевод А. Ревича	166
Храм. Перевод З. Миркиной	169
Непостижимое. Перевод З. Миркиной	172
На качелях. Перевод А. Ревича	174

Джамуна сердца. Перевод С. Северцева	177
Нищая. Перевод З. Миркиной	179
Путешествие в никуда. Перевод З. Миркиной	180

И з к н и г и

«ПЕСТРОЕ»

(«Читра»)

1895

Счастье. Перевод С. Шервинского	183
Венчание любовью. Перевод С. Шервинского	185
Верни меня. Перевод А. Сендыка	188
Старый слуга. Перевод А. Сендыка	193
Два бигха земли. Перевод А. Сендыка	197
Песня о городе. Перевод А. Сендыка	202
Полнолуние. Перевод С. Шервинского	206
Урваши. Перевод С. Шервинского	208
Прощанье с небом. Перевод С. Шервинского	211
Окончен день. Перевод А. Сендыка	215
Джибондебота («Божество жизни»). Перевод А. Сендыка	217
Через сто лет. Перевод А. Сендыка	219
На берегу моря. Перевод А. Сендыка	221

И з к н и г и

«СБОР УРОЖАЯ»

(«Чойтали»)

1896

Отречение. Перевод В. Тушиновой	225
Полдень. Перевод В. Тушиновой	226
В деревне. Перевод В. Тушиновой	228
Обыкновенный человек. Перевод В. Тушиновой	229
Жизнь драгоценна. Перевод В. Тушиновой	230
Переправа. Перевод В. Тушиновой	231
Карма. Перевод В. Тушиновой	232
К цивилизации. Перевод В. Тушиновой	233
Старшая сестра. Перевод В. Тушиновой	234
Приятель. Перевод В. Тушиновой	235
Падма. Перевод В. Тушиновой	236
Цени любви. Перевод В. Тушиновой	238

Мать Бенгалия. Перевод Ё. Тушновой	239
Метафора. Перевод В. Тушновой	240
Чужая одежда. Перевод В. Тушновой	241
Образ любимой. Перевод В. Тушновой	242
Женщина. Перевод В. Тушновой	243
Не вовремя. Перевод В. Тушновой	244
Песня. Перевод В. Тушновой	245
Конец года. Перевод В. Тушновой	247
Засуха. Перевод В. Тушновой	248
Непознанный мир. Перевод В. Тушновой	249
Я плыву по реке... Перевод В. Тушновой	250
Калидасе. Перевод В. Тушновой	251
Прощай. Перевод В. Тушновой	252

ДРАМЫ
1883—1892

Возмездие природы. Перевод М. Кафитиной	255
Раджа и рани. Перевод А. Горбовского	299
Жертвоприношение. Перевод С. Цырича	415
Читрангода. Перевод М. Кафитиной	501
В. Новикова. Драммы Тагора (1883—1892)	541
Комментарии	551
Список иллюстраций	562

Рабиндранат Тагор
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ 2

Редакторы

М. Кафитина и Г. Ярославцев

Художественный редактор Г. Клодт

Технический редактор В. Овсеевко

Корректоры: Р. Пунга и А. Юрьева

✱

Сдано в набор 14/VIII 1961 г.

Подписано в печать 25/I 1962 г.

Бум. $84 \times 108^{1/32}$. 17,75 печ. л. = 29,11 усл.

печ. л. 22,61 уч.-изд. л. + 12 вкл. = 23,21 л.

Тираж 100 000. Зак. № 2772. Цена 1 р. 10 к.

Гослитиздат

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

✱

Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УПП Ленсовнархоза.

Ленинград, Измайловский пр., 29.

